ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (27)
2026

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (27)
2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БУРАВЧЕНКО Валерий Павлович – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

БУРНОСОВ Игорь Лаврентьевич – полковник, член Совета ветеранов военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович– генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУДРЯВЦЕВ Николай Иванович, генерал-майор, ветеран военной разведки;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – проректор МГИМО МИД РФ по финансово-экономическим вопросам;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МАКАРУК Михаил Маркович, генерал-майор, кандидат военных наук, ветеран военной разведки;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович — генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук:

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОЗНЯКОВ Иван Иванович, полковник, ветеран военной разведки;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, председатель Совета ветеранов военной разведки;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич — генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

САРЫГИН Сергей Алексеевич, генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

СПИРИДОНОВ Сергей Александрович, капитан 1-го ранга, ветеран военной разведки

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ХИЛЬКО Борис Витальевич – полковник, кандидат исторических наук, ветеран военной разведки;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУБАРОВ Александр Сергеевич, генерал-майор, ветеран военной разведки;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:
Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов Военно-воздушных сил

Главный редактор:
Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:
Ирина Васина

E-mail: info@вославу.рф
www.вославу.рф

Содержание

★ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Владимир Стрюков

К 85-летию начала Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков 4

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

«Мы можем быть вам полезны» 28

П. А. Судоплатов

Советская разведка в Испании 39

Памяти В. М. Измайлова 52

★ ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Ю. Н. Жуков

Первый пятилетний план индустриализации СССР 53

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Б. Д. Христофоров

Подводные ядерные взрывы 62

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

М. Н. Кожевников

Действия советской авиации осенью и зимой 1941 г. 72

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

И. С. Исаков

Общая обстановка и характер войны на море 83

★ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ АРМИИ

М. И. Мельтюков

Белорусский особый военный округ 92

★ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Ю. В. Емельянов

Академия Гражданской войны 104

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

Спецслужбы Александра III 123

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

За что И. В. Сталин выселил крымских татар? 138

★ АРХИВНЫЕ БОЕВЫЕ ДОКУМЕНТЫ — ОПЕРАТИВНЫЕ ДИРЕКТИВЫ, БОЕВЫЕ ПРИКАЗЫ, РАСПОРЯЖЕНИЯ, ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА МИД, НКВД И ДР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР 148

★ ИСТОРИЯ РОДОВ ВОЙСК

Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне 150

★ ТЫЛ РУССКОЙ АРМИИ

Тыл Красной Армии в первый период войны 166

★ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ

Анатолий Кошкин

Цели халхингольской авантюры 187

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Р. И. Косолапов, В. Д. Молчанов

Беседы с идеологами 198

★ КОРНИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА

Н. И. Ульянов

Происхождение украинского сепаратизма 212

★ РОССИЯ И КИТАЙ

В. И. Чуйков

Главный военный советник Чан Кайши 225

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Владимир Бушин

Дети Кукурузника 239

В. Кожинов

Лакейство интеллигенции . 247

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

К 85-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

В воскресенье, 22 июня 1941 г. — самая трагическая дата в памяти народов нашей страны. На рассвете этого дня фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны, нанесла по Советскому Союзу удар огромной силы. Её авиация произвела массированные налеты на Мурманск, Каунас, Минск, Киев, Одессу, Севастополь, на железнодорожные узлы, аэродромы, районы расположения войск. После авиационной и артиллерийской подготовки ударные группировки немецко-фашистских войск стали развивать наступление на широком фронте от Балтийского до Черного морей. Вместе с фашистской Германией в войну против Советского Союза вступили Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия, Словакия, Хорватия. Началась неспровоцированная агрессия.

В 5 часов 30 минут утра этого дня В.М. Молотов вызвал посла Германии в СССР Шуленбурга В.Ф. и выразил резкий протест: «От имени Советского правительства должен заявить, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. В четыре часа утра германская авиация произвела нападение на СССР без всякого повода и причины. Всякую попытку со стороны Германии найти повод к нападению на СССР считаю ложью

▲ 22 июня 1941 г.

или провокацией. Тем не менее факт нападения налицо».

22 июня в полдень московское радио передало Обращение Коммунистической партии и Советского Правительства к народам нашей многонациональной страны. В нем подчеркивалось, что нападение гитлеровской Германии на СССР явилось беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством, содержался призыв к тесному сплочению, единству, самоотверженности в борьбе с захватчиками. Обращение заканчивалось словами И. В. Сталина: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Великая Отечественная война была справедливой, освободительной войной советского народа за свободу и независимость Социалистической Родины против фашистской Германии и её союзников.

Великая Отечественная война занимает особое место в истории нашего государства. Она явилась небывалым по своей жестокости испытанием всех материальных и духовных сил Советского Союза и стала самой суровой проверкой боевых качеств Красной Армии и Военно-Морского флота. Народы СССР самоотверженно защищали свой общий дом, свою Родину от нашествия гитлеровской Германии и ее союзников по фашистскому блоку.

В период смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной, на её защиту встали представители всех наций и народностей, населяющих СССР. Их национальные и религиозные различия не стали препятствиями к единению. В рядах вооруженных защитников Отечества вместе сражались православные и мусульмане, иудеи и буддисты... В церквах, мечетях, синагогах, храмах прихожане молились за свободу родной земли.

Митрополит Московский и Коломенский, глава Русской Православной церкви Сергий в первый день войны выступил с обращением к пастырям и верующим. «Фашистские разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью Родины...

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении... Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере...»

Забегая вперед, следует отметить, что на средства, собранные верующими, рабочие танкового завода Челябинска построили 40 танков Т-34, общецерковную танковую колонну им. Дмитрия Донского. За войну по приходам собрано более 200 млн. рублей на нужды фронта.

Война была развязана германским фашизмом — ударной силой мирового империализма, стремившегося уничтожить СССР — первое в мире социалистическое государство.

По своим масштабам и стратегическому значению четырехлетняя битва на советско-германском фронте стала главной составной частью II мировой войны, так как основная тяжесть борьбы с немецко-фашистской агрессией выпала на долю нашего государства. В исторических сражениях под Москвой и Ленинградом, под Сталинградом и на Курской дуге, на Днепре и в Белоруссии, в Прибалтике и Восточной Пруссии, в странах Юго-Восточной, Центральной и Северной Европы Советские Вооруженные Силы нанесли врагу решающие поражения.

Много лет прошло после окончания II мировой и Великой Отечественной войн. Однако не прекратились попытки исказить правду об этих войнах, о роли в них Советского Союза. Вопреки элементарной логике, наши недруги на Западе стараются изобразить Советский Союз главным виновником войны, якобы первым сосредоточившим на западной границе мощную группировку для наступления на Германию, чем, дескать, он и спровоцировал упреждающий удар Гитлера.

Ход событий того времени, исторические факты и документы полностью опровергают их лживые суждения о вынужденном характере начала войны со стороны гитлеровцев, свидетельствуют об их несостоятельности, фальсификации и надуманности.

Гитлер на секретном совещании руководящего состава вермахта 14 августа 1939 г. заявил: «Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны». 22 июля 1940 г. на совещании с высшим командным составом армии со всей определенностью заявил: «Русские не хотят войны».

31 июля 1940 г. Гитлер официально сообщил высшему генералитету о своих планах войны против Советского Союза. «Начало — май 1941 г. Продолжительность операции — 5 месяцев. Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не подходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель — уничтожение жизненной силы России».

7 июня 1941 г. германский посол сообщал в Берлин, что Сталин и Молотов, по наблюдениям сотрудников посольства, делают все, чтобы избежать военного конфликта с Германией. В разведсводке Генштаба сухопутных войск рейха от 13 июня 1941 г. говорилось, что «со стороны русских... как и прежде, ожидаются оборонительные действия». Гитлер в беседе с германским послом в СССР накануне войны выразил недовольство тем, что Советский Союз невозможно даже «спровоцировать на нападение».

Выдумка о превентивной войне фашистской Германии преследовала две цели; во-первых, придать нападению на Советский Союз хоть какую-то видимость морального оправдания, во-вторых, спекуляцией на антикоммунизме попытаться привлечь на свою сторону западные

державы в качестве союзников для разбойничьего «похода на Восток».

Руководитель прессы третьего рейха Фриче, привлеченный после войны к ответственности вместе с другими нацистскими преступниками, в своих показаниях на Нюрнбергском процессе свидетельствовал о том, что он организовывал после нападения Германии на СССР широкую кампанию антисоветской пропаганды, стараясь убедить общественность в том, что в начавшейся войне повинен Советский Союз, а не Германия. «Должен, однако заявить, что никаких оснований к тому, чтобы обвинить Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было. В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами большевизма». ... «Я всегда говорил, что наша вина в развязывании войны против западных держав равнялась примерно 50 процентам, потому что все-таки они являлись авторами Версальского договора. Но наша вина в войне против Востока — стопроцентная. Это была коварная и неспровоцированная агрессия».

В войне против СССР немецко-фашистское руководство ставило целью ликвидировать социальный и политический строй советской страны, восстановить власть помещиков и капиталистов, уничтожить государственную самостоятельность советских народов и превратить их в рабов германских господ, захватить богатства СССР. Разгром Советского Союза германские империалисты рассматривали как важнейший этап на пути завоевания мирового господства.

Гитлеровское руководство шаг за шагом целеустремленно готовило агрессию против СССР. Гитлер отлично знал о неготовности СССР к войне летом 1941 г. Однако он учитывал, что в дальнейшем условия для нападения на Советский Союз станут менее благоприятными. Если бы Гитлер в самом деле был убежден (на основе неопровержимых факторов), что Советский Союз изготовился для превентивного удара и располагал для этого необходимыми силами, то не решился бы предпринять агрессию против Советского государства.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо проанализировать состояние вооруженных сил СССР и Германии на тот момент. Поскольку вооруженные силы всегда были, есть и будут главным орудием войны, уровень их боеспособности, боевой мощи является основным, решающим критерием готовности государства или коалиции государств к войне.

Боеспособность, боевая мощь армии и флота характеризуются несколькими составляющими, основными из которых являются:

- боевой и численный состав армии и флота;
- количество и качество вооружения и боевой техники, находящихся на оснащении войск;
- наличие и качество организационных структур, обеспечивающих использование боевых возможностей армии и флота в войне;
- качество командных кадров.

Все эти составляющие боеспособности армии и флота выражают их потенциальные возможности выполнять перед ними задачи на войне.

▲ Дети войны

▲ Разбитые танки врага

Все они тесно взаимосвязаны между собой и требуют рассмотрения в едином комплексе. Боеспособность вооруженных сил не является категорией абстрактной. Она непременно должна оцениваться в сравнении с соответствующими компонентами боеспособности вооруженных сил противника. При этом в случае участия в войне коалиционных группировок войск и сил флота, особенно на одних и тех же театрах военных действий, оценка боеспособности вооруженных сил делается с учетом совокупной мощи армий союзников.

Опираясь на обильную помощь американских и английских монополий и недальновидную политику поощрения германской агрессии со стороны буржуазных правительств западных стран, фашистская Германия создала огромный военно-экономический потенциал. Военное производство с 1934 по 1940 г. увеличилось в 22 раза. В 35 раз (с 105 тыс. до 3 755 тыс. чел.) возросла численность германских вооруженных сил.

Готовясь к нападению на Советский Союз, фашистское руководство использовало не только экономическую и военную мощь Германии, но и людские и экономические ресурсы многих стран Европы. Кроме оккупированных ранее государств, за год и девять месяцев до июня 1941 г. только присоединенные к Германии территории увеличились на 217 тыс. кв. км, а население возросло более чем на 27 млн. человек.

Вермахт, таким образом, получил с военной техникой и материальными запасами 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских. 6 норвежских и ряд других дивизий. Несколько немецких соединений были оснащены трофейной, преимущественно французской автомобильной техникой, только во Франции было захвачено 3 тыс. самолетов и свыше 3,5 тыс. танков. Всего в оккупированных странах захвачено военной техники на 150 дивизий.

В ходе подготовки к нападению на СССР фашистская Германия существенно обновила вооружение и технику. Из войск почти полностью были изъяты устаревшие танки. а на других боевых машинах установлены были пушки большего калибра. Шло активное создание новых образцов военной техники.

Германия также сумела создать для себя выгодное стратегическое положение. Этому способствовали ослабление Англии, разгром Франции и поражение ряда других европейских государств. Оккупировав Чехословакию и разгромив польские вооруженные силы, Германия получила возможность развернуть ударные группировки в непосредственной близости к границам Советского Союза в полосе предстоящего наступления, обеспечены были также и фланги на севере и юге.

Фашистское военное командование в основу своего стратегического замысла войны против СССР положило идею проведения сокрушительных молниеносных ударов на широком фронте и на большую глубину. Разгром Советских Вооруженных Сил планировалось осуществить в короткие сроки — в течение 5-6 месяцев.

Вооруженные силы фашистской Германии перед нападением на Советский Союз насчитывали 8,5 млн. человек. В сухопутных вой-

ских (5,2 млн. человек) имелось 179 пехотных и кавалерийских, 35 моторизованных и танковых дивизий и 7 бригад. Из них были развернуты против СССР 119 пехотных и кавалерийских (66,5 %), 33 моторизованных и танковых (94.3 %) дивизий и 2 бригады. Кроме того, у границ Советского Союза приводились в боевую готовность 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии — Финляндии, Венгрии и Румынии. Всего в восточной группировке войск фашистской Германии и ее союзников насчитывалось 5,5 млн. человек, 47,2 тыс. орудий и минометов, 4,3 тыс. танков и около 5 тыс. боевых самолетов.

Группировка войск (сил) противника, сосредоточенная у границы с СССР, превосходила советские войска западных военных округов по личному составу в 1,9 раза, по тяжелым и средним танкам — 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов — в 3.2 раза.

Следует учесть также, что количество соединений, имевшихся в вооруженных силах СССР и Германии перед началом войны, не отражает в полной мере действительного соотношения сил сторон. Выдвинутые к западным границам СССР немецкие дивизии были полностью укомплектованы по штатам военного времени (14-16 тыс. человек в пехотной дивизии). Советские же стрелковые дивизии встретили войну с большим некомплектом личного состава и боевой техники. Подавляющая часть стрелковых дивизий при штатной численности 14,5 тыс. человек фактически имела по списку от 5-6 до 8-9 тыс. человек. Наиболее слабой их стороной была низкая оснащенность средствами связи, противотанковой и противовоздушной обороны.

Важнейшей составной частью боеспособности являются количество и качество вооружения и военной техники. Ударные и маневренные возможности войск, разнообразие и эффективность применяемых ими способов боевых действий обуславливаются уровнем их технической оснащенности. Перед нападением на СССР после кампаний в Западной Европе и Польше на оснащении германского вермахта были оставлены образцы вооружения и техники, показавшие наилучшую эффективность в боевых действиях, проведена модернизация ряда выпускавшихся видов вооружения, вся техника отремонтирована и ее ресурс доведен до необходимого уровня к успешному применению в войне.

В Советском Союзе при подготовке Красной Армии к защите от возможного нападения извне уделялось большое внимание ее техническому оснащению. Однако качественное состояние ее вооружения уступало германскому. В Советских Вооруженных Силах, в том числе и в западных военных округах, армиях резерва Главного Командования, выдвигавшихся к западным границам, находилось большое количество вооружения и военной техники устаревших образцов или с недостаточно высокими тактико-техническими характеристиками, нуждавшихся в капитальном и среднем ремонте. Объясняется это тем, что начавшееся в конце 20-х и начале 30-х годов XX века развитие индустриальной и научно-технической базы страны не позволяло сразу конструировать и производить наиболее качественные образцы вооружения. За 10-12 лет до войны в СССР было выпущено большое количество оружия и боевой техники, которые быстро устаревали, отставали от требований времени. Их нужно было снимать с оснащения армии и заменять новыми. Однако оборонные отрасли не справлялись с этим. В то же время происходило увеличение количества танковых, артиллерийских, авиационных формирований, особенно после 1939 г. с переходом на комплектование армии по закону о всеобщей военной обязанности и в условиях нарастания угрозы войны. Устаревшие образцы боевой техники оставались в вооруженных силах и направлялись на оснащение новых формирований.

Большой ущерб в объективной оценке качества технической оснащенности Красной Армии нанесло «Наставление по учету и отчетности в Красной Армии», введенное приказами НКО в январе 1940 г. По этому наставлению всё вооружение и имущество делились на пять категорий, первые две которых относились к боеготовой группе. При этом требования и к имуществу, и к боевой технике были одинаковы. По такой мерке, например, танки БТ-2 и БТ-5 отнесены ко 2-й категории, хотя они за 5-6 лет до выхода в свет этого наставления были сняты с производства. не обеспечены ремонтным фондом и не обладали необходимым ресурсом для применения в войне. В авиации категорийность самолетов определялась без учета наличия подготовленного летного и технического состава.

В оценке боеспособности вооруженных сил важное место занимают наличие и качество организационных структур войск. Строительство и развитие вооруженных сил по видам, родам войск и службам, формирование объединений, соединений и частей по их боевому и оперативному предназначению ведется в интересах повышения управляемости, возможности создавать различные по составу группировки войск, сил и средств для выполнения боевых задач.

В зависимости от предполагаемых взглядов на войну, способов ее ведения определяется доля вооруженных сил в достижении оперативных и стратегических целей в войне, осуществляется строительство их видов. Накануне нападения фашистской Германии на СССР в наличии у воюющих сторон были все виды вооруженных сил для действий на земле, в воздухе и на море — сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морской флот и для защиты с воздуха — войска ПВО.

В вооруженных силах Германии удельный вес военно-воздушных сил и войск ПВО был выше, чем в Красной Армии. Это свидетельствовало о том, что сухопутные группировки войск Германии на театрах военных действий могли прикрываться с воздуха и поддерживаться авиацией на суше в 1,5 раза сильнее, чем соответствующие войска Красной Армии.

Действующая армия Германии по опыту войн в Западной Европе

▲ В атаку

во второй половине 30-х годов XX века организационно состояла из:

- групп армий;
- полевых армий;
- танковых групп, позднее получивших наименование танковых армий;
- армейских и моторизованных корпусов, ряд из которых переименовывался в танковые.

Все эти структуры были переменными, боевой состав войск и их численность определялись накануне войны, а в ходе ее — при планировании новых операций — в зависимости от сложности и важности задач, которые предстояло им решать.

Военно-воздушные силы Германии делились на воздушные флоты, которые взаимодействовали с группами армий или отдельными армиями, и предназначались для их прикрытия и поддержки в ходе операций. Воздушные флоты также были непостоянного состава.

В Советских Вооруженных Силах с началом войны действующей армией становились войска приграничных военных округов, переименованных во фронты. В состав фронтовых объединений включались общевойсковые армии, стрелковые корпуса, входившие в армии или предназначенные действовать самостоятельно, боевой состав и численность фронтовых и армейских объединений, а также стрелковых корпусов не был одинаковым, и зависел от важности решаемых ими боевых и оперативных задач.

В штатных структурах вооруженных сил Германии, ее союзников и СССР имелись дивизии — стрелковые (пехотные), кавалерийские, танковые, моторизованные и другие. Главной особенностью этих формирований являлось то, что они представляли собой основные тактические боевые единицы сухопутных войск, вооруженных сил в целом.

Важной составной частью боеспособности вооруженных сил является качество командных кадров и кадров армии вообще. Известно, что офицерский корпус называют становым хребтом, костяком вооруженных сил. Деятельностью офицеров претворяется в жизнь военная доктрина государства, осуществляются строительство и подготовка вооруженных сил, проявляется искусство применения их в войне.

В фашистской Германии военные кадры готовились, совершенствовались в условиях милитаризации страны и подготовки ее к осуществлению замыслов гитлеровского руководства по «завоеванию мирового господства», начиная с избавления от пут Версальского Договора при возрождении вермахта до практических действий по завоеванию стран Западной Европы, а затем подготовки к наступлению на СССР. Офицеры и генералы вермахта во второй половине 30-х годов XX века получили практику в тактическом, оперативном и стратегическом масштабах управления войсками, в организации их материального, технического и боевого обеспечения в реальных объемах и времени, требуемых войной, военными действиями.

Советские военные кадры в своей подавляющей части, за исключением участвовавших в советско-финляндской войне, в боях на реке Халхин-Гол и освободительном походе в Западную Украину и Западную Белоруссию, опытом управления войсками в боевых условиях или близким к ним не обладали. Таких в Красной Армии было около 75 %.

На подготовку и качество советских военных кадров неблагоприятно влияло их быстрое продвижение по должностям без приобретения необходимого опыта пребывания на этих должностях.

Более 55 % командных кадров перед войной находились на своих должностях менее, чем полгода и лишь четверть их можно считать имевшими опыт, которые занимали должности более одного года. Такое положение с кадрами сложилось из-за того, что в 1939 г. численность Красной Армии увеличилась почти вдвое. В то же время происходило формирование танковых, авиационных, артиллерийских соединений, шло дальнейшее техническое оснащение Красной Армии, требовавшие перемещения кадров по должностям, в том числе из одного вида вооруженных сил или рода войск в другой.

▲ Комбат поднимает бойцов

Из-за необходимости назначать на вакантные должности большого количества командиров, многие из них занимали посты, особенно в тактическом звене. не имея даже военного образования (13,6 %).

В подготовке военных кадров большое значение имеет понимание ими природы войны, характера возможных боевых действий, способов использования в них войск. До Великой Отечественной войны, в 30-е годы XX века в Красной Армии в обучении войск преобладала наступательная тематика, особенно глубоких операций и боев. По сути дела, это была передовая теория, но она значительно «опережала» реальное положение тех лет — уровень технической оснащенности войск, их подготовки, способность командных кадров управлять войсками в таких операциях. В то же время при обучении штабов, войск и военных кадров мало уделялось внимания организации и ведению обороны, боям в окружении и при отходе, фактически игнорировался важнейший принцип в планировании и ведения войны; готовя глубокие и решительные операции по разгрому противника, нельзя исключать подобных действий с его стороны, необходимости организации эффективного противодействия им. И в теории, и в практике руководящего состава Красной Армии, всех ее военных кадров оказался ошибочный взгляд и на развязывание войны фашистской Германией. «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, — писал впоследствии Жуков Г. К., — то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов».

Однако следует особо подчеркнуть, что подобный способ развязывания войны Германия уже применяла при нападении на страны Западной Европы и Польшу. Было время его проанализировать, учесть в подготовке наших войск и военных кадров. К сожалению, этого сделано не было. И большая часть военных кадров Красной Армии оказалась неподготовленной к управлению войсками в сложной обстановке.

Существенное место в боеспособности вооруженных сил принадлежит их стратегическому развертыванию перед войной. Степень стратегического развертывания вооруженных сил является концентрированным выражением их готовности организованно вступить в войну, реализовать заложенную в них боеспособность в решение задач, поставленных перед ними накануне и в ходе начавшейся войны. Стратегическое развертывание вооруженных сил представляет собой комплекс мероприятий по переводу существовавших в мирных условиях объединений, соединений, частей и учреждений в боевое состояние, отмобилизование их до уровня военного времени, формирование резервов, перемещение войсковых формирований на соответствующие стратегические направления (театры военных действий) с целью создания группировок войск (сил флота) и, наконец, их оперативное развертывание (занятие исходного положения) для выполнения задач по боевому и оперативному предназначению.

Своевременность и полнота проведения всех мероприятий по стратегическому развертыванию вооруженных сил обеспечивает успех их действий, особенно в начале войны, в ее первых операциях.

Фашистская Германия и ее союзники к 22 июня 1941 г. осуществили в полном объеме стратегическое развертывание своих группировок войск, их оперативное развертывание у западных границ СССР. Войскам и командному составу были поставлены конкретные задачи, какого противника (соединения, части), в каком месте, к какому времени разгромить (окружить, уничтожить), какой местностью овладеть и т. п. Это мероприятие венчало весь процесс стратегического развертывания всех

группировок войск Германии и ее союзников, предназначенных для вторжения на территорию СССР. Они ожидали лишь сигнала на начало действий.

Нападение Германии застало Советские Вооруженные Силы в разгар стратегического развертывания, когда все его мероприятия были начаты, но ни одно к началу войны не завершилось. В наиболее тяжелом положении оказались Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты (бывшие Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа), войска которых приняли на себя с первых дней войны удары главных группировок войск противника — групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Объединения, соединения и части на указанных направлениях должны были в наиболее полной мере осуществить оперативное развертывание, занять исходное положение для отражения ударов противника. однако этого не было сделано. Из 75 стрелковых дивизий этих фронтов более трети находились в движении. совершали марши к новому месту дислокации или в районы сосредоточения, 20 дивизий требовали доукомплектования от 25 до 50 %. Из 16 механизированных корпусов, входивших также в состав этих фронтов, 13 находились в стадии доукомплектования личным составом, вооружением и техникой. При этом 4 корпуса не имели количества танков, необходимого даже для оснащения одной танковой или моторизованной дивизии. Например, из 1 134 положенных по штату танков в 17-м механизированном корпусе было всего 63, а в 20-м мехкорпусе Западного фронта — 94 танка. Доукомплектования требовала авиация фронтов и армий. В ней недоставало не только новой материальной части, но и летного состава, обслуживающего персонала, аэродромов базирования.

Большая сложность в повышении боеспособности войск западных военных округов и в приведении их в соответствующую боевую готовность возникла в связи с высокой напряженностью развертывания новых формирований в целом в вооруженных силах. В 1941 г. предусматривалось сформировать четыре армейских управления, 19 стрелковых дивизий, 3 авиационных корпуса, 20 авиационных дивизий и дивизий ПВО, свыше 130 авиаполков и полков ПВО, большое число соединений, частей и подразделений различных родов войск и служб — автомобильных, инженерных, связи и других, а также завершить создание 16 механизированных корпусов. На их укомплектование требовалось около 1,5 млн. человек, более 10 тыс. тан-

▲ На артиллерийском заводе

▲ Самолеты для фронта

ков, около 10 тыс. самолетов, десятки тысяч орудий и минометов, стрелкового оружия, автомобилей, тягачей.

Естественно, народное хозяйство без перевода его работы на режим военного времени справиться с этим не могло. Получаемые от оборонной промышленности вооружение и боевая техника в какой-то степени распылялись, чем тормозилось в целом стратегическое развертывание вооруженных сил, не вело к желаемому темпу повышения их боеспособности, как это требовалось обстановкой накануне войны.

Подводя итоги сравнительного анализа боеспособности вооруженных сил Германии и СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны, следует отметить, что Советское правительство и военное руководство провели крупные мероприятия, направленные на повышение боеспособности Красной Армии. Наши вооруженные силы уступали противнику по качеству многих образцов вооружения, опыту и подготовке кадров. а также в стратегическом развертывании. Последний фактор говорит о том, что проходившее с отставанием от вермахта стратегическое развертывание Советских Вооруженных Сил не могло стать провокацией и тем более причиной для нападения на СССР.

В конце мая 1941 г. состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). На нем рассмотрены и обсуждены вопросы, связанные с подготовкой страны к обороне. Перед собравшимися членами Политбюро ЦК ВКП(б), заместителями председателя Совета народных комиссаров, руководством наркомата обороны и Военно-морского флота, наркомами НКВД и оборонной промышленности выступил И. В. Сталин. Он сказал, что обстановка обостряется с каждым днем и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии. Этот вывод был подкреплен анализом сложившихся противоречивых обстоятельств в Европе, нарастанием агрессивной политики Германии, политики попустительства правительств Англии и США.

Начальник Генерального штаба генерал армии Жуков Г. К. доложил кратко о состоянии боеготовности видов и родов войск, о ходе укрепления государственной границы СССР, об успехах и проблемах в оснащении Красной Армии и Флота новейшими видами вооружения и боевой техникой.

— Доклад товарища Жукова еще раз показал нам, что в деле подготовки страны к обороне имеют место существенные недостатки, — сказал в заключительной речи И. В. Сталин.

— Товарищам, отвечающим за выпуск танков, — продолжал он, — даю неделю, чтобы разобраться, почему отдельные танковые заводы не выполняют план. Через неделю доложить мне лично.

— Главному артиллерийскому управлению тоже в недельный срок доложить мне свои соображения, что нужно конкретно сделать, какое количество тракторов нужно, чтобы улучшить дело с артиллерийской тягой. товарищам, отвечающим за артиллерию, сделать всё, чтобы реактивные минометы были немедленно запущены в серийное производство.

И. В. Сталиным даны также конкретные указания по ускоренной подготовке современных средств связи, о повышении роли войск противовоздушной обороны, об устранении недостатков в минно-торпедном вооружении. Особое внимание обращено на создание условий для более быстрого развития промышленности на Урале, на Востоке и Средней Азии.

Однако полностью завершить реорганизацию Вооруженных Сил и обеспечить их реальное развертывание на случай войны не удалось, ее можно было осуществить лишь к лету 1942 г. Боеспособность Красной Армии в силу ряда объективных и субъективных причин тоже по большинству параметров оказалась ниже боеспособности вермахта и стала важнейшим фактором, обусловившим неудачи и тяжелые поражения группировок Советских Вооруженных Сил в войне с Германией в 1941 и 1942 гг.

Неимоверными усилиями военно-политического руководства страны, массовым героизмом и отвагой воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота, напряженным и самоотверженным трудом советских людей был достигнут перелом в войне от тяжелейших неудач и поражений в первые годы войны к крупным победам и низвержению фашистской Германии.

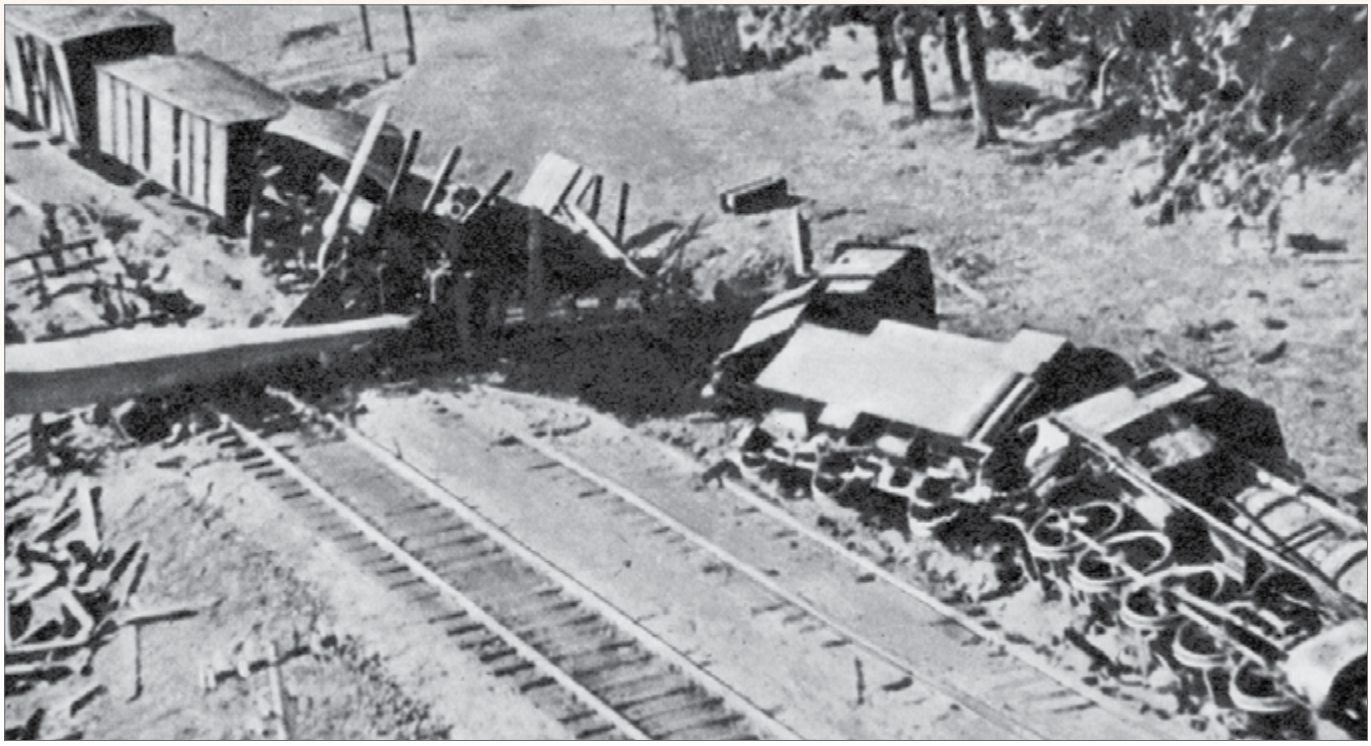
Генеральный штаб как главный рабочий орган наркомата обороны в мирное время нуждался в срочной

перестройке. Немедленная реорганизация потребовалась всем высшим органам военного управления. 23 июня была создана Ставка Главного Командования, которая 10 июля преобразована в Ставку Верховного Командования, а 8 августа — в Ставку Верховного Главнокомандования. Её руководящее значение в исходе войны трудно переоценить.

24 июня 1941 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР о создании истребительных батальонов. На них возлагались борьба с немецкими парашютистами и диверсантами, охрана важных оборонных и народно-хозяйственных объектов. В них зачисляли тех, кто не подлежал призыву в армию, но имел военную подготовку. Только в Москве было создано 25 батальонов, в которые добровольно вступили 18 тысяч человек. Эти батальоны стали основой 2-й, 4-й и 5-й Московских стрелковых дивизий народного ополчения. Всего по стране изъявило желание вступить в народное ополчение свыше 4 млн. человек. Всего через народное ополчение в армию вошло около 2 млн. человек. В действующую армию влились 40 дивизий народного ополчения, 26 из них прошли через всю войну.

Активное участие в вооруженной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками принимали партизаны и подпольщики. Всего в годы войны в тылу врага сражались свыше 6 тыс. партизанских отрядов, в которых насчитывалось более 1 миллиона человек, в том числе многие тысячи бойцов и командиров Красной Армии, вышедших из окружения и бежавших из плена. Партизанское движение и подпольная борьба против немецко-фашистских оккупантов имели большое политическое и стратегическое значение. Они нанесли огромный материальный и людской урон фашистской армии и оккупационной администрации. Действия партизан, особенно на коммуникациях и линиях связи, сковывали продвижение фашистских соединений и частей. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гудериан писал, что «...по мере того, как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат».

На борьбу с партизанами, на охрану важнейших военных объектов и коммуникаций германская армия вынуждена была привлекать большие силы. Гитлеровцы и их союзники сосредоточили для этих целей 30 дивизий. Кроме того, использовались другие многочисленные охранные и карательные легионы, батальоны и полки, полицейские подразделения службы порядка, общей численностью равной примерно 20 дивизиям. Советское командование постоянно учитывало возрастающие возможности партизанских соединений. В Курской операции, в битве за Днепр, в сражениях при освобождении Белоруссии партизаны и подпольщики активно содействовали наступлению советских войск. По единому замыслу с командованием фронтов партизаны провели целый ряд крупных операций летом и осенью 1943 г. по выводу из строя вражеских железнодорожных магистралей (операции «Рельсовая война» и «Концерт»).

▲ Рельсовая война

30 июня 1941 г. решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) — чрезвычайный высший государственный орган в СССР. В его состав вошли: И. В. Сталин (Председатель), В. М. Молотов (заместитель Председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия. Позднее введены Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. ГКО сосредоточил в своих руках всю полноту власти в государстве. Он объединял усилия фронта и тыла, Высший военно-политический орган власти в стране за годы войны принял более 9 970 важнейших постановлений и решений по различным вопросам государственного управления, военного строительства, оборонной и хозяйственной жизни государства.

Каждый член ГКО ведал определенным кругом вопросов. Постановления ГКО имели силу законов военного времени. Все советские государственные, военные, хозяйственные и профсоюзные органы были обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО. ГКО ставил перед Верховным Главнокомандованием и в целом перед Вооруженными Силами СССР военно-политические задачи, совершенствовал структуру Вооруженных Сил, расставлял руководящие кадры, определял общий характер использования Вооруженных Сил в войне. Представители ГКО выезжали в войска действующей армии. Большое внимание ГКО уделял руководству борьбой советского народа в тылу врага. Во многих городах прифронтовой полосы были образованы местные чрезвычайные органы — городские комитеты обороны, объединявшие под своим руководством всю гражданскую и военную власть на местах. Такие комитеты были созданы в Ленинграде, Севастополе, Туле, Ростове, Сталинграде, Курске — всего более чем в 60 городах страны. Наркоматы обороны и ВМФ, их управления были рабочими органами ГКО по военным вопросам, непосредственными организаторами и исполнителями его решений. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования. Государственный Комитет Обороны осуществлял руководство перестройкой страны на военный лад, возглавлял и довел до победного конца вооруженную борьбу. 4 сентября 1945 г. ГКО был упразднен Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Эвакуация населения, промышленных предприятий, культурных и научных ценностей из прифронтовых районов стала одной из ярчайших страниц истории Великой Отечественной войны. Это была гигантская операция, потребовавшая громадных усилий центральных органов управления, местных органов власти, железнодорожников, речников, всех транспортников, инженеров, рабочих заводов и фабрик.

В период немецкого наступления из угрожаемых районов в труднейших условиях, нередко под огневым воздействием противника, было вывезено 1 523 крупных промышленных предприятия, из них 1 200 к весне 1942 г. уже давали продукцию, необходимую фронту.

Восточные районы страны стали главным военно-промышленным арсеналом Родины. Особенно велика была роль Урала. Его промышленность давала до 40 % всей воен-

ной продукции страны. Уже к концу 1942 г. Советский Союз по выпуску военной продукции превзошел фашистскую Германию. Это во многом определило коренной перелом в ходе войны, а затем и окончательный разгром фашистской Германии.

В июле 1941 г. образованы главные командования Северо-Западного (упразднено 27.08. 1941 г.), Западного (упразднено 5.05.1942 г.) и Юго-Западного (упразднено 21.08. 1942 г.) стратегических направлений. Главное командование Северо-Кавказского направления образовано 21.04.1942 г., упразднено 19.05.1942 г.

29 июля 1941 г. приказом народного комиссара обороны СССР было создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ).

С началом войны в состав Военно-Морского Флота (нарком ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов) входили Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский флоты, Каспийская военная флотилия, а также ряд речных и озерных военных флотилий, которые создавались и расформировывались в зависимости от обстановки. В ходе войны Военно-Морской Флот вел активные боевые действия по уничтожению сил флота и транспортов противника, содействовал приморским группировкам Красной Армии в оборонительных и наступательных операциях, оборонял военно-морские базы и крупные порты, высаживал десанты, охранял военные и народно-хозяйственные морские, озерные и речные перевозки.

В день фашистского вторжения Указом Президиума Верховного Совета СССР в стране была объявлена мобилизация. Согласно Указу, выполнение мобилизационного плана началось с 00 часов 23 июня 1941 г. Призыву по мобилизации подлежали военнообязанные 1905-1918 годов рождения. На действительной военной службе к этому времени находились молодые люди 1919-1922 годов рождения.

На территории западных приграничных округов, которая в первые дни еще не была охвачена активными боевыми действиями, мобилизацию личного состава удалось провести почти полностью.

Напряженная работа местных органов военного управления с большим трудом обеспечивала выполнение этой сложнейшей задачи. В течение первых 8 суток войны (к 1 июля 1941 г.) было призвано по мобилизации 5,3 млн. человек и поставлено из народного хозяйства 234 тыс. автомобилей, 31,5 тыс. тракторов и много другой народно-хозяйственной техники. За эти сутки на железных дорогах страны находилось в движении ежедневно от 350 до 900 поездов с людьми и техникой.

За второе полугодие 1941 г. объем железнодорожных воинских перевозок маршевых пополнений достиг 27 500 вагонов в месяц.

Быстрое продвижение фашистских войск вглубь нашей страны резко снизило демографические и соответственно мобилизационные возможности государства. На захваченной противником в 1941 г. территории остались десятки миллионов населения, в том числе более 2-х млн. военнообязанных и призывников.

В августе 1941 г., в связи с резко возникшей необходимостью восполнения боевых потерь, комплектованием вновь формируемых соединений и частей, созданием резервов, была проведена дополнительная мобилизация военнообязанных старших возрастов (1890-1904 годов рождения) и призывников, родившихся в 1923 г. Одновременно с этим значительная часть людских контингентов в составе рабочих колонн, сформированных из числа военнообязанных старших возрастов, направлялась для работы в промышленности, на транспорте и в оборонительном строительстве. Всего только за первые 8 месяцев войны было мобилизовано около 11 млн. человек, из них более 9 млн. направлено на укомплектование боевых войск, запасных частей и военно-учебных заведений.

Призыв такого большого числа людских контингентов и их военная подготовка требовали громаднейшего напряжения в работе всех мобилизационных органов, начиная от Генерального штаба до военных комиссариатов, учебных и запасных частей, а также местных советских и партийных органов власти.

Не подлежали призыву военнообязанные, работавшие в оборонных отраслях промышленности, на транспорте, в рудодобывающих предприятиях и забронированные за ними.

Фактически за четыре года войны было мобилизовано (за вычетом повторно призывавшихся) 29 млн. 575 тыс. человек. А всего вместе с кадровым составом, находившимся к 22 июня 1941 г. на действительной военной службе в Красной Армии и Военно-Морском флоте, в течение всей войны было 34,5 млн. человек.

Когда над страной нависла смертельная угроза, женщины встали рядом с мужчинами. На фронте женщины были летчицами, снайперами, пулеметчиками, зенитчицами, радистами, шоферами, военврачами, военфельдшерами, медсестрами, военными переводчиками, связистами, синоптиками...

Годные к военной службе женщины в возрасте от 19 до 30 лет призывались и направлялись в войсковые части и учреждения, а в возрасте до 45 лет — в стационарные тыловые учреждения. За период Великой Отечественной войны всего было призвано на военную службу 490 235 женщин.

К другой категории женщин следует отнести тех, которые были приняты путем вольного найма на замещение соответствующих должностей в штабы войск и сил флота, соединения, части, учреждения (в том числе и в действующей армии).

Для нужд Вооруженных сил в период войны было изъято из народного хозяйства и поставлено в войска автомобилей — 335 663, тракторов — 39 350, лошадей — 2 579 997, повозок с упряжью — 551 864.

Война тяжело отразилась на различных сторонах деятельности нашего государства, особенно на его экономике. Из сферы производства была изъята значительная часть трудоспособного населения, что потребовало изыскания трудовых ресурсов, особенно квалифицированных

▲ На пепелище

кадров для оборонной, тяжелой и горнодобывающей промышленности, а также других важных отраслей народного хозяйства.

Самыми тяжелыми для Советского Союза последствиями фашистской агрессии являются его людские потери как военнослужащих, так и гражданского населения, составлявшие в общем итоге 26,6 млн. человек.

Никогда ранее наша страна не сталкивалась с подобными военными жертвами. Даже за вместе взятый восьмилетний период I мировой (1914-1918 гг.) и Гражданской (1918-1922 гг.) войн, с их смертоносными эпидемиями (тифозными, холерными, малярийными и прочими), было убито, умерло от ран и болезней 10,3 млн. человек.

Война, развязанная гитлеровцами против СССР, была войной на истребление целых народов, в первую очередь славянского, русского населения. «Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе», — говорилось в одном из толкований так называемого генерального плана «Ост», чудовищного программного документа гитлеровского геноцида на оккупированной территории СССР.

Уничтожение гражданского населения проводилось нацистами самыми изощренными способами и средствами. Для этого заранее были отработаны методики массовых расстрелов, использования «душегубок», применения газа «циклон» и печей крематориев в концентрационных лагерях смерти, налажена промышленная утилизация останков миллионов умерщвленных людей. Для использования преступных планов были подготовлены кадры профессиональных убийц. Злодейские правила поведения на оккупированной земле прививались и каждому солдату вермахта. В одном из пунктов «Памятки немецкого солдата» было записано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели. обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек».

По плану гитлеровской колонизации и германизации «восточного пространства» подлежали уничтожению не только славянские народы, но и другие народы, жившие на территории СССР. Наиболее жестким было отношение к евреям, которых немцы истребляли в первую очередь, наравне с коммунистами. Варварское уничтожение мирных жителей в соответствии с гитлеровским планом «Ост» проводилось во всех республиках СССР, подвергшихся вражескому нашествию. Всего было преднамеренно истреблено мирного населения на оккупированной территории более 7,4 млн. человек.

Большой урон советскому населению, находящемуся под оккупацией, причинил насильственный угон наиболее трудоспособной его части на каторжные работы в Германию и сопредельные с нею промышленно развитые страны, пребывавшие также под немецкой оккупацией. Советских невольников именовали там «остарбайтерами» (восточными рабочими).

Из общего числа советских граждан, вывезенных на работы в Германию (5 269 513 чел.), после окончания войны было репатриировано на родину 2 654 100 человек. Не возвратились по разным причинам и стали эмигрантами — 451 100 человек. Остальные 2 164 313 человек погибли и умерли в фашистской неволе. Причинами высокой смертности среди остарбайтеров являлись каторжный труд, голодное питание и жестокие наказания за малейшие отклонения от лагерного режима.

Кроме погибших на каторжных работах в Германии, к числу общих потерь гражданского населения следует отнести умерших и погибших мирных граждан на оккупированной территории. К началу 1943 г. под оккупацией оказалось около 2 млн. кв. км советской территории, на которой, по данным Госплана СССР, ранее проживало 88 млн. человек.

В ходе организованной и стихийной эвакуации убыло на восток, а также было призвано в Вооруженные силы около 15 млн. человек. Оставалось под властью немецких, румынских, венгерских и финских фашистов не менее 73 млн. человек, или 37 % от всего населения СССР, составлявшего на 22 июня 1941 г. 196,7 млн. человек.

Для большинства оккупированных мест этот кошмарный период продолжался 2-3 года. Захватчики ввели для советских граждан в возрасте от 18 до 45 лет (для граждан еврейской национальности — от 18 до 60 лет) жесткую трудовую повинность. Рабочий день даже на вредных производствах длился 14-16 часов в сутки. Лиц, уклоняющихся от работы, отправляли в каторжные тюрьмы или на виселицу. Непосильный труд, хронический голод, а также болезни и отсутствие элементарной медицинской помощи приводили к повсеместной гибели десятков и сотен тысяч людей. По имеющимся данным, в оккупации по этим причинам умерло 8,5 млн. человек.

Кроме жертв, связанных с фашистским террором, жестокими условиями оккупационного режима и угоном советских людей в фашистское рабство, гражданское население СССР несло большие потери от боевого воздействия противника в прифронтовых районах, блокадных и осажденных городах. В Ленинграде во время блокады (с сентября 1941 г. по январь 1943 г.) умерло от голода 641 тысяча, погибло от артиллерийских обстрелов врага 17 тыс. жителей города.

В Сталинграде только в августе 1942 г. во время массированных налетов немецко-фашистской авиации погибло свыше 40 тыс. гражданского населения.

Десятками тысяч исчисляются потери мирных граждан от бомбардировок Севастополя и Одессы, Керчи и Новороссийска, Смоленска и Тулы, Харькова, Минска и Мурманска.

В ожесточенной схватке с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне офицеры Красной Армии и Военно-морского флота, как истинные патриоты, проявляя мужество, доблесть и отвагу, вселяли уверенность в солдат, вели их к победе. Находясь среди подчиненных, офицеры и генералы подвергались равной с ними опасности и вместе погибали в бою. Всего в сражениях погибло, умерло от ран и болезней, пропало без вести и попало в плен более 1 млн. 023 тыс. 100 человек — 35% общего числа офицеров. состоявших на военной службе в кадрах Вооруженных сил в период войны.

По статистическим данным Главного управления кадров МО СССР, наибольшее число безвозвратных потерь в офицерском составе армия и флот понесли в первые годы войны. За 1941 — 1942 гг. они составили более 50% всех потерь офицеров за войну.

За годы Великой Отечественной войны, в том числе и за кампанию на Дальнем Востоке в 1945 г., безвозвратные демографические потери Вооруженных Сил СССР (убито, умерло от ран и болезней, погибло в результате несчастных случаев, расстреляно по приговорам военных трибуналов, не вернулось из плена) составили 8 млн. 668 тыс. 400 военнослужащих списочного состава.

В это число не вошли 500 тыс. военнообязанных, которые были призваны по мобилизации в первые дни войны, но в пути следова-

▲ Севастополь

▲ Освенцим

ния в воинские части пропали без вести. Некоторые из них захвачены противником, часть погибла при авиационных налетах, многие остались на оккупированной территории.

Безвозвратные потери военнослужащих из числа граждан РСФСР составили 6 млн. 537,1 тыс. человек, или 71,3 % от числа общих потерь Вооруженных Сил СССР.

По возрасту жертвами войны среди павших оказались в основном самые молодые и дееспособные люди. Их в общем числе 8.7 млн. погибших, умерших от ран и болезней и не вернувшихся из плена военнослужащих было более 6,4 млн. человек.

Наибольшие потери понесла русская нация (5 млн. 756 тыс.). На торжественном приеме в Кремле, состоявшемся 24 июня 1945 г., звучали здравницы в честь советских воинов. разгромивших фашистского агрессора, всех тружеников фронта и тыла. Высоко оценивая вклад всех наций Советского Союза в достижение Победы, И. В. Сталин провозгласил тост за здоровье советского народа, и прежде всего за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. «Русский народ, — сказал он, — заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. У него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...» Доверие русского народа Советскому правительству, по мнению вождя, оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

В ожесточенной войне с немецко-фашистскими захватчиками наряду с безвозвратными огромными были и санитарные потери военнослужащих.

По донесениям фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий, санитарные потери наших войск (сил) составили 18 344 148 человек, в том числе 15 205 592 раненых, контуженых и обожженных, 3 047 675 заболевших и 90 881 чел. обмороженных.

Однако, как свидетельствует военно-медицинская статистика, масштабы этих потерь были значительно большими. Всего в период с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. в лечебных учреждениях всех наименований учтено госпитализировавшихся 22 326 905 человек.

Военно-медицинская статистика показывает, что из числа раненых, контуженых, обожженных и обмороженных, поступивших за всю войну на излечение в медицинские учреждения, 71.7 % возвращено в строй, 20,8 % признано негодными к службе и уволено из армии с исключением с воинского учета или в долгосрочные отпуска по болезни, а около 7,5 % умерло.

Через заботливые руки медицинских работников прошли более 22 млн. военнослужащих и вольнонаемных. Их огромная заслуга, прежде всего в том, что свыше 17 млн. пораженных в боях и заболевших возвращено в строй.

Генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов. в годы войны начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии справедливо отмечал, что «военная медицина из службы призрения за пораженными в боях и больными в прошлых войнах превратилась в один из основных источников пополнения действующей армии опытными в боевом отношении солдатами и офицерами, возвращенными в строй после лечения».

Труд людей этой благородной профессии высоко оценен Родиной. Орденами награждены 8 медико-санитарных батальонов, 39 военных госпиталей, ордена и медали получили свыше 116 тысяч врачей и более 30 тысяч других работников здравоохранения. 47 медиков удостоены звания Героя Советского Союза.

Много истинных героев среди медицинских работников остались безвестными. Одни погибли, спасая раненых, другие вместе с госпиталями оказались в окружении и захвачены гитлеровцами, третьи безвестно пропали в глубине оккупированных территорий при отступлении наших войск.

Действующая армия и флот — это часть Вооруженных сил государства, используемая во время войны непосредственно для ведения боевых действий. В период Великой Отечественной войны согласно постановлению Совета Народных Комиссаров СССР к составу действующей армии были отнесены: полевые управления фронтов и органы управления фрон-

▲ Медицинская сестра

тов, руководившие подготовкой и ведением операций; объединения, соединения, части (корабли), тыловые и другие части и управления, входившие в состав этих фронтов и флотов во время выполнения ими задач в пределах тыловой границы действующего фронта или операционной зоны фронта, в том числе на берегу на удалении до 100 км от уреза воды.

Войска ПВО, соединения и части дальней авиации и другие войска. не входившие в состав действующих фронтов, к действующим армии и флоту относились только в период их непосредственного участия в боевых действиях и выполнения задач боевого обеспечения в пределах тыловых границ действующих фронтов.

Боевой состав и численность действующей армии не были постоянными. Они менялись в зависимости от масштабов оперативно-стратегических задач и протяженности линии фронта. Так, в начале войны численность личного состава действующих фронтов составляла немногим более 3 млн. человек, а к концу 1944 г. она выросла до 6,7 млн. человек.

В военно-стратегическом плане Великая Отечественная война делится на три периода, в каждом из которых было проведено несколько кампаний.

Первый период, продолжавшийся с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г., включал три кампании: летне-осеннюю 1941 г., зимнюю 1941/42 г. и летне-осеннюю 1942 г.

Второй период (19 ноября 1942 г. — 31 декабря 1943 г.) охватывал две кампании: зимнюю 1942/43 г. и летне- осеннюю 1943 г.

Третий период (1 января 1944 г. — 9 мая 1945 г.) состоял из трех кампаний: зимне-весенней 1944 г., летне-осенней 1944 г. и кампании 1945 г. в Европе. В третьем периоде войны Советские Вооруженные Силы оборонительных операций, кроме Балатонской, не проводили.

В войне с Японией была осуществлена самостоятельная Дальневосточная кампания (9 августа — 2 сентября 1945 г.).

Таким образом, в годы войны Советские Вооруженные Силы провели 9 кампаний, из которых 7 были наступательными. Последние по времени составили 70% всей продолжительности военных действий на советско-германском и советско-японском фронтах.

Для достижения оперативных, оперативно-стратегических и стратегических целей Советские Вооруженные Силы проводили в ходе войны различные операции. Они представляли собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени сражений, боев, ударов разнородных сил, осуществляемых одновременно или последовательно в установленный период времени. По масштабам боевых действий операции подразделялись на стратегические, фронтовые и армейские, а по характеру

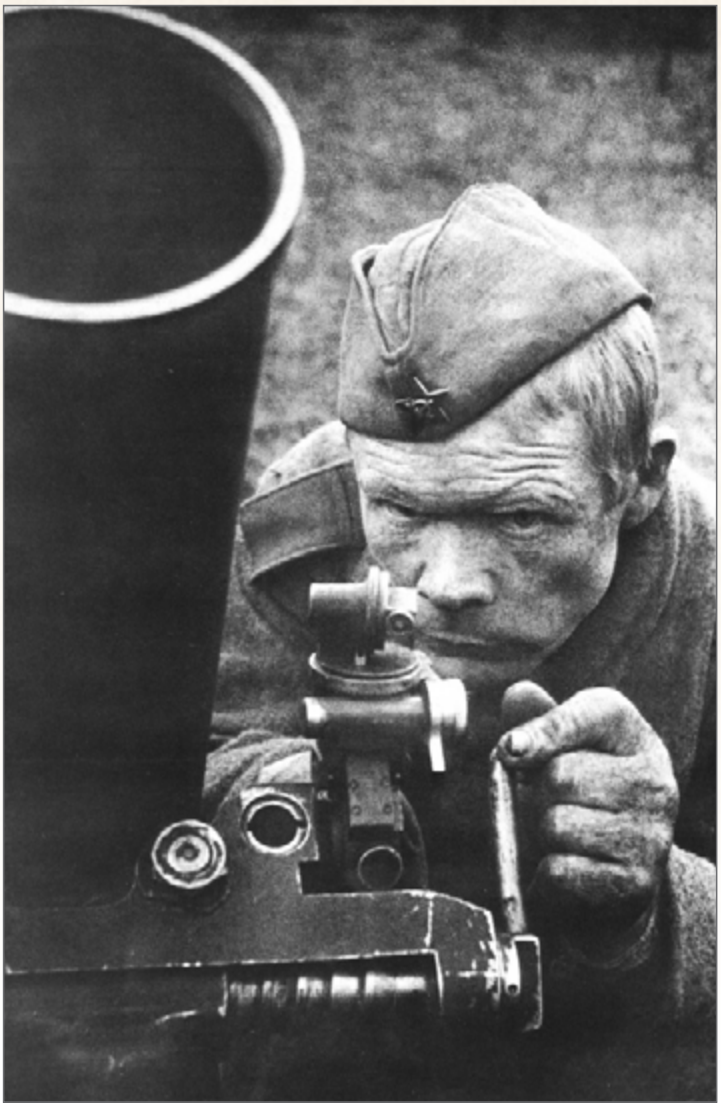
боевых действий — на наступательные и оборонительные.

Стратегические операции состояли, как правило, из фронтовых, фронтовые — из армейских операций. Каждая из них имела свои показатели, характеризующие ее размах, число участвующих сил, ширину полосы боевых действий, продолжительность, глубину продвижения (в оборонительных операциях — глубину отхода), темпы наступления.

В годы Великой Отечественной войны Советские Вооруженные Силы провели более 50 стратегических, около 250 фронтовых и свыше 1 000 армейских операций. часть фронтовых и армейских операций осуществлялась в рамках стратегических, а некоторые — самостоятельно.

Под стратегической операцией в минувшую войну понималась операция, в ходе которой решалась одна из важнейших задач всей кампании или одного из ее этапов на стратегическом направлении или на театре военных действий. Для проведения таких операций характерно привлечение войск одного или нескольких фронтов, соединений авиации дальнего действия и войск ПВО страны, а на приморских направлениях — сил флота (флотилии).

К проведению стратегических операций привлекались, как правило, войска группы фронтов. Это обусловливалось тем, что решить важную военно-политическую задачу на стратегическом направлении или театре военных действий силами одного фронта было сложно. Поэтому разрабатывалась и успешно применялась такая новая форма стратегических действий, как операция группы фронтов. В ней фронт выполнял задачи оперативно-стратегического значения, действуя на одном из стратегических или операционных направлений. Такими стратегическими наступательными операциями группы фронтов являлись Московская, Сталинградская, Северо-Кавказская, Орловская, Белгородско-Харьковская, Днепровско-Карпатская, Черниговско-Полтавская, Белорусская, Прибалтийская, Висло-Одерская, Будапештская, Берлинская, Маньчжурская и другие. В ходе Великой Отечественной войны 82,3 % всех стратегических операций советских войск было проведено силами двух и более фронтов 9,8 % — силами фронта и флота и только 7.9 % — силами одного фронта.

▲ Наводчик

По опыту I мировой и Гражданской войн строительство Красной Армии велось с предвидением важной роли армейских объединений в оперативно-стратегических операциях по отражению возможной агрессии, разгрому войск противника и достижению целей войны.

Перед нападением фашистской Германии на СССР в Красной Армии имелось 27 общевойсковых армий, из которых 15 находились в западных военных округах, 7 — во внутренних военных округах и резерве ВГК, 5 армий располагались на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Армейских объединений родов войск и видов вооруженных сил — танковых, воздушных, противовоздушных, саперных — не было.

С началом войны по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил, а затем и в связи с резко возросшими потребностями восстановления и наращивания группировок войск действующих фронтов формировалось большое количество армейских объединений. Наиболее интенсивно проводилось создание армейских управлений и объединений.

▲ Разбитые танки врага

Всего в 1941 г. сформировано 48 общевойсковых армий, в 1942 г. наряду с 26 общевойсковыми армиями созданы 5 танковых, 20 воздушных армий и 2 армии противовоздушной обороны. Это позволило в конце 1942 г. и в начале 1943 г. значительно улучшить качество фронтовых группировок войск. На укомплектование этих армейских объединений было направлено 460 стрелковых и танковых дивизий, свыше 780 стрелковых, механизированных, мотострелковых и танковых бригад, около 100 авиационных дивизий, 16 истребительно-авиационных дивизий ПВО, большое количество отдельных полков различных родов войск и служб.

в 1942-1943 гг. в Советских Вооруженных Силах формировались 15 резервных армий с подчинением Ставке ВГК. Все резервные армии, кроме 4-й резервной армии (2-го формирования), являлись базой формирования общевойсковых и одной танковой армий, которые направлялись в действующие фронты. Ввод их в сражения сыграл важную роль в переломе оперативно-стратегической обстановки в пользу советских войск, особенно на сталинградском направлении, когда к концу 1942 г. фронтам было передано 11 армейских объединений.

Для осуществления целенаправленного и эффективного строительства оборонительных рубежей фронтового и стратегического назначения в конце 1941 г. были сформированы 10 саперных армий. Саперные армии совместно с окружными и фронтовыми инженерными частями, при активном участии местного населения, готовили оборонительные рубежи на архангельском, московском, брянском, сталинградском, северо-кавказском направлениях и в среднем Поволжье. Использование войсками фронтов этих рубежей и сыграло важную роль в оборонительных сражениях, особенно в битвах за Москву, под Сталинградом и на Северном Кавказе.

В ходе Великой Отечественной войны советским военным руководством принимались меры по совершенствованию структуры боевого состава армейских объединений. В начале Великой Отечественной войны в них входили управления стрелковых корпусов, стрелковые дивизии, армейская авиация. Армиям придавались 1-2 механизированных корпуса, кавалерийские соединения, 2-4 артиллерийских полка, части и подразделения противовоздушной обороны. К сентябрю-октябрю 1941 г. в общевойсковых армиях корпусное звено управления было упразднено. К этому времени в связи с большими потерями были расформированы и исключены из боевого состава войск все недееспособные, а также разгромленные противником механизированные корпуса, значительно ослаблена артиллерия и авиация. Армии лишились ударных и маневренных средств. Многие из них, имея лишь стрелковые дивизии, небольшое количество артиллерии, попадая в кризисные ситуации (окружение, рассечение на несколько частей, ограниченные возможности быстрого отвода своих войск из-под ударов противника), прекращали свое существование. Только за первые три-четыре месяца войны оказались разгромленными и расформированными 14 армейских объединений, что составило почти две трети всех общевойсковых армий, имеющихся в действующих фронтах и РГВК в начале войны.

Такое положение во многом предопределило неудачи советских войск при проведении оборонитель-

▲ Павший герой

ных операций, их отход и большие потери в 1941-1942 гг.

Интенсивное формирование общевойсковых армий не решало всех проблем, поскольку не хватало танков, артиллерии, самолетов, другого вооружения. Возросшее количество общевойсковых армий, не обеспеченных достаточно средствами усиления и поддержки, не позволяло достичь качественного превосходства над противником, а следовательно, и успешного проведения операций. В частности, запланированное советским командованием на зиму 1941-1942 гг. наступление не достигло в полном объеме поставленных целей даже на московском стратегическом направлении (Ржевско-Вяземская, Торопецко-Холмская операции). Еще менее удачным оно оказалось на других стратегических направлениях.

С конца 1942 г. и в 1943 г. в общевойсковых армиях восстанавливается корпусное звено управления, что повысило оперативность руководства боевыми действиями дивизий и бригад, входивших в боевой состав армейских объединений. С ростом количества выпускаемых промышленностью вооружения и боевой техники увеличивались возможности технического оснащения средств усиления и поддержки общевойсковых армий.

К середине 1942 г. число армейских объединений в действующих фронтах увеличилось до 58, или почти вчетверо, однако количество соединений и частей родов войск для их усиления возросло незначительно. Так, артиллерии в армии стало поступать больше лишь примерно на один полк, зенитных средств менее чем на один полк. В три раза увеличилось количество авиаполков, в то же время во столько же раз уменьшилось количество авиадивизий на одну общевойсковую армию.

С повышением объемов производства боевой техники и вооружения в стране и поступления их в действующие фронты росли количественные и качественные показатели средств усиления и поддержки общевойсковых армий. К 1945 г. — началу заключительных операций Великой Отечественной войны — на одну армию приходилось до одного танкового или механизированного корпуса, более трех отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков, до одной артиллерийской дивизии, около шести артиллерийских полков, более одной зенитно-артиллерийской и около трех авиационных дивизий и других соединений и частей. При этом армии, действовавшие на направлениях главных ударов, получали средства усиления и поддержки в 1,5-2 раза больше этих средних цифр.

В целях повышения эффективности наступательных операций, цент-

▲ Конец фашистскому захватчику

▲ Встреча победителей

рализации управления и более массированного применения танковых и механизированных войск весной 1942 г. начали формироваться танковые, а затем и механизированные корпуса. они стали составлять основу подвижных групп фронтов и армий. В развитие этой идеи, с увеличением производства танков, было начато формирование танковых армий как мощных фронтовых ударных средств.

Создание первых пяти таких объединений в 1942 г. оказалось не вполне удачным. В их боевой состав включались, наряду с танковыми корпусами, три-пять стрелковых дивизий. В результате чего армия не имела необходимой монолитности, мобильности при выполнении боевых и оперативных задач: если она опиралась на стрелковые дивизии, то ее действия ничем не отличались от общевойсковой армии, в то же время ей не представлялась возможность использовать подвижность корпусов, так как они сковывались малой маневренностью стрелковых дивизий. Впоследствии эти танковые армии были расформированы.

В 1943 г. и начале 1944 г. создано шесть танковых армий новой организации, состоящих только из танковых и механизированных корпусов. Они просуществовали до конца войны и внесли весомый вклад в проведение наступательных операций в высоком темпе, с решительными целями по разгрому группировок войск противника.

В интересах централизации управления авиацией, более эффективного ее использования в борьбе за превосходство в воздухе, целенаправленных действий по уничтожению и разгрому резервов противника, четко организованной поддержки наземных войск во фронтах были сформированы воздушные армии. Базой их формирования явилась армейская и фронтовая авиация, а также вновь созданные к этому времени авиационные соединения и части РВГК и внутренних военных округов. Боевой состав этих армий не был постоянным и зависел от задач, решаемых фронтами, условий воздушной обстановки, в которой они действовали. Так, например, боевой состав воздушных армий на Северном Кавказе и перед Курской битвой в 1943 г. был таким, что он обеспечивал успешное ведение в регионах воздушных сражений по завоеванию господства в воздухе. Перед Белорусской стратегической наступательной операцией воздушные армии фронтов могли наносить мощные удары по резервам противника и даже уничтожать его группировки, когда свои наземные войска не успевали это сделать в короткие сроки.

Предпринимаемые советским военным руководством меры повышения технической оснащенности средств усиления общевойсковых армий, а также создание танковых и воздушных армий, а впоследствии и совершенствования их структуры позволили ему организовывать и более успешно проводить наступательные операции. Их удельный вес начал устойчиво расти в общем балансе времени боевых действий армий с 1943 г.

Суммарное время обороны было самым большим в 1941 и 1942 гг., когда противник владел стратегической инициативой и войска Красной Армии вынуждены были обороняться. Высокий процент суммарного времени пребывания армий в резерве фронтов и Ставки ВГК объясняется тем, что в 1941 г. армии находились в стадии формирования и готови-

▲ Освободитель

лись к направлению в действующие фронты. В 1943-1944 гг. многие армии выводились в резерв Ставки ВГК для перегруппировки, пополнения людьми, вооружением, материальными средствами и подготовки к решающим сражениям.

В этой связи, представляется целесообразным рассмотреть зависимость числа потерь от проводимых армиями и фронтами оборонительных и наступательных операций. оказывается, что потери личного состава, боевой техники и вооружения прямо пропорциональны суммарному времени оборонительных и обратно пропорциональны времени наступательных действий.

В целом можно сделать вывод, что пассивные, зависимые от воли противника способы боевых действий в войне чреваты большими потерями, а активные, наступательные операции приводят к достижению целей войны и меньшими потерями в ней.

В вооруженных силах фашистской Германии и ее союзников основу группировок войск на театрах военных действий составляли также армейские объединения — полевые армии и танковые группы, переименованные затем в танковые армии. Авиация и войска ПВО входили в состав воздушных флотов, взаимодействовавших с группами армий.

Полевые и танковые армии Германии, как и советские армейские объединения, не имели постоянного состава, но по численности они превосходили советские армии в 1,5-2 раза и более. Во время войны немецкие армейские объединения, как правило, не выводились в резерв, а непрерывно входили в действующие группы армий.

Это объясняется тем, что в 1941-1942 гг. в планах фашистского коман-

▲ Поверженные штандарты врага

дования продолжала довлеть идея «молниеносной войны» (1941 г.), сохранившаяся в плане уничтожения СССР одним мощным ударом к Волге и на Кавказ (1942 г.). С 1943 г., когда советские войска начали наступать последовательно, с короткими оперативными паузами или одновременно на нескольких стратегических направлениях, фашистское командование лишилось возможности выводить в резерв целые армейские объединения даже при острой необходимости. И, несмотря на открытие второго фронта в июне 1944 г. напряженность боевых действий на советско-германском фронте не спадала. Германия продолжала держать здесь большую часть своих вооруженных сил и армий союзников.

Наибольшие потери в объединениях фашистская Германия понесла на советско-германском фронте. В 1943-1945 гг. здесь разгромлено и пленено 21 армейское объединение, из них 12 — немецких. На западных ТВД за это же время разгромлено две армии, т. е. соотношение потерь выглядит как 21 к 2, или 10,5 к 1.

Советские армейские объединения — общевойсковые, танковые, воздушные армии, армии ПВО — оказались наиболее устойчивой и эффективной организационной структурой в создании различных группировок войск фронтового и стратегического масштабов (групп фронтов, стратегических направлений). Умелое их использование обогатило оперативное искусство и стратегию в планировании и проведении операций с применением различных способов разгрома и уничтожения группировок войск противника, достижения решительных целей в войне.

Важнейшим слагаемым наших побед в сражениях Великой Отечественной войны была слаженная работа тыла, которая осуществлялась под руководством Государственного Комитета Обороны. Главный орган управления организовал перевод народного хозяйства страны на военный лад. Это было вызвано необходимостью ускоренного производства вооружения и других видов материальных средств для обеспечения нужд фронта.

▲ Знамя Победы над Рейхстагом

Коренная перестройка произошла и в работе Тыла Красной Армии. С первых дней войны на плечи всех органов Тыла легла большая нагрузка — необходимо было, при неустойчивой линии фронта и интенсивным маневрировании войск, осуществить доставку и обеспечение действующих частей и соединений вооружением, боеприпасами, продовольствием и всем необходимым для их жизнедеятельности и ведения боя. В первые месяцы войны службам Тыла не всегда удавалось полностью выполнить свои задачи. Однако они прилагали большие усилия для обеспечения защиты Ленинграда, Москвы, Сталинграда... Велика их роль в строительстве оборонительных сооружений, железных и грунтовых дорог, организации и практическом выполнении перевозок к линии фронта сотен тысяч человек пополнения, вывоза раненых, подвоза огромного числа тонн воинских грузов. Важнейшим из задач Тыла являлось медицинское обеспечение. Более шести тысяч фронтовых, армейских и флотских госпиталей возвращали в строй пораженных в боях и больных офицеров и солдат.

Большое значение для активизации деятельности тыловых органов имело постановление ГКО «Об управлении Тылом Красной Армии», принятое 28 июля 1941 г. В соответствии с этим документом была реорганизована структура органов Тыла. В целях достижения необходимой централизации руководства вводилась должность начальника Тыла Красной Армии. Им стал генерал-лейтенант А. В. Хрулев. Образовано Главное управление Тыла. В его составе штаб, управление военных сообщений, автодорожное управление и инспекция.

Начальнику Тыла подчинялись Интендантское управление, Управление снабжения горючим, Санитарное (переименованное в Главное военно-санитарное) и Ветеринарное управления.

Во фронтах и армиях были созданы управления во главе с начальником Тыла фронта (армии), который становился заместителем командующего войскам фронта (армии) и одновременно подчинялся начальнику Тыла Красной Армии.

К началу 1945 г. немецко-фашистское командование по-прежнему держало свои основные силы на советско-германском фронте, где дей-

▲ И.В. Сталин на трибуне Мавзолея 24 июня 1945 г.

ствовало 169 дивизий и 20 бригад, 16 венгерских дивизий и 1 бригада. Эти войска насчитывали свыше 3,7 млн. человек, 56 тыс. орудий и минометов, свыше 8 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. боевых самолетов. Против Красной Армии фашистская Германия использовала и большую часть армии резерва.

Советские войска — действующая армия (без ВМФ и войск ПВО страны) имели на начало 1945 г. 6,4 млн. человек, 100,4 тыс. орудий и минометов, около 11,8 тыс. танков и САУ, 12,7 тыс. боевых самолетов. Советские войска превосходили противника в людях в 1,7 раза, в артиллерии в 1,8 раза, в самолетах белее чем в 3 раза, в танках и САУ — в 1,5 раза.

На 1945 г. Ставка ВГК поставила перед Советскими Вооруженными Силами задачу завершить разгром вооруженных сил фашистской Германии и оказать помощь странам Центральной и Юго-Восточной Европы в освобождении от фашистского порабощения и принудить фашистскую Германию к безоговорочной капитуляции. Предусматривалось одновременное наступление на фронте от Балтийского моря до Дуная с главным ударом на варшавско-берлинском направлении в полосе 550 км.

Поставленные Ставкой ВГК перед Советскими Вооруженными Силами задачи были успешно выполнены. Вооруженные силы фашистской Германии были разгромлены. 8 мая (по московскому времени 9 мая) 1945 г. представители фашистского военного командования подписали Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

За подвиги на фронтах Великой Отечественной Войны 11 603 советских воина были удостоены звания Героя Советского Союза. Соединениям, частям и кораблям Советских Вооруженных Сил вручено 10 900 боевых орденов.

Необходимо особо остановиться на роли Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами в Великой Отечественной войне Иосифе Виссарионовиче Сталине.

В 1931 г. Сталин произнес одно из самых вещих своих пророчеств: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Уже через пять месяцев после того, как Гитлер стал рейхсканцлером, Великобритания, Франция и США тайно договорились о снятии с Германии всяких ограничений в вооружении. В Германию сразу же хлынул денежный поток из этих стран.

В неизбежности войны никто в Советском Союзе не сомневался. Мировой капитал, проиграв Гражданскую войну и провалившись с интервенцией, лишь на время отказался от попыток уничтожить первое в мире государство, где рабочие и крестьяне отобрали у него богатства и власть. Для мирового капитала

сам факт существования и успешного развития СССР представлял реальную, постоянно растущую угрозу.

Фашизм — это война. И война, прежде всего, с Советским Союзом. Любыми путями Сталин старался завершить индустриализацию страны. Он постоянно требовал увеличить темпы развития промышленности. Однако времени для полноценной подготовки к отражению вражеского нападения не хватало объективно. Перевести промышленность на производство военной продукции, разработать и освоить новое вооружение, — на это нужно гораздо больше времени, чем мы имели. В 1939 г. Сталин пошел на заключение пакта о ненападении с Германией. За это на него обрушился вал критики. Но война на время отодвинулась.

В 1945 г., незадолго до суицида, на вопрос немецкой кинодокументалистки, о чем фюрер больше всего жалеет, Гитлер ответил: «О том, что не начал войну против СССР в 1939 г. Тогда бы мы победили».

Сталин же это время использовал для усиления обороноспособности страны: отодвинул западные границы, введя войска в Бессарабию, Польшу, Прибалтику. С Финляндией пришлось решать территориальный вопрос немалой кровью. Красная Армия получила жестокий урок, выявивший ее серьезные недостатки.

Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего Советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Во время Великой Отечественной войны действующая армия провела более 1 300 операций, из них почти две трети наступательных. Не все из них были удачны, или не все увенчались победой. На то были причины. Но главное — в другом. Советский Союз выстоял под страшным ударом германских фашистов. Несмотря на свою военную мощь объединенной против СССР Европы, Германия потерпела полное поражение, а СССР, возглавляемый Сталиным, спас человечество от «коричневой чумы».

Роль Сталина в Великой Отечественной войне трудно переоценить. В его руках были сосредоточены решающие рычаги власти в стране. С первых часов войны он твердо держал в руках управление страной, фронтом, тылом. Его деятельность во время войны изо дня в день была огромна по масштабам и охватывала широчайший круг сложнейших проблем — военного, экономического, политического, социального, идеологического, внешнеполитического и многих других важнейших направлений.

Сталину были присущи большие организаторские способности. Он сам много работал, но сумел заставить работать в полую меру сил других, выжать из них все, что они могли дать. «Самый ценный капитал — это люди. Кадры решают всё!» подчеркивал он. Сталин являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны. Он обладал не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями.

Командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке Верховного Главнокомандования, к Сталину и ценили их за исключительную компетентность в руководстве вооруженной борьбой. Характерной чертой работы Сталина были опора на коллективный опыт при разработке оперативно-стратегических планов, высокая требовательность, оперативность, постоянная связь с войсками, точное знание обстановки на фронтах.

Красная Армия в течение 1944 г. на всех стратегических направлениях попеременно разгромила вермахт, освободила территорию СССР, создав условия для последнего рывка на главном направлении — на Берлин. Вермахт получал сокрушительные удары неожиданно, в различных местах. Немецко-фашистские войска метались вдоль фронта, но нигде не смогли отбить ни одного из десяти Сталинских ударов.

Великая Отечественная война ярко раскрыла талант Сталина и как великого полководца, и как блестящего дипломата, и как политика, отдавшего всю свою жизнь служению Отечеству. Думается, что будущие поколения будут помнить вклад «отца народов» в Великую Победу над фашизмом и останутся верными всем тем, кто завоевал для них право на жизнь.

Великая Отечественная война завершилась полной победой над фашистской Германией, взятием Берлина и безоговорочной капитуляцией врага. 8 столиц европейских государств были освобождены Красной Армией.

24 июня 1945 года в Москве состоялся триумфальный парад Победы, где к подножию Мавзолея Ленина были брошены сотни вражеских знамен и личный штандарт Адольфа Гитлера.

В ходе стратегической Маньчжурской операции на Дальнем Востоке за 25 дней была разгромлена Квантунская армия японцев (1,2 млн. чел.). День победы над Японией 3 сентября 1945 г. был объявлен Праздником Победы. В обращении к советскому народу Сталин сказал: «Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке, наступил долгожданный мир для народов всего мира».

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была закономерной, ее основы заложены в огромных социально-экономических завоеваниях, достигнутых советским народом за годы Советской власти. Война доказала жизнестойкость и огромное превосходство социалистического общественного строя над капиталистическим строем в экономической, политической, идеологической и военной областях. Советский социалистический строй вызвал к жизни и привел в действие такие могучие движущие силы нового общества, как идейно-политическое единство советского народа на основе нерушимого союза рабочих и крестьян, советский патриотизм, дружба народов СССР. ■

«МЫ МОЖЕМ БЫТЬ ВАМ ПОЛЕЗНЫ»

Сам факт взаимодействия между спецслужбами Советского Союза и Чехословакии и некоторые его подробности были известны довольно давно по публикациям историков, воспоминаниям отдельных участников событий. Но при этом некоторые исследователи утверждали, что инициатором сближения разведслужб СССР и Чехословацкой Республики стала советская сторона. Но так ли это было на самом деле? Открыть неизвестные детали прошлого позволяют рассекреченные недавно документы Российского государственного военного архива.

16 мая 1935 года в Праге был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи. Без промедления его ратифицировали в Москве и Праге. Это соглашение положительно сказалось на укреплении связей между армиями двух стран.

Так, уже в конце мая в Советском Союзе принимали делегацию военно-воздушных сил ЧСР во главе с дивизионным генералом Ярославом Файфром. 31 мая он посетил Центральный аэрогидродинамический институт, научно-исследовательское учреждение авиационной промышленности СССР. Вечером, после визита в ЦАГИ, в разговоре с советскими коллегами Файфр заявил следующее: «Мы окружены со всех сторон такими странами, как Германия, Польша, Франция, хорошо знаем, что делается в этих странах. Особенно хороша у нас информация о Германии, так как говорящего по-немецки чеха нельзя отличить от коренного жителя Германии. Этими сведениями о Германии мы могли бы поделиться с вами, если это понадобится».

В отчете о беседе эти слова генерала нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов отчеркнул красным карандашом. Возможно, это было самое первое или одно из самых первых предложений чехословаков.

Во время больших маневров Киевского военного округа (12–17 сентября) и после них (24 сентября) начальник Разведупра РККА С. П. Урицкий несколько раз встречался со своим коллегой, начальником 2-го отдела Главного штаба чехословацкой армии полковником

▲ Урицкий С.П.

▲ Людвик Крейчи

Шимоном Дргачом и с начальником Главного штаба генералом армии Людвиком Крейчи. Они настойчиво предлагали Советскому Союзу сотрудничество в области разведки против Германии.

Начав еще на маневрах с намеков «на необходимость более тесной связи между разведками СССР и ЧСР», Дргач в конце концов сказал прямо: «По поручению начальника Генштаба КРЕЙЧИ — я вам делаю официальное предложение об обмене агентурными материалами по Германии» и далее сообщил кое-что о возможностях своего ведомства: «Мы, чехи, имеем огромные возможности работать в Германии, мы знаем в совершенстве язык, многие немецкие офицеры связаны с Чехословакией — имеют там земли, родственников и другие связи. Наши люди очень легко акклиматизируются у немцев; наконец, мы широко используем германскую эмиграцию, которая ненавидит гитлеровский режим. Мы располагаем, по моему мнению, очень неплохими источниками по сухопутным и воздушным силам Германии, кое-что имеем по германской химии, ничего не имеем по морскому флоту и очень мало по Восточной Пруссии».

«Раньше, — продолжал полковник, — мы больше всего работали против Венгрии, теперь Германия у нас на первом плане. Сведениями о Германии мы делимся с французами, а о Венгрии — с Югославией и Румынией». Но при этом заметил: «Румынии очень опасно давать агентурный материал, у них много продажных типов».

Желание как можно быстрее прийти к соглашению, на деле начать обмен материалами и наладить взаимопомощь побудили чехословацких разведчиков первыми предоставить советской стороне некоторую имеющуюся у них информацию. В ходе беседы Дргач напомнил собеседнику, что он передал уже через советского военного атташе в Праге Емельянова-Сурика часть добытых ими сведений о германской авиации с тем, чтобы «положить начало обмену материалов». И заявил о готовности предоставить все эти данные полностью, но при том условии, что и Разведупр будет делиться со 2-м отделом информацией о Германии. В таком случае полковник готов был даже указать персонально ответственного офицера в немецком Министерстве авиации, который является его источником.

Намекнул Дргач и на возможную помощь в организации в Германии «диверсионной службы» для СССР, как раз то, что они уже делали тогда для Франции. «Сейчас, когда дело продвинулось к войне, — пояснил Дргач, — мы обнаружили, что у французов нет совершенно в Германии диверсионной службы. По просьбе французов мы налаживаем им, вернее помогаем налаживать, создание диверсионных ячеек на железных дорогах и военных предприятиях». И добавил: «Вы, русские, с вашей разведкой поставлены в не менее трудное положение, чем французы. Нам известно, как мало у вас людей, владеющих языками, и с каким трудом ваши люди акклиматизируются за границей».

Зашла речь и о германских коммунистах. Начальник чехословацкой военной разведки заметил, что ему вполне понятно, почему советские коллеги их не используют, ведь «среди них гестапо насадило много провокаторов». На что Урицкий «с предельным внешним выражением искренности» сказал, что главная причина отказа от работы с членами КПГ в другом: «Я вам категорически заявляю, что наше правительство не потерпит и расправится с каждым из нас, который вздумал бы в своей работе пользоваться помощью иностранных коммунистов». На самом деле, как теперь уже хорошо известно, такая работа велась постоянно, невзирая даже на запрет Политбюро ЦК ВКП(б).

Не обошел вниманием Дргач и деятельность советской разведки в его стране. «Нам известно, что вы уже давно перестали вести нелегальную разведку против нас. Мы это отмечаем с признательностью, и вы, наверное, даже не представляете, как высоко мы это проявление лояльности ценим. Но для работы против Германии вам трудно обойтись без Чехословакии, хотя бы только как исходного или промежуточного пункта. Поэтому, отказавшись от работы против нас, надо сделать следующий шаг — работать вместе».

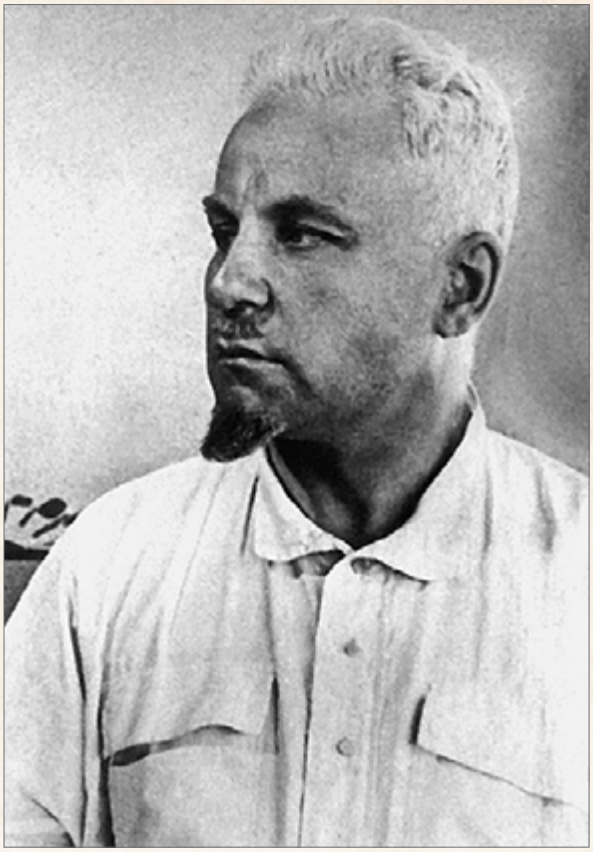
Известно, что, начав сотрудничать с СССР, 2-й отдел ГШ ЧСА отказался от совместной многолетней работы с поляками против Страны Советов. Дргач привел и другой пример такого рода: нелегальное бюро английской разведки в Праге занималось разведывательной деятельностью против Германии и Советского Союза. «Моя агентура, во 2-е бюро входит также контрразведка, вскрыла это бюро. Я вызвал к себе английского полковника, возглавлявшего пражское нелегальное бюро «Интеллидженс Сервис», и предложил ему легализоваться в своей работе против Германии, что касается их работы против СССР, я указал на все неудобства подобной работы с нашей территории». Попытка Урицкого уточнить характер указанной деятельности англичан не увенчалась успехом, «Дргач прямо сказал, что больше ничего об этом сказать не может».

К сказанному главой РО ЧСА начальник Главного штаба Крейчи добавил, что после оказанного им приема, «лучше которого ничего нельзя представить», не может быть никаких препятствий для сотрудничества разведок двух стран — «этого естественного и наиболее интимного контакта обеих армий». Генерал еще раз подчеркнул: «Я думаю, мы можем быть вам полезны в общей борьбе против общего врага. Германия — наш общий враг, придется драться вместе. Наши разведывательные возможности против Германии таковы, что мы их сами полностью не можем использовать».

И он перешел к конкретным моментам возможного обмена информацией, которые в докладе С. П. Урицкого К. Е. Ворошилову были подчеркнуты. «Итак, как угодно будет НАРОДНОМУ КОМИССАРУ — или мы передаем каждые шесть месяцев все имеющиеся у нас материалы по Германии, а вы нам свои. Или же,

▲ Литвинов М.М

▲ Артузов А.Х.

по образцу нашей работы с Францией, каждые 6 месяцев поочередно в Прагу и Москву приезжаете вы и Дргач и производите совместную работу по обмену информацией. Мы вам можем быть полезны и в другом, а именно в переотправке ваших людей и их легализации в Германии. Одним словом, и я и ДРГАЧ в вашем распоряжении».

В ходе предполагаемого взаимодействия чехословацкие военные рассчитывали на «взаимную 100%-ную откровенность» и высокий уровень секретности всего предприятия, предложив начальнику РУ следующее: «Об обмене кроме вас персонально и кроме вашего начальника Генерального штаба и НАРКОМА никто не должен знать».

Вновь вопрос «о взаимном обмене сведениями об армиях», а также «об обмене стажерами» поставил военный атташе ЧСР в Москве полковник Франтишек Дастих, посетивший Отдел внешних сношений Разведупра в ноябре 1935 года. При этом, запросив некоторые сведения об РККА, он сообщил, что советский военный атташе Емельянов-Сурик, «за исключением наиболее секретных вещей, имеет возможность видеть и получать все, что он хочет». Так оно, наверное, и было, поскольку нарком обороны согласился передать Главному штабу ЧСР ответы на все его вопросы.

После посещения Праги в декабре 1935 года заместителем начальника Разведупра РККА корпусным комиссаром А. Х. Артузовым соглашение о сотрудничестве было утверждено и в новом 1936 году перешло в практическую плоскость.

Советский полпред в Чехословакии Александровский проинформировал наркома по иностранным делам М. М. Литвинова 14 февраля 1936 года: «За последнее время в Праге побывали из числа наших военных т. Артузов по служебным делам и т. Уборевич проездом в отпуск. Первый рассказывал мне, что он многое получил от чехов и вообще очень доволен своим приездом».

15 марта 1939 года гитлеровские войска оккупировали Чехословакию. Одним из главных центров связи разведок СССР и ЧСР стал Лондон, куда перебралась накануне вторжения группа чехословацких разведчиков во главе с Франтишеком Моравцем. Налаживая работу на новом месте сразу по многим направлениям, они создавали линии связи и с советскими коллегами.

Начальник сектора разведки 2-го отдела чехословацкого Главного штаба полковник Эмиль Штранкмюллер вспоминал: «Уже 16 или 17 марта мы встретились с военным атташе советского посольства в Лондоне генерал-майором Черным в квартире нашего военного и военно-воздушного атташе полковника Калы. В присутствии всей особой военной группы, в том числе и меня, полковник Моравец рассказал генералу Черному о последних событиях в Чехословакии и познакомил его вкратце с нашей миссией. Пообещал, что передаст ему результаты разведывательной деятельности 2-го отдела против

нацистской Германии в форме заключения нашей исследовательской группы. После того как мы получили свои материалы, которые привез из Праги майор британской разведки Гарольд Гибсон, мы несколько раз встречались с этим советским представителем в его квартире или у полковника Калы».

В дальнейшем взаимодействие двух союзных разведок осуществлялось при посредничестве военного атташе и резидента в Лондоне Склярова, военного атташе майора (затем подполковника) Сизова и советника-посланника, а также резидента советской внешней разведки Чичаева, состоявших при союзных (Польша, Югославия, Чехословакия) правительствах в Великобритании. Штранкмюллер рассказывал много лет спустя: «Информацию «Франты» (сотрудника абвера Пауля Тюммеля. — В.С.) и другие результаты нашей разведывательной деятельности мы передавали полковнику Сизову, который нас регулярно навещал. Сизов или его коллега Чичаев наши материалы сравнивали с имеющейся у них информацией, оценивали ее со своей точки зрения и выводы сообщали нашим людям. Особо важные данные президент Бенеш лично передавал советскому послу Майскому».

К этому нужно добавить, что полковник Моравец, утверждают некоторые исследователи, был завербован советской военной разведкой и действовал под псевдонимом Барон. А возможностями его ведомство обладало немалыми — и на оккупированной территории Чехословакии, и в других странах, причем не только Европы. Множество важной информации поступало от него в Москву. Семен Константинович Тимошенко, нарком обороны СССР в 1940–1941 годах, вспоминал: «Донесения нашего военного атташе в Лондоне я получал всегда сразу же, как только они поступали. Были там и данные, которые передавала нам чехословацкая разведывательная служба. Без всякого преувеличения должен сказать, что некоторые из них казались невероятными и даже провокационными. Однако наша проверка этих сообщений и время показали, что в большинстве случаев речь шла о правдивой и удивительно точной информации».

В ряде случаев сотрудничество с людьми Моравца осуществлялось на месте, как, например, в Швеции (Чаславка), Румынии (Пика), Югославии (Гиеке-Стой, Гьюрич), Турции (Пика, Кумпошт), Швейцарии (Седлачек), Иране (Гиеке-Стой). Кроме того, в рядах лондонской службы Моравца находился, по крайней мере, еще один советский военный разведчик — Бедржих Биехал, переброской которого на Запад в 1939-м занимался лично «Директор» — начальник 5-го Управления РККА И.И. Проскуров и его опытная сотрудница Мария Полякова. Бедржих и его жена поддерживали связь с Центром с помощью рации. После войны он был награжден советским орденом Отечественной войны 1-й степени (1966).

Развернулось сотрудничество советской разведки и с военными группами некоммунистического Движения сопротивления (ДС) в Чехословакии. Связь с отдельными людьми и группами ДС поддерживали сотрудники Генерального консульства СССР в Праге Мохов (Михайлов), Яковлев, Беер (Конрад). Они занимались этим лично или через посредников.

▲ Тимошенко С.К.

▲ Франтишек Моравец

Одним из таких промежуточных звеньев был подчиненный Мохова руководитель советской разведывательной группы в 1937–1941 годах майор чехословацкой военной разведки Рудольф (или Йозеф) Едличка (Руди). В преддверии войны майор получил от резидента рацию, шифры и расписание выхода в эфир (позывной «Магда»). Помимо собственной информации он передавал в Центр сведения от разведчиков и организаций ДС, в том числе связанных с чехословацким правительством в эмиграции. Среди них одна из крупнейших военных организаций УВОД (UVOD — Центральное руководство Движением Сопротивления в стране).

В своей телеграмме президенту Бенешу в Лондон (30 июля 1940 года) руководители УВОДа назвали Едличку «наш майор, хороший чех на их службе». Взаимодействие УВОДа и еще одной военной группы ПВВЗ (PVVZ — Совет пяти «Останемся верны») с резидентурой советской военной разведки становится более тесным с лета 1940 года. Этому предшествовала встреча одного из видных деятелей движения Сопротивления подполковника Йозефа Балабана («Богуш») с представителем советской разведки («атташе»), видимо, атташе по печати генерального консульства СССР, помощником резидента Куртом Беером. Он заверил Балабана, что Советский Союз заинтересован в восстановлении независимой ЧСР и поддержании дружеских отношений между двумя странами. Что же касается советско-германского конфликта, то он уже близок и к нему надо готовиться. «Атташе» предложил программу сотрудничества в области разведки, которая предусматривала передачу сведений о немецкой разведывательной сети и агентах, действующих против СССР, о дислокации немецких воинских частей и учреждений в протекторате, о военном производстве на заводах Шкода, ЧКД, Збройовка, причем особое внимание следовало обратить на новые типы танков, создание переправ в Германию через Судеты для советских разведчиков, установление надежной курьерской и радиосвязи с СССР, составление плана выброски парашютистов и оружия, акций саботажа в случае конфликта, прямое сотрудничество советских и чехословацких разведчиков в Германии.

Из этого обширного плана действий практически удалось осуществить не все, на территории протектората наиболее эффективным оказался обмен информацией. УВОД передал советским коллегам данные о том, что война против СССР начнется во второй половине 1941 года, а наступлению будет предшествовать мощный удар авиации. Сообщалось также о переброске войск на восток, в места сосредоточения немецкой армии. Среди этих документов были довольно точные сведения о числе и характере военной техники, о горючем и других материалах, которые перевозились по территории протектората. Ценной была информация о подготовке нацистского наступления на Балканах, о немецком шпионаже в СССР и др. 6 и 14 июня 1941-го Рудольфу переданы новые данные о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Согласно одному из донесений от 27 апреля, нацисты запретили пльзеньской Шкодовке отправлять в СССР произведенную для него продукцию и дали полтора месяца на завершение финансовых операций по советским заказам.

Сведения к Руди поступали с мая 1939-го и от видного историка и публициста, крупного деятеля некоммунистического движения Сопротивления Ярослава Папоушека (Божка), который в 1936–1938 годах контактировал с советской военной разведкой в рамках секретного сотрудничества Разведупра РККА со 2-м отделом чехословацкого Главного штаба. Большую помощь в подпольной работе, в том числе как связная, ему оказывала его жена — Надежда Папоушкова-Мельникова. После войны Бенеш писал (1948), что Попоушек был одним из лучших источников информации о подготовке Германией войны против СССР.

Находясь в Англии, полковник Моравец продолжал работу. Он поддерживал довольно тесный контакт с официальным представителем советской разведки в Лондоне Иваном Андреевичем Чичаевым.

Одним из вопросов, который в то время продолжал беспокоить советское руководство, была возможность сепаратных соглашений союзников с нашим общим противником — Германией. Любая информация на этот счёт представляла интерес. Известно, что и знаменитый полёт «Чёрной Берты» — перелёт Гесса в Великобританию накануне нападения Германии на Советский Союз — представлял большой интерес и для разведки, и для правительства СССР, тем более что всё, связанное с этим перелётом, англичане строго засекретили. Секретность, кстати, не снята и по сей день.

Поэтому сообщение, поступившее из Лондона от Моравца, было немедленно доложено Сталину.

«Совершенно секретно.

Государственный Комитет обороны Союза ССР.

Товарищу Сталину. Товарищу Молотову.

Начальник чешской военной разведки полковник Моравец сообщил резиденту НКВД в Лондоне следующее:

Распространённое мнение о том, что Гесс прилетел в Англию неожиданно, является неверным. Задолго до совершения перелёта Гесс имел переписку по этому вопросу с лордом Гамильтоном. В этой переписке подробно обсуждались все вопросы организации перелёта. Однако сам Гамильтон в переписке участия не принимал. Все письма Гесса на имя Гамильтона адресату не попадали, а получались „Интеллидженс сервис", где составлялись также ответы Гессу от имени Гамильтона. Таким путём англичанам удалось заманить Гесса в Англию. Полковник Моравец заявил также, что он лично видел переписку между Гессом и Гамильтоном. По заявлению Моравца, в письмах Гесса достаточно ясно излагались планы германского правительства, связанные с нападением на Советский

▲ Р. Гесс в самолете перед отлетом в Англию

Союз. В этих же письмах содержались аргументированные предложения о необходимости прекращения войны между Англией и Германией.

В заключение полковник Моравец заявил, что англичане, таким образом, располагают письменными доказательствами виновности Гесса и других нацистских главарей в подготовке нападения на СССР.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

(Л. Берия)

Основание: телеграмма из Лондона № 450 от 21.10.42 г.»

***

29–30 сентября 1938 года лидерами Великобритании, Франции, Германии и Италии было подписано печально известное Мюнхенское соглашение, предусматривавшее отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области, а также удовлетворение территориальных притязаний к Чехословакии со стороны Венгрии и Польши. Это соглашение предопределило захват Германией всей Чехословакии в 1939 году.

Сразу после заключения Мюнхенского соглашения подал в отставку шеф чехословацкой разведки полковник Гаек. На его должность с поста руководителя военной разведки был переведён Франтишек Моравец.

Начальник абвера адмирал Канарис предложил Моравцу встретиться в Швейцарии, но под благовидным предлогом тот отклонил это предложение.

Абвер и СД нагнетали обстановку, подготавливая сепаратистскую акцию в Словакии. В окрестностях Братиславы действовала радиоточка резидентуры абвера и СД. 14 марта 1939 года была объявлена независимость Словакии, а на другой день войска вермахта вошли в Прагу. Специальное подразделение абвера попыталось захватить архивы чешской разведки. Но мелкий архивный служащий лишь разводил руками: они уже сожжены.

Моравец и десять офицеров его штаба успели погрузить ящики с самыми секретными досье в самолёт голландской авиакомпании КЛМ и вылетели на нём в Лондон. Среди спасённых досье было и «дело» агента А-54.

Моравец со своим штабом обосновался в отеле «Ван Дейк» и начал работать в тесном контакте с британской разведкой. Его основной задачей было обеспечение работы резидентур чешской разведки, находившихся в Цюрихе, Белграде, Гааге и в Стамбуле, а также поддержание контакта с движением Сопротивления в Чехословакии, которая теперь стала называться «протекторатом Богемия и Моравия». Там правили палачи чешского народа шеф СД Рейнхард Гейдрих и верховный судья оберфюрер СС Альфред Функ, которым чешское движение Сопротивления вынесло смертный приговор. Под руководством Моравца в его службе проходили подготовку три чешских патриота: Йозеф Габчик, Ян Кубиш и Йозеф Валчик. Они и должны были ликвидировать Гейдриха.

Гейдрих прибыл в Прагу 28 сентября 1941 года и на следующий день объявил в стране чрезвычайное положение. В его указе, в частности, говорилось: «Решения военно-полевых судов обжалованию не подлежат. Смертные приговоры приводятся в исполнение немедленно, через расстрел или повешение». В ту же ночь он отправил донесение в Берлин Борману: «...сегодня в 22 часа радио огласит следующие смертные приговоры... они приведены в исполнение... Прошу вас сообщить об этом фюреру». И так продолжалось все восемь месяцев, отпущенных ему судьбой — до 27 мая 1942 года. В этот день в Праге на крутом повороте улицы Влалчик был смертельно ранен Гейдрих.

Нацистский судья Функ, не ушёл от заслуженной кары. Год спустя он был ликвидирован в Ровно советским разведчиком Н. И. Кузнецовым.

По мнению чешских историков, полковник Моравец, разведка которого к этому времени стала филиалом британской, руководствовался двумя соображениями. Первое: показать, что западные державы хотя и медлят с открытием второго фронта, всё же не сидят сложа руки. Второе, главное и совершенно секретное, связано с судьбой начальника абвера адмирала Канариса. Тот в это время вёл двойную игру: вступив в контакт с британской, а возможно, и американской разведкой,

▲ Адмирал Канарис

он снабжал их ценной информацией. Канарис решил помочь Англии и США сбросить Гитлера, сохранив при этом политическое и социально-экономическое устройство Германии. Но Гейдрих в чём-то подозревал Канариса, на адмирала было заведено секретное досье. Чтобы уцелел Канарис, было решено ликвидировать Гейдриха.

Полковник Моравец охотно и честно помогал советской разведке, хотя он, как и чехословацкое правительство в лондонской эмиграции, находился под опекой англичан. Информация чешского полковника была достоверной. Она подтверждала сведения, которые советская разведка и раньше получала о контактах Гесса с английской стороной до его перелёта в Шотландию.

Некоторый интерес представляет документ германских секретных служб «Список лиц, подлежащих аресту в Великобритании после её оккупации». Он был составлен между 1938 и 1940 годами в VI управлении РСХА — службы внешней разведки, которым руководил Вальтер Шелленберг. В этом списке наряду с Уинстоном Черчиллем, Зигмундом Фрейдом, де Голлем под номером 173 числится «Моравец Франтишек, род. 23 июля 1895 года, Частлав, прежде чешский капитан, Лондон. Данные РСХА 4Д6».

12 января 1941 года в Стамбул из Москвы неожиданно приехал подполковник Людвик Свобода, бывший командир чехословацкого легиона, сформированного из солдат и офицеров ЧСА в Польше, воевавшего с немцами на территории этой страны и интернированного в СССР. Вместе с ним в Турцию прибыл человек, которого Свобода представил военному атташе Чехословакии в Турции (и руководителю чехословацкой военной разведки на Балканах) генералу Гелиодору Пике как «генерала Фокина — представителя московского центра». Целью визита были переговоры о сотрудничестве разведслужб в преддверии советско-германской войны.

Кем же был посланец Кремля? Некоторую ясность в данный вопрос внес чехословацкий разведчик Франтишек Гиеке (Стой). Вспоминая стамбульский эпизод, он рассказал следующее: «В то время я был болен и лечился в стамбульской больнице. Вскоре после приезда Свобода навестил меня там и сообщил, что в Стамбул прибыл шеф советской разведывательной службы Министерства внутренних дел генерал Фокин».

Более точное название этой должности до февраля 1941-го — начальник 5-го (иностранного) отдела ГУГБ НКВД СССР. А занимал ее тогда, как теперь известно, Павел Михайлович Фитин. О том, что именно он посетил тогда Турцию, говорит и такой факт: впоследствии Фитина наградили грамотой «За освобождение Чехословакии», которая была выписана на имя генерала Фокина и подписана Свободой.

Переговоры начались уже на следующий день и продолжались до 23 января. В них участвовали с советской стороны Фитин и вице-консул в Стамбуле Вершанский (видимо, Лев Петрович Василевский), с чехословацкой — Гелиодор Пика и его заместитель Прокоп Кумпошт. Главные предложения, сделанные «Фокиным», согласно донесениям чехословацких разведчиков, касались прибытия в Москву чехословацкой военно-разведывательной миссии, «чтобы под руководством советского главного штаба организовать разведку на чешских землях, на Балканах и в Германии», а также создать на территории СССР воинские части из чехов и словаков («когда позволит международная обстановка»).

Советский генерал просил поторопиться с ответом, поскольку нападение Германии на Советский Союз, по его словам, «может стать реальностью в течение нескольких месяцев». Фитин выразил уверенность в том, что именно его страна нанесет поражение германскому фашизму и освободит «чешский народ».

То, о чем шла речь в Стамбуле, в конце концов, осуществилось. Миссия во главе с генералом Пикой начала свою деятельность в Москве уже в конце апреля того же года. Но официальной она стала только после 18 июля 1941-го, когда в Лондоне было подписано советско-чехословацкое военное соглашение. Чехословацкая воинская часть (1-й отдельный батальон — 1-я отдельная бригада — 1-й армейский корпус) создается в конце 1942 года, и с марта 1943-го она участвует в боях на фронтах Великой Отечественной. А в 1945-м Красная Армия освобождает Чехословакию.

***

Бытует мнение, что в 1930-х годах у советской нелегальной разведки не было в Европе союзников на государственном уровне — одни лишь враги и недоброжелатели. Это не так. 16 мая 1935 года в Праге, по инициативе местных властей был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи, предусматривавший укрепление дружественных связей не только между вооруженными силами двух государств, но также между их спецслужбами.

Уже летом того же года Прагу посетила представительная делегация советской военной разведки — Разведупра Рабоче-Крестьянской Красной Армии — во главе с заместителем начальника этой спецслужбы А. Х. Артузовым. От чехословацкой стороны в конфиденциальных

▲ Фитин П.М

встречах участвовали начальник 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба полковник Шимон Дргач и начальник военной агентуры полковник Моймир Соукуп.

В подписанных документах делался упор на два основных направления совместной работы — обмен информацией и агентурную деятельность.

Конечно, буржуазная Прага пошла на добровольный контакт с «красной» Москвой не от хорошей жизни...

К тому времени чехословацкая внешняя разведка располагала разветвленными агентурными сетями в Германии, Югославии, Венгрии, Болгарии, Румынии, имела соглашение о сотрудничестве со спецслужбами Франции, Польши и Швейцарии. На первый взгляд, швейцарская военная разведка не представляла никакой реальной силы, поскольку в ее штате, кроме начальника Роже Массона, числился еще всего лишь один офицер. Однако крайне важным было то обстоятельство, что швейцарцы согласились предоставить чехам «крышу».

Вообще, в тот период, когда в воздухе уже ощущался резкий запах военной грозы, нейтральная Швейцария, благодаря своему географическому положению, являлась крупным международным шпионским центром. Стекавшаяся в Прагу из многих источников информация все явственнее говорила о том, что Гитлер готовится предъявить претензии на Судетскую область Чехословакии, населенную тремя с половиной миллионами этнических немцев, значительная часть которых активно поддерживала политику Берлина. С другой стороны, сведения, полученные чехами из источников в среде французской политической элиты, свидетельствовали о том, что в случае нападения Гитлера на Судетскую область Париж воздержится от применения военной силы против агрессора, ограничившись дипломатическими протестами.

Чехословакия, хотя и располагала одной из наиболее отмобилизованных армий в Европе, все же не могла в одиночку противостоять фашистской военной машине. Прага рассчитывала, что в сложившихся условиях ее защитницей, по крайней мере, на политической арене, могла бы стать и Страна Советов.

Весь 1935 год прошел под знаком укрепления взаимосвязей двух разведок, правда, пока только в форме обмена делегациями. При этом именно чехословацкая сторона прилагала максимум усилий для того, чтобы как можно быстрее перевести достигнутые договоренности и пожелания в практическое русло. В середине сентября в Советском Союзе состоялись крупномасштабные учения Киевского военного округа, на которых в качестве наблюдателей от ЧСР присутствовали начальник Главного штаба генерал армии Людвиг Крейчи и уже известный нам полковник Дргач.

В ходе этих учений и после них гости из Праги неоднократно встречались с начальником Разведупра С. П. Урицким.

Урицкий хорошо знал обстановку и в Германии, и в Чехословакии, основываясь не только на агентурных данных, но и на личном опыте, поскольку в 1920-х годах подолгу пребывал в этих странах. Искусный собеседник, он легко нашел со своими гостями общий язык, не замедлив доложить Сталину о содержании бесед с чехами.

Контакты продолжали развиваться. В ноябре военный атташе ЧСР в Москве полковник Франтишек Дастих посетил Отдел внешних сношений Разведупра, а в декабре очередной визит в Прагу нанес Ар-

▲ Ворошилов К.Е

▲ Никонов А.М.

тузов. В ходе этих контактов состоялся первый обмен конфиденциальной информацией по Германии.

С нового, 1936 года сотрудничество двух разведок обрело наконец практический характер.

Уже в январе в Праге состоялась секретная встреча представителей двух разведок, которые сопоставили свои данные о вермахте, частях СС и полицейских формирований Германии. Советскую делегацию возглавил заместитель начальника Разведупра комдив Никонов.

6 марта чехи официально отмежевались от прежней договоренности с польскими коллегами по части шпионажа против Советского Союза. В письме, направленном в Варшаву, говорилось: «В связи с изменением политических отношений между ЧСР и СССР, мы отказываемся от постоянного сотрудничества со 2-м отделом польского Главного штаба, в той его части, которая касается СССР».

С 27 мая в Праге начал действовать совместный разведывательный центр ВОНАПО (позднее ВОНАПО-2, чья аббревиатура расшифровывалась как «Военный наблюдательный пункт»). Эта секретная структура располагала собственной агентурной сетью в составе 16-ти резидентур на территории Германии и Австрии.

В течение второй половины 36-го года руководители чехословацкой разведки дважды приезжали в Москву. Во время одного из визитов гостей из Праги принял маршал Тухачевский, тогдашний первый заместитель наркома обороны. В ходе дружественной, откровенной беседы маршал высказал особый интерес к сведениям о новейшей германской военной технике. Чехи обещали усилить агентурную работу в этом направлении.

Постепенно сотрудничество двух разведок приобретало непрерывный характер. Как известно, начиная с осени 1936 года Советский Союз приступил к отправке в Испанию — группами и поодиночке — тщательно отобранных «добровольцев» из числа военнослужащих, в чьи задачи входило «теневое» руководство боевыми действиями республиканской армии, планирование военных операций, создание системы подготовки и обучения командных кадров. Москва не желала афишировать участие своих кадровых военных в гражданской войне на Пиренеях, поэтому их переезд проходил под покровом строжайшей тайны, по поддельным документам, «удостоверяющим», что «добровольцы» являются гражданами нейтральных стран. Одним из основных перевалочных пунктов стала Чехословакия. Служба разведки ЧСР предоставила советской стороне свои тайные коридоры, по которым наши военные советники под видом эмигрантов или туристов добирались сначала до Франции, а оттуда попадали в Испанию. Еще одним фактом, свидетельствовавшим о доверии Праги к советским коллегам, стало предоставление Разведупру сведений, получаемых от самого засекреченного агента чехословацкой

разведки, фигурирующего в сводках под кодом А-54.

10 февраля 1936 года на имя майора Бартика, шефа чехословацкой контрразведки — «Хромого дьявола», как называл его Канарис, поступило анонимное письмо. Автор сообщал, что он, немец по национальности, имеет доступ к закрытой информации, которую готов поставлять чешской разведке. Аноним указал также адрес почтового ящика, через который с ним можно связаться. Не исключалось, что за этим письмом стояла тонко спланированная провокация, но Франтишек Моравец, в то время первый заместитель начальника службы разведки ЧСР, решил рискнуть. Он распорядился наладить контакт с добровольным корреспондентом, указав в ответном письме адрес почтового ящика в Праге для секретной корреспонденции.

Вскоре от того поступило еще несколько писем со сведениями, характер которых подтверждал, что речь идет о весьма серьезном источнике. Моравец поручил майору Бартику встретиться с немцем, что называется, «прощупать» его и в случае благоприятного впечатления обговорить с тем вопросы дальнейшего сотрудничества.

Эта встреча состоялась 6 апреля того же, 1936 года в приграничной Судетской области. Немец так и не назвал Бартику ни своего имени, ни места своей службы, как не ответил и на вопрос, что заставило его искать контакты именно с чешской разведкой. Вместе с тем он дал понять, что имеет возможность получать сведения из ближайшего окружения фюрера и что материальное вознаграждение его не интересует. Они договорились о каналах связи, при этом майор Бартик сообщил, что агенту присваивается кодовый псевдоним А-54.

Лишь много позднее выяснилось, что подлинное имя агента А-54 — Пауль Тюммель (по другой версии, Кюммель). Он был личным другом рейхсфюрера Гиммлера, имел золотой значок «Ветеран сражений». С 1933 года числился в штате Абвера. По личному распоряжению Гиммлера был назначен в отделение Абвера, которое занималось чехословацким направлением и было расквартировано в Дрездене. Там Тюммеля знали под именем доктора Хольма он руководил особо агрессивными разведсетями Нетц 1 и Нетц 2.

В последующем А-54 передал Праге огромный массив ценнейшей информации. Он сообщал о планах Гитлера в отношении ЧСР, о подготовке терактов, о поддержке нацистами словацких сепаратистов, об агентах Абвера, внедренных в вооруженные силы страны и в органы госбезопасности. В частности, благодаря полученным от него сведениям, был разоблачен офицер чешского Главного штаба майор Кальман, оказавшийся хорошо законспирированным агентом Канариса. Весной 1938-го года А-54 передал чехословацкой разведке информацию о германских агентах, которые занимались шпионажем против СССР с территории сопредельных государств, в частности, прибалтийских республик. Для проверки этих сведений в Прибалтику выехали в качестве «туристов» два офицера службы разведки Главного штаба. Сведения подтвердились. После возвращения офицеров в Прагу результаты их командировки были обработаны и переданы советским коллегам. В итоге германское шпионское гнездо, «свитое» в Прибалтике, было нейтрализовано.

Никто никогда так и не узнал, что заставило его по своей инициативе решиться стать осведомителем чешской разведки: личные причины, политические убеждения или разногласия? Ясно было одно: деньги и материальные блага его не интересовали.

А-54 стал уникальным источником разведывательных данных о планах и действиях нацистов в отношении Чехословакии. Моравец, поддерживавший дружеские отношения с английским резидентом в Праге Гибсоном, поделился с ним информацией, полученной от А-54. В ответ Гибсон заверил его в том, что в случае гитлеровской оккупации Моравец будет хорошо принят в Лондоне. И сдержал своё обещание.

Что касается А-54 — Тюммеля, то после оккупации Чехословакии связь с ним поддерживалась через резидента чешской разведки в Гааге майора Алоиса Франка, а затем, после оккупации Голландии, через группу полковника Хуравы, связанную с Лондоном.

Именно Тюммель (новый псевдоним «Фанта») снабдил чешскую, а через неё английскую разведку точными данными о планах нападения на Великобританию («Морской лев»), на СССР («Барбаросса») и Грецию («Марита»).

Рискуя жизнью, Поль Тюммель работал на чешскую разведку до своего ареста 20 марта 1942 года. Поскольку Тюммель был личным приятелем Гиммлера, его делом занимался сам Рейнхард Гейдрих. Но он пережил Гейдриха — его поместили в концлагерь и расстреляли лишь за двенадцать дней до конца Второй мировой войны, 27 апреля 1945 года.

В 30-х годах возникла необходимость подготовить чехословацкую армию в возможному военному контакту с гитлеровской Германией.

Ключевыми изменениями, которые начальник Генерального штаба Крейчи провел в армии, были изменения в командном составе, стратегии армии военного времени (прикрытие и маневренный компонент), моторизация и механизация армии, продление срока полной службы, увеличение бюджета армии и новый 6-й мобилизационный план. 20 марта 1935 года было создано Управление фортификационных работ, и он был назначен на должность председателя Фортификационного совета, который должен был действовать как руководящий орган по строительству укреплений.

Будучи самым высокопоставленным офицером, он добивался увеличения численности армии в мирное время, постоянно призывая к организации учений армии. После оккупации Австрии 12 марта 1938 года измененный 6-й мобилизационный план был завершен

▲ Бенеш Эдвард

Генеральным штабом уже в апреле 1938 года (вермахт же не мог внести аналогичные изменения до сентября 1938 года). После того как разведка сообщила о концентрации немецких войск в Саксонии, северной Австрии и южной Силезии, по согласованию с президентом и правительством были проведены учения армии. В июле 1938 года вступил в силу новый 7-й Мобилизационный план, который уже предусматривал только мобилизацию в западной Чехии и отступление на Богемско-Моравскую возвышенность после наступления вермахта.

Опасаясь, что это вмешательство армии станет предлогом для нападения нацистской Германии, Крейчи вновь потребовал от правительства и президента принятия оборонительных мер. Они согласились лишь призвать часть резервистов для специальной подготовки.

Еще два меморандума о серьезности ситуации, датированные концом сентября, были адресованы общественности и политикам. 17 сентября 1938 года Крейчи обратился к президенту Эдварду Бенешу с просьбой о немедленной мобилизации, но получил отказ. Он подал президенту прошение об отставке, которое также было отклонено. Через французского генерала Гамелена Крейчи просил Францию поддержать предложение о мобилизации, однако правительства Великобритании и Франции вновь решительно отвергли мобилизацию в Чехословакии.

Крейчи снова потребовал объявления мобилизации 21 сентября, и снова безуспешно. 21 сентября 1938 года чехословацкое правительство приняло британско-французский ультиматум об уступках в пограничной зоне, который оно отвергло накануне. Однако Конрад Генлейн не принял эти уступки по приказу Гитлера, посчитав их уже недостаточными.

Только 22 сентября 1938 года ему удалось добиться объявления полного закрытия границы, а затем всеобщей мобилизации 23 сентября 1938 года, когда президент Эдвард Бенеш назначил его главнокомандующим вооруженными силами. Мобилизация прошла успешно и армия была готова к обороне.

В Мюнхене в ночь на 29 сентября было подписано соглашение о сдаче пограничных территорий Германии. Утром 30 сентября 1938 года Крейчи был вызван президентом в Прагу, где вместе с генералами Лужей, Войцеховским и Прхалой отстаивал необходимость в оказании сопротивления вермахту чехословацкой армией.

После принятия Мюнхенского соглашения армия начала демобилизацию. В марте 1939 года Крейчи жил в Праге, позже был вынужден переехать на родину жены в Яблонне-над-Орлици. 14 октября 1941 года он был арестован гестапо и после допросов в Праге отправлен в концентрационный лагерь Терезин. В июле 1942 года он был освобожден гестапо. В октябре 1942 и августе 1943 года, несмотря на постоянную слежку, Крейчи поддерживал финансами отряд сопротивления под руководством Ярослава Квапила.

После разгрома гитлеровской Германии Крейчи вернулся в армию, но уже 1 февраля 1947 года был отправлен в отставку. После прихода к власти коммунистов в июле 1950 года его понизили до рядового, а в мае 1953 года лишили пенсии. Он работал подсобным рабочим на национализированной пуговичной фабрике в Яблонне-над-Орлици, ранее принадлежавшей семье его жены. После вмешательства Маршала Советского Союза И. С. Конева ему была назначена частичная пенсия в 1969 году. ■

П.А. СУДОПЛАТОВ

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В ИСПАНИИ

▲ П.А. Судоплатов, 1937 г.

СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич (1907-1996), генерал-лейтенант, в 30-е годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД. Во время Великой Отечественной войны начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ, после Победы возглавлял особую группу МГБ, заместитель начальника Первого (разведывательного) Главного управления МГБ.

Во время пребывания в Барселоне я впервые встретился с Рамоном Меркадером дель Рио, молоденьким лейтенантом, только что возвратившимся после выполнения партизанского задания в тылу франкистов. Обаятельный молодой человек — в ту пору ему исполнилось всего двадцать лет. Его старший брат, как мне рассказали, геройски погиб в бою: обвязав себя гранатами, он бросился под немецкий танк, прорвавшийся к позициям республиканцев. Их мать Каридад также пользовалась большим уважением в партизанском подполье республиканцев, показывая чудеса храбрости в боевых операциях. Тогда я и не подозревал, какое будущее уготовано Меркадеру: ведь ему было суждено ликвидировать Троцкого, причем операцией этой должен был руководить именно я.

В течение 1936-1939 годов в Испании шла, в сущности, не одна, а две войны, обе не на жизнь, а на смерть. В одной войне схлестнулись националистические силы, руководимые Франко, которому помогал Гитлер, и силы испанских республиканцев, помощь которым оказывал Советский Союз. Вторая, совершенно отдельная война шла внутри республиканского лагеря. С одной стороны, Сталин в Советском Союзе, а с другой — Троцкий, находившийся в изгнании: оба хотели предстать перед миром в качестве спасителей и гарантов дела республиканцев и подчинить своему руководству испанское революционное антифашистское движение.

В Испанию мы направляли как своих молодых, неопытных оперативников, так и опытных инструкторов-профессионалов. Эта страна сделалась своего рода полигоном, где опробовались и отрабатывались наши будущие военные и разведывательные операции. Многие из последующих ходов советской разведки опирались на установленные в Испании контакты и на те выводы, которые мы сумели сделать из своего испанского опыта. Да, республиканцы в Испании потерпели поражение, но люди, работавшие на Советский Союз, стали нашими постоянными союзниками в борьбе с фашизмом. Когда гражданская война в этой стране завершилась, стало ясно: в мире не остается больше места для Троцкого.

Н. ЭЙТИНГОН — РУКОВОДИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

В Испании же произошла и моя новая встреча с Эйтингоном, одним из видных руководителей советской разведки в 20-50-х годах. С ним я познакомился еще пять лет назад, когда он возглавлял 1-е отделение (нелегальная разведка) Иностранного от-

дела. (Эйтингон в 20-30-х годах руководил созданием агентурной сети за границей, не связанной в своей деятельности с официальными представителями советских организаций за рубежом).

В Испании Эйтингон, майор госбезопасности (до 1945 года в советских органах госбезопасности была специальная система воинских званий, отличных от Красной Армии. Воинское звание майора (ромб на петлицах) примерно соответствовало званию комбрига. Оно было ниже ранга «комиссар госбезопасности», которое позднее было приравнено к званию «генерал-майор»), отвечал за ведение партизанских операций в тылу франкистов и внедрение агентуры в верхушку фашистского движения. Его псевдоним в Испании был «Генерал Котов», а в Центре он проходил под именами «Том» и «Пьер». Именно Эйтингон, выполняя инструкции Центра, организовал в 1938 году мое возвращение в Москву. Он сопровождал меня до Гавра и посадил на борт советского судна. До сих пор помню, как он выглядел: посмотришь на него и подумаешь, что это обычный французский уличный торговец — без галстука, в неизменном кепи, которое он носил даже в жару.

▲ Н. Эйтингон

Наум Исаакович Эйтингон родился 6 декабря 1899 года в Белоруссии, в городе Шклов, неподалеку от Гомеля, откуда была родом моя жена. На Лубянке и среди друзей его звали Леонид Александрович, так как в 20-х годах евреи-чекисты брали себе русские имена, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей национальности как среди осведомителей и информаторов из кругов дворянства и бывшего офицерства, так и коллег, с которыми они работали.

Семья Эйтингонов принадлежала к самым бедным слоям общества, однако в Европе и США у них были весьма состоятельные родственники.

Эйтингон вступил в ряды партии эсеров в 1917 году. Годом позже в возрасте девятнадцати лет он пошел в Красную Армию и вскоре был направлен на работу в ЧК. В 1919 году его назначили заместителем председателя ЧК Гомельской области. Он вышел из партии эсеров и присоединился к большевикам в 1920 году. Карьера Эйтингона началась тогда, когда он принял активное участие в подавлении восстания белогвардейских офицеров в Гомеле, во время которого им удалось ненадолго захватить город.

Дзержинский заметил молодого чекиста и послал его руководить ЧК в Башкирии для подавления бандитизма. Там в бою с местными бандитами он был ранен в ногу и частенько жаловался мне впоследствии на боли в ноге. В 1921 году его направили в Москву в военную академию, где он учился вместе с будущими видными военачальниками. Помню, он показывал мне фотографии, запечатлевшие его с Чуйковым, впоследствии маршалом, защитником Сталинграда.

По завершении учебы в военной академии Эйтингона направили на работу в Иностранный отдел ОГПУ. Европейская родня отказалась выполнить его просьбу прислать необходимые рекомендации, бумаги и деньги для поездки в Западную Европу. А это могло быть его легальным прикрытием для оперативной работы. В результате Эйтингона послали в Китай в качестве резидента ОГПУ: сначала в Шанхай (там он работал совместно с сетью Разведупра Красной Армии, включавшей также как одного из агентов Рихарда Зорге), а затем в Пекин и Харбин.

Эйтингону удалось добиться освобождения группы советских военных

советников, захваченных китайскими националистами в Маньчжурии. Столь же успешно провел он и другую операцию, сорвав попытку агентов Чан Кайши захватить советское консульство в Шанхае. После этого его отозвали в Москву.

На короткое время в 1930 году Эйтингон становится заместителем Серебрянского, начальника Особой группы при председателе ОГПУ. Этот самостоятельный и независимый от Иностранного отдела разведывательный Центр был создан Менжинским, преемником Дзержинского, в 1926 году как параллельная разведывательная служба для глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического характера и подготовки диверсионных операций в Западной Европе и Японии в случае войны. С этой целью Эйтингон ездил из Китая в США (Калифорнию) для организации там агентурной сети. В 1932 году Эйтингона перевели в Иностранный отдел, руководимый Артузовым, а позднее Слуцким, в качестве начальника отделения, координировавшего работу нелегальных резидентур. Наряду с этим он отвечал также за изготовление поддельных паспортов для тайных операций за рубежом.

Когда мы впервые встретились с ним в Москве в 1933 году, я был новым инспектором в отделе кадров. В ту пору мы не были особенно близки, поскольку он занимал более высокое положение, чем я. В его лице я видел опытного руководителя разведки, уважаемого за успехи в работе и профессиональное мастерство, поэтому ему была поручена работа с нелегалами — святая святых в нашем деле. В те годы этой работе придавалось важнейшее значение, поскольку резидентур под дипломатическим прикрытием было у нас относительно немного. Мы стремились к тому, чтобы наши агенты в случае провала не могли навести западные спецслужбы на советские полпредства за рубежом.

Красивое лицо Эйтингона и его живые карие глаза так и светились умом. Взгляд пронзительный, волосы густые и черные, как смоль, шрам на подбородке, оставшийся после автомобильной аварии (большинство людей принимало его за след боевого ранения), — все это придавало ему вид бывалого человека. Он буквально очаровывал людей, наизусть цитируя стихи Пушкина, но главным его оружием были ирония и юмор. Пил он мало — рюмки коньяка хватало ему на целый вечер. Я сразу же обратил внимание на то, что этот человек нисколько не похож на высокопоставленного спесивого бюрократа. Полное отсутствие интереса к деньгам и комфорту в быту у Эйтингона было просто поразительным. У него никогда не было никаких сбережений, и даже скромная обстановка в квартире была казенной.

Помню, я как-то раз принес ему личное дело молодого чекиста, служившего возле польской границы, с просьбой по возможности перевести его на работу в качестве одного из сотрудников отделения, которым Эйтингон руководил. В деле находилась записка заместителя начальника отдела украинского ГПУ, рекомендовавшего его для службы в Польше недалеко от того места, где тот жил и работал. Эйтингону не хотелось посылать этого молодого человека в Польшу, рядом с границей, где того могли узнать. И он прокомментировал это так: «Если этого парня, не имеющего никакого опыта, поймают при обычной проверке, то чья голова тогда полетит? Если я стану слушать подобные рекомендации, надо будет завести специальную корзину для собирания голов».

Я решил, что вопрос закрыт и ему не хочется, чтобы его беспокоили по поводу устройства этого человека. Но неожиданно Эйтингон сам позвонил Минскеру, возглавлявшему отделение по Дальнему Востоку, и предложил ему взять на работу этого сотрудника.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ АКЦИИ В ИСПАНИИ В 1936–1939 гг.

С именем Эйтингона в Испании связан ряд неизвестных эпизодов важнейших внешнеполитических акций советского руководства, осуществленных в годы гражданской войны. Ему удалось склонить к сотрудничеству одного из основателей фашистской партии-фаланги Фердинандо де Куэста. Ему, единственному лидеру фашистов из оказавшихся в плену у республиканцев, была сохранена жизнь. Через нашего нелегала «Юзика» (Григулевича) с помощью де Куэсты удалось поддерживать тайный канал переговоров с Франко. Де Куэсту позднее обменяли на видных республиканцев в 1938 году. К сожалению, через него при его тайном посредничестве не удалось договориться о мирном компромиссе в гражданской войне после разгрома итальянского экспедиционного корпуса в боях под Гвадалахарой в марте 1937 года. Однако, по рекомендациям Куэсты, удалось выйти на ряд видных чиновников из окружения Франко и принудить их к сотрудничеству с советской разведкой.

Эйтингоном была также проведена глубокая разведка тылов фашистских войск на Арагонском фронте. Полученные данные, однако, не сыграли должной роли. Неожиданный удар республиканцев в сражении на реке Эбро в 1938 году хотя и задержал наступление войск Франко, но не изменил общего неблагоприятного развития военной обстановки.

Тайные посреднические переговоры велись под контролем Эйтингона с одним из основателей испанской компартии Х. Эрнандесом — министром юстиции в республиканском правительстве. У него в эмиграции в Мексике резко обострились отношения с Долорес Ибаррури и Х. Диасом, находившимися в Москве. Попытки Эйтингона личной перепиской с «Педро» урегулировать конфликт успеха не имели. В Москве Эрнандеса объявили агентом и раскольником, «подручным Тито».

Следующая наша встреча, оперативная, была уже в Испании, откуда он нелегально переправлял меня во Францию в 1938 году после ликвидации Коновальца. Эйтингона послали в Испанию двумя годами раньше в качестве заместителя резидента, отвечавшего за партизанские

▲ Франко

операции, включая диверсии на железных дорогах и аэродромах. После того как Никольский, наш резидент в Испании (под именем Александр Орлов), в июле 1938 года исчез, Эйтингон стал резидентом. Я не мог не оценить искусства, с которым он адаптировался к местным условиям.

В 1939 году в гражданской войне в Испании победил Франко и Эйтингон перебрался во Францию, где несколько месяцев реорганизовывал и восстанавливал все то, что осталось от его агентурной сети, и поддерживал связь с Гайем Берджесом — одним из членов кембриджской группы, проходившим под кодовым именем «Девушка». Затем Берджес был передан на связь Горскому — резиденту НКВД в Англии. Примерно в то же время Эйтингону удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой племянника главы испанской фашистской партии Примо де Ривейры, друга Гитлера. До 1942 года он был важным источником информации о планах Франко и Гитлера. В 1938 году Центр был буквально взбешен бегством нашего резидента в Испании Орлова. Вскоре мы узнали, что он сбежал, боясь ареста. Однако Эйтингон предложил, несмотря на измену Орлова, продолжать контакты с членами кембриджской группы, поскольку Орлов, проживая в Соединенных Штатах, не мог выдать своих связей с этими людьми без риска подвергнуть себя судебному преследованию. В 1934-1935 годах Орлов жил в Англии по фальшивому американскому паспорту, поэтому если бы американская контрразведка проверила кембриджскую группу, то Орлов мог не получить американское гражданство и был бы депортирован из США. Более того, всплыли бы нежелательные для него факты: террористические операции под его руководством и с его участием против троцкистов и агентов НКВД, подозреваемых в двойной игре в Испании.

В 1941 году Эйтингон был направлен в Турцию и пробыл там почти весь 1942 год под именем Леонида Наумова. Там он готовил покушение на Франца фон Папена, тогдашнего германского посла в Турции. По слухам, фон Папен должен был возглавить правительство Германии в случае отстранения Гитлера от власти генералами вермахта. Это открывало путь к сепаратному миру между Германией, Англией и США. Попытка покушения оказалась неудачной — наш агент-болгарин нервничал, и бомба взорвалась раньше времени у него в руках. В результате сам он погиб, а фон Папен отделался лишь легкими царапинами.

В последующие годы моя жена и Эйтингон, как выяснилось, оказались настроенными куда более реалистично в оценке наших порядков, чем я. Я помню, Леонид часто говорил, к примеру, что партия больше не является отрядом единомышленников, преданных социалистическим идеям и принципам справедливости, а стала всего лишь машиной для управления страной. Сначала его шутки в адрес руководства страны расстраивали меня, но затем я привык к ним и стал понимать, насколько он прав, полагая, что наши лидеры ставили свои собственные корыстные интересы выше интересов народа и советского государства. Жена, однако, всегда одергивала Эйтингона, едва он начинал жаловаться на раздутые привилегии кремлевского руководства. «С одной стороны, — говорила она, — я согласна с тобой. Слишком много людей пользуются ими, и в большинстве ни за что и, уж конечно, не за свой тяжелый труд. Не забывай, однако, что и ты, и твоя семья получали льготы и так же, как и мы, не думали отказываться от них».

В последние годы своей жизни Эйтингон был женат на Пузыревой, единственной женщине — сотруднице КГБ, награжденной британским орденом.

Эйтингон вторично был арестован вместе со мной на волне, последовавшей за отстранением Берии от власти в 1953 году, и освобожден только в 1964-м. Эйтингон скончался в 1981 году, не будучи реабилитированным — официально он считался просто выпущенным на свободу преступником. Лишь в апреле 1992 года семья получила свидетельство о его посмертной реабилитации.

Леонид был по-настоящему одаренной личностью и не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал бы научную карьеру. До сих пор в памяти живет шутка: «При нашей системе есть лишь одна, впрочем, тоже не гарантированная, возможность не закончить свои дни в тюрьме. Надо не быть евреем или генералом госбезопасности».

В 1992 году дочь Эйтингона Светлана позвонила мне по телефону и попросила принять свою дальнюю родственницу из Англии, которая приехала в Москву собирать материалы для книги об Эйтингонах. Во время нашей встречи в мае 1992 года я узнал от нее, что ветви «клана» Эйтингонов можно найти в Белоруссии, Москве, Нью-Йорке и Лейпциге. Однако родственники, которые переехали из Европы в Америку и пользовались особыми льготами по торговле меховыми изделиями из Советского Союза, не играли никакой роли в профессиональной карьере Эйтингона, и он не поддерживал контактов с ними даже после освобождения из Владимирской тюрьмы.

Сообщения, появившиеся ранее на Западе, в которых Эйтингону приписывалась важная роль в проведении операции похищения в 1937 году в Париже генерала Миллера, руководителя РОВСа (Российский Общевоинский Союз), не соответствуют действительности. Похищен он был при участии эмигрировавшего в Париж генерала Скоблина (кодовая кличка «Фермер»), действовавшего под непосредственным руководством Шпигельглаза. Скоблину удалось заманить Миллера на явочную квартиру НКВД, где якобы должна была состояться его встреча с офицерами германской разведки. Там он и был задержан. В связи с исчезновением Миллера французские власти заявили решительный протест советскому послу во Франции, настаивая на том, что тот был на самом деле похищен и доставлен на борт советского судна. Они даже угрожали послать свой эсминец для перехвата в море советского судна. Наш посол Суриц категорически отверг все обвинения, предупредив французов, что они понесут ответственность, если мирное советское судно будет остановлено и обыскано ими в международных водах. В любом случае, по словам посла, генерала Миллера там все равно не найдут. В результате

▲ Генерал Миллер Е.К.

▲ Скоблин, фото 1917 г.

советское судно не было задержано и благополучно проделало свой путь от Гавра до Ленинграда. Миллер был доставлен в Москву, где его допрашивали, он отказался подписать обращение к белой эмиграции о прекращении борьбы с советской властью, был судим и расстрелян в 1939 году на Лубянке. Его похищение наделало в то время много шума. То, что генерала удалось обезвредить, привело к развалу всей организации бывших царских офицеров, сорвав планы их сотрудничества с немцами в войне против нас.

Скоблин бежал из Парижа в Испанию на самолете, заказанном для него Орловым (когда Орлов в 1938 году бежал, он сохранил золотое кольцо Скоблина в качестве доказательства своей причастности к этому делу). Сам Скоблин погиб во время воздушного налета на Барселону в период гражданской войны в Испании. Его женой была известная русская певица Надежда Плевицкая, поддерживавшая связь с НКВД. Она не подозревала, что Шпигельглаз руководил операцией по захвату Миллера, и считала его другом своего мужа. Она только знала, что Шпигельглаз («Дуглас») был связан с советскими представителями и поддерживал их материально. Ее арестовали во Франции за соучастие в похищении Миллера и приговорили к двадцати годам каторжных работ. Она умерла в тюрьме в 1944 году. Если бы Скоблин проводил эту операцию, как пишут некоторые «знатоки» истории нашей разведки, с ведома немцев, то Плевицкая была бы освобождена ими, или, во всяком случае, немцы обязательно попытались бы ее использовать, чтобы выйти на связи нашей разведки во Франции.

▲ Плевицкая, 1940 г.

ВСТРЕЧА С БЕРИЕЙ

Но возвратимся к событиям 1938 года. Получив мое послание из Парижа об успешном проведении операции по ликвидации Коновальца, Шпигельглаз вызвал к себе мою жену и сказал: «Андрей (моя кодовая кличка) находится в безопасности. Он видел, как люди бросились к месту происшествия, и ему стало все ясно. Ведь в Западной Европе никто не побежит ради того, чтобы посмотреть на лопнувшую поблизости автомобильную шину».

В июле 1938 года судно, на котором я находился, пришвартовалось в ленинградском порту. Я тут же выехал ночным поездом в Москву. На вокзале меня встречали Пассов, только что назначенный вместо Слуцкого, Шпигельглаз и моя жена. Меня поздравляли и обнимали. Надо ли говорить, как я был счастлив возвратиться в Москву к прежней жизни. Я считал ликвидацию Коновальца оправданной со всех точек зрения и гордился тем, что при взрыве не пострадали невинные люди. Ни у абвера, ни у организации украинских националистов не было улик, чтобы раскрыть истинные причины гибели Коновальца. Конечно, они могли подозревать курьера или связника, прибывшего на встречу в Роттердам, но в их руках не было никаких доказательств.

Было еще важное обстоятельство, убеждавшее меня, что дело выполнено правильно. Те националистические лидеры, с которыми я сталкивался г. Берлине и Варшаве, принадлежали к так называемым «прозападным» украинцам, они уже плохо владели родным языком, мешая украинские слова с немецкими, и мне часто приходилось поправлять их. Эти люди, как я искренне считал, были обречены самой историей. Полностью отрезанные от реальной жизни на Украине, они не понимали сущности и силы советской системы. Не знали они и о подъеме украинской литературы и искусства. Образование свое они получили в основном в Вене или Праге. Украинская культура и язык в польской Галиции

▲ Берия Л.П.

в то время безжалостно подавлялись местными властями. Регулярно следя за периодикой, они, тем не менее, не могли объяснить разницы между колхозами и совхозами или понять взаимоотношения различных государственных и общественных организаций, отвечавших за социальную политику на Украине. Они утверждали, что их взгляды имеют поддержку среди сельского населения и потребкооперации, не зная, что в действительности потребкооперация на селе уже давно стала неотъемлемым атрибутом колхозного строя.

На следующий день рано утром я был вызван к Берии, новому начальнику Главного управления государственной безопасности НКВД, первому заместителю Ежова. До этого о Берии я знал только, что он возглавлял ГПУ Грузии в 20-х годах, а затем стал секретарем ЦК Коммунистической партии Грузии. Пассов, сменивший Слуцкого на посту начальника Иностранного отдела, отвел меня в кабинет Берии рядом с приемной Ежова. Моя первая встреча с Берией продолжалась, кажется, около четырех часов. Все это время Пассов хранил молчание. Берия задавал мне вопрос за вопросом, желая знать обо всех деталях операции против Коновальца и об ОУН с начала ее деятельности.

Спустя час Берия распорядился, чтобы Пассов принес папку с литерным делом «Ставка», где были зафиксированы все детали этой операции. Из вопросов Берии мне стало ясно, что это высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек. Позднее я понял: Берия задавал свои вопросы для того, чтобы лучше понять, каким образом я смог вписаться в западную жизнь.

Особенное впечатление на Берию произвела весьма простая на первый взгляд процедура приобретения железнодорожных сезонных билетов, позволивших мне беспрепятственно путешествовать по всей Западной Европе. Помню, как он интересовался техникой продажи железнодорожных билетов для пассажиров на внутренних линиях и на зарубежных маршрутах. В Голландии, Бельгии и Франции пассажиры, ехавшие в другие страны, подходили к кассиру по одному — и только после звонка дежурного. Мы предположили, что это делалось с определенной целью, а именно: позволить кассиру лучше запомнить тех, кто приобретал билеты. Далее Берия поинтересовался, обратил ли я внимание на количество выходов, включая и запасной, на явочной квартире, которая находилась в пригороде Парижа. Его немало удивило, что я этого не сделал, поскольку слишком устал. Из этого я заключил, что Берия обладал опытом работы в подполье, приобретенным в закавказском ЧК.

Одет он был, помнится, в весьма скромный костюм. Мне показалось странным, что он без галстука, а рукава рубашки, кстати, довольно хорошего качества, закатаны. Это обстоятельство заставило меня почувствовать некоторую неловкость, так как на мне был прекрасно сшитый костюм: во время своего краткого пребывания в Париже я заказал три модных костюма, пальто, а также несколько рубашек и галстуков. Портной снял мерку, а за вещами зашел Агаянц и отослал их в Москву дипломатической почтой.

Берия проявил большой интерес к диверсионному партизанскому отряду, базировавшемуся в Барселоне. Он лично знал Василевского, одного из партизанских командиров — в свое время тот служил под его началом в контрразведке грузинского ГПУ. Берия хорошо говорил по-русски с небольшим грузинским акцентом и по отношению ко мне вел себя предельно вежливо. Однако ему не удалось остаться невозмутимым на протяжении всей нашей беседы. Так, Берия пришел в сильное возбуждение, когда я рассказывал, какие приводил аргументы Коновальцу,

чтобы отговорить его от проведения ОУН террористических актов против представителей советской власти на Украине. Я возражал ему, ссылаясь на то, что это может привести к гибели все украинское националистическое подполье, поскольку НКВД быстро нападет на след террористов. Коновалец же полагал, что подобные акты могут совершаться изолированными группами. Это, настаивал он, придаст им ореол героизма в глазах местного населения, послужит стимулом для начала широкой антисоветской кампании, в которую вмешаются Германия и Япония.

Будучи близоруким, Берия носил пенсне, что делало его похожим на скромного совслужащего. Вероятно, подумал я, он специально выбрал для себя этот образ: в Москве его никто не знает, и люди, естественно, при встрече не фиксируют свое внимание на столь ординарной внешности, что даст ему возможность, посещая явочные квартиры для бесед с агентами, оставаться неузнанным. Нужно помнить, что в те годы некоторые из явочных квартир в Москве, содержавшихся НКВД, находились в коммуналках. Позднее я узнал: первое, что сделал Берия, став заместителем Ежова, это переключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находившейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлений НКВД, которые подверглись репрессиям.

Я получил пятидневный отпуск, чтобы навестить мать, которая все еще жила в Мелитополе, а затем родителей жены в Харькове. Предполагалось, что, возвратясь в Москву, я получу должность помощника начальника Иностранного отдела. Шпигельглаз и Пассов были в восторге от моей встречи с Берией и, провожая меня на Киевском вокзале, заверили, что по возвращении в Москву на меня будет также возложено непосредственное руководство разведывательно-диверсионной работой в Испании.

Во время поездки жена рассказала мне о трагических событиях, которые произошли в стране и в органах безопасности. Ежов провел жесточайшие репрессии: арестовал весь руководящий состав контрразведки НКВД в 1937-м. В 1938 году репрессии докатились и до Иностранного отдела. Жертвами стали многие наши друзья, которым мы полностью доверяли и в чьей преданности не сомневались. Мы думали тогда, что это стало возможным из-за преступной некомпетентности Ежова, которая становилась очевидной даже рядовым оперативным работникам.

▲ Коновалец

Здесь мне хотелось бы привести факт, который при всей его важности не упоминается в книгах, посвященных истории советских спецслужб. До прихода Ежова в НКВД там не было подразделения, занимавшегося следствием, то есть следственной части. Оперработник при Дзержинском (а также и Менжинском), работая с агентами и осведомителями курируемого участка, должен был сам вести следствие, допросы, готовить обвинительные заключения. При Ежове и Берии была создана специальная следственная часть, которая буквально выбивала показания у арестованных о «преступной деятельности», не имевшие ничего общего с реальной действительностью.

Оперативные работники, курировавшие конкретные объекты промышленности и госаппарата, имели более или менее ясные представления о кадрах этих учреждений и организаций. Пришедшие же по партпризыву, преимущественно молодые без жизненного опыта кадры следственной части с самого начала оказались вовлеченными в порочный круг. Они оперировали признаниями, выбитыми у подследственных. Не зная азов оперативной работы, проверки реальных материалов, они оказались соучастниками преступной расправы с невинными людьми, учиненной по инициативе высшего и среднего звена руководства страны. Как результат возникла целая волна

арестов, вызванных воспаленным воображением следователей и выбитыми из подследственных «свидетельствами».

Все мы надеялись, что с назначением Берии в декабре 1938 года наркомом внутренних дел ввиду его высокого профессионализма и в связи с известным постановлением ЦК допущенные перегибы будут выправлены. Понятно, что эта надежда была наивной, но мы искренне верили тогда в порядочность и безусловную честность наших непосредственных руководителей. Мы знали, к примеру, что Слуцкий и Шпигельглаз отправляли из Москвы и устраивали на жительство жен и детей некоторых наших коллег, подвергшихся аресту, чтобы они, в свою очередь, не стали жертвами репрессий.

Из поездки я вернулся в Москву немало озадаченный слухами о творившихся на Украине жестокостях, о которых мы услышали от своих родственников. Я никак не мог заставить себя поверить, к примеру, что Хатаевич, ставший к тому времени секретарем ЦК компартии Украины, был врагом народа. Косиор, якобы состоявший в контакте с распущенной Коминтерном компартией Польши, был арестован в Москве. Подлинной причиной всех этих арестов, как я думал тогда, были действительно допущенные ими ошибки. В частности, Хатаевич во время массового голода дал согласие на продажу муки, составлявшей неприкосновенный запас на случай войны. За это в 1934 году он получил из Москвы выговор по партийной линии. Может быть, думал я, он совершил еще какую-нибудь ошибку в этом же роде. Повторяю снова: увы, я был наивен.

В Москве Пассов и Шпигельглаз сообщили, что меня ожидает новое назначение: должность помощника начальника Иностранного отдела. Это назначение, однако, подлежало еще утверждению ЦК партии, поскольку речь шла о руководящей должности, входившей в номенклатуру. И хотя приказа о моем новом назначении не последовало, фактически с августа по ноябрь 1938 года я исполнял эти обязанности.

ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО

Начало моей новой работы нельзя было назвать удачным. Я быстро понял, что мой начальник Пассов не имел никакого опыта оперативной работы за границей. Для него вопросы вербовки агентов на Западе и контакты с ними были настоящей «terra incognita». Он полностью доверял любой информации, полученной от агентуры, и не имел представления о методах проверки донесений зарубежных источников. Опыт его оперативной работы в контрразведке и в области следственных действий против «врагов народа» не мог ему помочь. Я был просто в ужасе, узнав, что он подписал директиву, позволявшую каждому оперативному сотруднику закордонной резидентуры использовать свой собственный шифр и в обход резидента посылать сообщения непосредственно в Центр, если у него могли быть причины не доверять своему непосредственному начальнику. Лишь позднее стало понятным, почему такого рода документ появился на свет. На Пленуме ЦК партии в марте 1937 года от НКВД потребовали «укрепить кадры» Иностранного отдела. Преступность этого требования заключалась в том, что им прикрывалось желание руководства страны избавиться от ставшего неугодным старого руководства органов советской разведки.

В 1936 году испанские республиканцы согласились сдать на хранение в Москву большую часть испанского золотого запаса общей стоимостью более полумиллиарда долларов. Кроме того, весной 1939 года в Мексику пароходом республиканцами были вывезены из Франции также и большие ценности. В марте 1939 года Агаянц прислал в Центр из Парижа телеграмму, в которой сообщал, что в Москву отосланы далеко не все испанское золото, драгоценные металлы и камни. В телеграмме указывалось, что якобы часть этих запасов была разбазарена республиканским правительством при участии руководства резидентуры НКВД в Испании.

О телеграмме немедленно доложили Сталину и Молотову, которые приказали Берии провести проверку информации. Однако, когда мы обратились к Эйтингону, резиденту в Испании, за разъяснением обстоятельств этого дела, он прислал в ответ возмущенную телеграмму, состоявшую почти из одних ругательств. «Я, — писал он, — не бухгалтер и не клерк. Пора Центру решить вопрос о доверии Долорес Ибаррури, Хосе Диасу, мне и другим испанским товарищам, каждый день рискующим жизнью в антифашистской войне во имя общего дела. Все запросы следует переадресовать к доверенным лицам руководства ЦК французской и испанской компартий Жаку Дюкло, Долорес Ибаррури и другим. При этом надо понять, что вывоз золота и ценностей проходил в условиях боевых действий».

Телеграмма Эйтингона произвела большое впечатление на Сталина и Берию. Последовал приказ: разобраться во взаимоотношениях сотрудников резидентуры НКВД во Франции и Испании.

Я получил также личное задание от Берии ознакомиться со всеми документами о передаче и приеме испанских ценностей в Гохран СССР. Но легче было это сказать, чем сделать, поскольку разрешение на работу с материалами Гохрана должен был подписать Молотов. Его помощник между тем отказывался подавать документ на подпись без визы Ежова, народного комиссара НКВД, — подписи одного Берии тогда было недостаточно. В то время я был совершенно незнаком со всеми этими бюрократическими правилами и передал документ Ежову через его секретариат. На следующее утро он все еще не был подписан. Берия отругал меня по телефону за медлительность, но я ответил, что не могу найти Ежова — его нет на Лубянке. Берия раздраженно бросил:

— Это не личное, а срочное государственное дело. Пошлите курьера к Ежову на дачу, он нездоров и находится там.

Его непочтительный тон в адрес Ежова, кандидата в члены Политбюро, несколько озадачил и удивил меня.

Вместе с курьером нас отвезли на дачу наркома в Озеры, недалеко от Москвы. Выглядел Ежов как-то странно: мне показалось, что я даю документ на подпись либо смертельно больному человеку, либо человеку, пьянствовавшему всю ночь напролет. Он завизировал бумагу, не задав ни одного вопроса и никак не высказав своего отношения к этому делу. Я тут же отправился в Кремль, чтобы передать документ в секретариат правительства. Оттуда я поехал в Гохран в сопровождении двух ревизоров, один из которых, Берензон, был главным бухгалтером ВЧК — НКВД еще с 1918 года. До революции он занимал должность ревизора в Российской страховой компании, помещение которой занял Дзержинский.

Ревизоры работали в Гохране в течение двух недель, проверяя всю имевшуюся документацию. Никаких следов недостачи ими обнаружено не было. Ни золото, ни драгоценности в 1936-1938 годах для оперативных целей резидентами НКВД в Испании и во Франции не использовались. Именно тогда я узнал, что документ о передаче золота подписали премьер-министр Испанской республики Франциско Ларго Кабальеро и заместитель народного комиссара по иностранным делам Крестинский, расстрелянный позже как враг народа вместе с Бухариным после показательного процесса в 1938 году.

Золото вывезли из Испании на советском грузовом судне, доставившем сокровища из Картахены, испанской военно-морской базы, в Одессу, а затем поместили в подвалы Госбанка. В то время его общая стоимость оценивалась в 518 миллионов долларов. Другие ценности, предназначавшиеся для оперативных нужд испанского правительства республиканцев с целью финансирования тайных операций, были нелегально вывезены из Испании во Францию, а оттуда доставлены в Москву — в качестве дипломатического груза.

Испанское золото в значительной мере покрыло наши расходы на военную и материальную помощь республиканцам в их войне с Франко и поддерживавшими его Гитлером и Муссолини, а также для поддержки испанской эмиграции. Эти средства пригодились и для финансирования разведывательных операций накануне войны в Западной Европе в 1939 году.

Вопрос о золоте после разоблачений Орлова в 1953-1954 годах получил новое развитие. Испанское правительство Франко неоднократно поднимало вопрос о возмещении вывезенных ценностей. О судьбе золота меня и Эйтингона допрашивали работники разведки КГБ в 1950-1960 годах, когда мы сидели в тюрьме. В итоге, как мне сообщили, «наверху» было принято решение в 1960-х годах — компенсировать испанским властям утраченный в 1937 году золотой запас поставкой нефти в Испанию по клиринговым ценам.

▲ Орлов-Никольский

В июле 1938 года, накануне побега Орлова, нашего резидента в Испании, циркулировали слухи о том, что он вскоре заменит Пассова на посту руководителя разведки НКВД. Однако арест его зятя, Кацнельсона, заместителя наркома внутренних дел Украины, репрессированного в 1937 или 1938 году, испугал Орлова.

ЛИКВИДАЦИЯ ТРОЦКИСТОВ ЗА РУБЕЖОМ

Настоящая фамилия Орлова-Никольского — Фельдбин, он же «Швед» или «Лева» в материалах оперативной переписки. На Западе, впрочем, он стал известен как Александр Орлов. Я встречался с ним и на Западе, и в Центре, но мимолетно. Тем не менее считаю важным остановиться на этой фигуре подробнее, так как именно его разоблачения в 50-х и 60-х годах в значительной мере способствовали пониманию характера репрессий 37-го года в Советском Союзе. Кстати, вопреки его утверждению, Орлов никогда не был генералом НКВД. На самом деле он имел звание майора госбезопасности, специальное звание, приравненное в 1945 году к рангу полковника. В начале 30-х годов Орлов возглавлял отделение экономической разведки Иностранного отдела ОГПУ, был участником конспиративных контактов и связей с западными бизнесменами и сыграл важную роль в вывозе новинок зарубежной техники из Германии и Швеции в Союз.

Вдобавок Орлов был еще и талантливым журналистом. Он не был в Москве, когда шли аресты и расправы в 1934-1937 годах, но его книжная версия этих событий была принята публикой как истинная. Некоторые из наших авторов даже используют эту версию еще и сегодня для описания зверств сталинского режима. Конечно, в том, что им написано, немало правды, но надо помнить: этот человек был не слишком осведомлен о реальных событиях. Орлов отлично владел английским, немецким и французским языками. Он весьма успешно играл на немецком рынке ценных бумаг. Им написан толковый учебник для высшей спецшколы НКВД по привлечению к агентурному сотрудничеству иностранцев.

Раиса Соболь, ближайшая подруга моей жены, ставшая известной писательницей Ириной Гуро, в 20-х годах работала в Экономическом отделе ГПУ под его началом и необычайно высоко его ценила. Из числа своих осведомителей Орлову удалось создать группу неофициальной аудиторской проверки, которая выявила истинные доходы нэпманов. Этой негласной ревизионной службой Орлова руководил лично Слуцкий, в то время начальник Экономического отдела, который затем, став руководителем Иностранного отдела, перевел Орлова на службу в закордонную разведку. В 1934-1935 годах Орлов был нелегальным резидентом в Лондоне, ему удалось закрепить связи с известной теперь всему миру группой: Филби, Маклин, Берджес, Кэрнкросс, Блантидр.

В августе 1936 года он был послан в Испанию после трагического любовного романа с молодой сотрудницей НКВД Галиной Войтовой. Она застрелилась прямо перед зданием Лубянки, после того как Орлов покинул ее, отказавшись развестись со своей женой. Слуцкий, его близкий друг, немедленно выдвинул его на должность резидента в Испании перед самым назначением Ежова наркомом внутренних дел в сентябре 1936 года. Орлову поручались ответственейшие секретные задания, одним из которых была успешная доставка золота Испанской республики в Москву. За эту дерзкую операцию он был повышен в звании. Газета «Правда» сообщала о том, что старший майор госбезопасности Никольский награждается орденом Ленина за выполнение важного правительственного задания. В том же номере газеты сообщалось, что майор госбезопасности Наумов (в действительности — Эйтингон) награждается орденом Красного Знамени, а капитан госбезопасности Василевский — орденом Красной Звезды.

Орлова весьма уважал также и Шпигельглаз. Он часто посещал Испанию и рассказывал мне о том, что находившийся там Орлов прекрасно справлялся с заданиями по вербовке важной агентуры.

Кстати, Орлов сыграл видную роль в ликвидации руководителя испанских троцкистов Андрея Нина. Вся операция по изъятию Нина из тюрьмы была проведена при личном участии Орлова-Никольского с помощью специальной группы боевиков — немецких антифашистов, бойцов диверсионного партизанского отряда. Во главе немецкой группы был Густав Руберлейн, впоследствии во времена ГДР заведующий международным отделом ЦК Социалистической Единой партии Германии. Участие немцев в этой акции как бы подтверждало версию Никольского о причастности немецких спецслужб к похищению своего агента из республиканской тюрьмы. Тем не менее скандал, связанный с похищением Нина так и не был урегулирован. Республиканское правительство крайне болезненно реагировало на этот инцидент. Именно в силу этих обстоятельств Нин за участие в мятеже троцкистов в Барселоне был арестован республиканскими властями, а потом похищен Орловым из тюрьмы и убит неподалеку от Барселоны.

▲ Шпигельглаз С.М.

Акция по ликвидации Нина фигурирует в архивах НКВД как операция «Николай». Предыстория этого дела связана с успешным проникновением агентов Орлова-Никольского в троцкистское движение. Через министра республиканского правительства Каталонии Гаодосио Ориверо удалось блокировать прибытие анархистских подкреплений на помощь троцкистским мятежникам в Барселоне в июне 1937 года. Кроме того, завербованный Никольским начальник Каталонской республиканской службы безопасности В. Сала — «Хота» регулярно сообщал о намерениях троцкистов и способствовал полному контролю над перепиской и переговорами всех руководителей троцкистского движения в Каталонии, где оно имело свою опору.

Именно «Хота» захватил немецких курьеров, спровоцировавших беспорядки в Барселоне, которые быстро переросли в вооруженное выступление троцкистов. Неопровержимые доказательства причастности немецких спецслужб к организации беспорядков в Барселоне кардинально скомпрометировали троцкистских лидеров. Затем Орлов написал антитроцкистский памфлет, распространив его от имени Андрея Нина, и создал принятую официальными властями версию о содействии немецких спецслужб побегу Нина из-под стражи. Эта акция нанесла серьезный урон престижу троцкистского движения в Испании. Об успешных дезинформационных действиях Орлова и ликвидации троцкистов в Испании Ежов непосредственно докладывал Сталину.

В июле 1938 года Шпигельглаз, как намечалось заранее, должен был встретиться с Орловым на борту советского судна в бельгийских территориальных водах для получения регулярного отчета. Шпигельглаз подозревал, что у французской и бельгийской спецслужб имеются основания задержать его, так как годом раньше арестовали некоторых его агентов, оказавшихся замешанными в похищении белогвардейского генерала Миллера. По этой причине

▲ Нин Андреу

▲ Коротков

Шпигельглаз боялся сойти на берег. Орлов же боялся совсем другого: он подозревал, что свидание на судне подстроено, чтобы захватить его и арестовать. На встречу со Шпигельглазом он так и не явился.

Орлов скрылся, и лишь в ноябре нам стало известно, что он объявился в Америке. До того как это произошло, я подписал так называемую «ориентировку» по его розыску, которую надлежало передать по нашим каналам во все резидентуры. В этом документе содержалось полное описание Орлова и его привычек, а также описание жены и дочери, которых в последний раз видели вместе с ним во Франции. В ориентировке указывалась причина возможного исчезновения Орлова и его семьи — похищение их одной из спецслужб: британской, германской или французской. В особенности я подчеркивал тот факт, что Орлов был известен французским и британским властям как эксперт советской делегации, участвовавший, притом дважды, в работе Международного комитета за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Другой причиной могла быть его измена: из сейфа резидентуры в Барселоне исчезло шестьдесят тысяч долларов, предназначавшихся для оперативных целей. Его исчезновение беспокоило нас еще и потому, что Орлов был хорошо осведомлен о нашей агентурной сети в Англии, Франции, Германии и, конечно, в Испании.

В ноябре 1938 года меня вызвал Берия и, давая указания, неожиданно распорядился прекратить дальнейший розыск Орлова. Возобновить поиски я должен был лишь по его прямому указанию. Орлов, оказывается, направил из Америки письмо лично Сталину и Ежову, в котором свое бегство объяснял тем, что опасался неизбежного ареста на борту советского судна.

В письме также говорилось, что в случае попыток выяснить его местопребывание или установить за ним слежку он даст указание своему адвокату обнародовать документы, помещенные им в сейф в швейцарском банке. В них содержалась информация о фальсификации материалов, переданных Международному комитету за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Орлов также угрожал рассказать всю историю, связанную с вывозом испанского золота, его тайной доставкой в Москву со ссылкой на соответствующие документы. Это разоблачение поставило бы в неловкое положение как советское правительство, так и многочисленных испанских беженцев, поскольку советская военная поддержка республиканцев в гражданской войне считалась официально бескорыстной. Плата, полученная нами в виде золота и драгоценностей, была окружена тайной. Орлов просил Сталина не преследовать его пожилую мать, оставшуюся в Москве, и, если его условия будут приняты, он не раскроет зарубежную агентуру и секреты НКВД, которые ему известны.

Я не верю, что причина, по которой Орлов не выдал кембриджскую

группу или обстоятельства похищения генерала Миллера, заключалась в его лояльности по отношению к советской власти. Речь шла просто о выживании.

В августе 1938 года я впервые узнал о похищениях и ликвидации троцкистов и перебежчиков, проводившихся ОГПУ — НКВД в Европе в 30-х годах. В этой связи заслуживает некоторых уточнений дело Рейсса (настоящая фамилия Порецкий), разведчика-нелегала, засланного в Западную Европу. Им были получены большие суммы денег, за которые он не смог отчитаться, и Рейсс опасался, что может стать жертвой репрессий. Он взял деньги, предназначавшиеся для оперативных целей, и скрылся. Деньги он положил в один из американских банков. Перед своим побегом в 1937 году Рейсс написал письмо в советское полпредство во Франции, в котором осуждал Сталина. Это письмо появилось затем в одном из троцкистских изданий и стало для него роковым, хотя из досье Рейсса было видно, что он никогда не симпатизировал ни самому Троцкому, ни какой-либо из групп, которые его поддерживали. Тем не менее после появления в троцкистской печати этого письма Рейссу заочно был вынесен смертный приговор.

Рейсс вел довольно беспорядочный образ жизни, и агентурная сеть Шпигельглаза в Париже весьма скоро засекла его. Ликвидация была выполнена двумя агентами: болгарином (нашим нелегалом) Афанасьевым и его шурином Правдиным в Швейцарии. Они подсели к нему за столик в маленьком ресторанчике в пригороде Лозанны. Рейсс с удовольствием выпивал с двумя болгарами, прикинувшимися бизнесменами. Афанасьев и Правдин имитировали ссору с Рейссом, вытолкнули его из ресторана и, запихнув в свою машину, увезли. В трех километрах от этого места они расстреляли Рейсса, оставив труп на обочине дороги.

Я принял Афанасьева и Правдина на явочной квартире в Москве, куда они вернулись после выполнения задания. Вместе с ними был и Шпигельглаз, который их курировал. Афанасьев и Правдин были награждены орденами. По специальному правительственному постановлению мать Правдина, проживавшая в Париже, получила пожизненную пенсию. Афанасьев стал офицером разведки и прослужил до 1953 года, а Правдин поступил на работу в Издательство иностранной литературы в Москве, где работал до своей смерти в 1970 году. По-моему, следует уточнить: слухи о том, что Сергей Эфрон, муж поэтессы Марины Цветаевой, был одним из тех, кто навел НКВД на Рейсса, является чистым вымыслом. Эфрон, работавший на НКВД в Париже, не располагал никакими сведениями о местонахождении Рейсса.

Другой эпизод, также требующий комментариев, касается Агабекова. В 20-х годах Агабеков был резидентом ОГПУ в Стамбуле. Он стал перебежчиком из-за своей близости к Блюмкину, которого обвинили в сочувствии взглядам Троцкого. Полагают, что сыграла свою роль и его любовь к дочери британского разведчика в Стамбуле. Испытывая отчаянную нужду в деньгах, Агабеков написал и опубликовал на Западе две книги. Он также был замешан в темных махинациях с кавказскими эмигрантами, которым обещал контрабандой переправлять спрятанные ими семейные сокровища из Советского Союза.

Сообщалось, что Агабеков пропал в Пиренеях на границе с Испанией. На самом деле его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру, где он должен был якобы договориться о тайном вывозе бриллиантов, жемчуга и драгоценных металлов, принадлежащих богатой армянской семье. Греческий торговец, посредник в сделке, которого он встретил в Антверпене, был Г. Тахчианов — сотрудник-нелегал НКВД во Франции. Он-то и заманил Агабекова на явочную квартиру, сыграв на его национальных чувствах. Там на квартире его уже ждали боевик, бывший офицер турецкой армии, и молодой нелегал Коротков, в 40-х годах ставший начальником нелегальной разведки МГБ СССР. Турок убил Агабекова ножом, после чего его тело запихнули в чемодан, который выкинули в реку. Труп так никогда и не был обнаружен.

Турок и Коротков провели еще одну террористическую операцию в 1938 году. Эйл Таубман, молодой агент с кодовым именем «Юнец», выходец из Литвы, сумел войти в доверие к Рудольфу Клементу, возглавлявшему троцкистскую организацию в Европе и являвшемуся секретарем так называемого IV Интернационала. В течение полутора лет Таубман работал помощником Клемента. Как-то вечером Таубман предложил Клементу поужинать с его друзьями и привел его на квартиру на бульваре Сен-Мишель, где уже находились турок и Коротков. Турок заколол Клемента, опять же тело положили в чемодан, затем бросили в Сену. Тело было найдено и опознано французской полицией, но к этому времени Таубман, Коротков и турок находились уже далеко от Парижа.

В Москве их ждали награды, а я должен был позаботиться об их будущей работе. Турок стал «хозяином» явочной квартиры в Москве. Г. Тахчианов стал одним из руководителей нелегальной разведки в 1940-х годах. Таубман сменил фамилию на Семенов и был послан на учебу в Институт химического машиностроения. Позднее он перешел на службу в органы госбезопасности.

Следующий эпизод связан с судьбой одного из перебежчиков в 30-х годах, Кривицкого. Офицер военной разведки Кривицкий, бежавший в 1937 году и объявившийся в Америке в 1939-м, выпустил книгу под названием «Я был агентом Сталина». В феврале 1941 года его нашли мертвым в одной из гостиниц Вашингтона. Предполагалось, что он был убит НКВД, хотя официально сообщалось, что это самоубийство. Существовала, правда, ориентировка о розыске Кривицкого, но такова была обычная практика по всем делам перебежчиков.

В Разведупре Красной Армии и НКВД, конечно, не жалели о его смерти, но она, насколько мне известно, не была делом наших рук. Мы полагали, что он застрелился в результате нервного срыва, не справившись с депрессией. ■

Памяти генерал-полковника В. М. ИЗМАЙЛОВА

12 января 2026 года на 83-м году жизни скончался видный советский и российский военный и общественный деятель, председатель Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник в отставке **ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович**.

В. М. Измайлов родился 23 марта 1943 года в селе Майкан Андреевского района Алма-Атинской области Казахской ССР.

В Вооружённых Силах СССР и Российской Федерации прослужил более 43 лет, пройдя славный боевой путь от слушателя Пермского высшего командно-инженерного училища до первого заместителя начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых Сил РФ. Военную службу проходил на различных должностях в Ракетных войсках стратегического назначения, на руководящих должностях в подразделениях Главного управления Генерального штаба Вооружённых Сил РФ, в том числе на важнейших направлениях за рубежом. За это время внёс существенный вклад в обес¬печение безопасности Отечества.

Окончил Военную академию Министерства обороны и Военную академию Генерального штаба Вооружённых Сил РФ.

С 2007 года Владимир Макарович возглавлял региональную общественную организацию «Совет ветеранов военной разведки». Инициро¬вал установление и развитие дружеских связей с профильными ветеранскими организациями ряда иностранных государств. Являлся президентом Фонда содействия патриотическому воспитанию молодёжи и преемственности поколений «Верность Отчизне», призванного сохранять преемственность поколений русской разведки. Помогал вдовам погибших разведчиков. Был членом комитета общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов» и членом Президиума.

В лице Владимира Макаровича члены Совета ветеранов военной разведки всегда ощущали всестороннюю поддержку и необходимую помощь в проведении мероприятий. Неизменная черта его духовного облика, его характера — исключительно уважительное отношение к людям, соратникам, ко всем, с кем Владимиру Макаровичу приходилось соприкасаться по жизни и службе, по ветеранской работе. Под его руководством Совет ветеранов военной разведки вносит свой вклад в дело духовно-нравственного воспитания молодежи, сохранения памяти героической истории России.

Родина по достоинству оценила заслуги генерал-полковника В. М. Измайлова, удостоив его орденов «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Александра Невского, «За военные заслуги», Почёта, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» II и III степени, многими медалями.

Светлая память о прекрасном человеке, верном сыне и патриоте Отечества генерал-полковнике Измайлове Владимире Макаровиче навсегда сохранится в наших сердцах.

Ю.Н. ЖУКОВ

ПЕРВЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СССР

▲ Военный конфликт на КВЖД, трофеи противника

Два события, причудливо слившиеся во времени, решительно повлияли и на только что подготовленный пятилетний план, и на сроки его выполнения и сделали слово «темпы» ключевым для нашей страны на ближайшие годы.

Еще летом, 10 июля 1929 года, произошел так называемый советско-китайский конфликт: вооруженное столкновение с милитаристской группой маршала Чжан Сюэляна, сына диктатора Маньчжурии Чжан Цзолина. Сын сохранил не только полную независимость от центрального правительства Китая, достигнутую покойным отцом, но и его патологическую ненависть к коммунистам, враждебность к Советскому Союзу.

Желая безраздельно господствовать в Северо-Восточном Китае, Чжан Сюэлян организовал ничем не спровоцированный налет на советское консульство в Харбине, захватил Китайскую Восточную железную дорогу, принадлежащую СССР. Одновременно его трехсоттысячная армия начала сосредоточиваться близ советской границы, создав непосредственную угрозу для Благовещенска и Хабаровска, для Транссибирской железной дороги.

И тут обнаружилось, что Красная Армия слишком слаба для отпора даже слабо подготовленной, скверно вооруженной, недисциплинированной маньчжурской группировке. Понадобились время и огромные усилия, чтобы перебросить наиболее боеспособные дивизии из европейской части страны на Дальний Восток; сформировать из них Особую Дальневосточную армию (ОДВА), командующим которой назначили В.К. Блюхера, а комиссаром — А.С. Бубнова.

В середине октября ОДВА смогла начать боевые операции. Полтора месяца потребовалось для того, чтобы разгромить войска Чжан Сюэляна, восстановить мир и спокойствие на дальних рубежах.

Угроза позорного поражения заставила Политбюро в самом начале конфликта, 15 июля, срочно обсудить оперативно подготовленные доклады Я.Э. Рудзутака, наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова, отвечающего

Жуков Юрий Николаевич (1938–2023), советский, российский историк, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Родился в Москве в семье генерала, командира армейского корпуса, погибшего в Великую Отечественную войну. Окончил Московский государственный историко-архивный институт. Работал в издательстве «Советская энциклопедия», с 1981 г. перешел на работу в Институт истории СССР (в настоящее время институт российской истории РАН), где проработал до конца жизни. научная сфера деятельности — история России. Многосторонний ученый — историк, находившийся в постоянном научном поиске. Автор шести-томной «Истории советской России и Советского Союза 1917-1954 гг.». Широко известен своими многочисленными научными и научно-публицистическими трудами о Сталине, сталинской эпохе. Исследователь становления органов охраны памятников истории и культуры в СССР. Постоянно выступал на телевидении в телепередачах, посвященных советской и современной истории.

в ВСНХ за военную промышленность И. П. Павлуновского. По этим докладам и было принято сверхсекретное (отпечатанное всего в пяти экземплярах) постановление ЦК «О состоянии обороны СССР».

Оно в преамбуле констатировало, что имеется «целый ряд крупнейших недостатков как в подготовке Красной Армии, так и всего народного хозяйства к обороне:

а) техническая база вооруженных сил все еще очень слаба, и далеко отстает от техники современных буржуазных армий;

б) материальное обеспечение мобилизуемой армии по действующему мобилизационному плану все еще далеко не удовлетворительно;

в) материальные резервы обороны (импортные и внутренние) совершенно недостаточны;

г) подготовка всей промышленности, в том числе военной, к выполнению требований вооруженного фронта совершенно неудовлетворительна».

Постановление категорически потребовало от ВСНХ добиться в ходе выполнения пятилетнего плана, чтобы Красная Армия обязательно получила 3,5 тысячи самых современных самолетов, 4-5 тысяч танков, 12 тысяч орудий.

На практике это означало дополнительное строительство ранее не предусмотренных военных заводов. Требовалось ускорить создание металлургических комбинатов, машиностроительных, станкоинструментальных, шарикоподшипниковых, моторных предприятий — за счет прежних источников финансирования индустриализации.

Однако несоизмеримо большее воздействие оказало на советскую экономику 29 октября 1929 года — день, вошедший в мировую историю, как «черный четверг».

Советские экономисты, как истинные марксисты, всегда предрекали капиталистическим странам скорый и неминуемый кризис. Любой свой прогноз, даже краткосрочный, они начинали с указания на четкие признаки его наступления, реже — только на приближение. То же повторяли и руководители партии, правительства — ибо мечтали о нем, поскольку он должен был стать прелюдией мировой революции.

И все же реальное наступление мирового экономического кризиса в СССР ухитрились поначалу просто проглядеть. Центральный орган ВКП(б) газета «Правда» давала лишь небольшие информации. Лишь спустя некоторое время в Кремле, в Наркомторге осознали, что действительно разразился мировой экономический кризис, и начался он в самый неподходящий для Советского Союза момент. Кризис привел к коллапсу международной торговли, к крушению всех расчетов получить столь необходимую для индустриализации валюту за счет экспорта леса и золота, пушнины и зерна. И за счет экспорта антиквариата, переставшего интересовать кого бы то ни было.

Еще за полгода мирового экономического кризиса не менее острый, но чисто политический кризис захлестнул и ВКП(б). Породил его извечный для России крестьянский вопрос.

...Хлеб требовался Советскому государству, чтобы кормить город. Столь же нужен был хлеб и крестьянам, и не только для пропитания, но и на продажу, для приобретения необходимого: керосина для освещения, сахара, мануфактуры, обуви.

В 1927 году цены на зерно резко упали. Те, кто продавал его государ-

ству, главным образом кулачество, решили хлеб придержать, выждать повышения цен и только тогда продать его, с выгодой для себя. В результате государство получило примерно треть необходимого ему зерна. В 1928 году положение не изменилось.

Хлеб нужен был Советскому государству и для экспорта. Правда, он составлял не такую уж большую величину — каких-нибудь 5-6%. Но даже такая доля после принятия пятилетнего плана стала существенной: она серьезно влияла на баланс внешней торговли, много значила для покупки крайне необходимых машин, строительной техники, оборудования. Именно потому XVI партконференция и осудила «правых», защищавших право крестьян (точнее, лишь кулачества) самостоятельно решать: продавать им хлеб государству или нет.

Всё бы ничего, если бы «правые» предложили свой вариант пополнения валютных запасов, назвав источник финансирования импорта, который покрыл бы недостачу. Однако Н.И. Бухарин, поддержанный М.П. Томским, А.И. Рыковым, секретарем Московской парторганизации Н.А. Углановым, стал настаивать на ином: пусть государство купит за рубежом 80-100 миллионов пудов зерна, истратив 200 миллионов золотых рублей. Да, такое решение вынудит сократить импорт для промышленности, снизит темпы выполнения плана индустриализации года на два — ничего от этого не изменится.

Бухарин настаивал на своем предложении, хотя знал: весной 1929 года заготовки снизились по сравнению с прошлогодними, и без того низкими, чуть ли не в шесть раз. Было ясно, что создавшееся положение вскоре приведет к нехватке хлеба в городах, заставит ввести карточную систему.

Мало того, Бухарин, как общепризнанный лидер «правых», начал переговоры со сторонниками Зиновьева. А это уже угрожало властному положению группы Сталина тем, что она может разделить судьбу троцкистов: будет изгнана из Политбюро, правительства, окажется на задворках политической жизни.

Казалось, у Сталина не осталось выхода: либо придется согласиться с доводами Бухарина, либо самому заключить союз с «левыми».

Сталин сумел найти третий путь.

В канун открытия XVI партконференции, 22 апреля 1929 года, на пленуме ЦК Сталин четко обозначил собственный курс. Он открыто порвал с «правыми», но взял под защиту основную массу крестьян — бедняков, середняков и не пошел на компромисс с «левыми», хотя остался верен идее необходимости скорейшей индустриализации.

Практически не упоминая о пятилетке, в своем выступлении Сталин назвал текущий этап экономической жизни «периодом реконструкции» — реконструкции как промышленности, так и сельского хозяйства. В его изложении пятилетка стала выглядеть затеянной ради тех же крестьян, ради модернизации отсталого сельского хозяйства страны.

▲ На машиностроительном заводе

«Снабжать деревню машинами и тракторами, — сказал Сталин, — невозможно, не развивая индустрии ускоренными темпами». Следовательно, в интересах самого крестьянства всячески способствовать выполнению пятилетнего плана, для чего крайне необходимы регулярные поставки хлеба в надежных размерах. Но это в настоящее время зависит от кулачества. И тут же заметил: «Смешно было бы теперь надеяться, что можно взять хлеб у кулака добровольно».

Развивая мысль, Сталин заставил согласиться слушателей с тем, что кулачество стало «классовым врагом», а проводимый им саботаж — «обострением классовой борьбы». Потому-то, по его словам, при сложившихся обстоятельствах остается одно-единственное решение раскулачивание и насильственное, принудительное изъятие недостающих 150-200 миллионов пудов зерна.

Однако, продолжал он, и это еще не решит проблему в целом, окажется лишь временной полумерой. Ведь мелкие слабые крестьянские хозяйства никогда не смогут стать производителями товарного хлеба. Значит, надо начать их слияние в более крупные –в сельскохозяйственные артели, колхозы. Эти новые хозяйства, получив необходимую технику, прежде всего тракторы, комбайны, и сумеют заменить кулачество.

Пленум поддержал Сталина — хотя всё выглядело так, будто Сталин возвратился к идеям «левых», Преображенского, решив сделать главным источником финансирования индустриализации столь ненавистное троцкистам своей мелкобуржуазной сущностью крестьянство.

Казалось бы, подтверждали такое представление и последовавшие вскоре кадровые перестановки в верхах. В апреле освободили от обязанностей кандидата в члены Политбюро Н. А. Угланова, перевели, фактически сослав, в Астрахань. В ноябре вывели из Политбюро Н. И. Бухарина, поручили ему малозначительную работу в ВСНХ. Приняли добровольную, даже демонстративную отставку М. П. Томского с поста председателя ВЦСПС, утвердив его в должности заместителя председателя ВСНХ — руководителя Всесоюзного объединения химической промышленности. Сняли и М. И. Фрумкина, заместителя наркома финансов, назначили председателем Госрыбсиндиката. Свой прежний пост сохранил только А. И. Рыков.

Вдохновленные переменами, «левые» приободрились и поспешили возобновить пропаганду своих радикальных воззрений. В журналах и газетах они стали преподносить индустриализацию совсем не так, как она задумывалась. «Левые» внушали читателям, что выполнение пятилетки не просто превратит отсталую, аграрную страну в передовую, промышленно развитую, но якобы приведет, наконец, к достижению цели, намеченной Марксом и Энгельсом. Этой целью, движение к которой начал Ленин в октябре 1917 года, было построение социализма в его классической форме — без собственности, государства, даже без семьи.

На столь утопические обещания первыми откликнулись комсомольцы. Еще не имея ничего — ни жилья, ни вещей, они стали «коллективизировать» свой быт, создавать коммуны, где всё уже было общим. К весне 1930 года только в Ленинграде появи-

лось 110 таких коммун с 10 тысячами коммунаров.

Столь же всерьез восприняли наступление социализма через пять лет в «штабе индустриализации», как тогда называли ВСНХ. Именно этот гигантский наркомат в конце 1929 года подготовил, а в начале следующего года провел конкурс проектов «социалистических городов»: Нижнего Новгорода, где уже возводился автомобильный завод, будущих Магнитогорска, Запорожья, Кузнецка, строящихся металлургических комбинатов.

Всё это скорее напоминающее сеанс массового гипноза, нежели трезвое, тщательное и всестороннее составление проектного задания.

Мечта о социализме оказалась столь притягательной и непреодолимой, а желание самим воочию увидеть светлое будущее человечества таким заразительным, что в грезы леворадикалов-утопистов уверовали слишком многие. Даже такие, казалось бы, трезвые люди, как В. В. Куйбышев, направлявший деятельность ВСНХ вот уже четыре года и принимавший самое активное участие в составлении пятилетнего плана, и его заместители: С. С. Лобов, до прихода в ВСНХ руководивший топливным главком Ленинградской области; М. Л. Рухимович, возглавлявший последовательно трест Донуголь и Совнархоз Украины; И. В. Косиор, восстанавливавший грозненские нефтепромыслы.

Все они, да и остальные члены президиума ВСНХ, сами, без давления с чьей-либо стороны весьма своеобразно определили задачи архитекторов. Последним требовалось учесть наиглавнейшее: к окончанию строительства планируемых городов в стране уже настанет социализм. Значит, не будет и семьи.

Архитекторы без возражений приняли условия ВСНХ и спроектировали города, в которых вместо обычного жилья предстояло возводить дома-коммуны, вернее, дома гостиничного типа. В них вместо привычных квартир — жилые ячейки в одну или две комнаты, только для сна и работы. Все остальное — общее для всех жильцов. Столовая, которую должна была снабжать городская фабрика-кухня, прачечная, парикмахерская, помещения для отдыха, индивидуальных и групповых занятий, спортзал, клуб. И еще обязательно «очаг» — совмещенные ясли и детский сад для детей, живущих в доме-коммуне, заботу о которых полностью должно было взять на себя государство.

Кроме жилого сектора в соцгородах, разумеется, намечался и общественный: школы, институты, поликлиники-больницы, театры, стадионы, музеи, библиотеки, кинотеатры, здания общественных собраний.

Проекты, выигравшие конкурс, мгновенно утверждали и незамедлительно стали претворять в жизнь. Однако больше одного-двух кварталов построить не успели.

Внезапно началось отрезвление, осознание того, что поторопились, забежали слишком далеко вперед. Сталину пришлось срочно вмешаться, подкорректировать утопический леворадикальный курс. Этот курс не только противоречил воззрениям, целям его группы, но и не соответствовал реальным условиям.

В марте 1930 года «Правда» опубликовала, а очень многие газеты поспешили перепечатать статью Сталина «Головокружение от успехов», затрагивавшую пока лишь проблемы

▲ Первые трактора

▲ Работницы УралМаша на отдыхе

коллективизации. В ней подчеркивалось: «нельзя насаждать колхозы силой». Вместе с тем шла речь в статье и об иной стороне проблемы. Сталин позволил себе вволю поиздеваться над «революционерами», которые «дело организации артели начинают со снятия с церквей колоколов», стремятся «перепрыгнуть через самих себя», и сделал вывод: «пора положить конец этим настроениям».

По предложению Сталина 16 мая ЦК принял постановление «О работе по перестройке быта», которое вынудило молодежные коммуны самораспуститься, а ВСНХ — прекратить строительство соцгородов. Постановление осуждало подобные «загибы» достаточно мягко — без «оргвыводов», то есть снятия кого-либо с работы, исключения из партии. Но оно достаточно твердо отвергло любые попытки «перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости нашей страны, а с другой — в необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрейшей индустриализации страны».

Так ясно и недвусмысленно были разведены два понятия — индустриализация и социализм. Указано: главнейшей, если не единственной задачей остается модернизация сельского хозяйства и промышленности. А решать её день ото дня становилось все трудней. Ведь во время кризиса, который царил в мире, все стремятся продавать, а не покупать. СССР же, для того чтобы купить, нужно было сначала продать, получить нужную валюту. А потому следовало выискивать покупателей, которых становилось всё меньше и меньше.

В конце декабря 1929 года на фоне острейшей нехватки хлеба для собственного потребления пришлось, с величайшим трудом найдя покупателей в Европе, сбыть 25 миллионов тонн зерна. Продали его только ради того, чтобы приобрести у британской фирмы «Виккерс» 8,5 тысячи тракторов для строек и сельского хозяйства. А месяц спустя суммы, которые предстояло платить, возросли многократно.

Только американской фирме «Катерпиллер», приступившей к поставкам оборудования для Харьковского и Челябинского тракторных, Ростовского на Дону и Саратовского комбай-

новых заводов, потребовалось срочно выплатить 3,5 миллиона долларов. Всего же задолженность СССР лишь американским фирмам составляла теперь уже 350 миллионов долларов (1,75 миллиарда золотых рублей).

Отдать их следовало в течение пяти лет, выплачивая еще и 7% годовых. Зато Советский Союз получал остро необходимую ему продукцию: тракторы, комбайны и запчасти к ним, крекинговый завод, буровые станки и трубы для нефтяной промышленности, железные конструкции, фасонную сталь, оборудование для строившихся автомобильного завода и трех металлургических комбинатов.

Но даже этим текущие затраты на индустриализацию отнюдь не ограничивались. В Великобритании уже были сделаны заказы на 33 миллиона фунтов стерлингов. Предстояло закупить в Великобритании, Франции, Италии, Германии 2,2 тысячи тонн каучука для резиновой промышленности, оборудование для Березняковского химического комбината, 50 тысяч тонн рельсов для железных дорог; требовалось заплатить шведской фирме «СКФ» за расширение шарикоподшипникового завода на Урале и строительство нового в Москве.

Политбюро, правительство вынуждены были экономить абсолютно на всем. И выискивать валюту, где только можно.

Г.Г. Ягода, руководитель ОГПУ, дважды в 1930 году — 30 марта и 10 мая, получил от Политбюро задание, свидетельствовавшее о полном отчаянии властей предержащих: в первый раз — за два дня собрать валюты на 2,5 миллиона рублей, а во второй — за десять дней — на 2 миллиона. Разумеется, изыскивать ее следовало у той части населения страны, которая хранила дома доллары и фунты, дойчмарки и швейцарские франки.

Тогда же, летом 1930 года, Политбюро решило выпускать водку не в 43, а только в 40 градусов, заодно подняв на нее цену. Решено было продать хлеба на 4,5 миллиона золотых рублей, платины — на 1,5 миллиона, добыть для экспорта 67 тонн золота.

Но все это оказалось лишь каплей в море затрат, которые были уже произведены и которые предстояло сделать в ближайшие месяцы. Нужно было платить и платить, для того чтобы не оказались выброшенными на ветер уже потраченные в конструкции поднимавшихся к небу корпусов, в лежащее на складах и ждущее часа сборки оборудование станков.

Через год и три месяца после начала мирового экономического кризиса Сталину пришлось открыть свои карты. Впервые он объяснил, почему столь рьяно и горячо поддерживал пятилетний план индустриализации; почему принимал, но только отчасти, сотрудничество и «правых» и «левых»; почему пошел на раскулачивание, на коллективизацию деревни, но решительно воспротивился даже попыткам коллективизировать быт, строить «социалистические» города.

Явно опасаясь отрицательной реакции партократии, Сталин сказал об этом не на партийном съезде или конференции, а 4 февраля 1931 года, на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей преимущественно

▲ Сталинградский сталелитейный

рабочих-ударников, инженеров, директоров главных строек пятилетки. И объяснил все как никогда просто и ясно, доходчиво для всех:

«В истории государств, в истории стран, в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, остались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражение...

Да, такие возможности у нас есть.

В чем состоят эти возможности, что требуется для того, чтобы эти возможности существовали в реальности?

Прежде всего, требуются достаточные природные богатства в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок.

Есть ли они у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране.

Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале!

У нас имеется в стране всё, кроме разве каучука. Но через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении.

С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно...

Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!

История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно.

▲ Строительство Днепрогэса

Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная», — стало быть, можно бить и грабить безнаказанно.

Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать...»

Сталин не сулил золотые горы, не обещал построить социализм за одну или даже две пятилетки. Зато мимоходом он бросил фразу, малопонятную в речи марксиста, большевика: «Теперь у нас есть отечество». И это после пропаганды на протяжении многих десятилетий прямо обратного по смыслу, считавшегося бесспорным, фундаментальным постулата — «у пролетариев нет отечества».

Не развив столь крамольную мысль, Сталин поспешил вернуться к основному: к вопросу о темпах, еще раз и предельно просто объяснив необходимость индустриализации, модернизации экономики страны:

«Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

И все же, выступая на столь важном форуме, об одном Сталин умолчал — о том, что буквально несколько дней назад Совнарком СССР весьма основательно скорректировал пятилетний план. Число предусматривавшихся больших и малых строек сократилось с нескольких тысяч до 65, названных ударными. Остались лишь те, что давно успели пройти нулевой цикл, в которые уже была вложена большая часть намеченных средств, где работа шла вовсю далеко не первый месяц. К ним причислены были и начатые задолго до принятия пятилетнего плана Днепрогэс, Турксиб.

Сохранил Совнарком самое главное: три металлургических комбината — в Запорожье, Магнитогорске, Кузнецке; машиностроительный гигант в Свердловске. Ведь по словам Сталина, «без развития тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализа-

ции». Да еще остались как важнейшие стройки Нижегородский автомобильный, все тракторные и комбайновые заводы, без которых нечего было и думать о модернизации и коллективизации сельского хозяйства.

Причина этого решения, так никогда и не получившего огласки, крылась в тривиальной нехватке средств. Не рублей — их хватало, так как эмиссии проводились чуть ли не ежеквартально, а валюты — столь важных для страны фунтов стерлингов, американских долларов, французских франков, германских марок, которыми приходилось расплачиваться за индустриализацию, за выполнение пятилетнего плана. А валюты стало катастрофически не хватать из-за мирового экономического кризиса, серьезно сократившего объемы советского экспорта.

Видимо, Сталин не стал упоминать о корректировке плана, объяснять происшедшее по ряду причин. Он не хотел ни охлаждать энтузиазм населения, столь близко к сердцу принявшего идею индустриализации, ни дискредитировать власть, так быстро отказавшуюся от собственных планов. Разумеется, любой читатель газет поймет, что произошло, по сообщениям со строчек.

Поймет он истинные причины вынужденных действий правительства, читая телеграммы из-за рубежа: о продолжающихся банкротствах, крахах банков и крупных фирм, ширящейся армии безработных, о не укладывающемся в сознании уничтожении излишков производства — кофе, зерна, сахара. Как раз тогда Советский Союз обвинили в демпинге — продаже на иностранных рынках своей продукции по более низким ценам, нежели на внутреннем, — в том, что заготовкой деловой древесины у нас занимаются заключенные, почему ее и нельзя получать «цивилизованным» странам.

Более или менее благополучно обстояло дело с экспортом драгоценных металлов — устойчивых даже в годы мирового кризиса золота и платины. Выручал и вывоз нефтепродуктов — бензина, керосина и мазутного топлива, без которых остановился бы весь транспорт на земном шаре, вместе с ними замерла бы окончательно и вся привычная жизнь человека XX века.

Помогла в сохранении экспорта нефтепродуктов чистая случайность. За полгода до депрессии. 27 февраля 1929 года, Нефтесиндикат после долгих и донельзя трудных переговоров сумел подписать с одной из крупнейших американских нефтяных компаний, «Стандарт ойл оф Нью-Йорк», выступавшей в Европе как «Англо-Американ», чрезвычайно выгодное соглашение. В соответствии с этим договором формально смешанная, а по обладанию контрольным пакетом акций — советская, фирма «РОП» («Рашн ойл продактс») получила возможность в течение трех лет беспрепятственно продавать на территории Великобритании по 175 тысяч тонн бензина через собственные бензоколонки, а через сеть своего нового партнера еще по 100 тысяч тонн бензина, 150 тысяч тонн мазута и 40 тысяч тонн газойля ежегодно. И все это помимо оговоренного прежними соглашениями почти монопольного права поставлять мазутное топливо для судов, проходящих через Суэцкий канал.

Другой выгодный договор был подписан советской фирмой «Петролиа» 3 февраля 1930 года с итальянской государственной нефтяной монополией «Аджип» о поставках для военно-морского флота 250 тысяч тонн мазута, 75 тысяч тонн бензина и 25 тысяч тонн других нефтепродуктов ежегодно в течение четырех лет.

В Германии началось постепенное, но неуклонное вытеснение с рынка советской фирмы «Дерунафт». Во Франции решением Коммерческого суда департамента Сена 1 апреля 1930 года на фонды советского торгпредства и местного отделения Нефтесиндиката был наложен арест.

Пока еще находили сбыт за рубежом советские пшеница и ячмень, лес и лесоматериалы, несмотря на обличавшие СССР материалы, которыми пестрели европейские газеты. Всё остальное оказалось никому не нужным — в том числе и антиквариат.

Покупателей даже на самые дешевые предметы старины и произведения искусства не находилось. Денег практически ни у кого не было. Вчерашние богачи — миллионеры, воротилы бизнеса США и Германии, Великобритании и Франции, — в считанные минуты оказывались нищими. ■

▲ Строительство челябинского металлургического комбината

Б.Д. ХРИСТОФОРОВ, доктор технических наук

ПОДВОДНЫЕ ЯДЕРНЫЕ ВЗРЫВЫ

▲ Подводный ядерный взрыв

В конце марта 1955 года меня, выпускника МИФИ, вызвал в свой кабинет директор ИХФ АН СССР академик Николай Николаевич Семёнов и предложил остаться в институте в лаборатории Иосифа Львовича Зельманова, в которой занимались измерениями параметров подводных ядерных взрывов (ЯВ), на должности младшего научного сотрудника в группе Леонида Сергеевича Козаченко. Он год назад, после защиты докторской диссертации, начал разрабатывать механическую аппаратуру для измерения максимального давления и импульса ударной волны (УВ) в воде — приборы МИД и ИМ. К моему приходу ОКБ института изготовило первые партии приборов МИД–3, ИМ–1, ИМ–2, которые в дальнейшем применялись при атомных взрывах.

В группе Козаченко уже год работал студент МИФИ Владимир Николаевич Костюченко. Разработка и исследование приборов МИД–3 являлись темой его дипломной работы. От производственного отдела были прикреплены прекрасные механики — люди с золотыми руками,

бывшие моряки Юрий Федорович Соловьёв и Владимир Георгиевич Анохин — брат известного лётчика-испытателя. В таком составе мы уже в начале апреля отправились на военно-морскую базу в Феодосию для испытания приборов при взрывах на больших глубинах. С нами также были Яков Тимофеевич Гноевой — большой любитель рыбной ловли, моряки из в/ч 70170, одного звали Дмитрий Донской. От управления ВМФ нас курировал капитан-лейтенант Виктор Алексеевич Тимофеев, очень незаурядный человек, обеспечивавший связь с командованием флота.

Мы поселились в центральной гостинице города. Холодильников тогда не было, и продукты лежали на подоконнике. На утро после приезда я встал рано и решил закусить. Сделал бутерброд с маслом и добавил, как мне показалось, чёрной икры из банки на подоконнике. Однако её вкус и запах мне не понравились и я всё выбросил в открытое окно вместе с банкой. Тут встал Яков Тимофеевич и, собираясь на рыбалку, никак не мог найти свой мотыль. Выяснилось, что я лишил его всех запасов мотыля, спутав с икрой.

Для испытаний нам был выделен большой восьмисоттонный тральщик. Работа проводилась в штормовом море. Это нам доставляло большие неприятности. Леонид Сергеевич, бывший в молодости моряком, ходившим в заграничные плаванья, оказалось, совершенно не выносил качки. Я потерял аппетит и впервые начал курить, а работа требовала большой точности и аккуратности. Заряды ВВ массой 20 кг и приборы опускали в море со шлюпки. Особенно тяжело было переносить при волнении моря ящики с приборами (20 кг — МИДы, 30 и 40 кг — ИМ–1 и –2) с корабля на шлюпки и назад по верёвочным лестницам-трапам. Это была хорошая тренировка перед атомными испытаниями, где ящиков было намного больше. Запомнилось, как однажды после взрыва всплыла оглушённая белуга длиной с нашу шлюпку, а потом другая поменьше. Но ни той, ни другой нам поймать не удалось. В опытах определялись параметры УВ в условиях, характерных для взрывов в безграничной жидкости. При этом мы сверялись с данными книги Р. Коула „Подводные взрывы", которая надолго стала моей настольной книгой. Мы пробыли в Феодосии больше трёх недель и успели посмотреть достопримечательности этого древнего города и, конечно, музей картин известного мариниста Айвазовского.

После возвращения с моря наша группа уехала, а нас с Ю. Ф. Соловьёвым оставили консервировать приборы после морских испытаний, чтобы обеспечить их пригодность для последующих измерений. Выполнив эту работу, мы приехали в Симферополь, приобрели билеты и сдали вещи в багаж. Поезд уходил через сутки, а денег у нас осталось десять рублей на двоих. Ю. Ф. Соловьев предложил съездить в Мисхор, где у него жила сестра, занять денег. На троллейбусе мы доехали без билета до Никитского ботанического сада, где сошли по рекомендации кондуктора, которая нас предупредила, что дальше будут ходить контролёры. Было раннее утро, солнце только начало всходить. Мы по холодку прошли Ялту и дальше по берегу до Мисхора. Загорали и фотографировались. Эти фотографии и сейчас напоминают о далёкой молодости. Денег мы так и не достали. Сестры дома не было, а с телефонами тогда было ещё плохо. Пришлось вернуться в Симферополь без денег. Но мы не пропали. В Крыму мы питались чебуреками, которые стоили 70 копеек, а в поезде нас поила чаем сердобольная проводница. Потом я много раз отдыхал в Крыму и тратил в сотни раз больше денег. Но те первые впечатления. Ласточкино гнездо, роскошные пейзажи санаториев помнятся и теперь.

Дальнейшие исследования и разработки были связаны с подготовкой измерений параметров УВ в условиях взрыва на мелководье, характерных для намеченного взрыва торпеды с атомным зарядом в губе Чёрная глубиной около 60 метров. Этот заряд испытывался в 1954 году на Семипалатинском полигоне, но взрыва не произошло. Это был единственный отказ, как мне известно, за всю историю полигона. Руководство решило не проводить новых сухопутных испытаний

В мае я некоторое время работал с академиком С. А. Христиановичем, который предложенным им методом коротких волн рассчитывал подводный взрыв вблизи свободной поверхности. Я повторял за ним алгебраические выкладки в поисках ошибок. Иногда это удавалось, и я был очень доволен, а Сергей Алексеевич — нет.

Дальнейшая отработка приборов проводилась в в/ч 99795 на острове Валаам на Ладожском озере в июле 1955 года. Определялись параметры УВ в условиях, близких к натурным, когда заряд и приборы располагались на глубине в несколько приведённых радиусов заряда. Нас поселили на бронекатере. Там же мы работали с приборами. Сотрудники лаборатории электронной осциллографии Лев Натанович Гальперин, Виктор Михайлович Борцов, Алексей Георгиевич Фомичев и ещё кто-то жили в большой палатке. Они отрабатывали пьезоэлектрические датчики для измерения давления ударных волн в функции времени и новые осциллографические установки ПИД–9 (пьезоэлектрические измерители давления), разработанные на базе ПИД–8 специально для подводных взрывов.

В середине пребывания на Валааме к нам приехал С. А. Христианович. Вдали от городского шума ему легче работалось. Мы освободили для С. А. кормовой кубрик бронекатера, а сами стали жить и работать в носовом. Заканчивали работу поздно вечером, так как были белые ночи. К нам на огонек приходил С. А. с бутылью настойки, кажется, рябиновой, его собственного изготовления. Эти интересные вечера хорошо запомнились, как и сам Валаам, его удивительная природа, громадные сосны на голом граните, которые держались на широко раскинутых корнях, но не очень крепко. В этом я убедился, когда повалил такую сос-

▲ Арцимович Л.А. в институте

ну натянутым лебёдкой тросом.

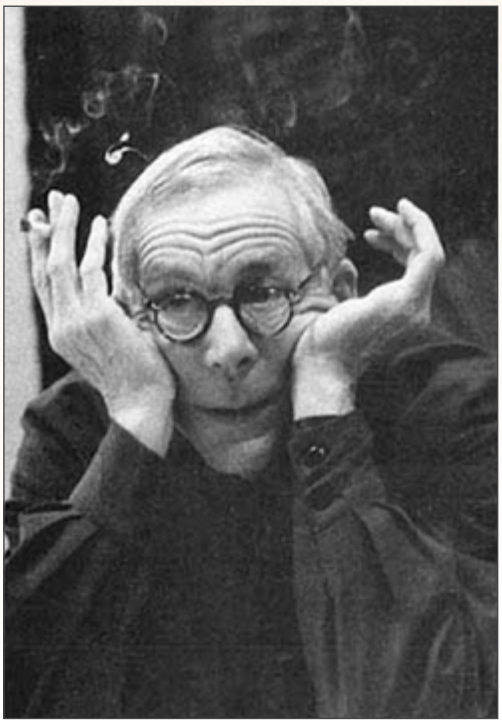
Наши взрывы, по-видимому, не очень мешали местным жителям, сотрудникам и больным лепрозория и госпиталя. В озере мы не купались, вода и в середине лета была не выше 14°С. Водолаз, осматривавший дно, сказал, что оно устлано мёртвой рыбой. На поверхность обычно всплывали лишь оглушённые мальки. Такой характер поражения связан с разрывом пузыря.

Так закончились основные работы по подготовке к ядерному взрыву. Приборы были в большом количестве изготовлены в ОКБ, проведена их отработка на море и в пресном водоёме, рассчитаны установочные данные по методике С. А. Христиановича.

Наши помещения в то время находились на первом этаже 1-го корпуса. Лаборатория Зельманова — под дирекцией, а С. А. — по коридору по пути в столовую. Поэтому я часто встречался с Николаем Николаевичем, иногда он приводил меня в свой кабинет и просил рассказать, как идут дела по подготовке к взрыву, насколько хорошо теория С. А. соответствует эксперименту. При таком порядке общения с сотрудниками без деления на ранги он получал реальную информацию по всем интересующим его вопросам. Однако мое общение с Н. Н. не осталось без внимания, и Леонид Сергеевич Козаченко предупредил меня, что у меня могут быть от этого неприятности. После этого я старался поменьше попадаться на глаза директору.

В то время я меньше смущался при общении с академиками, чем сейчас. Этому способствовала обстановка, сложившаяся в МИФИ и ИХФ. В МИФИ нам преподавали академики и членкоры, принимавшие непосредственное участие в выполнении атомного проекта: Л. А. Арцимович, М. А. Леонтович, М. Д. Миллионщиков, И. В. Обреимов, В. С. Емельянов и др. Многие были Героями Социалистического Труда, лауреатами и ходили с охраной.

В ИХФ я пришёл студентом 4-го курса в 1952 году для стажировки и выполнения дипломного проекта по специальности химическая физика. Здесь готовили специалистов для работы на атомных полигонах и предприятиях. Нам читали лекции крупнейшие специалисты: А. Ф. Беляев по физике взрыва, Г. Л. Шнирман по новой аппаратуре для измерения параметров атомных взрывов, которая разрабатывалась в ИХФ. Будущий академик и директор ИХФ АН СССР Виктор Иосифович Гольданский читал теорию атомных столкновений и атомную физику. Будущий академик и директор ИФЗ АН СССР М. А. Садовский подписал мой диплом как председатель аттестационной комиссии. Одновременно мы работали в институтских лабораториях, выбирая их по собственному вкусу. Во взрывной камере 3-го корпуса у профессора А. Ф. Беляева я узнал, как проводятся взрывы конденсированных ВВ, а в 1-м корпусе у профессора Станислава Михайловича Когарко познакомился с исследованиями детонации газовых смесей, которые часто взрывались за окном в перепускных резиновых баллонах. У Раисы Васильевны Колесниковой в комнате напротив я фотографировал горение порошин камерой СКС. Взрывы и горение не вызвали у меня

▲ Леонтович М.А.

тогда интереса, и я продолжил практику и выполнил дипломную работу под руководством Игоря Николаевича Сливкова на ускорителях во 2-м корпусе. Там разрабатывали ускоритель и готовили команду для челябинской конторы. Как вместо Челябинска я остался в ИХФ, я рассказал вначале.

В августе мы выехали на Северный полигон: на поезде до Мурманска, потом на штабном корабле „Эмба" до бухты Белушья, а дальше в бухту Чёрная, где к нашему приезду были построены деревянные домики с двухэтажными кроватями в спальнях, а также с помещениями для работы с приборами и обработки результатов измерений. Сотни испытателей из ИХФ и других научных институтов, офицеры во главе с обаятельнейшим, рано ушедшим из жизни Юрием Сергеевичем Яковлевым, — из местной и других частей, морских академий и институтов — заполняли корабли, домики и палатки. Нашу группу механической аппаратуры для подводных измерений укрепили теоретиками из Ленинградской лаборатории ИХФ. Приехали Анатолий Андреевич Гриб, Александр Григорьевич Рябинин, Евгений Иванович Шемякин — теперешний академик. Вместе с нами работали офицеры и вольнонаёмные из в/ч 70170. Баррикад Вячеславович Замышляев нынешний академик и генерал, который, кажется, официально командовал нами, Сергей Бобровский, Игорь Михайлович Миронов. Всех трудно упомнить. Академики Н. Н. Семёнов, С. А. Христианович, М. А. Садовский оставались в центральном посёлке Белушья, где в перерывах между совещаниями ловили красную рыбу — гольца в озёрах и охотились.

Наша лаборатория выехала вместе с завлабом И. Л. Зельмановым. В группе ударной волны от лаборатории был Л. С. Козаченко, В. Н. Костюченко, механики Ю. Ф. Соловьев, В. Г. Анохин и я. Загрязнённость воды и радиационное излучение из султана и базисной волны определяли Валерий Леонидович Заонегин, Владлен Иванович Гусынин, Ардальон Николаевич Пономарёв, Алексей Иванович Петрухин, Владлен Ираклиевич Газелериди, Алексей Михайлович Тихомиров и др. Виктор Львович Тальрозе — теперешний академик, директор Института энергетических проблем химической физики участвовал в этих работах. Он вместе с сотрудниками нашей лаборатории разработал методику измерения радиоактивности проб воды после взрыва. Эти приборы требовали герметизации. Для этого их помещали в презервативы. Испытания, которые проводил Валерий Леонидович Заонегин до отъезда, показали, что их качество не соответствует требованиям. Он закупал презервативы коробками каждую неделю, кажется, по триста штук в аптеке на улице Кирова и подвергал проверке на гидростойкость, отбирая качественные. Один раз я ездил с ним и обратил внимание, что при его приходе кассирша убежала, а потом все сотрудницы аптеки вышли в торговый зал посмотреть на супермена.

Вместе с нами приехал и начальник 1-го отдела института Владимир Никифорович Ржанов, очень общительный и интересный человек, бывший до войны в охране самого Сталина. Будучи заядлым охотником и рыболовом, он привёз с собой соответствующие снасти, включая ружьё с оптическим прицелом, из которого мы по вечерам, когда уже темнело, в свободное время тренировались в стрельбе в спичку, вылезающую из коробки. В этой забаве с удовольствием принимали участие не только мы — молодёжь, но и известные маститые учёные, включая академиков.

В то время звери там были ещё не пуганные. В бухте резвились тюлени и моржи. Песцы бегали по помойкам, как собаки, особенно много было водоплавающей дичи. Охота с вертолётов вошла в моду значительно позже, когда я приезжал на второй и третий подводные взрывы. На крутых морских берегах располагались птичьи базары, сплошь занятые птицей. Утки и гуси летали, собираясь в стаи, иногда опускаясь на бесчисленные маленькие озерца. Там мы их иногда стреляли из духового ружья, используя оптический прицел, в который была видна лишь часть птицы в виде серого пятна. Обычно убитые утки висели

▲ Белушья губа

▲ Миллионщиков М.Д. в ИФ

в холодных прихожих домиков, пока их не набиралось на полное ведро, и тогда начиналось пиршество. Наши механики привезли с собой лавровый лист и другие специи. Я до сих пор помню, какое вкусное получалось блюдо. К сожалению, спирт привезли в бочках из-под керосина. Характерную отрыжку после такой выпивки тоже запомнил на всю жизнь.

Кроме нашего керосинового, на полигоне был и спирт высокого качества. Им заведовал подполковник береговой службы из местной части, забыл, как его звали. Он дослуживал до пенсии — там год шёл за три. Каждое утро, заходя к нам, он кричал:

„Подъём, научники! Так вашу ..., рас так". Помню, после взрыва к нам приехали первые женщины машинистки. Их поселили в нашем домике за стеной. В тот раз мы ему шёпотом сказали: „Тише, за стеной женщины". Он не растерялся и крикнул своим хриплым, пропитым голосом: „Эй, за стенкой! Беру свои слова обратно". Потом это стало у нас расхожим выражением. Возвращались с кораблей мокрые, уставшие, в обледеневших плащ-палатках (перед взрывом), заходили в его домик, где стояла заветная бочка, и он нам наливал в алюминиевую кружку, чтобы мы не заболели. И действительно, я не помню, чтобы там кто-нибудь жаловался на серьёзные недомогания. Обычно они начинались по приезде.

К пирсу прибывали суда с техникой и продовольствием, которое по поздним впечатлениям состояло в основном из сушёной картошки, а это совсем не чипсы. По-моему, я видел, как разгружали торпеду, которую нам предстояло испытывать. Прошёл слух, что её привезли, и мы пришли к причалу. Большой ящик спускали краном с корабля. Командовал разгрузкой старший офицер с двумя большими звёздами. Он сильно нервничал и суетился, кричал: „Майна!" и „Вира!", а в итоге ящик опустился ему на ногу и отрубил ступню.

Вокруг эпицентра взрыва были установлены военные корабли, включая эсминцы „Реут", „Гремящий", „Куйбышев", „Карл Либкхнет", тральщики, подводные лодки, гидросамолёты и другая техника. Торпеду подвесили с тральщика. Наша механическая аппаратура была установлена на кораблях и специальных понтонных плотиках, расположенных на различных расстояниях от эпицентра взрыва. Сотни приборов, по несколько штук каждого типа, на специальных подвесках лебёдками опускались на различную глубину. Взрыв был проведён в 8 часов утра 21 сентября 1955 года в губе Чёрная на глубине около 10 м. На время взрыва мы уплывали на штабном корабле „Эмба" в море и оттуда наблюдали взрыв, развитие которого соответствовало опубликованным описаниям и фотографиям американского взрыва у атолла Бикини.

Возвращались после взрыва через эпицентр. Матрос с дозиметром измерял интенсивность облучения на верхней палубе, откуда мы наблюдали за местом взрыва. Внезапно скорость отсчёта резко возросла, дозиметр затрещал, как пулемёт. Офицеры, имевшие противогазы, начали их надевать, другие бросились в нижние отсеки корабля. Не растерялся И. Л. Зельманов, он подошёл к дозиметристу и переключил прибор на меньшую чувствительность. Треск замедлился и все успокоились. В то время допустимая разовая доза составляла около 50 рентген. При взрыве затонули тральщик с подвешенной бомбой и эсминец „Реут", попавший на границу султана. Остальные корабли остались на плаву, хотя и получили некоторые повреждения, особенно подводные лодки, расположенные на расстоянии до 800 м.

Пожарные катера струями воды смывали с кораблей радиоактивные осадки. После этого нам выдали специальные резиновые костюмы и на катерах развезли по кораблям и понтонам, где мы снимали поставленные перед взрывом приборы. На берегу были пункты дезактивации, где нас из шланга обливали водой под давлением, смывая радиоактивную грязь.

После обмера крешеров, обработки результатов измерений, написания отчёта и консервации приборов нас перевезли в Белушью, столицу Новой земли в то время, а оттуда на „Эмбе" в Мурманск. На Баренцевом море был сильный шторм, волны окатывали верхнюю палубу примерно на высоте пятиэтажного дома, в какой-то момент

вышел из строя двигатель. Корабль поставили на якорь. Тогда я по-настоящему осознал морскую пословицу: „Корабль хорош на картине, а море на пляже". В Москве мы были к ноябрьским праздникам.

В 1956 году был проведён большой комплекс модельных исследований в районе Куйбышевской ГЭС, где для моделирования действия взрыва в мелком водоёме был изготовлен бассейн с песчаным дном глубиной 3 м, копирующий водохранилище в масштабе 1:10. Глубина могла уменьшаться путём спуска воды через створки модели плотины. Были измерены параметры ударной волны в воде и воздухе, поверхностные явления и сейсмические колебания грунта при взрывах литых сферических зарядов тротила массой до 100 кг в водоёмах разной глубины при различном заглублении заряда. В опытах моделировались и основные механические процессы взрыва в губе Чёрная.

Начальником экспедиции был Л. С. Козаченко, его замом — В. Н. Родионов. Измерениями в воде руководил я, в грунте — А. Н. Ромашов, в воздухе — В. Н. Костюченко, теоретиков возглавлял Е. И. Шемякин, В. М. Мальцев — тогда дипломник МИФИ — исследовал взаимодействие УВ в воде с плитой из бетона. В. Л. Заонегин измерял поверхностные волны. Группа сотрудников в/ч 13073 из Ленинграда исследовала стойкость макета плотины. Я приехал туда первым и руководил заключёнными, строившими лабораторные помещения в зоне за колючей проволокой. Обедал я вместе с ними. Кормили лучше, чем нас на полигонах. За обедом они мне говорили, что их предыдущие начальники, требовавшие от них работу, замурованы в опорах ГЭС.

Осенью в зале президиума АН СССР состоялось награждение сотрудников АН СССР, работавших по атомной проблеме. Запомнилось, что женщины-расчётчицы из вычислительного центра получали более высокие награды, чем мы, непосредственные участники испытаний. Выйдя из президиума, наш коллектив решил отметить это событие. Но момент оказался неудачным. По указанию Н. С. Хрущёва началась первая антиалкогольная кампания, которая имела тот же эффект, что и последующие: возрастание масштабов пьянства, грабёж трудящихся, решение экономических проблем государства за деньги населения. Были закрыты пивные и забегаловки, где можно было дёшево выпить и закусить за беседой, в кафе запретили спиртные напитки. Они остались в ресторанах по более высокой, чем раньше цене (теперь бы нам те

▲ Полигон на Новой Земле

▲ Подводный атомный взрыв

цены и зарплату), поэтому в тот раз таких денег у нас не было, мы купили бутылку и выпили её втроём без закуски в подворотне на Ленинском проспекте. По-видимому, с той первой антиалкогольной кампании и началось беспробудное пьянство в стране.

Значительным событием института стало получение Н. Н. Семёновым Нобелевской премии. После этого его интерес к атомной проблеме резко снизился. Он выступил с предложением о химизации страны, которое было поддержано Н. С. Хрущёвым. Это направление стало главным в работе института. Многие участники испытаний готовились к отъезду в Черноголовку и Новосибирский научный центр. Нас, оставшихся испытателей, объединили под руководством М. А. Садовского в спецсекторе ИХФ, выселили из 1-го корпуса и разместили во вновь построенных 4-м и 5-м корпусах. В 1962 году нас разместили в новом 6-м корпусе вместе с ОКБ. В нём я работаю до сих пор. Лаборатория Б. М. Степанова разместилась в центре Москвы, а потом отделилась от спецсектора в отдельный институт. Когда в 1963 году М. А. Садовский стал директором ИФЗ, он продолжал руководить нами уже в составе спецсектора ИФЗ, его заместителем по спецсектору до 1988 года был Павел Васильевич Кевлишвили. Теперь это Институт динамики геосфер.

В 1957 году я участвовал в измерениях двух атомных взрывов в губе Чёрная. В обоих опытах на акватории была установлена морская техника, на которой располагались наши приборы. Прибрежный взрыв с тротиловым эквивалентом около 30 кт (физопыт) был проведён на восточ-

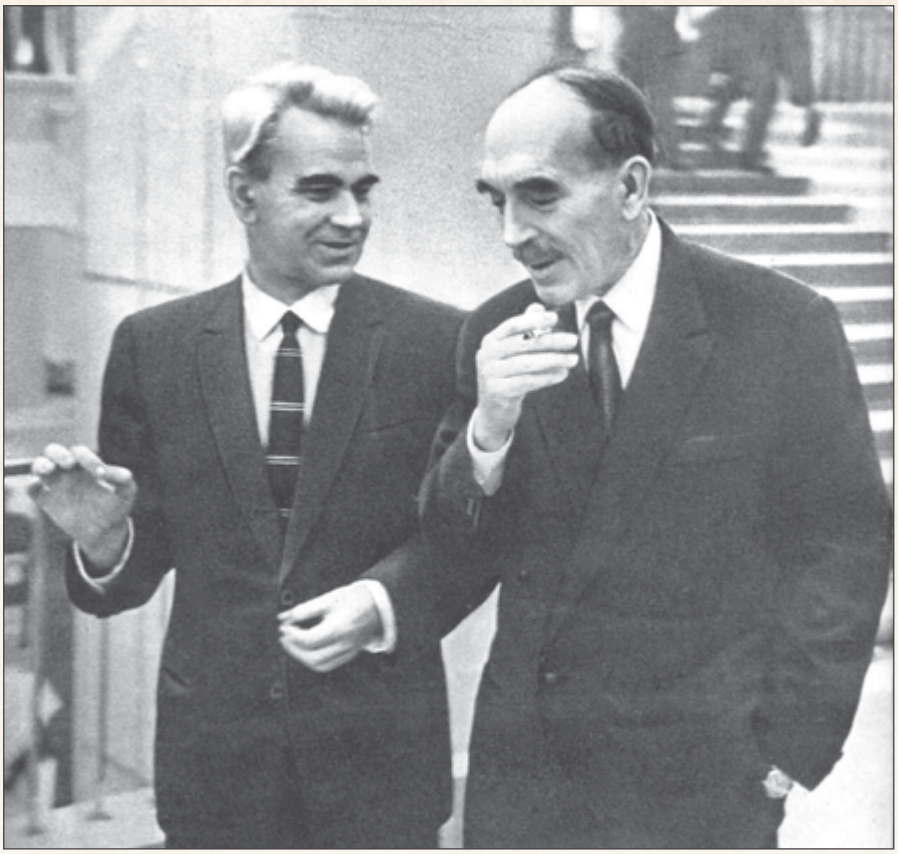

▲ Садовский М.А.

ном берегу 7 сентября 1957 года. Заряд был установлен на подставке. При взрыве на берегу наблюдались особенно большие уровни радиоактивного загрязнения. При снятии приборов с кораблей приходилось ходить по толстому слою радиоактивной пыли на палубе, выброшенной из воронки. На её дне копошилось большое количество песцов, пришедших туда погреться. Они выглядели пьяными, падали, вставали, пытались выбраться из воронки, но этого никому не удавалось. Наши корабли после взрыва начали тонуть. Их отбуксировали на мелкое место. Подвески с приборами оказались под килем. При их подъёме рвались тросы на лебёдках. Радиоактивная пыль оседала на лицах и с потом стекала на респираторы и попадала в рот. На помощь пришлось звать корабль с водолазом. Эта работа осталась в памяти на всю жизнь.

Подводный взрыв провели 23 октября 1957 года примерно на вдвое большей глубине, чем в 1955 году. Торпеда была выпущена из подводной лодки. Предварительные испытания её макета без заряда не всегда были удачны. Один раз торпеда выскочила на восточный берег. В опыте всё прошло удачно.

На последний, третий, атомный взрыв в 1961 году мы поехали с Алексеем Георгиевичем Фомичёвым, начальниками групп механической и пьезоэлектрической аппаратуры без сотрудников. За это нам платили повышенные командировочные — 7 рублей вместо обычных пяти, а проезд и питание были бесплатные. В то время при моей зарплате без степени (135 рублей) это были большие деньги. На десятку можно было провести вечер вдвоём в ресторане. Это тогда было модно. Так отмечали защиты диссертаций, знаменательные даты. Помню, 50-летие И. Л. Зельманова отмечали в Доме композиторов. Он пригласил и меня с В. Н. Костюченко. Там собралась почти вся школа Н. Н. Семёнова, а может быть и А. Ф. Иоффе — членкоры и академики. Многие приехали из других городов. Про Ю. Б. Харитона говорили, что он приехал в собственном ваго-

▲ Келдыш М.В. и Семенов Н.Н.

не. Н. Н. Семёнов немного опоздал, снял ботинки и, держа их в руках, по дивану прошёл на оставленное для него место на диване.

В тот год проводилось, наверное, рекордное количество взрывов. Поэтому людей не хватало. На этот раз все работы я провёл с выделенным мне в помощь капитаном из в/ч 70170 — забыл его фамилию. Взрыв был осуществлён 23 октября 1961 года, ближе к дну водоёма, чем предыдущие. В тот год было холодно, и мы объединили жилое помещение с отапливаемой лабораторией, где находились радиоактивные препараты. Поэтому мы не очень любезно встретили правительственную комиссию, в которую, кажется, входил министр В. А. Малышев, а также генералы и адмиралы, ходившие с какой-то проверкой. Однако, увидев нашу работу, нас покинули без замечаний. Впервые были проведены предварительные измерения градиентов скорости звука в бухте, влияющих на затухание ударных волн при взрыве. Я обратил внимание на возможность такого эффекта, анализируя данные своих ранних измерений взрыва шнурового заряда массой около 3 т в Чёрном море под Севастополем в 1958 году.

В тот год на Северном полигоне было много взрывов. В районе бухты было проведено два надводных взрыва. С материка к нам летели атомные ракеты. Официально нас об этом обычно не оповещали, но каким-то образом это было известно. Хорошо, что наши ракетчики были меткими, а ракеты — надёжными. Когда мы приехали после подводного взрыва в Белушью, то стали свидетелями самого мощного воздушного взрыва с тротиловым эквивалентом около 60 Мт, проводившегося в районе пролива Маточкин Шар. День был пасмурный, но всё осветилось, а потом раздался гул, длившийся несколько минут, похожий на шум штормового моря. В строении, рядом с которым я стоял, лопнуло стекло, хотя до эпицен-

▲ Памятник атомщикам на Новой Земле

тра было около 500 км. Это был самый мощный взрыв в мире. После этого переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия в воздухе, воде, космосе пошли быстрее. В 1963 году соглашение было подписано. Больше в испытаниях я не участвовал. Пришлось долго восстанавливать пошатнувшееся здоровье.

В период 1954–1961 годов сотрудники ИХФ принимали активное участие в решении комплекса научных и технических проблем, связанных с физикой и механикой подводного взрыва, разработкой методов и аппаратуры для экспериментальных исследований и обеспечения испытаний.

Параметры УВ в воде во всех взрывах регистрировались измерителями давления МИД–3 и поршневыми импульсомерами ИМ–1, ИМ–2, а также пьезоэлектрическими датчиками давления. Прогиб упругой мембраны МИД–3, пропорциональный максимальному давлению, измерялся микрометром по смятию свинцового крешера. Импульс давления определялся по величине деформации медного крешера разогнанным УВ подвижным поршнем прибора ИМ. Механическая аппаратура выпускалась мелкими сериями в ОКБ ИХФ и в ЛИЗе. В процессе испытаний импульсомеры усовершенствовались. Последние конструкции позволяли отдельно измерять прямую УВ и опережающую её, преломлённую в воду, сейсмическую волну. Применение составных поршней позволяло отсечь воздействие кавитации и волны разрежения.

Пьезоэлектрические датчики с чувствительным элементом из турмалина измеряли зависимость давления ударной волны от времени. Регистрация их сигналов проводилась на двухлучевых осциллографических установках ПИД–9М с верхней граничной пропускаемой частотой до 300 кГц, разработанных в Спецсекторе и изготовленных мелкими сериями в ОКБ института специально для этих испытаний. Они были снабжены системой управления от внешней автоматики, внутренней калибровкой, электрометрическими высокоомными предусилителями, входы которых были замкнуты и размыкались через 1 мс после взрыва для защиты от электромагнитного импульса взрыва. Съёмка проводилась на вращающуюся барабанную кассету с плёнкой, что обеспечивало большую длительность регистрации при высоком временном разрешении, или на фотоаппарат. Запуск осциллографов осуществлялся от мембранных датчиков-упредителей, установленных перед датчиками давления и срабатывающих от воздействия УВ.

Пьезоэлектрическая методика в основном применялась в модельных исследованиях, где требовалось высокое временное разрешение. При атомных взрывах получены лишь отдельные измерения зависимостей давления от времени, которые подтвердили сложный характер волнового поля в воде при взрыве в мелком водоёме. Так как скорость звука в грунте на дне губы Чёрной была больше скорости звука в воде, на осциллограммах перед фронтом прямой ударной волны регистрировались волны сейсмического происхождения. В 1955 году датчики, среагировав на сейсмическую волну, запустили осциллографы преждевременно и полных записей волнового поля не было получено.

Для запуска осциллографов, кинокамер и другой аппаратуры в спецсекторе под руководством Г. Л. Шнирмана и П. В. Кевлишвили была разработана система автоматического управления испытаниями, которая проводила запуск аппаратуры в заданные моменты времени перед взрывом и её выключение после взрыва. Она была предварительно отработана при проведении модельных экспериментов.

Комплекс фотографической аппаратуры регистрировал поверхностные явления при взрывах с двух взаимно перпендикулярных направлений камерами АФА–33 с частотой 1 кадр в 2 секунды на плёнку шириной 33 см и кинокамерами АКС–1 и -2 на 35-мм плёнку. Высокоскоростные камеры СК–2 со скоростью съёмки 2500 кадров в секунду — на 10-см плёнку. СК–2М, АФА–БАФ, АКС–1 были установлены в бомболюке самолёта Ил-28 и регистрировали взрывы сверху. Камера СК–2 была предназначена для регистрации огненного шара и его яркостной температуры за красным фильтром при времени экспозиции кадра около 1 мс в первом опыте. Однако её светосилы оказалось недостаточно для регистрации огненного шара, но были определены координаты эпицентра взрыва, развитие столба воды и других поверхностных явлений и их параметры. Установкой ка-

мер руководили Юрий Андрианович Зацепин и Игорь Александрович Королёв на полигоне в Евпатории, откуда самолёт летел на Новую Землю.

Выход ударной волны на поверхность воды регистрировался в виде быстро расширяющегося светлого кольца, вызванного кавитацией воды при отражении ударной волны от свободной поверхности. Вслед за этим возникал над поверхностью воды купол в виде столба водяных струй. После этого над куполом появлялось конденсационное облако, состоящее из продуктов взрыва и воды. В результате этих процессов образовывался полый цилиндрический столб воды, обычно называемый султаном, через который выходили продукты взрыва. Они образовывали сверху облако, закрывавшее верхнюю часть султана, содержали продукты деления, капли воды и частицы грунта. При обрушении султана возникали серия гравитационных волн и базисная волна, которые распространялись от центра взрыва. Базисная волна представляет собой вихревое движение плотного облака из брызг воды, содержащего радиоактивные продукты взрыва, которое при расширении поднимается вверх. Через 3–4 минуты базисная волна отрывалась от поверхности воды и сливалась с облаком взрыва. Ветром облако выносилось из района взрыва, при этом из него выпадали осадки в виде дождя и измороси.

Для регистрации поверхностных волн применялись резистивные датчики с регистрацией сигналов на тензостанциях. Количество наблюдаемых поверхностных волн возрастает с расстоянием от эпицентра. Вблизи эпицентра максимальную амплитуду имеет первая волна. На больших расстояниях происходит перегруппировка волн. С увеличением расстояния в этом диапазоне сначала максимальной становится вторая волна, а потом последующие волны.

Параметры воздушных ударных волн измерялись самописцами давления СД с регистрацией на закопченную бумагу, которая вращалась с постоянной скоростью на барабане. Эти волны образуются в результате суперпозиции головной волны, образующейся при подъёме со сверхзвуковой скоростью купола и преломлённой из воды в воздух. Интенсивность этих волн сильно зависит от глубины взрыва.

Для регистрации гамма-излучения и радиоактивного загрязнения акватории базисной волной и конденсационным облаком применялся комплекс специальных методик. Полные дозы гамма-излучения за 30–40 часов регистрировались с помощью фотоиндикаторов в различных пунктах опытного поля. Для измерений были разработаны приборы СГР и ДП — автоматические гамма-рентгенометры с логарифмическими шкалами уровней радиации. Эти приборы позволяли регистрировать мощности дозы от 100 до 0,001 Р/сек с максимальной ошибкой, не превышающей 20% во всём диапазоне измеряемых величин, и временным разрешением до 0,005 сек. при регистрации на шлейфный осциллограф и 1,5 сек. при регистрации на потенциометре.

Радиационные процессы измерялись в трёх фазах подводного взрыва: из поднимающегося султана, от базисной волны, из области радиоактивного заражения и осадков. Заметная интенсивность излучения в районе взрыва появлялась при подходе газового пузыря к поверхности. Она повышалась по мере выхода продуктов в атмосферу, достигая максимума (при времени около 0,1 сек. в первом опыте), и после подъёма облака и падения активности осколков деления быстро снижалась до малых значений.

Анализ данных первого опыта показал, что экранировка излучения стенками султана отсутствовала. В атмосферу выходили практически все осколки деления. Во втором подводном взрыве продукты не прорвали султан и интенсивность излучения из водяного столба была низкой. С приходом базисной волны интенсивность излучения резко повышалась. В обоих опытах базисная волна несла около 10% от полного числа осколков деления. Значительное повышение уровня радиации вызывали радиоактивные осадки. Базисная волна и радиоактивные осадки создавали сильное радиоактивное загрязнение кораблей и побережья губы, и длительное время оно оставалось высоким. На основе проведённых исследований были установлены основные закономерности развития радиационных явлений подводного атомного взрыва. По сравнению с воздушными взрывами радиационные явления растянуты на значительно большее время — до 30 минут, причём уровень радиации в районе взрыва проходит через ряд максимумов сравнимой величины.

Под руководством В. Л. Тальрозе проводились измерения концентрации продуктов деления. Пробы отбирались по заданной временной программе из базисной волны, из выпадающих радиоактивных осадков, а также в воде на различных глубинах и расстояниях от эпицентра в ближней зоне взрыва.

Во втором опыте также определялось полное количество делений при взрыве в заряде по содержанию „Mo" (первичный осколок, образующийся непосредственно при делении) в различных пробах. Чтобы учесть влияние процессов сепарации в ходе распространения продуктов деления при взрыве, в заряд было введено около 10 кг металлического молибдена.

Таким образом, при подводных ядерных взрывах на Северном полигоне при участии сотрудников ИХФ АН СССР были отработаны образцы атомного вооружения для ВМФ. После этого флот стал самым эффективным видом Вооружённых Сил. Были исследованы физические процессы подводных взрывов в мелком водоёме. Определён характер действия подводного взрыва на технику и живые организмы. Разработана и изготовлена аппаратура для обеспечения испытаний. ■

М.Н. КОЖЕВНИКОВ

ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ ОСЕНЬЮ И ЗИМОЙ 1941 Г.

▲ Истребительная авиация

Осенью 1941 г. враг все дальше и дальше продвигался в глубь нашей страны. Удары противника были очень сильными. Тяжелое положение складывалось под Москвой, под Ленинградом и на Украине.

К концу сентября 1941 г. общая оперативно-стратегическая обстановка была не в нашу пользу. Немецкие войска подошли к Ленинграду, захватили Витебск и Смоленск, на юге достигли линии Мелитополь, Запорожье, Красноград. На западном направлении противник сосредоточил новые силы в районах Духовщина, Ярцево, Смоленск, Рославль, Шостка, Глухов, готовясь к новому наступлению на Москву. 30 сентября враг начал новое крупное наступление ударом 2-й танковой группы по войскам Брянского фронта из района Шостка, Глухов в направлении Севск, а 2 октября на позиции Западного фронта обрушились основные силы группы армий «Центр». Началась великая Московская битва. Уже в первый день наступления 2-я танковая группа немцев прорвала нашу оборону

М.Н. КОЖЕВНИКОВ (1910-1986), генерал-майор авиации, участник советско-финляндской и Великой Отечественной войн, кандидат военных наук, Институт военной истории МО СССР.

и вышла в тыл 13-й армии. На следующий день гитлеровцы прорвались и в полосе 50-й армии. Войска Брянского фронта оказались в тяжелом положении. Ставка ВГК приняла срочные меры по привлечению основных сил дальнебомбардировочной авиации для ударов по наступавшей танковой группировке противника. Из Генерального штаба в ночь на 2 октября 1941 г. в адрес командующего ВВС Советской Армии поступило боевое распоряжение о срочном привлечении со 2 октября для разгрома танковой группировки противника, прорвавшейся в районе Глухов, Севск, 40-й, 42-й, 51-й, 52-й бомбардировочных авиадивизий дальнебомбардировочной авиации [60] (командиры дивизий соответственно полковники В. Е. Батурин, М. Х. Борисенко, подполковник Е. Ф. Логинов, полковник А. М. Дубошин) и 81-й авиационной дивизии особого назначения (командир полковник А. Е. Голованов). Командование указанной группой привлекаемых сил авиации поручалось заместителю начальника штаба ВВС полковнику И. Н. Рухле, которому приказывалось 2 октября прибыть в распоряжение командующего войсками Брянского фронта. Прикрытие бомбардировщиков истребителями возлагалось на командующего ВВС Брянского фронта генерала Ф. П. Полынина.

В ту же ночь штабом ВВС была сформирована небольшая оперативная группа и 2 октября во главе с полковником И. Н. Рухле самолетом убыла на Брянский фронт. Предварительным распоряжением из штаба ВВС были поставлены боевые задачи указанным выше бомбардировочным авиационным дивизиям на нанесение ударов по танковой группировке противника, — а уточнялись эти задачи по месту и времени уже с командного пункта командующего войсками Брянского фронта. Авиация Брянского фронта, в составе которой действовала и только что сформированная 6-я резервная авиационная группа (командир генерал А. А. Демидов), наносила удары по танковым колоннам врага на дорогах и по самолетам на аэродромах днем, а бомбардировочные дивизии дальнебомбардировочной авиации — ночью. Привлекались для этих целей и истребители. Активные и непрерывные действия авиации днем и ночью создавали

▲ Голованов А.Е.

▲ Фашистские стервятники

пробки на дорогах, снижали темпы наступления противника, давали возможность резервам Ставки ВГК выиграть время для перегруппировки и занятия оборонительных рубежей. Бывший командующий 2-й танковой группой немецкий генерал Гудериан в книге «Воспоминания солдата», излагая события 4 октября 1941 г., писал: «Я получил довольно внушительное представление об активности русской авиации. Сразу же после моего приземления на аэродроме Севск произошел налет русской авиации... Затем авиация противника бомбила штаб корпуса... Затем я направился к дороге, по которой продвигалась 3-я танковая дивизия. Здесь мы тоже подверглись неоднократной бомбежке со стороны русских бомбардировщиков». Несмотря на активные действия нашей авиации, войска Брянского фронта не смогли сдержать врага. Управление войсками со стороны командования фронтом было серьезно нарушено. События развивались стремительно. Попытки Ставки помочь фронту действиями авиации не принесли желаемого результата.

Командование и штаб ВВС Советской Армии внимательно следили за ходом отражения наступления противника. Ощущался большой недостаток в организации взаимодействия авиации с войсками. 6 октября 1941 г. в адрес командующих ВВС фронтов, отдельных общевойсковых армий и командиров резервных авиационных групп была послана директива по улучшению организации взаимодействия авиации с войсками. В директиве указывалось на необходимость выезда лично командиров взаимодействующих авиационных дивизий или их заместителей с оперативными группами на командные пункты общевойсковых начальников; приказывалось иметь общую с войсками кодированную карту, переговорные таблицы и установленные сигналы; организовывать в районе командного пункта общевойскового командира контрольно-пропускные пункты с постами воздушной связи для передачи команд самолетам в воздухе на атаку наземных целей или запрещение атаки.

Тяжелое положение сложилось и на главном направлении Западного фронта. Противнику удалось прорвать оборону наших войск. Ударные группировки врага стремительно продвигались вперед, охватывая с юга и с севера всю вяземскую группировку. Врагу удалось совершить прорыв на стыке 30-й и 19-й армий Западного фронта. 6 октября его подвижные соединения подошли к Вязьме с севера. Одновременно в полосе 43-й армии Резервного фронта гитлеровцы прорвались вдоль варшавского шоссе. 4—5 октября они овладели районом Спас-Деменск, Юхнов, охватив вяземскую группировку советских войск с юга. К 7 октября 19-я и 20-я армии Западного и 24-я и 32-я армии Резервного фронтов были окружены западнее и северо-западнее Вязьмы. Попавшие в окружение войска продолжали оказывать упорное сопротивление, сковав здесь 28 вражеских дивизий. 3 октября гитлеровцы захватили Орел и устремились на Тулу. 6 октября противник занял Карачев и Брянск. 7 октября 1941 г. в 5 часов

40 минут начальник Генерального штаба от имени Ставки ВГК в адрес командующего войсками Западного фронта, начальника штаба и члена Военного совета ВВС Советской Армии отдал распоряжение, в котором предписывалось корпусному комиссару П. С. Степанову поступить в распоряжение командующего Западным фронтом И. С. Конева и организовать массовые удары авиации по войскам противника, действующим против Западного фронта.

В этих целях на период выполнения поставленной задачи ему подчинялась вся авиация Западного фронта и, кроме того, дополнительно выделялось из резерва Ставки четыре авиационных полка (один полк штурмовиков, два полка истребителей на самолетах МИГ-3 с РС — реактивными снарядами — и один полк бомбардировщиков на самолетах Пе-2). Разрешалось привлечь часть сил авиации ВВС Московского военного округа и дальнебомбардировочной авиации. В трудных условиях наша авиация выполняла поставленные задачи. В течение девяти дней она совершила 2850 самолето-вылетов и нанесла немецко-фашистским войскам потери, но не остановила их наступления.

Противник по-прежнему господствовал в воздухе. За первые девять дней октябрьского наступления в полосе Западного фронта было отмечено около 4 тыс. самолето-пролетов немецкой авиации. На земле и в воздухе проходили упорные сражения и бои. Ударные группировки противника на нескольких направлениях глубоко вклинились в оборону советских войск. 5 октября Государственный Комитет Обороны принял специальное решение о защите Москвы. Главным рубежом сопротивления войск Западного фронта была определена можайская линия обороны, проходившая от Волоколамска до Калуги. 10 октября решением Ставки войска Западного и Резервного фронтов были объединены в один Западный фронт под командованием генерала армии Г. К. Жукова. Соответственно объединялась и авиация фронтов. Ставка ВГК и командование ВВС принимали срочные меры по усилению советских Военно-Воздушных Сил, действовавших на западном направлении. С Закавказского фронта перебрасывались две дальнебомбардировочные авиадивизии, прибывали вновь сформированные авиачасти из тыла страны.

На базе ВВС Московского военного округа была создана авиационная группа под командованием полковника Н. А. Сбытова, которая усиливалась 46-м скоростным бомбардировочным полком на самолетах Пе-2, 65-м и 243-м штурмовыми полками — на самолетах Ил-2 и эскадрильей на самолетах По-2. Группа оказала ощутимую поддержку с воздуха войскам 5-й армии, прикрывавшей Можайскую линию обороны.

По указанию Ставки для прикрытия войск Западного фронта и ударов по вражеским войскам и аэродромам привлекались силы ВВС соседнего Северо-Западного фронта и часть сил 6-го истребительного корпуса ПВО (командир полковник А. И. Митенков). В своем составе 6-й истребительный корпус ПВО по состоянию на 10 октября 1941 г. имел один бомбардировочный и 17 истребительных авиационных полков, 344 исправных боевых самолета и 416 летчиков, из которых 118 могли выполнять боевые задачи ночью и в сложных метеорологических условиях.

В этот тяжелый период войны начали формироваться ночные авиаци-

▲ Сбытов Н.А.

онные полки на самолетах ПО-2, Р-5 и Р-Z из летного состава инструкторов военных школ и летчиков, окончивших школы Осоавиахима. С октября по декабрь 1941 г. в ВВС было сформировано авиационных полков: на самолетах ПО-2 — 71, Р-5 — 27 и на самолетах Р-Z — 5. По решению Ставки ВГК для объединения войск, прикрывавших Москву с северо-запада, из армий правого крыла Западного фронта 17 октября был образован Калининский фронт и ВВС фронта в составе пяти авиационных полков (командующий ВВС фронта генерал-майор авиации Н.К. Трифонов). Командованием делалось все, чтобы изменить соотношение сил в воздухе в нашу пользу и оказать максимальное воздействие ударами авиации на немецко-фашистские войска, рвавшиеся к Москве.

В начале октября 1941 г. Ставке ВГК стало известно о готовящемся массированном воздушном нападении гитлеровской авиации.

10 октября 1941 г. Ставка ВГК отдала директиву командующему ВВС Советской Армии, в которой указывалось, что, по агентурным данным, 12—13 октября 1941 г. по всему Западному фронту противник предполагает произвести массированный налет авиации составом 1 —1,5 тыс. самолетов по промышленным и авиационным центрам, железнодорожным узлам, мостам, переправам, штабам, станциям снабжения и боевым порядкам войск. Приказывалось командующему ВВС в ночь с 11 на 12 октября, утром и днем 12 октября организовать решительное уничтожение авиации противника на аэродромах Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений; принять меры по рассредоточению своих самолетов на аэродромах; усилить готовность средств ПВО к отражению налетов вражеской авиации. В соответствии с полученной директивой командованием и штабом ВВС Советской Армии в срочном порядке был разработан план действий ВВС по уничтожению самолетов противника на аэродромах на период с 11 по 18 октября. Для решения этой задачи привлекались соединения дальнебомбардировочной авиации и ВВС Северо-Западного, Западного, Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. План командованием ВВС был доложен в Ставку через Генеральный штаб. После его одобрения командованием и штабом ВВС Советской Армии были отданы боевые распоряжения соответствующим командующим ВВС фронтов и командирам авиационных соединений ДВА. По своему размаху, привлекаемым силам и достигнутым результатам действия ВВС по аэродромам представляли воздушную операцию ВВС, проводимую на широком фронте в короткие сроки с решительными целями. Результаты ее были весьма высокие. Командующий ВВС доложил в Ставку ВГК: «ВВС Красной Армии в период с 11 по 18 октября 1941 г. произвели ряд бомбардировочных ударов по аэродромам противника на северо-западном, западном и южном направлениях. Только за два дня (11 и 12 октября) и в ночь на 13 октября на аэродромах Витебска, Смоленска, Орла, Орши, Сиверской, Н. Дугина и других было уничтожено 166 самолетов. А всего о 11 по 18 октября на аэродромах уничтожено, по неполным данным, не менее 500 вражеских самолетов... Ударами по аэродромам нанесено крупное поражение вражеской авиации, в результате чего сорван намечавшийся ею массированный удар».

Немецко-фашистская авиация ослабила свои удары по боевым порядкам наших войск. Однако фронт продолжал приближаться к Москве. По решению Государственного Комитета Обороны от 12 октября создавалась еще одна линия обороны на непосредственных подступах к Москве. В ее строительстве принимали активное участие трудящиеся города и области По призыву партии 450 тыс. человек, главным образом женщины, участвовали в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Москве и в самом городе. В три смены работали предприятия, обеспечивая защитников столицы оружием и боеприпасами.

В те дни особое значение приобрела партийно-политическая работа. Ее содержание определялось решениями Центрального Комитета партии. Были выдвинуты лозунги: «Отстоим родную столицу!», «Под Москвой должен начаться разгром немецко-фашистских захватчиков!».

Вся деятельность партийной организации столицы была подчинена интересам обороны Москвы. В течение нескольких дней в Москве было сформировано 25 отдельных коммунистических и рабочих рот и ба-

▲ Погрузка в бомбоотсек Пе-8

▲ Генерал-лейтенант Жигарев П.Ф.

▲ Ворожейкин Г.А.

тальонов, укомплектованных на три четверти коммунистами и комсомольцами. Только за первую половину октября Москва дала фронту 50 тыс. воинов.

В середине октября 1941 г. в соответствии с решением Ставки ВГК в целях обеспечения надежного управления войсками личный состав Генерального штаба и штаба ВВС были разделены на два эшелона, первый оставался в Москве, а второй эвакуировался на восток, в район г. Куйбышева.

В состав первого эшелона (полевого) штаба ВВС действующей армии тогда вошли командующий ВВС генерал П. Ф. Жигарев, член Военного совета армейский комиссар 2-го ранга П. С. Степанов, начальник штаба ВВС генерал Г. А. Ворожейкин, военный комиссар штаба бригадный комиссар А. Б. Галичев, заместитель начальника штаба полковник А. П. Беляев.

В числе начальников управлений и отделов, их заместителей и ведущих офицеров полевого штаба ВВС находились следующие генералы и офицеры: М. В. Щербаков, В. В. Стороженко, В. И. Артемьев, А. М. Власов, М. Н. Кожевников, И. М. Кузьмин, П. Н. Полуэктов, В. П. Пошехонцев, В. М. Никулин, С. В. Сычев, Ю. А. Велико-Иваненко, Г. Т. Корольков, Н А. Стрелков, В. И. Луговой, Д. Д. Грендаль, А. И. Соколоверов, Г. К. Гвоздков, Д. К. Карпович, Ф. Г. Феродов, В. И. Альтовский, А. Г. Прокудин, [65] В. Г. Таиров, А. Г. Дорошенко, А. В. Никитин, А. С. Шацкий, Д. С Филатов, А. В Винокуров, М. П. Константинов, Л. А. Горбацевич, П. П. Беличенко, Н. Н. Ищенко, В. Б. Шемборский.

Весь остальной состав офицеров и служащих штаба и управления ВВС во главе с бригадным инженером Я. Л. Бибиковым, дивизионным комиссаром Л. Г Руденко и заместителем начальника штаба ВВС полковником Б. А. Агеевым 15 октября 1941 г. был эвакуирован в г. Куйбышев.

С убытием основного состава офицеров и абсолютного большинства служащих штаба и управлений ВВС работа в полевом штабе ВВС для генералов и офицеров стала круглосуточной. Это вызывалось сложностью создавшейся обстановки на московском направлении и возросшим объемом работ. Оперативная группа полевого штаба ВВС обеспечивала командованию ВВС управление всей авиацией, сосредоточенной на западном направлении, собирала данные о наземной и воздушной обстановке на других фронтах, вела карты оперативной обстановки, разрабатывала планы оперативного применения авиации и боевые распоряжения, готовила ежедневные оперативные сводки о ВВС и специальные донесения на имя Верховного Главнокомандующего.

В те дни стала строже и сама Москва. 19 октября 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны с 20 октября в городе и прилегающих к нему районах было введено осадное положение. Оно было необходимо для укрепления тыла войск и пресечения подрывной деятельности вражеской агентуры. Коммунистическая партия призывала население столицы к спокойствию,

соблюдению порядка и оказанию всяческого содействия войсковым частям. Оборона рубежей в 100—120 км западнее Москвы возлагалась на командующего Западным фронтом генерала Г. К. Жукова, а на ее ближних подступах — на начальника гарнизона генерала П. А. Артемьева. Объединение и координация усилий всех авиационных сил, действующих на Западном направлении, Ставкой возлагались на командующего ВВС Советской Армии генерала П. Ф. Жигарева. Политбюро ЦК Коммунистической партии, Государственный Комитет Обороны, Ставка и оперативная группа Генерального штаба находились в Москве. Отсюда осуществлялось руководство всей страной и боевыми действиями на фронтах, здесь решались главные вопросы ведения войны.

В конце октября гитлеровские войска были остановлены на рубеже Волжское водохранилище, восточнее Волоколамска, по рекам Пара и Ока до Алексина. Советская авиация активно помогала войскам отбивать вражеские атаки. В ходе оборонительного сражения с 30 сентября по 31 октября 1941 г. ВВС совершили 26 тыс. боевых самолето-вылетов, в том числе на поддержку и прикрытие войск — до 80%. Советские летчики, ведя борьбу с немецко-фашистской авиацией, проявляли исключительное мужество и героизм. 29 октября летчик 184-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Б. И. Ковзан, израсходовав все боевые снаряды, тараном сбил немецкий самолет в районе Зарайска.

Во второй половине октября удалось задержать продвижение немецко-фашистских войск в полосе Брянского фронта. 3-я и 13-я армии Брянского фронта в течение трех недель вели тяжелые бои в тылу врага, сковывая главные силы 2-й полевой и 2-й танковой немецких армий. К 23 октября они вышли из окружения на рубеж Беляев, Мценск, Поныри, Льгов. Учитывая их состояние, Ставка приказала войскам фронта отойти на линию восточнее Дубны, Плавск, Верховье, Ливны, Касторное, сосредоточив главные усилия в районе Тулы и на елецком направлении. Соединения 2-й танковой армии немцев 30 октября достигли Тулы, где встретили организованное сопротивление войск 50-й армии и Тульского рабочего полка. В интересах войск Брянского фронта советская авиация за 20 суток произвела 3750 самолето-вылетов. Уничтожая войска и технику противника, советские ВВС также вели упорную борьбу с вражеской авиацией. Главная тяжесть борьбы с авиацией противника в воздухе ложилась на истребителей ВВС фронтов, особенно 6-го истребительного корпуса ПВО.

▲ Бомбардировщики

В октябре немецко-фашистская авиация произвела 31 налет на Москву. В них участвовало около 2 тыс. самолетов, но прорваться к объектам бомбометания смогли всего 72. При отражении налетов в воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было сбито 278 самолетов. В первых числах ноября наступление противника на Москву было остановлено почти на всех направлениях.

Не достигнув своей цели в октябре, немецкое командование к середине ноября подготовило новое наступление, цель которого заключалась в нанесении на Москву двух охватывающих одновременных ударов подвижными группировками с севера и юга при поддержке с воздуха авиации 2-го воздушного флота. Всего для захвата Москвы немецко-фашистское командование выделило 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных.

На ближних подступах к Москве оборонительные рубежи занимали войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Несмотря на усиление войск Западного фронта, немецко-фашистские армии в ноябре продолжали сохранять под Москвой общее численное превосходство в людях и боевой технике. Советская авиация, действовавшая на московском направлении, была усилена и в общей группировке по числу самолетов в 1,5 раза превосходила вражескую авиацию.

Учитывая это, а также придавая большое значение завоеванию оперативного господства в воздухе, на московском направлении Ставка приказала командующему ВВС Советской Армии с 5 по 8 ноября провести воздушную операцию по уничтожению немецкой авиации на аэродромах. Командующий и штаб ВВС, имея уже опыт по организации подобных воздушных операций, разработали план, в соответ-

ствии с которым от ВВС Калининского фронта привлекались 32 самолета, от ВВС Западного — 46, от ВВС Брянского фронта — 56, от авиации Московской зоны обороны — 32, от дальнебомбардировочной авиации — 80 и от 81-й отдельной бомбардировочной дивизии ВГК — 54 самолета, всего 300 боевых самолетов, которые должны были нанести одновременный удар по 19 аэродромам. План был утвержден командующим ВВС генералом П. Ф. Жигаревым и членом Военного совета ВВС армейским комиссаром 2-го ранга П. С. Степановым, подписан начальником штаба ВВС генералом Г. А. Ворожейкиным. Распоряжения командующим войсками этих фронтов на привлечение авиации были разработаны штабом ВВС, подписаны в Генеральном штабе и отданы войскам. Одновременно о способах нанесения ударов по аэродромам командующим ВВС фронтов были даны распоряжения командованием ВВС Советской Армии.

5 ноября ударам подверглись 13 вражеских аэродромов, 6 и 7 ноября — 15, а 12 и 15 ноября были повторно нанесены удары по 19 аэродромам. В результате были уничтожены и повреждены более 100 и сбит в воздушных боях 61 самолет. Две воздушные операции, проведенные Советскими ВВС в октябре и ноябре 1941 г. по уничтожению немецко-фашистской авиации на аэродромах, оказали в дальнейшем положительное влияние на завоевание оперативного господства в воздухе к началу декабря 1941 г. на московском направлении.

После двухнедельной паузы немецко-фашистские войска возобновили наступление на Москву. Ценой больших потерь им удалось в конце ноября продвинуться на ближние подступы к Москве. Советские войска оказывали упорное сопротивление и при активной поддержке авиации наносили сильные контрудары. После захвата Клина и Солнечногорска враг сделал попытку развить свой удар северо-западнее Москвы. В ночь на 28 ноября ему удалось небольшими силами переправиться на восточный берег канала Москва — Волга в районе Яхромы севернее Икши.

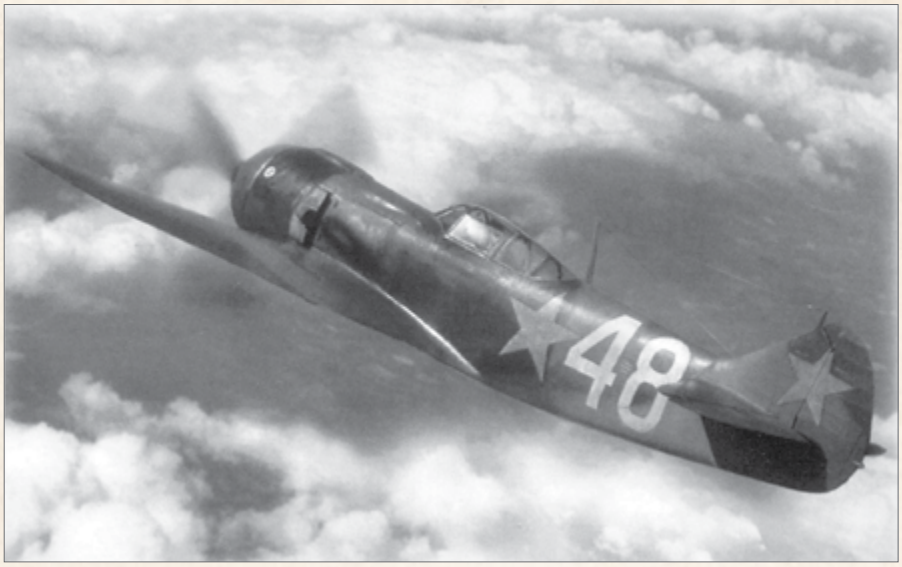
▲ Полынин Ф.П.

Ставка ВГК, командование Западного фронта и командование ВВС Советской Армии принимали срочные меры для ликвидации создавшейся опасности. В район Крюково, Хлебникове, Яхрома перебрасывались резервные соединения и войска с соседних участков На данном направлении действовала авиационная группа, возглавляемая заместителем командующего ВВС Советской Армии генералом И. Ф. Петровым (начальник штаба полковник Н. П. Дагаев). В ее составе — 160 боевых самолетов. Действуя по вражеским войскам в районе Яхромы, Клина, Солнечногорска, авиационная группа ежедневно совершала по 150—180 боевых самолето-вылетов. Авиационная группа генерала И. Ф. Петрова сыграла исключительно большую роль при содействии войскам 1-й ударной армии, которая своими передовыми частями контратаковала и отбросила прорвавшегося противника в районе Яхромы на западный берег канала. При ее активном содействии в конце ноября и начале декабря 1-я ударная и вновь сформированная 20-я армия нанесли по немецко-фашистским войскам ряд контрударов и совместно с 30-й и 16-й армиями окончательно остановили их дальнейшее продвижение. Угроза прорыва врага

к Москве с северо-запада и севера была ликвидирована.

На левом крыле Западного фронта 18 ноября противник прорвал оборону войск юго-восточнее Тулы и через семь дней подошел к Веневу и Кашире. Командованием ВВС Советской Армии срочно была сформирована авиационная группа во главе с полковником М. В. Щербаковым, на которую была возложена задача поддержать 50-ю армию в районе Тулы. Для усиления воздействия на противника привлекалась сформированная в районе Ряжска авиационная группа дважды Героя Советского Союза генерала Г. П. Кравченко и части дальнебомбардировочной авиации. 27 ноября 1-й гвардейский кавалерийский корпус, поддержанный танками и авиацией фронта, одной дивизией дальних бомбардировщиков и частью сил 6-го истребительного авиационного корпуса, нанес контрудар по противнику, рвавшемуся к Кашире, заставив его поспешно отходить. В результате активных действий войск и авиации на левом крыле Западного фронта наступление врага было окончательно остановлено. 4—5 декабря 1941 г. оборонительный период битвы под Москвой закончился.

Дальнебомбардировочная авиация действовала по объектам на поле боя, срывала железнодорожные перевозки противника, бомбардировала его эшелоны в Вязьме, Сухиничах, Мценске, Змиевке, самолеты на аэродромах в районах Вязьмы, Витебска, Смоленска, Сухиничей. Все действия фронтовой и дальнебомбардировочной авиации, авиации ПВО, а также авиационных групп координировались командованием ВВС, планировались, были достаточно целеустремленными и весьма результативными. Советские ВВС за весь период обороны под Москвой совершили 51 300 боевых самолето-вылетов, из них 86% в интересах войск и 14% на прикрытие Москвы, уничтожили до 1400 самолетов противника и к началу декабря 1941 г. прочно завоевали оперативное господство в воздухе на московском направлении. Оно

▲ Ла-5

было завоевано путем последовательного разгрома вражеской авиации на его аэродромах и в активных наступательных воздушных боях наших истребителей. Завоевание оперативного господства в воздухе на московском направлении для советских ВВС и Вооруженных Сил в целом было большой победой. Верховное Главнокомандование получило возможность осуществлять перегруппировки войск и сосредоточивать резервы без существенного воздействия самолетов противника.

В начале декабря 1941 г. обстановка на всем советско-германском фронте резко изменилась. Первые победы под Москвой, Тихвином и Ростовом создали условия для перехода Советской Армии в контрнаступление на главном — московском направлении. Замыслом Ставки предусматривалось главный удар нанести на западном направлении с целью разгромить основные силы группы армий «Центр» и решительно улучшить положение советских войск. К контрнаступлению привлекались войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов, авиация московской зоны обороны, 6-й истребительный авиационный корпус ПВО, две резервные авиационные группы ВГК и основные силы дальнебомбардировочной авиации. Все привлекаемые силы авиации объединялись командующим ВВС Советской Армии генералом П. Ф. Жигаревым и его полевым штабом.

Главное внимание в разгроме врага под Москвой отводилось Западному фронту под командованием генерала Г. К. Жукова. Для действий в полосе Западного фронта было выделено 80% всей авиации, сосредоточенной в районе Москвы. Военно-Воздушные Силы в контрнаступлении должны были активными действиями поддерживать сухопутные войска, удерживать завоеванное господство в воздухе, прикрывать от вражеских налетов Москву, нарушать железнодорожные перевозки противника и вести воздушную разведку. Подготовка осуществлялась в ходе оборонительного сражения, что позволило советскому командованию сосредоточить достаточные силы и средства. Однако войска, привлеченные к контрнаступлению, уступали противнику в людях в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,4 и в танках — в 1,6 раза. Превосходство мы имели только в авиации. В составе советской авиации насчитывалось около 1200 боевых самолетов, а у противника — до 700 машин. Намного превосходили советские воины немецко-фашистские войска в морально-политическом отношении. Беззаветная любовь к Советской

Родине, непреклонная воля к победе и явились той решающей силой, которая заставила гитлеровцев бежать от Москвы.

На рассвете 5 декабря 1941 г. перешли в контрнаступление войска левого крыла Калининского фронта, а 6 декабря — ударные группы Западного и Юго-Западного фронтов. Они наносили удары по врагу в полосе от Калинина до Ельца протяженностью около 1000 км. Командование Советских ВВС использовало около 1000 боевых самолетов для нанесения сосредоточенных ударов по группировке противника севернее и северо-западнее Москвы и только 200 самолетов — по войскам на левом фланге.

Войска при активной поддержке нашей авиации прорвали тактическую зону обороны противника и успешно начали развивать наступление на всех направлениях.

9 декабря 1941 г. воздушная разведка установила начало массового отхода противника по дороге Клин — Теряева Слобода. Это дало возможность Верховному Главнокомандованию и командованию ВВС направить усилия нашей авиации на уничтожение отступающих колонн противника. Чтобы перерезать немецким войскам пути отступления, в ночь на 15 декабря в район западнее Теряевой Слободы советским командованием был выброшен тактический воздушный десант в составе 415 солдат и офицеров. Десант весьма успешно выполнил поставленную задачу, перерезав пути отхода противнику по дорогам и тем самым давая возможность нашей авиации поражать большое скопление автомашин и техники противника на дорогах. К концу декабря десант соединился с войсками 30-й армии.

Вот что пишет по этому поводу в воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Контрнаступательные действия правого крыла Западного фронта шли непрерывно. Их активно поддерживала авиация фронта, авиация ПВО страны и авиация дальнего действия, которой командовал генерал А. Е. Голованов. Авиация наносила мощные удары по артиллерийским позициям, танковым частям, командным пунктам, а когда началось отступление гитлеровских войск, штурмовала и бомбила пехотные, бронетанковые и автотранспортные колонны. В результате все дороги на запад после отхода войск противника были забиты его боевой техникой и автомашинами».

В ходе преследования противника вместе с фронтовой авиацией на клинском направлении активно действовала авиационная группа генерала И. Ф. Петрова, а на калужском и сухиническом направлениях — генерала Е. М. Николаенко.

Дальнебомбардировочная авиация до 7 декабря действовала по вражеским войскам. После ее усилия были переключены для нанесения ударов по железнодорожным узлам, эшелонам и перегонам с целью препятствовать подвозу к фронту войск и техники противника. В докладе Военного совета ВВС Советской Армии от 22 декабря 1941 г. Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину тогда указывалось, что авиация Главного командования с 7 декабря выполняла задачи по разрушению железнодорожных узлов и эшелонов, стремясь сорвать подвоз к фронту боеприпасов и войск противника. В тяжелых метеорологических условиях (плохая видимость, снегопады, туман, обледенение самолетов) авиационными дивизиями с 7 по 18 декабря был выполнен 251 самолето-вылет, сброшено 156 т бомб. В результате бомбардирования уничтожены и разрушены 32 железнодорожные станции, 85 эшелонов с боеприпасами и войсками, до 83 танков и машин. Предлагалось и в дальнейшем дальнебомбардировочную авиацию применять по крупным объектам противника в его тылу.

Контрнаступление войск трех фронтов на московском направлении длилось 33 дня. Советские Военно-Воздушные Силы в исключительно сложных метеорологических зимних условиях за этот период совершили около 16 тыс. боевых самолето-вылетов, из них 50% — на уничтожение войск и боевой техники противника. Действия авиации в контрнаступлении массировались на главных направлениях. 70% всех самолето-вылетов фронтовой авиации было произведено с целью разгрома северной группировки противника. Массирование сил авиации на главном направлении, действия фронтовой и дальнебомбардировочной авиации по узлам сопротивления, по отступающим группировкам противника, его пунктам управления,

▲ Сталин И.В.

▲ Штурмовик Ил-2

тылам и коммуникациям создавали благоприятные условия для ускорения темпов наступления.

В результате совместных действий войск фронтов и авиации к исходу декабря 1941 г. ударные группировки противника, угрожавшие Москве с севера и юга, были разгромлены. Непосредственная угроза столице была ликвидирована. В битве за Москву выявились высокие боевые возможности советских ВВС, которые при централизованном управлении объединенными силами авиации сыграли исключительно большую роль в разгроме противника. Накопленный в ходе контрнаступления боевой опыт приме-. нения ВВС в последующем был широко использован советским командованием в совершенствовании искусства управления объединенными усилиями авиации в наступательных операциях групп фронтов.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили действия Военно-Воздушных Сил. 6 декабря 1941 г. шесть авиационных полков: 29-й, 129-й, 155-й и 526-й истребительные (командиры майоры А. П. Юдаков, Ю. М. Беркаль, А. Ф. Шпак, Н. П. Метелкин), 215-й штурмовой (командир майор Л. Д. Рейно) и 31-й бомбардировочный авиаполк (командир подполковник Ф. И. Добыш) были преобразованы в гвардейские. Тысячи авиаторов были награждены орденами и медалями. 52 отважных летчика были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в том числе В. А. Шишов, С. Г. Гетьман, А. Ф. Локтионов, А. И. Молодчий, А. Г. Рогов, Ф. М. Фаткулин, А. Н. Катрич, Е. М. Горбатюк, В. Е. Ковалев, В. В. Талалихин и др. В битве под Москвой летчик В. В. Талалихин совершил первый в войне ночной таран, а летчик А. Н. Катрич — первый высотный таран. Трудно, да и невозможно переоценить всего значения нашей победы в разгроме немецко-фашистских войск и хваленой немецкой авиации в битве под Москвой. Это была историческая победа, вошедшая немеркнущей страницей не только в летопись Великой Отечественной войны, но и в мировую историю. Поражение вражеских войск под Москвой укрепило веру в окончательную победу советского народа и его Вооруженных Сил, подняло боевой дух народов оккупированных фашистами стран Европы. Народы мира увидели, что гитлеровская армия может быть разбита и будет разбита.

Победа под Москвой была достигнута благодаря преимуществу социалистического общественного и государственного строя, самоотверженному труду нашего народа, беспримерному подвигу и мастерству воинов Советской Армии, руководимых ленинской Коммунистической партией.

Опыт боевых действий ВВС в битве под Москвой подтвердил необходимость поиска и применения новой формы управления авиацией путем объединения привлекаемых сил авиации под руководством старшего авиационного начальника. Четко выявилась необходимость совершенствования организационной структуры частей и соединений фронтовой и дальнебомбардировочной авиации, штаба и управлений ВВС Советской Армии и создания крупных высокоманевренных авиационных резервов ВГК. Жизнь требовала обобщения боевого опыта действий всех видов и родов авиации и быстрейшего его доведения до войск, академий и научных учреждений. Нуждалась в дальнейшем совершенствовании организация взаимодействия авиации с объединениями и соединениями сухопутных войск. Не было еще ликвидировано техническое превосходство противника в авиационной технике и вооружении. Решение этих крупных задач требовало больших усилий со стороны ЦК Коммунистической партии и Правительства, Генерального штаба, командования, Военного совета и штаба ВВС. Большинство из них были разработаны уже в начале 1942 г., доложены в Ставку Верховного Главнокомандования и практически проведены в жизнь в течение 1942 г. ■

И. С. ИСАКОВ

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА И ХАРАКТЕР ВОЙНЫ НА МОРЕ

▲ Атака с воздуха

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕРМАНСКИХ ПЛАНОВ

Начиная летом 1941 г. войну против СССР, немецкие стратеги ставили перед собой главную военную цель — быстро разгромить советские вооруженные силы на полях Украины и Белоруссии, далеко не доходя до Москвы или Кавказа, которые, очевидно, сами должны были упасть к ним в руки в результате намечаемой грандиозной победы. Но, несмотря на свою фанатическую самоуверенность в истинно тевтонское самомнение, послужившие корнями грубейших просчетов в области политики и военной стратегии, и органическую неспособность понять патриотизм русского народа и силу советского государства, немецкое командование все же давало себе отчет в том, что запланированная победа может обойтись, значительно дороже, чем головокружительные успехи, достигнутые в Польше, Норвегии, Бельгии или во Франции. Поэтому два основных условия должны были обеспечить точные календарные даты выполнения намеченного плана: внезапность нападения и полное напряжение всех сил и средств, включая массовое применение новейшей военной техники. Первое условие — внезапность — было достигнуто путем предательского, вероломного нападения, совершенного под прикрытием еще вчера действовавших политических и экономических договоров и соглашений с СССР, и скрытного сосредоточения перед нашими границами громадных сил, имевших уже двухлетний опыт современной войны. Второе условие — «тотальное напряжение» — было достигнуто тем, что на всех остальных театрах Германия отказалась от активных операций и сократила до минимума свои силы на Западе. Исключение составляли действия в Северной Африке, ограниченные по масштабу, и морская блокада Британских островов, проводившаяся также ограниченными силами подводных лодок и авиации.

ИСАКОВ Иван Степанович (1894-1967), советский флотоводец, Адмирал Флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1965), член-корреспондент АН СССР (1958). В ВМФ с 1918 г. Участник Гражданской войны, был помощником командира «Изяслава» во время Ледового похода Балтийского флота 1918 г. С июля 1919 г. старший помощник командира сторожевого корабля «Кобчик», принимавшего участие в отражении нападения английских торпедных катеров и авиации на корабли в Кронштадте. Участвовал в боях на Каспийском море против белогвардейцев и английских интервентов. С июня 1920 г. на Балтийском флоте. С 1926 г. помощник начальника штаба, начальник оперативного отдела, заместитель начальника штаба морских сил Черного моря. В 1930-1936 гг. помощник начальника отдела оперативного управления Генштаба, старший преподаватель Военно-морской академии, начальник штаба Балтийского флота. В 1937 г. — начальник штаба, в августе командующий Балтийским флотом. С января 1938 заместитель, с апреля 1939 по апрель 1946 гг. 1-й заместитель наркома ВМФ (одновременно по совместительству с июня 1938 по август 1939 гг. начальник Военно-морской академии). С начала 1941 по 1943 гг. начальник Главного морского штаба. С началом Великой Отечественной войны координировал боевые действия Балтийского флота, Ладожской и Чудской флотилий с сухопутными войсками при обороне Ленинграда. С октября 1941 г. вместе командованием Черноморского флота готовил десантную операцию на Керченский полуостров. С апреля 1942 г. на Северо-Кавказском направлении. Координировал действия Черноморского флота и сухопутных войск. Получил тяжелое ранение, на излечении с октября 1942 по 1945 гг. В 1946-1947 гг. начальник Главного штаба ВМФ, в 1947-1950 гг. заместитель главкома ВМФ. Много сил и энергии отдал дальнейшему повышению боевой мощи ВМФ, развитию его оперативного искусства и тактики, изучению и обобщению опыта Великой Отечественной войны. Автор ряда научных работ. Лауреат Сталинской премии (1951). Награжден 6 орденами Ленина. 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Ушакова 1-й степени, орденами Отечественной войны, Красной Звезды боевыми медалями и иностранными орденами.

«Гитлеровская армия вступила в войну против Советского Союза, имея почти 2-х летний опыт ведения крупных военных операций в Европе с применением новейших средств войны...»

В начальный период войны с СССР *германские воздушные и морские силы были нацелены на помощь вторгавшимся бронетанковых армиям для обеспечения главного удара; самостоятельных стратегических, задач они. не имели*. Вот почему, всю тяжесть первых ударов и последующих грандиозных сражений на фронте небывалого в истории протяжения — от заполярного Мурманска до устья Дуная — пришлось принять на тебя нашей героической Красной Армии.

Удары с моря на Севере, в Балтике и на Черном море, произведенные одновременно с вторжением через сухопутные границы, носили те же черты «блитца» и были внезапными; они сопровождались применением новых средств и явно рассчитывались не только на нанесение потерь, но и на достижение морального эффекта, чтобы терроризировать наших людей и парализовать их волю к сопротивлению. При этом немецкие захватчики рассчитывали «на слабость Красной Армии и Красного Флота, полагая, что немецкой армии и немецкому флоту удастся с первого же удара опрокинуть и рассеять нашу армию и наш флот...»

Перед рассветом 22 июня 1941 г., когда радио еще не успело оповестить о преступном нападении германской авиации на мирных жителей Орши, Могилева и Смоленска, над рейдами и гаванями Мурманска, Кронштадта, Одессы и Севастополя появились соединения самолетов со свастикой. Часть из них атаковала бомбами корабли, базовые сооруже-

ния и жилые кварталы, в то время как другая сбрасывала магнитные мины на главных выходных фарватерах с расчетом запереть в базах и лишить маневра те советские корабли, которые уцелеют от бомб. Одновременно начали поступать донесения от дозорных кораблей о замеченных перископах и попытках торпедных атак «неизвестных» подводных лодок, принадлежность которых уже не оставляла никаких сомнений. Так начался «блитц» против нашего флота из морских; баз, с аэродромов, предоставленных Финляндией и Румынией своему хозяину.

Но немцы жестоко просчитались.

Война не на жизнь, а на смерть; с фанатичным и сильным противником на протяжении трех лет, конечно, потребовала жертв, и в частности от флота. Но сейчас, оглядываясь назад и вспоминая первый день отечественной войны, мы видим, как ничтожны были успехи первых «ошеломляющих» ударов врага по нашим флотам и базам, несмотря на все преимущества внезапного нападения,

Севастополь заплатил одним портовым буксиром, подорвавшимся на мине, а город отделался разрушением нескольких жилых строений. Черноморский флот не потерял маневра и вышел в море для выполнения первых операций.

В Финском заливе на второй день войны, уже в процессе выполнения нашим флотом операций, подорвался на мине один боевой корабль, который ленинградскими судостроителями был снова введен в строй в рекордно короткий срок.

Северный флот вовсе не имел боевых потерь и, успешно развернувшись, начал свою боевую деятельность по плану. Таковы были первые итоги, очевидно неожиданные для противника, потерявшего несколько бомбардировщиков «Ju-88» и одну подводную лодку, несмотря на то, что он внезапно напал на наш флот, находившийся в процессе обычной боевой подготовки мирного времени,

Первые операции врага и последующая линия его поведения совершенно отчетливо показали, что германское командования ставило своим морским силам главной задачей *блокаду нашего флота на всех, морях с последующим уничтожением его при помощи авиации и захватом баз с суши*, решение этой задачи хотя бы только в форме блокады, очевидно, должно было отвечать двум целям:

1) обеспечить беспрепятственное продвижение приморских флангов германских армий, двигающихся к Мурманску, Ленинграду, Одессе, Николаеву и Севастополю, и

2) изолировать СССР от внешнего мира с тем, чтобы исключить подвоз вооружения и продовольствия из США и Соединенного Королевства. Предполагаемым захватом наших морских баз и аэродромов одновременно достигалось бы обеспечение германских морских коммуникаций. На первых порах немцы, заранее спланировавшие все победы, не предавали большого значения этой негативной задаче, рассчитывая, что победы на суше и захват всех наших военно-морских баз автоматически сделают все моря «немецкими» и тем самым забота об охране их транспортов или караванов будет снята.

Когда советские армии доказали на практике несостоятельность германского плана, все приложенные к этому плану расчеты и графики начали расползаться, и это в первую очередь сказалось на использовании транспорта. Удлинение сухопутных коммуникаций немецких армий, колоссально возросшие потери людей, техники и всех видов боевого снабжения, а также те коррективы, которые все чаще начали вносить в транспортные дела советские партизаны, помимо прочих мер, потребовали пересмотра напряжения различных железнодорожных магистралей.

В первые дни войны транспортный флот Германии мало помогал вторгающимся полчищам. В Балтике он, как и в мирное, время, продолжал обеспечивать подвоз из Швеции железной руды и из Финляндии леса и целлюлозы. На Севере немцам пришлось питать морем свою группировку войск и посылать транспорты вокруг Скандинавии только потому, что на этом театре нет железнодорожных путей.

Когда же первый «блитц» провалился, пришлось всю группировку в Финляндии и в советских прибалтийских республиках, а позже все части, оккупировавшие южную Украину, Крым и часть Северного Кавказа, перевести на питание морским транспортом.

Таким образом неожиданно для немцев и вопреки их желанию *задача обеспечения своих морских коммуникаций начала перерастать в главную задачу германского флота*, тем более что советские моряки все успешнее боролись с блокадой противника и топили все больше его транспортов. Так произошла эволюция замыслов и планов морских стратегов Германии, и эта эволюция продолжается по сей день в ту же сторону, т. е. в сторону *усиления мероприятий по охранению своих морских коммуникаций как главной, задачи*, но уже не в целях обеспечения вторжения, а в целях обеспечения вывоза награбленного и последующей эвакуации морем тех частей, которые не успели этого сделать на суше. Так стоял вопрос в Крыму до того дня, когда он был очищен от немцев, и так он должен будет стать в свое время в Прибалтике и Финляндии

Иллюстрацией к сказанному является следующее сообщение германского информационного бюро из Штеттина от 21 января 1944 г.:

«На заседании отдела судоходства зарубежной организации национал-социалистской партии перед представителями германского торгового флота выступил гросс-адмирал Дениц, который отметил неустанную работу экипажей торговых судов, отдал должное их усилиям и заявил, что *германский военно-морской флот считает своей основной задачей охрану германского торгового флота*, а также борьбу с судоходством противника».

Итак, главнокомандующему германским флотом в 1944 г. — приходится уговаривать работать своих

▲ Военно-морская база на севере

торговых моряков вместо декларирования таких агрессивных задач, как «вторжение», «разгром», «удушение Англии блокадой» и т. д., и заявлять с трибуны, что основная задача флота — охрана торговли. Особенно примечательно то, что глашатаем этого является тот самый Дениц, который лишь полтора года назад, в январе 1943 г., был призван возглавить тотальную подводную войну.

МЕТОДЫ И СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ГЕРМАНСКИХ ПЛАНОВ

Методы, которыми осуществляются попытки реализации планов германской морской стратегии, могут быть охарактеризованы следующими положениями,

1. У немцев твердо установилась тенденция *в войне с Советским Союзом, не рисковать ценными кораблями*. Несмотря на то, что война уже продолжается три года, ни разу и ни на одном: из наших морей не наблюдались попытки противника ввести в дело корабли класса выше эскадренных миноносцев. В пределах действий советского флота и его авиации наши моряки ни разу не видели даже силуэта германского крейсера, не говоря о линейных кораблях. Единственное и счастливое исключение составляет встреча подводной лодкой Героя Советского Союза капитана 2 ранга Лунина далеко от своей базы линейного корабля «Admiral Tirpitz», что, совершенно очевидно, не входило в планы германского командования. Линейный корабль был успешно торпедирован, получил повреждение, и немцам пришлось довольно долго ремонтировать его.

Тенденция германского командования беречь свои ценные корабли последовательно вытекала из плана *захвата всех наших баз с суши*, что должно было по их расчетам привести к неизбежной гибели советского флота.

Как следствие этой линии поведения, немецким флотом ни разу не было сделано попытки нанести какой-либо удар с морского направления, вроде высадки крупного десанта, обстрела кораблями наших баз или фланга войск, либо другой аналогичной операции. Поэтому, кроме единичных случаев столкновения миноносцев, до сих пор не произошло значительных морских боев, к великому огорчению особенно наших корабельных артиллеристов.

2. С первых же дней войны явно определилась вторая особенность метода действий противника как следствие «экономии кораблей» — *стремление решать главную задачу на море своей авиацией*.

Бомбардировщики, действующие против кораблей в базах и в море (преимущественно «Ju-88» и «Ju-87»), торпедоносцы («He-111») и миноносная авиация (также «He-111»), заграждающая магнитно-акустическими минами наши стратегические фарватеры, каналы, маневренные плесы флота и акватории портов и гаваней, — вот кто был основным

против- никои советского флота. При этом авиация на морском направлении использовалась немцами очень интенсивно, в различных тактических и оперативных комбинациях, вызванных тем, что, решая морские задачи, германскому командованию приходится оглядываться на нашу морскую авиацию, весьма успешно прикрывающую свой флот и его базы.

3. Следующая характерная особенность немецкого плана блокады — *широкое применение подводных лодок*. С первых дней военных действий, еще да перестройки своей стратегии на «тотальную подводную войну» в Атлантике и связанного с ней расширенного строительства подводного флота, германские лодки начали операции по блокаде Мурманска, Горла Белого моря, Финского и Рижского заливов. Перебросив подводные лодки по Дунаю на Черное море, немцы приступили также к блокаде наших черноморских портов. Действиям подводных лодок широко помогает разведывательная авиация. Эта тенденция не ослабевает до последнего времени, несмотря на значительное уменьшение успешности действий и большие потери, которые несут германские «U-бот» непосредственно на наших театрах от противолодочной системы советских флотов, а также общую убыль вражеских подводных лодок, в результате действия грандиозной системы противолодочной обороны ваших союзников,

4. В дополнение к авиации и подводным лодкам немцы привлекают к боевой деятельности в исключительно широких масштабах, не имеющих прецедентов в предыдущих войнах, легкие, *«москитные»* и *вспомогательные силы*,

Эскадренные миноносцы, миноносцы, сторожевые корабли всех типов, затем торпедные и сторожевые катера и, наконец, быстроходные универсальные баржи (типа «F»), самоходные морские понтоны (типа «Zibel») и прочие вспомогательные суда, специально построенные с учетом опыта текущей войны, используются противником повседневно в самых разнообразных операциях. Если из-за больших потерь с неба периодически исчезают на время германские самолеты, а уцелевшие подводные лодки скрываются в базах, то деятельность бесчисленного количества немецких «москитных» сил и малых судов продолжается неизменно днем и особенно ночью. Иногда они фактически даже становятся «главными силами», пытающимися выполнять ответственные операции. Особенно благоприятствовал такому выбору немцев шхерный и островной характер Финского залива и Ладожского озера, хотя не менее напряженными были операции и бои «москитных» сил в Азовском море, в Черном море и даже в водах Варангер-фиорда,

Чтобы закончить краткую характеристику замыслов германского морского командования и избранных им методов действий, надо сказать несколько слов об оружии противника. Поскольку, немцы решили не рисковать большими кораблями в борьбе с советским флотом, использование артиллерии в морских боях оказалось ограниченным; фактически оно имело место только с эскадренных миноносцев, и то эпизодически.

Торпеда — основное оружие подводных лодок и торпедных катеров нашла широкое применение в германском флоте и в авиации. Некоторые транспорты и вспомогательные суда жертвами этого оружия или получили повреждения попадания неприятельских торпед, но благодаря хорошо организованной противолодочной и противовоздушной обороне ценных объектов мы не потеряли от действия неприятельского торпедного оружия ни одного значительного боевого корабля, успев на том же поприще нанести большие потери противнику как в боевых кораблях, так и особенно в транспортном флоте. Между тем торпедное оружие, в последнее время значительно усовершенствованное, остается опасным в руках врага, и с ним приходится серьезно считаться, совершенствуя противоторпедную оборону кораблей и транспортов.

Интересно отметить тенденцию применения противником торпед по малоценным объектам, т. е. буксирам, шхунами т. п. судам, которые, естественно, никогда не могут иметь полноценного охранения. Эта тенденция начала проявляться с тех пор, как успехи немцев пошли на убыль. Так, в период борьбы за Новороссийск некоей подводной лодкой были выпущены по мотоботам, стоявшим у Мысхако, две торпеды (выскочившие на пологий берег).

▲ Загрузка торпеды

▲ Глубинная мина

В течение 1943 г. некоторые пляжи кавказского берега и Анапы обогатились новыми образцами немецких и итальянских торпед, с тем же успехом выпущенных по катерам и ботам, стоимость которых вряд ли превышала стоимость затраченных на них торпед. В этой бессмысленной трате самого дорогого вида боезапаса ясно видна бессильная злоба противника, его боязнь рисковать выходом в атаку на охраняемые крейсера, эскадренные миноносцы и канонерские лодки, оперировавшие в тех же районах, и явное нежелание возвращаться после длительного крейсерства в базу с полным торпедным запасом. Очевидно, что отсутствие торпед в аппаратах подводной лодки и соответствующая фантастическая запись в вахтенном журнале обеспечивают очередное потопление «советских транспортов с десантом» и «крупных боевых единиц» на страницах немецких сводок.

Но наиболее излюбленным оружием немцев в этой войне; на наших морях является *мина*.

Немецкие моряки учились искусству минной войны у русских в период 1914-1918 гг., и уроки, как будто, не прошли даром. К началу второй мировой войны немцы стали широко применять мины новых типов и даже имели частичный успех. Впрочем, мина всегда была одним из излюбленных средств всех флотов для осуществления морской блокады.

Современная минная война отлична от предыдущей (1914-1918 гг.) не только по своим масштабам, т. е. количеству применяемых мин и по тактико-техническим свойствам нового минного оружия, а главным образом по новым методам использования мин, значительно расширяющим тактические и оперативные возможности применения этого оружия.

Привлечение авиации к минной войне позволило забрасывать мины в те районы, которые совершенно недоступны для надводных и подводных кораблей. Речь идет о возможности заграждения охраняемых внутренних и даже тыловых участков театра, которую немцы широко использовали, особенно в процессе ночных налетов своей авиации.

Помимо авиации, немцы очень широко использовали для выполнения ночных минных постановок быстроходные баржи, торпедные и сторожевые катера (урок, также полученный у русского флота в 1915-1916 гг. в Рижском заливе). Подходы к нашим базам немцы стали систематически засорять минами, буквально каждую ночь, если только позволяла погода (Финский залив, Кронштадтский район, Керченский пролив, Азовское море и т. д.). Конечно, хотя мы и сами не оставались в долгу, это создало большие затруднения нашему флоту и даже привело к отдельным потерям. Особенно сказалась минная война на напряжении людей и техники, так как понадобилось вести не прекращающуюся ни днем, ни ночью борьбу с неприятельскими минами и с их постановщиками — надводными подводными и воздушными.

Тяжелее всего приходится тральщикам, героически борющимся не только с германскими минами, но и с катерами, самолетами и подводными лодками врага и стоически

выдерживающим борьбу с морской стихией в любое время года и суток.

Наши минеры научились разгадывать технические хитрости разнообразных типов германских мин и тактические приемы их использования, а флотами накоплен значительный опыт противоминной борьбы. Несмотря на это, минная угроза не исчезла, она требует повседневного внимания и напряжения и *будет давать о себе знать еще долгое время после войны*.

Там, где организованы бдительное наблюдение, хорошее управление и четкая готовность всей системы противоминной обороны, немецкие мины могут лишь затруднять деятельность наших кораблей, но заблокировать их бессильны. Упорной и самоотверженной работой минная блокада противника преодолевается так же эффективно, как и подводная, причем с нашей стороны одновременно ведется еще более активная и более успешная минная война в водах противника, объективной оценкой которой является большое количество погибших и подорванных вражеских кораблей и транспортов.

ХАРАКТЕР ВОЙНЫ НА МОРЕ И РОЛЬ НАШЕГО ФЛОТА

То обстоятельство, что противник ни разу не отважился на прорыв наших морских позиций даже в тех случаях, когда его армия уходила далеко вперед по берегу, не посмел атаковать ни одну нашу базу с моря, а сосредоточил все свои усилия на воздушных ударах и минной и подводной блокаде, в значительной мере определило характер войны на море.

Современная война на наших морских театрах приняла своеобразную форму. Без классических боев и сражений линейных сил, за которыми в прошлых войнах обычно следовали длительные паузы, но все же упорная, кровопролитная, не на жизнь, а на смерть, *исключительно напряженная., непрерывная и ведущаяся в море под водой, в воздухе и в прибрежных районах всеми средствами, без пауз и отдыха* целеустремленная только на то, чтобы бить и последовательно уничтожать немецких захватчиков, где бы они ни были, — это та же «истребительная война», перенесенная на море. Она слагается из тысяч мелких боевых эпизодов, повседневных столкновений и боев, иногда перерастающих в такие крупные операции, как оборона баз (Одесса, Ганге, Таллин, Севастополь), высадки больших десантов (Феодосия, Новороссийск, Керчь), проводки больших конвоев, операции обстрела неприятельских баз (Констанца, Варде), срыва эвакуации германских войск из Крыма и т. д., при одновременной и систематической борьбе на коммуникациях противника и непрекращающейся подводной, воздушной и минной войне.

В этой войне с первых же дней Военно-Морской ‘Флот старался не отстать в самоотверженности и героизме от Красной Армии, и уже 7 ноября 1941 г. он получил такую высокую оценку Верховного Главнокомандующего: «Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей родины».

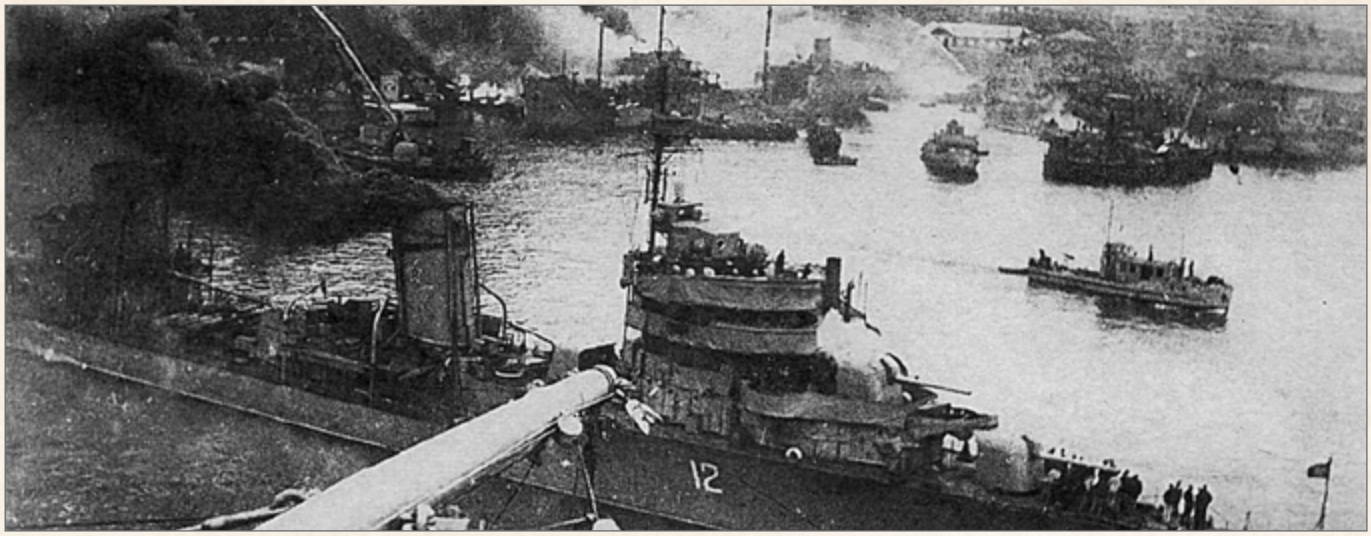
Главнейшая задача, которую выполнял наш флот на всех морях, заключалась в том, чтобы любыми методами и средствами морской войны *обеспечить стратегические фланги Красной Армии, упирающиеся в море, от десантов или, ударов флота противника*, и в нанесении ударов во фланг и Тыл группировки войск противника.

Оглядываясь на пройденный этап этой беспримерной войны, моряки с гордостью могут сказать, что эту задачу и свой долг перед родиной они выполнили неплохо.

Ни на одном театре фланг нашей армии не был атакован противником с моря, в то время как наши эскадренные миноносцы, канонерские лодки и сторожевики многократно губительным фланговым огнем поражали артиллерию, доты и скопления немецких, финских и румынских войск в Мотовском и Финском заливах, на Ладожском озере, в Крыму, в Азовском море и под Сталинградом. Поддержка флангов осаждаемых частей в Ленинграде, Одессе и Севастополе и позже на Керченском полуострове производилась не только миноносцами и малыми кораблями, но и крейсерами и даже линейными кораблями,

▲ Десант

▲ Севастопольская бухта

когда этого требовала обстановка.

Если в первые дни немецких успехов на суше казалось, что противнику незачем обходить фланги нашей армии через море, то в последующий период он много раз был поставлен перед такой необходимостью, когда его фланговая группировка натыкалась на твердую оборону приморских частей Красной Армии; однако, располагая соответствующими средствами немцы ни разу не рискнули ими воспользоваться. Морские подступы к Ленинграду за все время войны оставались столь же незыблемыми, как были, а славный Кронштадт, обойденный противником как по северному, так и по южному берегу, был неприступным для врага до того исторического дня, когда он принял деятельное участие своей артиллерией в разгроме группировки войск противника под Ленинградом. Неоднократно немцы накапливали силы для производства десанта из Керчи, из Мариуполя и т. д., но каждый раз, после своевременных наших атак с моря и воздуха рассасывали эти группировки и десантные средства.

Большую помощь фронту оказал наш флот героической обороной военно-морских баз. В Таллине, в Ганге, в районе Красной Горки, в Одессе, Севастополе, Керчи, Новороссийске моряки совместно с частями Красной Армии не только отстаивали свои дома, не только защищали ценнейшие куски советской территории, но, *надолго задерживая и оттягивая на себя значительно превосходящие силы врага, обессиливали их и тем самый тормозили общий ход германского наступления на главном направлении.*

Сами немцы с запоздалым сожалением писали о том, что беспримерная оборона Севастополя по крайней мере на два месяца задержала наступление их правого фланга и заставила сталинградскую и кавказскую операции, вопреки первоначальному плану, сползти по времени на зимний период. Как известно, сумасбродный план германского командования провалился не только поэтому, и немцы задержались у Севастополя значительно больше двух месяцев, но само признание весьма характерно.

Если противник не решался на десантные операции, за исключением двух случаев, окончившихся полным конфузом и разгромом врага, не решался форсировать Керченский пролив, а предпочел даже на Таманский полуостров входить сушей, через Ростов, — то советские моряки широко; пользовались «амфибийными» операциями и многократно и успешно высаживали диверсионные, тактические и оперативные десанты на всех морях. Это создавало для противника постоянную угрозу атаки во фланг или в тыл.

Из-за этой систематической угрозы немцы вынуждены были ощетиниться пушками, пулеметами и всеми видами фортификации и средств заграждения, а также пожертвовать большим количеством обслуживающих их войск на значительных пространствах занимаемого ими побережья в Мотовском заливе и Варангер-фиорде, в Финском заливе, на Ладожском озере и, наконец, в Черном море. Румыны изрыли уже все свои берега и в томительном ожидании продолжают оснащать их всеми видами вооружения.

Все это явилось результатом уроков, полученных противником после многократных десантов североморцев во фланг немецких частей с захватом и уничтожением опорных пунктов, островных десантов прославленных защитников Ганге, обходного маневра азовцев под Таганрогом и Мариуполем, при, взятая Очакова и Николаева, крупных десантных операций в Феодосии, Керчи и Новороссийске и многих других, о которых немцам и румынам хорошо известно. Таким образом *действия наших флотов приковывают к побережью и фактически омертвляют значительные силы противника, которые в других условиях, были бы использованы на фронте.*

Виднейшая роль в десантах всегда принадлежала морякам, и там, где организовывались крупные десанты

частей Красной Армии, моряки были обычно «первым броском», цепляющимся, за берег.

Кроме того, *флот выделил много моряков для борьбы, на суше* в составе армейских соединений. Морские батальоны, полки или бригады, часть из которых является теперь гвардейскими или краснознаменными, участвовали в боях не только на морских берегах, но и под Москвой и Сталинградом.

Не впервые русскому матросу драться на берегу. Не только в обороне Севастополя и Петропавловска-на-Камчатке (во время Крымской войны), но еще в экспедиционных операциях ушаковской эскадры под Корфу, Неаполем и другими крепостями и базами неизменно наводил трепет на врага и завоевывал себе и своей родине славу русский матрос. Традиция эта сохранилась и, естественно, развернулась шире и глубже теперь, когда «на протяжении громадного фронта от Северного Ледовитого океана до Черного моря бойцы Красной Армии и Военно-Морского Флота ведут ожесточенные бои, чтобы изгнать из нашей страны немецко-фашистских захватчиков и отстоять честь и независимость нашего отечества».

Одновременно с задачей непосредственного обеспечения флангов Красной Армии и борьбы за берега и базы флот решал и решает другую не менее важную, чисто морскую задачу — *задачу борьбы на морских коммуникациях противника* с целью сорвать питание и пополнение германских приморских группировок и снабжение сырьем военной промышленности Германии (никелевая руда из Петсамо; лес, целлюлоза из Финляндии; марганец и железная руда из Криворожья через Николаев и устье Дуная — до изгнания немцев с юга Украины, и т. д.).

Эта задача решается систематическими и мощными ударами нашей морской авиации и подводных лодок по базам и водному, транспорту противника как самостоятельно, так и в различных комбинациях взаимодействия между собой и с надводными силами.

Вряд ли подводникам любого другого флота в мире приходилось действовать в столь сложных и неблагоприятных условиях, как балтийцам. Трудные навигационные условия, очень большая плотность вражеских минных и сетевых заграждений и дозоров, немецкий контроль всего Финского залива с островов и обоих берегов, а также с аэродромов — все, это исключительно затрудняло операции наших подводных лодок. Противник многократно объявлял их уничтоженными, но каждый раз вслед за этим балтийские подводники заявляли о своем существовании очередным потоплением нескольких танкеров иди транспортов, демонстрируя свою непреклонную волю к победе.

Нашим самолетам-торпедоносцам, соперничающим с подводными лодками в количестве потопленных вражеских судов, надо было проходить и возвращаться по «коридору» Финского залива или над вражеской территорией, базами и аэродромами только в один конец до 300 км. И, несмотря на это, морская авиация Краснознаменного Балтийского флага при ничтожно малых потерях успешно действовала и действует на коммуникациях противника включительно до южной части Балтийского моря.

Но особенно досадили немцам на коммуникациях, нанеся им в абсолютных цифрах и относительно наибольшие потери, североморцы. Последние, пользуясь ограниченностью сухопутных коммуникаций противника, крепко держат его за горло, систематически уничтожая морские транспорты, доставляющие пополнения, продовольствие и технику, немецким горно-егерским частям или возвращающиеся в Германию с никелевой рудой.

На более коротких и близких отрезках морских коммуникаций противника на всех морях систематически действуют наши легкие силы флота и торпедные катера, увеличивающие и без того растущий счет потопленных немецких кораблей и транспортов, особенно в таких условиях, которые создались при эвакуации противника из Крыма. ■

▲ На высоких широтах

М.И. МЕЛЬТЮХОВ, доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела

БЕЛОРУССКИЙ (ЗАПАДНЫЙ) ОСОБЫЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

▲ Учения. Западный военный особый округ, 1940 г.

История Белорусского военного округа начинается с 28 ноября 1918 г., когда был издан приказ Революционного Военного Совета Республики (РВСР) о формировании Минского военного округа на территории Смоленской, Витебской, Могилевской, Минской и Виленской губерний. Управление округа размещалось в г. Смоленске. Постановлением РВСР от 14 декабря 1918 г. округ был переименован в Западный (ЗапВО). В августе 1919 г. округ был передан в подчинение РВС Западного фронта. В ноябре 1920 г. окружное управление было слито с полевым управлением Западной армии и управлением Войск внутренней службы Западного фронта, а в декабре 1920 г. вошло в состав управления Западного фронта, которое взяло на себя все функции окружного управления. 14 апреля 1924 г. Западный фронт был преобразован в Западный военный округ, а 2 октября 1926 г. переименован в Белорусский военный округ (БВО). В конце 1920-х — начале 1930-х гг. по мере модернизации советских вооруженных сил войска округа оснащались новыми образцами оружия и боевой техники, формировались новые части и соединения. БВО являлся своеобразной опытной базой Красной Армии, где проверялась организационная структура войск,

в ходе маневров отрабатывались новые тактические приемы и способы боевых действий.

Новый этап организационного развития БВО начался в конце 1930-х годов. В условиях Чехословацкого кризиса 1938 г., чреватого возникновением войны, в которой в силу своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии и Франции должен был принять участие и Советский Союз, Главный военный совет (ГВС) РККА 24 июня и 14 июля 1938 г. предложил реорганизовать Белорусский военный округ. Согласно приказу наркома обороны № 0151 от 26 июля БВО был переименован в особый военный округ (БОВО) и в его составе на базе управления 4-го стрелкового корпуса была сформирована Витебская армейская группа (АГ), в которую входили войска, расположенные на территории Витебской и Минской областей, а на базе управления 5-го стрелкового корпуса — Бобруйская АГ, объединявшая войска на территории Могилевской, Гомельской и Полесской областей. Проводимая реорганизация позволяла ускорить развертывание фронтового и армейских управлений в случае мобилизации армии. Все эти организационные мероприятия были 28 июля утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) и оформлены 29 июля 1938 г. постановлением Комитета Обороны при СНК СССР № 173сс/ов. Полгода спустя приказом наркома обороны № 07 от 15 января 1939 г. в БОВО на базе управления 16-го стрелкового корпуса была сформирована новая Минская АГ, в состав которой включались войска, расположенные на территории Минской и Могилевской областей. Соответственно изменялся состав Витебской и Бобруйской АГ, а 23-й стрелковый корпус выделялся в подчинение управления округа.

К лету 1939 г. сухопутные войска БОВО (командующий — командарм 2 ранга М. П. Ковалев, член Военного совета — корпусной комиссар И. З. Сусайков, начальник штаба — комдив М. А. Пуркаев) состояли из управлений 3 армейских групп, 5 стрелковых 2 кавалерийских, 1 танкового корпусов, 13 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 8 легких танковых, 1 моторизованной стрелково-пулеметной и 1 авиадесантной бригад. В связи с советско-японским вооруженным конфликтом на Халхин-Голе 26 июля — 4 августа в Сиб-ВО была отправлена 37-я стрелковая дивизия.

Учитывая нарастание международной напряженности, советское военное руководство с мая 1939 г. начало разработку новой системы мобилизационного развертывания Красной Армии. Основная идея реорганизации сухопутных войск сводилась к тому, чтобы создать постоянную армию, готовую к использованию при минимальном мобилизационном развертывании. Для этого все скрытые, то есть предназначенные к развертыванию в случае мобилизации дивизии, следовало перевести в открытые. 13—14 июля предложения наркомата обороны по этому вопросу обсуждались на совещаниях высшего советского военно-политического руководства в кабинете И. В. Сталина. Согласно принятому 13 июля постановлению Комитета Обороны при СНК СССР № 199сс, уточненному 14 июля решением Политбюро ЦК ВКП(б), следовало «все дивизии тройного развертывания уже в мирное время, в целях наилучшей их боевой подготовки, — развернуть в самостоятельные дивизии». Всего предполагалось создать 106 стрелковых дивизий, из которых 94 в мирное время содержались бы по штату в 4 тыс. человек, а 12 по штату в 3 тыс. человек. Кроме того, следовало сформировать 20 управлений стрелковых корпусов и 20 отдельных автомобильных полков. 15 июля ГВС решил «принять к срочному выполнению утвержденные правительством мероприятия по реорганизации стрелковых войск, имеющих целью укрепление и повышение боевой готовности стрелковых дивизий, а также выращивание кадров для мобилизационного развертывания РККА». 16 июля у наркома обороны состоялось совещание, обсудившее изменение существующей системы мобилизационного развертывания стрелковых войск в случае войны. Реализация утвержденных правительством мероприятий требовала подготовки мест размещения 69 вновь формируемых дивизий. Проведение всех этих мероприятий требовало дополнительно 297 тыс. человек, что увеличивало численность армии до более 2 млн. человек.

21—22 июля ГВС принял решение «образовать комиссию, на которую возложить разработку всех вопросов, связанных с реорганизацией и осуществлением перехода на новую организацию стрелковых войск РККА». Комиссия под председательством заместителя наркома обороны командарма 1-го ранга Г. И. Кулика должна была в десятидневный срок «представить подробно разработанный календарный план перевода стрелковых дивизий тройного развертывания на новые ординарные дивизии численностью в 4100 чел. каждая». На состоявшемся 27 июля заседании комиссии был сделан вывод о том, что все военные округа могут разместить новые дивизии, материальных запасов также хватает, поэтому следовало к 1 ноября 1939 г. перейти на новую организацию стрелковых войск и к 1 мая 1940 г. подготовить новые мобилизационные планы. 1, 10 и 25 августа вопросы осуществления этих организационных мероприятий, вероятно, обсуждались высшим военно-политическим руководством в кабинете Сталина. В соответствии с принятым решением, 15 августа 1939 г. нарком обороны маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов направил Военным советам округов (за исключением ЗакВО, САВО, ЗабВО, 1-й и 2-й ОКА) директивы, согласно которым следовало с 25 августа по 1 декабря 1939 г. сформировать 18 управлений стрелковых корпусов, перевести кадровые дивизии на новый штат по 8900 человек и развернуть 36 дивизий тройного развертывания в 92 дивизии по 6000 человек. Соответствующую директиву № 4/2/48606сс/ов получил и Военный совет БОВО, которому было приказано сформи-

▲ Ворошилов К.Е.

▲ Пуркаев М.А

ровать 1 управление стрелкового корпуса, перевести 16 кадровых дивизий на новый штат и развернуть 3 дивизии тройного развертывания в 9 ординарных дивизий.

1 сентября 1939 г. предложения наркома обороны о составе РККА были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) и оформлены 2 сентября постановлением СНК СССР № 1355-279сс, согласно которому в Красной Армии предусматривалось «кроме усиленных ординарных стрелковых дивизий в количестве 51 стр. дивизии (33 стр. дивизии по 8900 каждая, 17 стр. дивизий по 14 000 каждая и 1 стр. дивизия — 12 000 человек), иметь в составе армии: 76 стр. дивизий ординарных по 6000 чел. каждая, 13 стр. дивизий горных или типа горных и 33 стр. дивизии ординарных по 3000 чел. каждая». Таким образом, в соответствии с «планом реорганизации сухопутных сил Красной Армии на 1939—1940 гг.» было решено иметь 173 стрелковые дивизии, переведя дивизии тройного развертывания в ординарные. Предлагалось увеличить количество корпусной артиллерии и артиллерии РГК, переведя ее с тройного на двойное развертывание. Следовало расформировать 4 кавалерийские дивизии и 2 отдельные кавалерийские бригады, а также сократить численность тыловых частей и учреждений, кроме того, в танковых войсках расформировывались стрелково-пулеметные бригады в танковых корпусах и стрелково-пулеметные батальоны в танковых бригадах. Штатная численность Красной Армии была установлена в 2265 тыс. человек.

Однако развитие международной обстановки в начале сентября 1939 г. привело к тому, что 6 сентября было принято решение провести частичную мобилизацию Красной Армии, и около 23—24 часов Военные советы ОдВО, КалВО, БОВО, КОВО, МВО, ОрВО и ХВО получили директиву наркома обороны № 14650, которая требовала с 7 сентября «поднять на большие учебные сборы по литеру «А» согласно моей директиве № 2/1/50698 от 20 мая 1939 г. все войсковые части и учреждения округа по мобилизационному плану № 22. Одновременно поднять запасные части. Рассылать персональные повестки без опубликования». Название «Большие учебные сборы» (БУС) являлось шифрованным обозначением скрытой мобилизации. Проведение БУС по литеру «А» означало, что происходило развертывание отдельных частей, имевших срок готовности до 10 суток, с тылами по штатам военного времени. Формирования гражданских ведомств на БУС не поднимались. Сама мобилизация проходила в условиях максимального сохранения этих мероприятий в тайне. Всего в «Больших учебных сборах» в БОВО приняли участие управления 6 стрелковых, 2 кавалерийских и 1 танкового корпусов, 18 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 8 танковых, 1 моторизованная стрелково-пулеметная и 1 авиадесантная бригады. На территории округа было призвано из запаса 380 067 человек (из них начсостава— 15 074, младшего на-

чсостава— 37 006 и рядовых — 327 987), которые 22 сентября 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР и приказом наркома обороны № 177 от 23 сентября были объявлены мобилизованными «до особого распоряжения».

Начавшееся 7 сентября 1939 г. мобилизационное развертывание войск БОВО вызвало преобразование управлений армейских групп. Витебская, Минская и Бобруйская АГ были переименованы соответственно в управления 3-й, 11-й и 4-й армий. Кроме того, в составе БОВО была сформирована конно-механизированная группа с использованием личного состава управления КалВО, а также прибыло созданное на базе управления МВО управление 10-й армии. Выделенное 6—11 сентября для проведения Польской кампании полевое управление БОВО, фактически являвшееся управлением фронта, было в соответствии с приказом наркома обороны № 0053 от 26 сентября 1939 г. переименовано в управление Белорусского фронта. Вместе с тем для управления войсками, не входившими в состав действующей армии и остававшимися на территории округа, было сформировано управление БВО, которое подчинялось Военному совету фронт.

17 сентября — 12 октября 1939 г. войска Белорусского фронта в ходе Польской кампании заняли территорию Западной Белоруссии, что позволило завершить территориальное объединение Белорусской ССР. В связи с расширением территории СССР была изменена территория округа. Согласно приказу наркома обороны № 0157 от 11 октября Белорусскому фронту были подчинены войска, расположенные на территории БССР, а войска, расположенные в Смоленской области, передавались в состав КалВО. В составе фронта сохранялись управления 3-й, 11-й, 10-й и 4-й армий. 14 ноября приказом наркома обороны № 0177 управление Белорусского фронта было переименовано в управление БОВО. Нормализация обстановки на западных границах СССР позволила 29 сентября начать сокращение численности Красной Армии, и к 3 декабря 1939 г. из войск БОВО было уволено 280 059 человек. Заключение договоров о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими странами привело к созданию в них советских военных баз. Соответственно, из состава БОВО на территорию Литвы были направлены войска 16-го особого стрелкового корпуса, в которых на 25 ноября 1939 г. насчитывалось 17 355 человек, 855 пулеметов, 226 орудий и минометов, 310 танков, 38 бронемашин, 1390 автомашин, 63 самолета. К 13 ноября для отправки на территорию Латвии были подготовлены 6-я легкая танковая бригада, 10-й танковый полк, мотострелковая рота, управление 18-й авиабригады, 15-й истребительный и 39-й скоростной бомбардировочный авиаполки, а также 208-я и 116-я авиабазы общей численностью 5657 человек, 317 танков, 40 бронемашин, 878 автомашин, 36 тракторов и 92 самолета.

▲ Ковалев М.П. слева

Вместе с тем, сентябрьские события 1939 г. не позволили в полной мере осуществить намеченные планы реорганизации сухопутных войск. Поэтому Наркомат обороны разработал новый план реорганизации Красной Армии, который был 15 ноября 1939 г. за № 81306/сс/ов направлен в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Общую штатную численность Красной Армии предлагалось утвердить в 2300 тыс. человек и в течение 1940 г. привлечь на учебные сборы 1600 тыс. человек. 21 ноября 1939 г. состоялось заседание ГВС, рассмотревшее вопрос об организации и численности Красной Армии. Было решено иметь в стрелковых войсках 170 дивизий, из них 15 моторизованных (8 сформировать в 1940 г. и 7 — в первой половине 1941 г.). Эти дивизии содержались по штатам 9 тыс. человек в мирное и 11,6 тыс. человек в военное время и располагали 257 танками и 73 бронемашинами каждая. Уточнялась штатная организация остальных стрелковых соединений, которые следовало содержать по 12-, 6- и 3-тысячные штатам. Предусматривалось формирование новых артиллерийских частей, несколько сокращалась численность кавалерии и запасных частей. ВВС сохранялись в существующей организации. Общая штатная численность Красной Армии устанавливалась в 2300 тыс. человек. На основании решения ГВС все эти мероприятия были 1 декабря 1939 г. утверждены постановлением Комитета обороны № 433сс.

Однако и эта реорганизация не была в полной мере проведена

▲ Польская кампания 1939 г.

из-за затянувшейся войны с Финляндией. Из БОВО в состав действующей армии были направлены управления 3 стрелковых и 1 кавалерийского корпусов, 10 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии, 1 авиадесантная и 1 танковая бригады. Одновременно командование Красной Армии разрабатывало планы дальнейшего развертывания войск по штатам военного времени. 31 декабря 1939 г. нарком обороны направил Военному совету БОВО директиву, согласно которой все стрелковые дивизии предписывалось содержать в усиленном составе, прекращалось увольнение приписного состава, призванного на БУС, предусматривалось дальнейшее уточнение дислокации войск, создавались новые запасные части и училища. Публикуемый доклад начальника Генштаба командарма 1 ранга Б. М. Шапошникова в правительство от 1 февраля 1940 г. дает представление о составе Красной Армии. 1 февраля нарком обороны направил Военному совету БОВО директиву, согласно которой предусматривалась реорганизация артиллерии, перевод стрелковых соединений на штаты мирного времени и частичная передислокация войск. Однако приписной состав предписывалось не увольнять, а собрать в запасных полках при воинских частях. Зимой 1939/40 гг. численность авиационной группировки БОВО уменьшилась из-за переброски авиаполков на советско-финляндский фронт. Соответственно, 20 февраля Военный совет БОВО получил директиву о формировании к 1 июля 1940 г. 2 управлений авиабригад, 10 новых авиаполков (3 скоростных бомбардировочных, 1 ближнебомбардировочного и 6 истребительных) и 10 авиабаз.

После окончания войны с Финляндией началось рассредоточение войск Красной Армии к местам постоянной дислокации, в том числе и в БОВО. Согласно директиве наркома обороны от 10 апреля уточнялся состав войск БОВО, которые следовало перевести на штаты мирного времени. Предписывалось уволить приписной рядовой состав, остающийся за штатом из нестроевых частей, а остальной призванный из запаса рядовой, младший начальствующий и начальствующий состав следовало задержать до особого распоряжения. За счет возвращения авиаполков с фронта в места постоянной дислокации увеличилась и численность ВВС округа.

Смена К. Е. Ворошилова на посту наркома обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко привела к разработке нового плана реорганизации Красной Армии, который был 21 мая 1940 г. представлен И. В. Сталину и В. М. Молотову. Предлагалось иметь 163 стрелковые дивизии и 52 управления стрелковых корпусов. Все дивизии намечалось перевести на штаты мирного времени, из их состава исключить танковые батальоны, кроме 18 стрелковых дивизий Дальнего Востока. Соответствующие меры реорганизации предлагались

▲ Советско-финляндская война

▲ Нарком Тимошенко С.К.

по всем родам сухопутных войск, ВВС оставались в прежнем составе. Общая штатная численность Красной Армии устанавливалась в количестве 3 302 220 человек, и предусматривалось в 1940 г. пропустить через учебные сборы 1 млн. человек запаса. В тот же день эти предложения были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б), а 22 мая оформлены постановлением Комитета Обороны № 215сс. Соответственно, 31 мая нарком обороны направил Военному совету БОВО директиву, согласно которой устанавливались новые штаты войск, давались указания о порядке проведения организационных мероприятий.

На основе обобщения опыта войны с Финляндией весной 1940 г. в ходе работы ряда комиссий ГВС было предложено реорганизовать танковые войска Красной Армии, «создав мощные танковые соединения с органическим включением в них моторизованной пехоты, артиллерии и необходимых количеств авиации». Соответственно, 27 мая Тимошенко и Шапошников представили в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР докладную записку, с предложениями по организационной структуре танковой дивизии и танкового корпуса, в состав которого предлагалось включить 2 танковые и 1 моторизованную дивизии, авиаэскадрилью в 12 самолетов, дорожный батальон, батальон связи и мотоциклетный полк. Следовало сформировать 6 управлений танковых корпусов (из них 2 в БОВО) и 12 танковых дивизий (из них 4 в БОВО).

Однако эти предложения не были утверждены, и 2 июня нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР переработанный план создания танковых корпусов. Предлагалось сформировать 8 танковых корпусов (из них 2 в БОВО), 18 танковых и 8 моторизованных дивизий, 4 из которых уже имелись. В результате чего Красная Армия имела бы 177 дивизий (18 танковых, 8 моторизованных, 3 мотострелковые, 135 стрелковых и 10 горнострелковых) и 25 танковых бригад. 3 июня Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило командиров танковых корпусов, танковых и моторизованных дивизий и начальников штабов танковых корпусов. 9 июня нарком обороны утвердил план формирования мехкорпусов, согласно которому в БОВО формировались 3-й и 6-й мехкорпуса. Для их формирования намечалось использовать управления 3-го кавалерийского и 10-го стрелкового корпусов, 2-ю и 21-ю танковые бригады, 29-ю и 185-ю стрелковые дивизии, мотоциклетный батальон, 7-ю, 11-ю кавдивизии, танковый полк 36-й кавдивизии и танковые батальоны стрелковых дивизий.

Однако подготовка и проведение Прибалтийской и Бессарабской кампаний в июне 1940 г. не позволили осуществить предусмотренные формирования. Вступление в СССР Эстонской, Латвийской и Литовской ССР потребовало уточнения военно-территориальных структур Красной Армии. 30 июня начальник Генштаба подготовил для наркома обороны проект новой дислокации войск в западных округах в связи с предстоящим формированием нового Прибалтийского военного округа. В частности, предусматривалось иметь в составе БОВО 23 стрелковые и 1 кавалерийскую дивизии, мехкор-

▲ Павлов Д.Г.

▲ Шапошников Б.М.

пус и 3 танковые бригады. Для этого предлагалось перебросить в него 5 стрелковых дивизий из ЛВО, 2 — из СКВО и по 1 — из МВО, ПриВО, УрВО, ОрВО и КалВО. В ПрибВО передислоцировались бы 6 стрелковых дивизий из БОВО.

4 июля 1940 г. нарком обороны своей директивой приказал Военному совету БОВО завершить к 9 августа формирование 3-го и 6-го мехкорпусов. Соответственно, были внесены изменения в список соединений, обращаемых на их формирование. В тот же день нарком обороны и начальник Генштаба докладывали в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР о необходимых мероприятиях «по усилению западных военных округов (БОВО и КОВО) и общему усилению Вооруженных Сил Союза ССР». Намечалось «приступить к окончанию задержанных организационных мероприятий по Белорусскому, Киевскому и Одесскому военным округам» и формированию в них механизированных корпусов. Предлагалось уточнить существующую организацию военных округов, перевести большинство стрелковых дивизий на основной штат в 12 тыс. человек. Уменьшение числа стрелковых дивизий следовало компенсировать формированием 23 новых дивизий сокращенного состава (по 3 тыс. человек) с 1 пушечным артполком. В связи с формированием Прибалтийского и расформированием Калининского военных округов, предлагалось переименовать Белорусский округ в Западный и иметь в его составе 24 стрелковые, 2 танковые и 1 моторизованную дивизии, усилив его за счет переброски войск из ЛВО, СКВО, МВО, ОрВО, ПриВО, УрВО и КалВО. Военные просили утвердить предложенные организационные мероприятия и новую дислокацию ВВС.

6 июля 1940 г. Политбюро ЦК КП(б) утвердило постановление СНК СССР № 1193-464сс, которым устанавливалась предложенная штатная численность танковых дивизий и организация механизированных корпусов. Следовало сформировать 8 таких корпусов, 2 отдельные танковые и 23 стрелковые дивизии 3-тысячного состава и накопить запасы вооружения и имущества для формирования 30 стрелковых дивизий в первые три месяца войны и еще 30 стрелковых дивизий и 2 мехкорпусов к концу первого года войны. Было разрешено изменить структуру военных округов и приступить к передислокации войск. Общая штатная численность Красной Армии утверждалась в количестве 3 461 200 человек. В тот же день нарком обороны направил Военному совету БОВО директиву, которая устанавливала состав и дислокацию войск округа. Требовалось начать новые формирования, утвержденные правительством, перевести войска в места постоянной дислокации, расформировать части и учреждения, созданные для проведения Прибалтийской кампании, и начать увольнение приписного состава в соответствии с директивой от 31 мая 1940 г. Согласно приказа наркома обороны № 0141 от 11 июля в связи с формировани-

ем нового Прибалтийского военного округа в состав БОВО передавались войска, расположенные на территории Смоленской области, и округ переименовывался в Западный ОВО. 13 июля начальник Генштаба направил Военному совету БОВО директиву, предусматривавшую меры по реализации директивы наркома обороны. Соответственно, в июле 1940 г. из состава ЗапОВО в ПрибВО были переданы управления 2 армий и 3 стрелковых корпусов, 7 стрелковых дивизий и 3 танковые бригады общей численностью 94 635 человек. В июне-июле 1940 г. произошла смена командования округа: командующим стал генерал-полковник (с февраля 1941 г. генерал армии) Д. Г. Павлов, членом Военного совета — корпусной комиссар А. Я. Фоминых, начальником штаба — генерал-майор В. Е. Климовских.

Опыт войны с Финляндией потребовал пересмотра организационной структуры авиации. Образованная весной 1940 г. комиссия ГВС по вопросам ВВС 21 апреля предложила, учитывая значительный рост авиачастей, перейти на дивизионную структуру организации авиации, усилить ВВС приграничных округов и аэрофотослужбу, сократить армейскую авиацию, сведя ее в крупные оперативные соединения и провести другие меры по повышению боеготовности ВВС. 8 июля начальник Главного управления ВВС Красной Армии командарм 2 ранга Я. В. Смушкевич представил наркому обороны доклад, в котором предлагал создать 34 авиадивизии (25 смешанных, 5 бомбардировочных и 4 истребительных) в составе 144 авиаполков и сохранить 34 отдельных авиаполка. 16 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило командиров авиадивизий, а 25 июля 1940 г. — постановление СНК СССР № 1344-524сс, согласно которому изменялась организационная структура ВВС. Отныне в авиации следовало иметь авиационные дивизии (по 4—5 авиаполков) и отдельные авиационные бригады (по 2–3 авиаполка). К 1 сентября 1940 г. намечалось сформировать 38 авиадивизий (26 смешанных, 7 дальнебомбардировочных и 5 истребительных), в состав которых включалось 163 авиаполка. До 1 января 1941 г. следовало сформировать еще 48 авиаполков, объединив их в 12 новых авиадивизий (5 смешанных, 4 дальнебомбардировочные и 3 истребительные). Кроме того, в составе ВВС АрхВО, СибВО, САВО и ДВФ сохранялись управления отдельных авиабригад. В тот же день директивой наркома обороны ЗапОВО было приказано сформировать управления 2 смешанных, 2 истребительных, 3 бомбардировочных авиадивизий, 2 разведывательных авиаполка и 8 корпусных эскадрилий. Во второй половине 1940 г. в ЗапОВО формировалось 8 авиаполков —2 дальнебомбардировочных, 2 скоростных бомбардировочных и 4 истребительных.

Летом 1940 г. продолжалось и совершенствование управленческих структур сухопутных войск. На основании утвержденного 25 июля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановления СНК СССР № 1356-528сс нарком обороны 13 августа издал приказ № 0184, которым устанавливались единые штаты для управлений военных округов. Одинаковую организационную структуру управлений получали ЛВО, ПрибВО, ЗапОВО, КОВО, ЗабВО, ДВФ, ОдВО и ЗакВО (два последних меньшей численности). МВО получал схожую структуру, но без некоторых отделов. Это позволяло на их базе в кратчайший срок развернуть фронтовые управления. Управления АрхВО, ОрВО, ХВО, СКВО, ПриВО, УрВО, СибВО и САВО получили сокращенные штаты, позволявшие развернуть на их базе армейские управления. 26 августа 1940 г. Военному совету ЗапОВО была направлена директива наркома обороны о переводе в первой половине октября 1940 г. стрелковых дивизий на новые 12-тысячные штаты.

4 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба просили Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР разрешить сформировать к 1 июня 1941 г. 25 танковых бригад и утвердить штатную численность Красной Армии в 3 616 724 человека. Однако эти предложения были сочтены слишком радикальными, и Наркомат обороны получил указание разработать организационные меры, которые укладывались бы в штатную численность Красной Армии. 14 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба направили в Политбюро ЦК ВКП(б) новые предложения по усилению войск в первой половине 1941 г. Предлагалось сформировать 8 корпусных артполков, 8 артполков и 5 артдивизионов РГК, 20 пулеметно-артиллерийских моторизованных бригад, новый мехкорпус в КОВО, 20 отдельных танковых бригад Т-26 и реорганизовать существующие 6 авиадесантных бригад в более мощные воздушно-десантные бригады, способные к самостоятельным действиям. Военное руководство просило утвердить общую штатную численность Красной Армии в количестве 3 574 705 человек. После утверждения этих предложений 16 октября Политбюро ЦК ВКП(б) нарком обороны 4 ноября своей директивой приказал Военному совету ЗапОВО до 1 января 1941 г. сформировать 5 танковых и 4 пулеметно-артиллерийских моторизованных бригад, 3 артполка, 1 артдивизион и реорганизовать 214-ю воздушно-десантную бригаду, а также сократить штаты стрелковых войск.

Кроме того, было решено создать Дальнебомбардировочную авиацию. 5 ноября 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР № 2265-977сс «О военно-воздушных силах Красной Армии», согласно которому на основе существующих авиаполков, вооруженных самолетами ТБ-3, ДБ-3 и ТБ-7, намечалось сформировать 13 авиадивизий (по 3 авиаполка в каждой), объединенных в 5 авиакорпусов, и 1 отдельный авиаполк дальнего действия. Кроме того, с 1 февраля 1941 г. по 1 января 1942 г. следовало сформировать 2 дальнебомбардировочных, 23 ближнебомбардировочных, 22 двухмоторных и 53 одномоторных истребительных и 4 смешанных авиаполков (всего 104 авиаполка) и управления 25 авиадивизий. К концу 1941 г. ВВС должны были иметь 32

432 самолетов (из них 22 171 боевых) и 60 тыс. летных экипажей. Соответственно, 6 ноября нарком обороны направил командующему ЗапОВО директиву о выделении дальнебомбардировочных авиаполков в самостоятельные дальнебомбардировочные дивизии. 25 января 1941 г. начальник Генштаба направил Военному совету ЗапОВО директиву № орг/3/520477 о формировании управлений 59-й, 60-й и 61-й истребительных авиадивизий, 11 истребительных и 1 штурмового авиаполков. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР № 198-97сс «Об организации противовоздушной обороны», на основании которого нарком обороны издал 14 февраля 1941 г. приказ № 0015 о создании в частности на территории ЗапОВО Западной зоны ПВО в составе Смоленского, Минского, Белостокского, Барановичского и Гомельского районов ПВО.

Новый этап организационного развития Красной Армии начался в 1941 г. 12 февраля руководство Наркомата обороны представило правительству новый мобилизационный план, согласно которому в случае мобилизации вооруженных сил СССР развертывалось 198 стрелковых, 10 горнострелковых, 2 мотострелковые, 60 танковых, 30 моторизованных, 14 кавалерийских дивизий, 2 стрелковые и 6 воздушно-десантных бригад. Утверждение этого мобплана позволило наркому обороны отдать приказы о формировании в период с 1 марта по 1 июля 1941 г. управлений 16 стрелковых и 21 механизированного корпусов, а так же недостающих стрелковых, танковых, моторизованных дивизий и о расформировании кавдивизий. 8 марта 1941 г. Политбюро утвердило назначения командиров формируемых мехкорпусов, танковых и моторизованных дивизий. В соответствии с новым мобпланом весной 1941 г. в ЗапОВО формировались управления 1 стрелкового, 5 механизированных корпусов, 10 танковых и 5 моторизованных дивизий, но были расформированы пулеметно-артиллерийские моторизованные бригады. 23 апреля утверждено постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1112-459сс, согласно которому в ЗапОВО к 1 июня следовало сформировать 3 противотанковых артиллерийских бригады, 2 воздушно-десантные бригады и 1 воздушно-десантный корпус трехбригадного состава. Кроме того, согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1113-460сс от 23 апреля в ЗапОВО началось формирование управления 13-й армии, командующий и начальник штаба которой утверждены Политбюро 24 мая 1941 г.

▲ Федоренко Я.Н., нач. ГАБТУ

Учитывая неполное обеспечение формируемых весной 1941 г. механизированных корпусов штатным количеством танков, начальник ГАБТУ генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко 14 мая обратил внимание наркома обороны на то, что они «являются не полностью боеспособными. Для повышения их боеспособности впредь до обеспечения их танками, считаю необходимым вооружить танковые полки мехкорпусов 76- и 45-мм орудиями и пулеметами с тем, чтобы они в случае необходимости могли бы драться, как противотанковые полки и дивизионы». Для проведения этого мероприятия в ЗапОВО выделялось для 13-го мехкорпуса 48 76-мм орудий, 54 45-мм противотанковых орудий и 160 пулеметов «ДП», 48 машин «ЗиС» и 74 машин «ГАЗ». 17-й мехкорпус должен был получить 96 76-мм орудий, 72 45-мм противотанковых орудий и 320 пулеметов «ДП», 96 машин «ЗиС» и 112 машин «ГАЗ», а 20-й мехкорпус — 120 76-

мм орудий, 90 45-мм противотанковых орудий и 400 пулеметов «ДП», 120 машин «ЗиС» и 140 машин «ГАЗ». 16 мая начальник Генштаба направил в Минск директиву о реализации этого мероприятия к 1 июля 1941 г., которое следовало «провести таким образом, чтобы не нарушать организационный принцип полка, как танковой единицы, имея ввиду, что в последующем на вооружение будут поступать танки».

Наряду с организационным совершенствованием войск ЗапОВО велась масштабная работа по инженерной подготовке территории округа. Создание инфраструктуры ВВС на территории Западной Белоруссии началось еще осенью 1939 г. По плану капитального строительства, утвержденному 9 марта 1940 г. постановлением Комитета обороны № 137сс, в БОВО предусматривалось достроить 30 аэродромов (из них 18 в западных областях), построить 19 оперативных и реконструировать 1 аэродром. На 1 декабря 1940 г. в ЗапОВО находилось 233 аэродрома (30 постоянных и 203 оперативных) из имевшихся в ВВС 1 328 аэродромов (209 постоянных и 1 119 оперативных). Кроме того, из 381 аэродрома Наркомата земледелия СССР в ЗапОВО находилось 44 аэродрома. 25 февраля 1941 г. утверждено постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 368-167сс «О реорганизации авиационных сил Красной Армии», согласно которому, в частности, следовало к 1 июля 1941 г. перевести авиатылы на организацию районов авиабазирования и построить в 1941 г. 240 бетонных взлетно-посадочных полос, из них 70 в «ЗапОВО и на территории Орловской и Курской областей». В развитие этого постановления 24 марта было утверждено постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 653-283сс о строительстве для НКО в течение года 251 аэродрома, из них 20 новых, на 220 расширялись летные поля и строились бетонные взлетно-посадочные полосы и на 11 реконструировались взлетно-посадочные полосы. В частности, в ЗапОВО предусматривалось соорудить 6 новых аэродромов, провести расширение летных полей и бетонирование ВПП на 59 аэродромах и реконструировать ВПП на 1 аэродроме.

8 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило план капитального строительства НКО на 1941 г., согласно которому намечалось соорудить 52 постоянных и 528 оперативных аэродромов (из них соответственно 3 и 55 в ЗапОВО). 10 апреля издано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 862-369сс «О реорганизации системы авиационного тыла», согласно которому утверждались предложения наркомата обороны о создании к 1 июля 1941 г. 54 районов авиационного базирования и строительстве в 1941–1942 гг. 539 оперативных аэродромов. В частности, в ЗапОВО образовать 10 районов авиабазирования. При этом в Гродненском, Белостокском, Кобринском, Барановичском, Пинском и Вилейском районах следовало иметь по 48 аэродромов в каждом; в Минском и Слуцком — по 36 аэродромов, а в Гомельском и Смоленском — по 24 аэродрома. Из сооружаемых в 1941 г. 376 оперативных аэродромов в ЗапОВО планировалось построить 30. К 20 июня 1941 г. на 50 аэродромах ЗапОВО шло бетонирование первой ВПП, и велись земляные работы на второй. 20–21 июня в Минске состоялось совещание главных инженеров строек, на котором было решено завершить 30–40% строительств к 15 августа, большую часть до 1 сентября, а полностью выполнить программу к 1 октября.

В связи с расширением в 1939 г. территории округа в западных районах БССР требовалось выполнить большой объем работ по инженерному и оборонительному строительству. Постановлением Комитета Обороны № 137сс от 9 марта 1940 г. по плану оборонительного строительства БОВО на 1940 г. было выделено 279 880,65 тыс. руб. (103 млн. рублей на войсковое строительство, 126 635 тыс. руб. на оборонительное строительство, 3225,65 тыс. руб. на спецсвязь, 20 020 тыс. руб. на строительство оперативных аэродромов, 27 млн. руб. на строительство бензоемкостей). В основном эти средства вкладывались в создание военной инфраструктуры в Западной Белоруссии. Публикуемые документы дают представление о мерах по развитию железнодорожной сети и объектов противовоздушной обороны. Вдоль новой государственной границы начала создаваться линия укрепленных районов (УР). В Западной Белоруссии планировалось построить Гродненский, Осовецкий, Замбровский и Брестский УР. Генеральным планом оборонительного строительства предусматривалось в 1940—1941 гг. завершить строительство и оборудование первой полосы узлов обороны и опорных пунктов укрепрайонов. Сооружение этих УР в 1940–1941 гг. оценивалось в 274 503 тыс. руб., из которых на 1940 г. выделялось 126 635 тыс. руб. К лету 1941 г. из запланированных 2130 долговременных огневых сооружений было построено 338 (15,9%), а из них оборудовано и вооружено 156 (46,2%). В тыловой зоне БОВО имелись построенные в 1928–1937 гг. Полоцкий, Минский и Мозырский УР. В 1938–1939 гг. там началось сооружение Слуцкого УР и проводилось доусиление остальных укрепрайонов, однако в 1940 г. эти тыловые УР были разоружены и законсервированы. Всего из 729 имевшихся в них долговременных огневых сооружений 79 построено в 1938—1939 гг. 16–17 июня Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли ряд решений о мерах по ускорению поставок вооружения для строящихся УР во второй половине 1941 г.

Одной из важнейших проблем предвоенного развития Красной Армии являлся вопрос о численности войск, в частности западных приграничных округов. К сожалению, доступные документы не позволяют подробно проследить динамику численности войск БОВО (ЗапОВО) в 1939–1941 гг. Известно лишь, что на 21 февраля 1939 г. в округе насчитывалось 209 798 человек. В условиях массовых мобилизаций осени 1939 г. — зимы 1940 г. численность личного состава войск БОВО возросла и к 1 мая 1940 г. составляла

432 929 человек. Начавшееся затем увольнение приписного состава привело к тому, что к 1 ноября 1940 г. в сухопутных войсках округа насчитывалось 355 107 человек. Согласно постановлению СНК СССР №1592-630сс от 31 августа 1940 г. в ходе очередного призыва в вооруженные силы следовало призвать 1 433 315 человек. Публикуемые документы позволяют исследовать не только организацию призыва, но и состав призываемого контингента, которому предстояло через 7 месяцев принять на себя удар вермахта. 6 ноября 1940 г. нарком обороны издал директиву о проведении с 5 января по 15 февраля 1941 г. приписки к призывным участкам граждан 1922 года рождения, лиц, имеющих законченное среднее образование, и учащихся 10-х классов средних школ и выпускных курсов техникумов 1923 года рождения, не приписанных граждан старших возрастов и лиц 1920–1921 годов рождения в Западной Украине и Западной Белоруссии. С 15 мая 1941 г. начался призыв приписного состава запаса на БУС, которые должны были продлиться до 1 июля. Всего к 22 июня 1941 г. в войска ЗапОВО было призвано 71715 человек.

Несмотря на большое количество учебных мероприятий, подготовка войск находилась явно не на должном уровне. Наиболее серьезной проблемой Красной Армии был уровень подготовки командно-начальствующего состава и штабов. Руководители корпусных сборов командиров рот имели очень смутные представления об обороне предполья. Причем, нельзя сказать, что командование не знало о состоянии подготовки войск. В годовых отчетах об итогах боевой подготовки войск округа отмечалось, что «при быстрых темпах продвижения штабы отстают от войск, теряют управление, не умеют так построить свое управление, чтобы заранее на определенное время предусмотреть ход боя». Слабо была поставлена работа разведки, а «часть командного состава в условиях не только ночного, но и дневного боя теряет управление своими подразделениями». Понятно, что в этих условиях выполнение войсками своих задач в ходе борьбы с сильным противником являлось проблематичной.

Не случайно с лета 1940 г. советское военное руководство стремилось интенсифицировать оперативную подготовку командно-начальствующего состава Красной Армии. Вся система командирской учебы была направлена на подготовку «высоко развитого, инициативного и волевого штабного командира— мастера управления современным боем и операцией». Командно-начальствующий состав ориентировался на тщательное изучение вероятных противников, которыми считались все соседние с СССР страны и, прежде всего Германия, Япония, Турция, Румыния и Финляндия. В ЗапОВО предусматривалось проведение нескольких армейских полевых поездок с участием армейского управления из МВО, на которых предусматривалось изучить театр вероятных действий, отработать вопросы

▲ Укрепрайон

управления армейской операцией, взаимодействия ВВС с подвижными соединениями и боевого и материально-технического обеспечения операции. Армейские поездки следовало проводить в два этапа, на первом из которых намечалось отработать вопросы прикрытия сосредоточения армии, а на втором — организацию контрудара по прорвавшемуся противнику. Важное значение для изучения вопроса о направленности оперативной подготовки войск ЗапОВО дают впервые публикуемые материалы окружной оперативной игры, проведенной 21–25 апреля 1940 г., и фронтовой полевой поездки, проведенной 15–22 октября 1940 г. на тему «Наступательная операция фронта с прорывом сильно укрепленной полевой обороны противника». Они показывают состояние подготовки командно-начальствующего состава и штабов войск округа. В ходе поездки фактически проигрывалась ситуация очень близкая к той, которая реально сложилась летом 1941 г. Проведенная поездка выявила целый ряд проблем в подготовке штабов к ведению широкомасштабных операций.

На боеготовности войск округа сказывались и имевшиеся проблемы с дисциплиной. Несмотря на декларированную борьбу с разгильдяйством и неорганизованностью, различные чрезвычайные происшествия приводили к убийствам, ранениям, увечьям и дезертирству военнослужащих, утере ими оружия, авариям и катастрофам военной техники и транспорта. Нередки были случаи контрреволюционных высказываний, пьянства, дебошей, членовредительства, самоубийств и мародерства. Конечно, в абсолютных цифрах эти случаи были в целом невелики, но они говорят о сложившихся в Красной Армии отношениях. Передислокация войск в новые районы вызвала необходимость привлекать большое количество подразделений на строительные и хозяйственные работы, что также сокращало время на боевую подготовку.

Сопоставление разведданных о численности германских войск, развернутых у советских границ, с приводимыми в отечественной и зарубежной исследовательской литературе действительными данными показывает, что, правильно вскрыв факт переброски германских войск к границе СССР, советская разведка не располагала точными сведениями о количестве сосредоточенных войск и в своих оценках исходила из завышенных сведений об общей численности вермахта. К сожалению, насколько можно судить по опубликованным документам, советская разведка так и не сделала вывода о непосредственной угрозе германского нападения. Военная разведка фиксировала интенсивное оборонительное строительство противника в приграничной полосе, но полагала, что в вермахте все более широко распространялись антивоенные настроения. Определив численность противостоящей германской группировки в 45–46 дивизий, разведывательный отдел штаба ЗапОВО в разведсводке от 21 июня 1941 г. сделал заключение: «1. По имеющимся данным основная часть немецкой армии в полосе против Западного ОВО заняла исходное положение. 2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе. 3. Всеми средствами разведки проверяется расположение войск у границы и в глубине».

В июне 1941 г. в составе ЗапОВО насчитывалось 4 армейских управления, управления 8 стрелковых, 6 механизированных, 1 кавалерийского и 1 воздушно-десантного корпусов, 23 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных дивизий, 3 воздушно-десантные и 3 противотанковые артиллерийские бригады, 10 артиллерийских полков РГК, 8 управлений укрепленных районов и другие части обеспечения. На 21 июня 1941 г. ВВС округа состояли из 9-й, 10-й, 11-й смешанных, 43-й истребительной, 12-й, 13-й бомбардировочных авиадивизий, 184-го истребительного авиаполка ПВО, 313-го, 314-го разведывательных авиаполков. Кроме того, на территории округа базировались авиаполки 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса и в стадии формирования находились 59-я, 60-я и 61-я истребительные авиадивизии. 12 июня командование ЗапОВО получило директиву наркома обороны и начальника Генштаба, которая требовала «для повышения боевой готовности войск округа все глубинные дивизии и управления стрелковых корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия». Кроме того, предполагалось, что на территорию округа в период с 17 июня по 2 июля 1941 г. прибудут 2 стрелковых корпуса и 5 стрелковых дивизий из УрВО и ПриВО, включенных в состав войск РГК. 19 июня нарком обороны приказал к 22—23 июня вывести управление Западного фронта, сформированное на базе управления ЗапОВО, на полевой командный пункт в район Обуз-Лесна. Однако допущенная советским руководством ошибка в оценке военно-политической обстановки привела к тому, что Красная Армия не успела сосредоточиться и развернуться на Западном ТВД и в момент германского нападения оказалась не готова к каким-либо целенаправленным стратегическим действиям.

В последние десятилетия в историографии происходит переоценка многих проблем истории Советского Союза. Рассекречивание архивных документов и активное введение в научный оборот неизвестных ранее материалов дало возможность исследователям приступить к всестороннему изучению причин трагического начала Великой Отечественной войны. Постепенно внимание исследователей привлекают все новые аспекты этой поистине неисчерпаемой темы. Думается, что простого и легкого ответа на вопрос о причинах неудач советских вооруженных сил в начале войны ожидать не следует. Впереди кропотливая работа по тщательному изучению истории организационного развития Красной Армии, анализу уровня ее боевой подготовки, хозяйственно-бытовых условий, в которых несли свою службу советские военнослужащие. ■

Ю.В. ЕМЕЛЬЯНОВ

АКАДЕМИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

▲ Красная конница

25 октября 1917 года... В последующие дни совершалось то, что Ленин назвал «триумфальным шествием Советской власти» по России. В ряде городов страны власть перешла к Советам одновременно с началом Октябрьской революции в Петрограде (Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Шуя, Кинешма, Кострома, Тверь, Брянск, Ярославль, Рязань, Владимир, Ковров, Коломна, Серпухов, Подольск и ряд других; в Ревеле Советская власть была установлена раньше всех — 24 октября). В некоторых крупных городах страны Советская власть была установлена через несколько дней после ее победы в Петрограде. 25–28 октября (7—10 ноября) Советская власть была провозглашена в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Челябинске, Ижевске, Уфе, Казани, Самаре, Саратове, Царицыне, Ревеле (Таллине), Юрьеве, Нарве, Пярну, Минске, Ростове, Владикавказе, Красноярске. 31 октября (13 ноября) Советская власть была установлена в Баку. 1(14) ноября в ходе вооруженного восстания Красная гвардия взяла Ташкент.

Хотя попытки Керенского с помощью казачьих частей Краснова свергнуть Советскую власть провалились, а сам премьер едва избежал ареста, положение нового правительства было непрочным. Союзниками большевиков выступали только левые

ЕМЕЛЬЯНОВ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — ученый, историк, писатель, публицист, политолог, кандидат исторических наук. Родился 16 июня 1937 г. в Москве. Сын Василия Семеновича Емельянова, Героя Социалистического Труда, советского ученого, металлурга, атомщика, председателя Государственного комитета Совмина СССР по использованию атомной энергии. Окончил МГИМО (1960). Работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, в Институте международного рабочего движения АН СССР. Автор большого количества публикаций по вопросам политической истории, американистики, международной жизни, современной истории России и мировой истории. Многие работы переведены на иностранные языки: английский, венгерский, китайский, испанский, немецкий, французский и др. Был консультантом и сыграл роль переводчика И.В. Сталина в фильме Юрия Озерова «Освобождение». Лауреат Международной премии им. М.А. Шолохова в области литературы (2003) за дилогию о Сталине («Сталин: На вершине власти» и «Сталин: Путь к власти»).

эсеры. Остальные же политические партии не только осуждали действия большевиков, но и предпринимали усилия для их свержения, требуя ареста их руководителей и активных деятелей.

Провал попыток Керенского и Краснова свергнуть Советскую власть не прекратил антисоветской деятельности. В Петрограде продолжала заседать городская дума, не признававшая новой власти. Продолжали собираться и члены разогнанного после Октябрьской революции Совета республики, которых возглавлял председатель Совета правый эсер Н. Д. Авксентьев. Сразу после ареста Временного правительства председатель так называемого малого совета министров А. Дементьев собрал на частной квартире заместителей арестованных министров. Из них был сформирован орган, контролировавший деятельность министерств и претендовавший играть роль центрального правительства России. Эти органы прежней власти руководили саботажем и другой подрывной деятельностью против Советского правительства.

▲ Духонин Н.Н

Хотя многомиллионная действующая армия медленно разлагалась и умирала как боеспособная сила, она все еще могла сыграть роль противовеса новому правительству. О том, что и через пару недель после взятия власти судьба Советского правительства продолжала висеть на волоске, свидетельствует рассказ Сталина о том, что главнокомандующий войсками генерал Духонин отказался подчиниться приказу Совнаркома о начале переговоров с немцами: «Минута была жуткая... Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 12-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти». В эти минуты Ленин сказал Сталину: «Пойдем на радиостанцию... она сослужит нам пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина; назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в собственные руки». По словам Сталина, «это был скачок в неизвестность».

Вслед за посланиями по радио Ленин, Сталин и Крыленко 9 (22) ноября 1917 года вступили в переговоры с Духониным по прямому телеграфному проводу. Духонин дал понять, что не признает Совнарком, и отказался выполнить приказ Ленина, Сталина и Крыленко. В ответ последовало послание: «Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неисполнение предписаний правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко. Ленин, Сталин, Крыленко».

▲ Прапорщик Крыленко

Растерянность военного командования, усталость солдат от войны, которые взбунтовались и растерзали Духонина, обеспечили успех операции, задуманной Лениным и проведенной им при участии Сталина. Расчеты же правых заговорщиков на то, что приход большевиков к власти расчистит им путь, также оказались несостоятельными. Внешне незаметная, но эффективная деятельность Сталина и других партийных руководителей по превращению партии в хорошо организованную силу на протяжении восьми бурных месяцев 1917 года позволила большевикам подавить сопротивление и сравнительно быстро взять власть в свои руки на всей территории России.

Армия постепенно, фронт за фронтом, в основном мирным путем переходила под контроль Советской власти. Однако во многих городах Советская власть была установлена лишь в ходе вооруженных боев. На стороне Советской власти выступали обычно красногвардейцы и армейские части, поддерживавшие большевиков. На стороне ее противников часто были юнкера. Через 9 дней упорных боев в Москве Кремль был взят, и Советская власть взяла под контроль древнюю столицу. В ходе боев в Москве погибло более 1 тысячи человек. Упорное сопротивление большевикам затянуло взятие власти Советами в Орле до 25 ноября (8 декабря), Курске — 26 ноября (9 декабря), Хабаровске — 6 (19) декабря, Туле — 7 (20) декабря, Пензе — 21 декабря 1917 года (3 января 1918 года), Иркутске — 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года), Астрахани — 25 января (7 февраля), Тамбове — 31 января (13 февраля) 1918 года.

Говоря о «триумфальном шествии Советской власти», Ленин замечал: «Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в Гражданской войне». Начавшаяся в конце мая 1918 года Гражданская война по своим масштабам и характеру затмила события с конца 1917 по начало 1918 года. Между тем в ходе этих пяти месяцев также происходила острая и кровопролитная гражданская война между большевиками и их противниками, которая во многом предопределила развитие последующих событий.

В ряде мест противники Советской власти сумели организовать достаточно сильные очаги сопротивления, опираясь главным образом на местное казачество. Так, 14 (27) ноября 1917 года при поддержке антисовет-

▲ Дутов А.И.

ского «Комитета спасения родины и революции», созданного в Оренбурге, поднял мятеж атаман Оренбургского казачьего войска А. И. Дутов. Казаки под руководством Дутова арестовали членов Оренбургского совета, захватили Троицк, Верхнеуральск, угрожали Челябинску. Против казаков Дутова были направлены рабочие отряды Самары, Екатеринбурга, Уфы и других городов. Лишь 25 декабря (7 января 1918 года) они смогли освободить Троицк, а 18 (31) января 1918 года — Оренбург. Однако Дутов и его отряды, отступив, стали готовить новое нападение на советские города.

Другим крупным очагом сопротивления Советской власти стала Донская область. Атаман донского казачьего войска А. М. Каледин 25 октября (7 ноября) 1917 года в Новочеркасске объявил о своем непризнании Советской власти и желании восстановить власть Временного правительства. Атаман стал готовить антисоветский поход на Москву и Петроград.

К этому времени на Дон прибыли сбежавшие из-под стражи организаторы корниловского мятежа (Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин и другие), а также генерал М. В. Алексеев, лидеры монархистов и кадетов. 27 декабря в Ростове было объявлено о создании Добровольческой армии, во главе которой встали Алексеев и Корнилов. К началу 1918 года Добровольческая армия насчитывала 3–4 тысячи человек.

Антисоветское сопротивление на окраинах России имело поддержку и в подпольных центрах в Петрограде. С целью объединить антибольшевистские силы А. Дементьев пригласил на одно из заседаний министров представителей Совета республики, а также «Комитета спасения родины и революции». По решению подпольного правительства А. Дементьев был направлен на юг к А. Каледину с тем, чтобы согласовать действия антибольшевистского подполья в Петрограде и мятежников на Дону. Однако в декабре 1918 года вновь созданная ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией) раскрыла заговор представителей дипломатической миссии США с калединцами, планировавшими отправку на Дон эшелонов с военным снаряжением, а также связь подпольных организаций «Белый крест», «Черная точка», «Все для родины» и других с миссиями западных держав и антисоветскими правительствами Украины и Дона. С конца 1917 года ВЧК ликвидировала такие заговорщические организации, как «Союз спасения родины», «Военная лига» и другие.

Тем временем, установив связи с Дутовым, Каледин стремился создать федерацию казачьих областей. Став во главе «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», Каледин пытался взять под контроль весь Северный Кавказ. Лишь после отмены Советским правительством 9 (22) декабря обязательной воинской повинности для казаков и установления для них ряда льгот был достигнут перелом в настроениях части казачества. В ходе двухмесячных боев войска Каледина были разбиты. 24 и 25 февраля 1918 года Ростов и Новочеркасск были взяты. За несколько дней до этого Каледин, видя безнадежность своего положения, застрелился.

Однако разгром мятежей Каледина и Дутова и установление Советской власти во многих губернских и уездных городах России не привели к распространению ее контроля над всей территорией бывшей империи. 7 (20) ноября 1917 года Центральная Рада Украины опубликовала «универсал», в котором объявила Украину независимой «народной республикой». Создание Молдавской народной республики провозгласил в Кишиневе 2 декабря «Сфатул Церий» (Краевой Совет). 15 ноября

1917 года был создан Закавказский комиссариат, готовивший созыв Закавказского сейма. Этот сейм 10(23) февраля 1918 года провозгласил независимость Закавказья. Местные сепаратистские центры власти сложились в Дагестане, Ингушетии, Чечне. В декабре 1917 года в Оренбурге было создано «общекиргизское» правительство Алаш-орды, претендовавшее на власть над Казахстаном и Киргизией. Еще в сентябре 1917 года под контролем германских оккупационных властей был создан Литовский совет (Тариба), а 11 декабря 1917 года Тариба опубликовала декларацию о «вечной, прочной связи с Германской империей».

Большевики пытались, как могли, остановить распад великой державы. Выступая на съезде Финляндской социал-демократической парии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 года, нарком по делам национальностей И. В. Сталин говорил об общих задачах, стоявших перед всеми социалистическими силами бывшей империи. Он заявлял, что признание большевиками права наций на самоопределение являлось необходимым для «восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России». Он призывал к «добровольному и честному союзу финляндского народа с народом русским». Он напоминал, что «настало время, когда старый лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" должен быть проведен в жизнь. Однако призывы Сталина к союзу не были восприняты положительным образом. 6 декабря сейм провозгласил независимость Финляндии, и к власти пришло правительство, враждебное Советской власти, которое Советское правительство было вынуждено признать.

▲ Каледин А.М.

Ситуация, аналогичная финляндской, сложилась и на Украине. СНК признал и независимость Украины, провозглашенной Центральной Радой. В своем «Ответе товарищам украинцам в тылу и на фронте» 12 декабря 1917 года Сталин писал, что «Совет Народных Комиссаров... ничего не имеет... против того, чтобы украинский народ выделился в независимое государство». Однако он обращал внимание на недружественную политику Центральной Рады, указывал на то, что она сотрудничает с антисоветским Донским правительствам Каледина.

В новой, быстро менявшейся обстановке руководители большевиков были вынуждены менять свой политический курс в отношении национальных окраин России. Поощрение самоопределения наций вплоть до отделения постепенно уступало признанию значимости унитарного государства для решения первоочередных задач экономического развития общества и острых социальных проблем трудящихся всей страны. В своем докладе по национальному вопросу, с которым он выступил 15 января 1918 года на III Всероссийском съезде Советов Сталин прямо поставил вопрос о новой трактовке «права нации на самоопределение». Он заявил: «Все указывает на необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма». Подобным же образом был составлен и его проект резолюции о федеральных учреждениях Российской Республики, представленный съезду. Сталин предлагал, что области, отличающиеся «особым бытом и национальным составом», войдут в состав Российской Республики в качестве «областных советских республик».

Вопросы создания социалистической федерации народов России оказались тесно связанными с актуальными проблемами внешней политики. И. В. Сталин принял активное участие в спорах в руковод-

▲ Генерал Деникин

▲ Генерал Алексеев

стве страны по брестским мирным переговорам.

В это время мало у кого сохранялись иллюзии, что остатки стремительно дезертировавшей русской армии в состоянии защитить страну от германского нашествия. Выдвигая лозунг «революционной войны», «левые коммунисты» во главе с Н.И. Бухариным заранее исходили из неизбежности поражения России в такой войне и справедливо полагали, что подобное поражение приведет к оккупации значительной части России германскими и австрийскими войсками. Одновременно Бухарин говорил о неизбежности движения против России полчищ «японских империалистов». Бухарин полагал, что лишь германо-японская оккупация страны способна «пробудить» крестьян России к партизанской войне, которая приведет к огромным потерям среди оккупантов. Он считал, что эти потери вызовут недовольство в странах, пославших интервентов, которое перерастет в революционный взрыв.

Расчет на восстание пролетариата на Западе и готовность принести народы России в жертву в угоду мировой революции разделял и Троцкий, который возглавлял советскую делегацию на мирных переговорах в Бресте. Убежденный в преобладании революционных настроений в войсках Германии и Австро-Венгрии, Троцкий предсказывал на заседании ЦК 8(21) января 1918 года, что существует лишь 25 % вероятности того, что «германцы смогут наступать», и считал, что, скорее всего, ответом на его формулу «ни мира, ни войны» станет революция в Германии и Австрии.

Сталин же серьезно воспринял опасность германского наступления и был одним из немногих членов ЦК, который поддержал Ленина в его стремлении продолжать переговоры в Бресте. Выступая на заседании ЦК 11 января 1918 года, Сталин заявлял: «Принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму. Позицию Троцкого невозможно назвать позицией. Революционного движения на Западе нет, нет в наличии фактов революционного движения, а есть только потенция, ну, а мы не можем полагаться в своей практике на одну лишь потенцию». После срыва Троцким 27 января (10 февраля) 1918 года переговоров в Бресте 16 февраля Германия объявила о прекращении перемирия и начале боевых операций с 12 часов дня 18 февраля.

О том, что в дни германского наступления роль Сталина в руководстве была значительной, свидетельствовали подписи его и Ленина под посланиями, которые направлялись на фронт из Совета Народных Комиссаров. Вместе с Лениным им 21 февраля была направлена телефонограмма ПК РСДРП(б) с призывом «организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию под контролем рабочих на рытье окопов под Петербургом». Одновременно Сталин направил телеграмму Народному секретариату Украинской Советской Республики, в котором призывал «киевлян... организовать... отпор от Киева с запада, мобилизовать все жизнеспособное, выставить артиллерию, рыть окопы, погнать буржуазию под контролем рабочих на окопные работы, объявить осадное положение и действовать по всем правилам строгости. Общее задание — отстоять Петроград и Киев, задержать банды германцев во что бы то ни стало».

Однако попытки остановить продвижение немцев оказались безуспешными. Начало немецкого на-

ступления и полная неспособность российских войск сдержать его еще более увеличили территориальные потери, которые понесла Россия. На вновь оккупированных землях немцы в марте 1918 года создали под своим протекторатом Белорусскую Народную Республику, а в конце 1918 года здесь были созданы государства Латвии и Эстонии.

Признавая необходимость для России соблюдать условия Брестского договора, Сталин в то же время в своей статье «Украинский узел», опубликованной 14 марта, решительно осуждал «австро-германское нашествие» на Украину. Он указывал, что «немцы не только хотят выкачать из Украины миллионы пудов хлеба, но попытаются еще обесправить украинских рабочих и крестьян, отобрав у них кровью добытую власть и передав ее помещикам и капиталистам». Положительно оценив сопротивление немцам советских сил Украины, Сталин писал: «Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную отечественную войну, — таков смысл событий, разыгрывавшихся на Украине. Это значит, что каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придется брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом». Сталин заверял: «Нужно ли еще доказывать, что отечественная война, начатая на Украине, имеет все шансы рассчитывать на всемерную поддержку со стороны всей Советской России?» Он ставил вопрос: «А что, если война на Украине, приняв затяжной характер, превратится, наконец, в войну всего честного и благородного в России против нового ига с Запада?»

Вскоре выяснилось, что «новое иго» навязывалось России не только с запада, но также с севера и с востока. В марте и апреле 1918 года иностранные интервенты высадились в Мурманске. Связавшись по телеграфу с председателем Мурманского Совета А.М. Юрьевым, Сталин от своего имени и от имени Ленина предупреждал: «Вы, кажется, немножко попались, теперь необходимо выпутаться... Если вы добьетесь письменного подтверждения заявления англичан и французов против возможной оккупации, это будет первым шагом к скорой ликвидации того запутанного положения, которое создалось, по нашему мнению, помимо вашей воли». Однако Юрьев уже не контролировал ситуацию, и Мурманск был оккупирован иностранными интервентами.

В середине 1918 года были нанесены новые удары по Советской России, после того, как пришли в движение заговорщические центры, созданные Моэмом в Петрограде осенью 1917 года. В мае 1918 года восстал чехословацкий корпус, который должен был стать ударной силой в заговоре Моэма. В июле 1918 года в Ярославской губернии произошло восстание Савинкова, на которого Моэм возлагал особые надежды. Еще раньше на Дону и Кубани сформировалась Белая гвардия, которая имела прочные связи с мятежными чехословаками и савинковцами.

В США еще в 1917 году был разработан план установления американского контроля над Транссибирской дорогой. Сначала этот великий евразийский путь был захвачен мятежным чехословацким корпусом. Затем под предлогом защиты чехословаков во Владивосток были высажены войска США, Японии, Франции и Англии. А вскоре «на защиту чехов и словаков» выступили 120 тысяч иностранных интервентов, прибывших во Владивосток. Помимо американцев, англичан, японцев и французов, здесь были канадцы, итальянцы, сербы и поляки.

В первой половине 1918 года Советское правительство утратило контроль над огромными территориями России. С ноября 1917 года по 1 августа 1918 года продовольственными организациями в 26 губерниях республики было заготовлена лишь одна десятая часть необходимого хлеба. Спасать городское население центральной части России от голода было поручено Сталину. 29 мая 1918 года Совнарком, не снимая со Сталина всех его прежних обязанностей, назначил его общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными полномочиями. Прибыв в Царицын 6 июня, он уже на следующий день докладывал в своих телеграммах Ленину о своих действиях по отправке хлеба из Царицына в Москву и Петроград.

Однако наступление белых на Царицын изменило характер деятельности Сталина на юге страны. 10 июля в своем письме Ленину Сталин писал, что «вопрос продовольственный ес-

▲ Сталин И.В. Ленин В.И. 1918 г.

▲ Махно

▲ Троцкий

тественно переплетается с вопросом военным». Сталин требовал от Ленина «аэропланов с летчиками, броневых машин, шестидюймовых орудий», предупреждая, что иначе «Царицынский фронт не устоит». Так уполномоченный по делам продовольствия Сталин оказался втянутым в военные действия Гражданской войны.

Боевые действия в этой войне существенно отличались от тех, что были характерны для Первой мировой. Как это всегда бывало во время гражданских войн в различных странах мира, большинство населения России, запуганного военными действиями и парализованного общим хаосом, воздерживалось от активного участия в войне и превращалось в пассивных наблюдателей происходящих событий, молча перенося тяготы общественной катастрофы или открыто проклиная обе воюющие стороны. Поскольку, как это обычно бывает в периоды революций, лишь меньшинство общества принадлежало к «большевикам» или «кадетам», то добровольческие соединения «белых» и «красных», особенно в начале Гражданской войны, были намного меньше, чем численность царской армии. Если до начала мировой войны в российской армии служило 1284 тысячи человек, а к концу 1917 года — около 12 миллионов, то к началу Гражданской войны в рядах Красной Армии вместе с внутренними формированиями насчитывалось лишь 116 тысяч пехотинцев и 7940 кавалеристов. Нельзя было и думать, чтобы с помощью такой армии защитить просторы одной шестой части света от внешнего нападения и обеспечить порядок в ее пределах.

В России, лишенной эффективной армии, дисциплинированный и хорошо вооруженный чехословацкий корпус, состоявший из 45 тысяч человек, сумел не только захватить все города Транссибирской магистрали, но даже попытаться овладеть центральной Россией. В обстановке полного развала, который существовал в ту пору, даже анархистская «Революционно-повстанческая армия Украины» во главе с Н. И. Махно, насчитывавшая в период своего максимального подъема до 50 тысяч человек, могла без труда держать в страхе весь Юг Украины. Даже 4-тысячная белая Добровольческая армия, состоявшая главным образом из кадровых офицеров, смогла овладеть весной 1918 года частью Северного Кавказа.

Трудности войны усугублялись несоответствием реалиям Гражданской войны навыков ведения боевых действий, которые были приобретены военными в ходе позиционной мировой войны 1914–1918 годов и даже Русско-японской войны 1904–1905 годов. Недостаточное число плохо вооруженных войск не могло прикрывать фронт. Вся белоказачья Донская армия генерала П. Н. Краснова насчитывала 27 тысяч штыков, 30 тысяч сабель, 175 орудий, но от трети до половины этой армии действова-

ло на Поворинско-Воронежском направлении (здесь общая длина фронта достигала 300 км). Белым силам Краснова на Царицынском фронте длиной примерно в 170 км противостояли части Красной Армии, насчитывавшие 35 тысяч штыков, 3 тысячи сабель, около 100 орудий. Последние представляли собой разрозненные отряды, лишенные централизованного командования. (Для сравнения: в ходе Ляоянского сражения 1905 года на фронте в 60 км 152 тысячам русских противостояло 130 тысяч японцев; у русских было 606 орудий, у японцев — 508 орудий.)

Вследствие того, что позиционная война стала невозможной, военные действия приобрели маневренный характер. Об этом впоследствии писал С. М. Буденный: «Это была война на широких просторах с весьма условной линией фронта, бои велись за наиболее важные города, железнодорожные узлы, села; всегда существовала возможность обхода, охвата, удара по флангам и тылам». Поэтому история Гражданской войны полна рассказов о том, как белые или красные неожиданно врывались в города, села и на железнодорожные станции, где и не подозревали о такой возможности, захватывали врасплох многочисленные части противника. Порой то белые, то красные солдаты и даже командиры внезапно появлялись с гранатой или револьвером в руках в штабном вагоне противника и принуждали своих растерявшихся врагов к сдаче.

▲ Корнилов Л.И

Гражданская война требовала сочетания современного военного искусства с приемами партизанской борьбы. Поэтому на протяжении значительной части Гражданской войны не прекращались конфликты между сторонниками «партизанщины» и военными специалистами, которые работали в частях Красной Армии. Не имевший никакого военного образования и никогда не служивший в армии, но написавший немало обзоров о ходе военных действий во время Балканских войн 1912–1913 годов и Первой мировой войны, председатель Реввоенсовета республики Троцкий всячески старался привлекать в Красную Армию военных специалистов. Как и Троцкий, Сталин никогда не служил в армии и не проходил военной подготовки. Сталину, который имел лишь опыт подготовки вооруженных восстаний, пришлось начинать с азов освоение военного искусства. Однако он не только учился, но призывал других командиров учиться у «военспецов».

В то же время в отличие от Троцкого он увидел существенное отличие Гражданской войны от боевых операций в ходе международных конфликтов, а потому прислушивался к мнениям командиров красных отрядов, уже повоевавших с белыми. Различия в отношении к военспецам и «красным командирам» стали источником конфликта между Сталиным и Троцким.

Сталин активно выступал против людей, которых направлял Троцкий на Царицынский фронт. Обоснованность недовольства Сталина военными специалистами, командированными Троцким, во многом подтвердилась после измены бывшего полковника Носовича, присланного в Царицын с мандатом Троцкого. Являясь начальником штаба округа, Носович стал организатором разветвленного заговора с целью захвата Царицына белыми. Носович был арестован вместе с другими заговорщиками, но был освобожден по распоряжению Троцкого, и ему удалось вскоре сбежать к белым.

Уже находясь у белых, Носович признавал огромную роль Сталина

в обеспечении обороны Царицына. Он писал: «Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой из администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим. Постепенно... Сталин стал входить во все отделы управления городом, а главным образом в широкие задачи обороны Царицына, в частности, и всего кавказского, так называемого революционного фронта вообще».

Поддерживая командиров — выходцев из народа, Сталин в то же время решительно выступал за превращение плохо организованного красного воинства в дисциплинированную армию. На первом совещании по вопросу о воссоздании солдатских комитетов, подобных тем, что существовали в армии во времена Февральской революции, Сталин энергично поддержал Буденного, который считал ненужной эту затею.

Общий развал страны, массовое дезертирство из рядов армии в конце 1917 года — начале 1918 года, самоуправство солдатских комитетов разложили армию, подорвали основы воинской дисциплины. Донские казаки из белых армий храбро защищали Дон, но многие из них дезертировали, как только фронт уходил далеко от родных станиц. Ко всему прочему казаки не были уверены, что во время их отсутствия их дома не станут объектом разбоя. Не лучше было положение и в Красной Армии. Крестьяне, мобилизованные в Красную Армию, не желали терпеть лишений и рисковать своей жизнью за идеи мировой пролетарской революции. Многие из них норовили сбежать в свои деревни и села вопреки строжайшим приказам Троцкого о расстреле дезертиров и их пособников и песням Демьяна Бедного, в которых осуждалось наплевательское отношение крестьян к Красной Армии.

Нелегко было и подчинить дисциплине население прифронтового Царицына. Чтобы навести элементарный порядок и ввести дисциплину военного времени, Сталину, судя по воспоминаниям С. М. Буденного, «пришлось провести коренную перестройку работы не только гражданских, но и военных учреждений и фактически возглавить оборону города». 24 июля в Царицыне была проведена мобилизация городского населения для строительства оборонных укреплений, были созданы рабочие отряды для охраны города и были приняты другие меры для укрепления дисциплины и наведения порядка.

Помимо общих дисциплинарных мер, Сталин постарался укрепить административное звено в управлении армией и тылом. Одновременно им были приняты меры по обеспечению армии продовольствием. Он сообщал корреспонденту, что «благодаря системе базисных пунктов, выделенных самими боевыми участками, фронт не испытывает нужды в продовольствии. В настоящее время ежедневный паек красноармейца состоит из 2 фунтов хлеба, мяса, картофеля и капусты». Сталин придавал большое значение и пропагандистской работе среди солдат. Он заботился о распространении советских газет и других публикаций в частях, награждении частей знаменами, а отдельных красноармейцев отличительными знаками.

Всесторонняя подготовка армии и тыла Царицынского фронта принесла свои плоды. В ходе своего наступления, начатого в конце июля, армии генерала Краснова подошли к Царицыну. 18–20 августа развернулись бои на ближних подступах к городу. Именно на 18 августа был назначен мятеж под руководством Носовича, но заговор уже был раскрыт и заговорщики арестованы. В ходе же упорных боев части Краснова были разбиты и в на-

▲ Сталин И.В. в Царицыне 1918 г.

чале сентября отброшены за Дон. Первая победа была отмечена парадом красных частей в Царицыне 10 сентября.

Пребывание в Царицыне было важным этапом и в личной жизни И. В. Сталина. Здесь он снова встретился с дочкой своего старого знакомого С. Я. Аллилуева — Надеждой. В 1919 году они стали мужем и женой.

Тем временем Ленин и другие руководители страны оценили заслуги Сталина в обороне Царицына и осознали необходимость полагаться на его немалые способности в решении военных вопросов. 30 ноября 1918 года Сталин был назначен заместителем председателя только что созданного Совета Рабочей и Крестьянской Обороны (председателем был назначен Ленин). Кроме В. И. Ленина и И. В. Сталина, в состав Совета вошли председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий, нарком путей сообщения В. И. Невский, замнаркома продовольствия Н. П. Брюханов, председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии Л. Н. Красин. Еще в октябре 1918 года И. В. Сталин вошел в состав Реввоенсовета Республики, который возглавлял Л. Д. Троцкий. Так И. В. Сталин вошел в состав ведущих военных советов, руководивших Вооруженными силами Советской России.

Обстановка на фронтах республики постоянно требовала напряженного внимания, а порой и принятия чрезвычайных мер. В конце 1918 года на Восточном фронте началось наступление армий Колчака, которые 25 декабря заняли Пермь. Вновь, как и летом 1918 года, возникла угроза прорыва белых армий в центральные районы России с востока. 1 января 1919 года решением ЦК и Совета Обороны была создана партийно-следственная комиссия в составе И. В. Сталина и председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского для выяснения причин сдачи Перми. 5 января Сталин и Дзержинский прибыли в Вятку, а затем в Глазов.

Постоянно перемещаясь между этими городами, они пробыли на северном участке Восточного фронта почти месяц, прежде чем вернулись

▲ Ф.Э. Дзержинский

в Москву и представили отчет своей комиссии Ленину. Но уже в письме и предварительном докладе Ленину из Вятки, выступлении перед партийным и советским активом в Вятке и в отчете комиссии содержался глубокий анализ причин поражений Красной Армии и перечень мер, которые позволили бы предотвратить их в дальнейшем.

Из событий, случившихся в Перми, Сталин и Дзержинский делали выводы, выходящие за пределы этого участка Восточного фронта. Их рекомендации исходили из необходимости учитывать реалии Гражданской войны. Поскольку Гражданская война была следствием борьбы классов, то члены комиссии подчеркивали, что «необходимо... строго делить мобилизованных на имущих (ненадежные) и малоимущих (единственно пригодные для красноармейской службы)». Члены комиссии обращали внимание на неприменимость организационного построения армии, исходившего из позиционной войны. Они требовали «отказаться от формирования больших, громоздких единиц (дивизий), непригодных для условий Гражданской войны, объявив предельной единицей бригаду. В то же время, отвергая „партизанщину", они подчеркивали: „Необходимо установить на фронтах... режим строгой централизации действий отдельных армий вокруг осуществления определенной, серьезно обдуманной стратегической директивы".

Одновременно Сталин и Дзержинский резко нападали на руководство Вооруженными силами Советской России и критиковали Главный штаб и окружные военные комитеты за их формальное отношение к нуждам солдат. Рекомендации Сталина

и Дзержинского предусматривали не только организационные меры и кадровые перемещения, но и перемены в социальной политике Советского правительства. Они отмечали, что «революционный декрет о чрезвычайном налоге… превратился в опаснейшее оружие в руках кулаков для сплочения деревни против Советской власти», стал «одной из главных причин, если не единственно главной причиной, контрреволюционизирования деревни». Анализ причин «пермской катастрофы» свидетельствовал о глубоком понимании Сталиным проблем Гражданской войны и его умении быстро оценивать сложившуюся обстановку.

Вопросы организации Красной Армии заняли важное место в работе VIII съезда РКП (б) (18–23 марта 1919 г.), накануне которого образовалась так называемая «военная оппозиция». Ее сторонники в основном объединяли «красных командиров» и их сторонников, недовольных активным привлечением военных специалистов из царской армии. Они выступали за возвращение к первоначальной организации Красной Армии с безбрежной митинговой демократией и отсутствием единоначалия. Вместе с тем сторонники «военной оппозиции» резко критиковали деятельность Реввоенсовета и лично Троцкого, выражали возмущение его приказами о расстрелах ряда командиров и комиссаров. Накануне съезда Троцкий в письме пытался оправдать свои репрессии и доказать правоту своей политики.

В своем выступлении на съезде Сталин, осуждая многие действия Реввоенсовета, критиковал платформу «военной оппозиции». Сталин поставил вопрос так: «быть или не быть в России строго дисциплинированной регулярной армии». Он подчеркивал, что добровольческая Красная Армия, создававшаяся из городских рабочих, оказалась неспособной одерживать победы. Создание же Красной Армии с помощью наборов привело к тому, что большинство красноармейцев составили крестьяне. Сталин утверждал, что «крестьяне не будут добровольно драться за социализм». Он видел выход в том, чтобы крестьян «перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать за наше общее социалистическое дело и в ходе войны завершить строительство настоящей регулярной армии».

В то же время съезд обратил внимание на то, что Красная Армия не сможет сохранять свою боеспособность, если будет по-прежнему проводиться политика, отталкивающая большинство крестьян от Советов. Мысли о том, что действия Советского правительства настроили «справного мужика» против Советской власти, которые высказывал Сталин в Царицыне, мысли о том, что чрезвычайный налог провоцировал враждебность крестьян к Советам, которые Сталин и Дзержинский выразили в своем отчете о «пермской катастрофе», были созвучны многим выступлениям на съезде. Многие ораторы говорили о широком недовольстве.

Съезд вновь избрал Сталина в состав ЦК, а на заседании ЦК 25 марта Сталин был избран во вновь созданные высшие органы управления партией — Политбюро и Оргбюро. Через пять дней 30 марта 1919 года постановлением ВЦИК Сталин был утвержден народным комиссаром Государственного контроля. Предложения, которые выдвинули Сталин и Дзержинский в ходе анализа «пермской катастрофы», легли в основу проекта декрета о реорганизации Государственного контроля, с которым Сталин выступил 3 апреля 1919 года на заседании Совнаркома. Таким образом, после VIII съезда партии Сталин, помимо новых обязанностей в партийном руководстве, стал руководителем двух наркоматов в Советском правительстве.

Вскоре новое обострение военной обстановки потребовало отзыва Сталина из Москвы на фронт. К весне 1919 года 8500 километров фронтов республики защищали 381,5 тысячи бойцов Красной Армии, имевших на вооружении 6561 пулемет и 1697 орудий. Столь малочисленные и слабые силы не позволяли обеспечить достаточную оборону на большей части огромной линии фронта, а поэтому практически на любом его участке противник, сосредоточив даже сравнительно небольшие силы, мог добиться успешного прорыва в глубь советской территории. 13 мая 1919 года генерал Н. Н. Юденич, командовавший Северным корпусом (6 тысяч штыков и сабель), при поддержке 1-й эстонской дивизии (6 тысяч штыков) и английской эскадры под командованием адмирала Коуэна начал наступление на Нарву. Одновременно на Гдов начал наступление отряд Булак-Булаховича, а западнее Пскова наступала 2-я эстонская дивизия. На Петрозаводско-Олонецком направлении активизировались белые отряды, в которых, помимо бывших царских офицеров, сражались финны, англичане, канадцы, сербы, поляки.

Этим силам противостояла 7-я армия красных (15,5 тысячи штыков и сабель), фронт которой был растянут от Онежского до Чудского озера. Поэтому не удивительно, что белые части без труда смогли прорвать оборону Красной Армии, овладеть в мае Ямбургом, Гдовом, Псковом и приблизиться к Петрограду.

По распоряжению прибывшего в Петроград Сталина в Северной столице 19 мая 1919 года была проведена мобилизация трудящихся в возрасте от 18 до 40 лет, в ходе которой в армию было зачислено 13 тысяч человек.

Сталин решил возложить на флот решение задачи по разгрому мятежников. По его приказу 13 июня в море вышли корабли Балтийского флота. Одновременно в Ораниенбауме была сформирована Береговая группа войск, ядро которой составили отряды моряков. 14 июня Сталин прибыл в Ораниенбаум и провел совещание морского и сухопутного командного состава, на котором был принят план захвата форта Красная Горка одновременным ударом с моря и суши. 15 июня наступление на мятежный форт началось. В ночь с 15 на 16 июня форт Красная Горка был взят, а через несколько часов пал и форт Серая Лошадь. Расчет Сталина на боеспособность флота и мужество моряков оказался верным.

▲ Юденич Н.Н.

В письме Ленину Сталин с удовлетворением отмечал, что в споре с военно-морскими специалистами относительно использования флота для штурма сухопутных крепостей он оказался прав: «Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Армии с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое вмешательство со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившее до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой». Как и рассчитывал Сталин, флот выдержал также неоднократные бои с английской эскадрой.

Успехи были достигнуты и сухопутными частями Красной Армии. 21 июня 7-я армия (23 тысячи человек) перешла в контрнаступление и вскоре отбросила Северо-Западную армию Юденича (16,5 тысячи человек) от Петрограда. Одновременно было развернуто наступление на войска белофиннов в районе Онежского озера и 28 июня части Красной Армии овладели Видлицей — военной базой у границ Финляндии. Угроза падения Петрограда была предотвращена, и 3 июля Сталин вернулся в Москву.

Однако уже 9 июля Сталин был направлен на Западный фронт, где также сложилось положение, угрожавшее республике. Еще в апреле 1919 года польские войска начали захватывать земли, населенные украинцами и белорусами.

11 августа Сталин докладывал Ленину из Смоленска, где размещался штаб Западного фронта: «Положение на Западном фронте становится все более угрожающим. Старые, истрепанные, усталые части 16-й армии, на которую наседает наиболее активный противник не только не способны обороняться, но потеряли способность прикрывать отходящие батареи, естественно, попадающие в руки противника». Однако несмотря на требования Сталина, из-за тяжелого положения на других фронтах подкреплений не поступало, и Красная Армия продолжала отступать. Лишь достигнув Березины, Красная Армия смогла закрепиться на ее левом берегу и создать устойчивую оборону. К тому же натиск поляков заметно ослаб. Возможно, что осенью 1919 года в условиях быстрого продвижения белых армий Деникина к Москве польское правительство уже не считало Советское правительство своей главной угрозой, а помогать восстанавливать «великую, единую и неделимую Россию» ни под белым, ни под красным знаменами у него не было желания. В сентябре Сталин покинул Западный фронт, и уже 26 сентября ЦК принял решение направить его на Южный фронт.

К этому времени на Южном фронте сложилась самая острая угроза для Советской республики за все время Гражданской войны. Еще в мае 1919 года началось наступление белых армий под командованием А. И. Деникина. Хотя их численность была невелика (около 100 тысяч человек), им противостояли еще меньшие (60 тысяч человек) и слабые в качественном отношении силы красных. Развернув наступление на фронте от Волги до Днепра, 30 июня белые взяли в один день Царицын и Екатеринослав. 1 июля Троцкий, находившийся на Южном фронте, писал в телеграмме Ленину: «Ни агитация, ни репрессии не могут сделать боеспособной босую, раздетую, голодную, вшивую армию». Он вернулся в Москву и подал в отставку со всех своих постов. Правда, Ленин и остальные члены советского руководства уговорили Троцкого вернуться к исполнению своих обязанностей, но председатель Реввоенсовета явно не мог придумать, как остановить наступление белых.

Одной из причин успехов белых стали рейды их конных армий

▲ Буденный С.М.

по тылам красных. По примеру белых армий в Красной Армии стали возникать крупные кавалерийские соединения, созданию которых долгое время препятствовал председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий. Как свидетельствовал в своих воспоминаниях С. М. Буденный, в ответ на его аргументы в пользу создания крупных соединений кавалерии Троцкий заявил: «Товарищ Буденный! Отдаете ли вы отчет в своих словах? Вы не понимаете природы кавалерии. Это же аристократический род войск, которым командовали князья, графы и бароны. И незачем нам с мужицким лаптем соваться в калашный ряд». Посетив конный корпус Буденного, Троцкий назвал это соединение «бандой», а их командира «современным Степаном Разиным». Сталин же, явно поощряя Буденного, способствовал превращению его корпуса в 1-ю Конную армию. Создание конных армий намного усилило боеспособность Красной Армии.

Реализации преимуществ Красной Армии способствовали и верные военно-стратегические решения. 3 октября 1919 года Сталин прибыл в село Сергиевское, где размещался штаб Южного фронта, а 9 октября он подписал директиву Реввоенсовета Южного фронта о создании ударной группы войск для действий против деникинских армий под Орлом. Одновременно Сталин разработал стратегический план наступления на армии Деникина. В своем письме Ленину Сталин изложил суть этого плана.

Сталин настаивал на том, чтобы «изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара из района Воронежа через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов. Во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, — симпатизирующую нам, что облегчит нам продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов (без этой линии казачье войско лишается на зиму снабжения, ибо река Дон, по которой снабжается донская армия, замерзнет, а восточно-донецкая дорога Лихая — Царицын будет отрезана). В-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих: добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл. В-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет, если, конечно, к тому времени поставим перед казаками вопрос о мире, о переговорах насчет мира и пр. В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля».

Сталин резко настаивал на принятии изложенного им плана. Он предупреждал Ленина: «Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте».

Начавшееся наступление Красной Армии развивалось в основном в направлении, обозначенном в письме Сталина. 14 октября Красная Армия перешла в наступление под Орлом, и 20 октября город был взят. 24 октября корпус Буденного взял Воронеж. Этот успех во многом предопределил ход дальнейших событий. Позже Ленин говорил Буденному: «Не окажись ваш корпус под Воронежем, Деникин

мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамонтова, и республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле».

19 ноября конный корпус Буденного был преобразован в 1-ю Конную армию. Порой ее сражения принимали характер рукопашных схваток. Описывая один из боев с конницей Мамонтова, Буденный писал: «Сильный туман не позволял ни нам, ни противнику применять пулеметы и артиллерию», бой, как и во времена древних сражений в этих краях, «с первых же минут принял характер ожесточенной сабельной рубки». После одного из таких боев Буденный вместе со Сталиным и командирами частей объезжал поле сражения. «Сталин, Ворошилов, Егоров, Щаденко и я медленно проезжали по почерневшим холмам, устланным трупами людей и лошадей. Все молчали, скорбно оглядывали следы жестокой кавалерийской сечи. Тяжело было смотреть на обезображенные шашечными ударами тела людей. Сталин не выдержал и, обращаясь ко мне, сказал: „Семен Михайлович, это же чудовищно. Нельзя ли избегать таких страшных жертв? Хотя при чем здесь мы?“ И он снова погрузился в раздумье...»

Столкновение со зловещей реальностью войны было неожиданным для Сталина. Освобожденный от воинской повинности в феврале 1917 года, Сталин вряд ли мог предвидеть, что через полтора года он станет военачальником. Однако и позже, подписывая приказы армиям, он не видел их страшных последствий, а сообщая о числе жертв с обеих сторон, он воспринимал их прежде всего, как статистические данные. На поле боя война выглядела значительно страшнее, чем легендарные повествования о героических сражениях, на которых он был воспитан. В то же время призывы «не убий» и «возлюбите врагов ваших», которые он слышал с детства, гуманистические идеи мировой литературы, с которыми он знакомился на протяжении всей жизни, идеалы всемирного братства людей перечеркивались зрелищем искалеченных трупов. Хотя в его сознании рождался протест против бесчеловечной стороны войны, он гасил его мыслью о том, что ни он, ни другие военачальники не были в силах остановить процессы истребления людей, которые диктовали ход развития мировых событий XX века. Став одним из последствий мировой бойни, Гражданская война в России неумолимо продолжалась, умножая число жертв с обеих сторон.

Новые успехи конных формирований Красной Армии в ходе Воронежско-Касторненской и Орловско-Кромской операций позволили красным частям развернуть наступление и погнать белую армию на юг к Азовскому и Черному морям. Советское государство высоко оценило заслуги Сталина в победах Красной Армии в Гражданской войне. 27 ноября 1919 года президиум ВЦИК вынес постановление о награждении И.В. Сталина орденом боевого Красного Знамени в ознаменование его заслуг по обороне Петрограда и организации наступления Южного фронта.

Тем временем Сталин продолжал находиться в расположении штаба Южного фронта (с 10 января переименованного в Юго-Западный). Через три дня после взятия 10 января 1920 года Ростова Сталин подготовил директиву о преследовании белых армий, отходивших к портам Черного моря. В то же время, не прекращая участвовать в подготовке операций Юго-Западного фронта, Сталин с 20 января 1920 года по решению Совнаркома включился в деятельность вновь созданного Украинского совета трудовой армии (он стал председателем этого совета), в состав которой вошли части Юго-Западного фронта. Армия занималась добычей угля. В конце марта — начале апреля 1920 года Сталин участвовал в работе IX съезда РКП (б), а в середине апреля он сделал доклад на заседании Совета Труда и Обороны (бывший Совет Рабочей и Крестьянской Обороны) о положении угольной промышленности Донбасса. Однако занятия мирными хозяйственными делами были вновь прерваны возобновлением военных действий на западе страны. 25 апреля 1920 года войска Польши совместно с вооруженными силами Петлюры начали наступление на Украину.

Польская армия была сравнительно многочисленной (около 200 тысяч человек) и хорошо вооруженной с помощью стран Запада. Лишь Франция предоставила Польше 1494 орудия, 350 самолетов, 2800 пулеметов, 327 тысяч винтовок. Вся Красная Армия к этому времени насчитывала 500 тысяч человек, но ей приходилось защищать фронты и границы от Амура до Финского залива. Против 65 тысяч хорошо вооруженных и экипированных польских и петлюровских войск на Украине сражались лишь 20 тысяч бойцов 12-й и 14-й советских армий. Одновременно 79-тысячная польская армия начала наступление в Белоруссии. 26 апреля польские и петлюровские части взяли Коростень и Житомир, 27 апреля — Казатин, а 6 мая 1920 года — Киев.

26 мая 1920 года по решению ЦК Сталина направили на Юго-Западный фронт, и на следующий день он прибыл в штаб фронта, который проходил по всему югу и юго-западу Украины. Сначала Сталин занимался делами крымского участка Юго-Западного фронта и 29 мая сообщал Ленину о мерах, принятых для отпора белым войскам, окопавшимся в Крыму. 31 мая Сталиным была подписана директива о мерах по обороне Одессы.

В начале июня он уже активно участвовал в решении вопросов войны против белополяков, обсуждая в Кременчуге план действий 1-й Конной армии, которая была переброшена на Польский фронт. 3 июня Сталин подписал директиву РВС Юго-Западного фронта о разгроме киевской группировки польских войск. В соответствии с этой директивой Красная Армия перешла в наступление. 7 июня 1-я Конная взяла Житомир, а 12 июня Киев был освобожден от поляков, и Сталин рапортовал Ленину об этой победе.

В июне — июле 1920 года Красная Армия освободила западные области Украины и Белоруссии. 14 июля советские войска заняли Вильно, а 19 июля форсировали Неман и продолжили

наступление на землях коренного польского населения.

Развитие событий на польском фронте подтвердило правильность прогноза Сталина, который он изложил за день до своей командировки на Юго-Западный фронт на страницах «Правды» 25–26 мая 1920 года в статье «Новый поход Антанты на Россию». Сталин обращал внимание на ненадежность тыла польской армии по мере ее продвижения на восток: «Выдвигаясь за пределы Польши и углубляясь в прилегающие к Польше районы, польские войска удаляются от своего национального тыла, ослабляют связь с ним, попадают в чужую им и большей частью враждебную национальную среду. Хуже того. Враждебность эта усугубляется тем обстоятельством, что громадное большинство населения районов Польши (Белоруссия, Литва, Россия, Украина) состоит из непольских крестьян, терпящих гнет польских помещиков... Этим, собственно, и объясняется, что лозунг советских войск „Долой польских панов!" находит мощный отклик среди большинства населения указанных районов, что крестьяне этих районов встречают советские войска как освободителей от помещичьего ярма, что они в ожидании советских войск восстают при первом удобном случае, нанося польским войскам удар с тыла». Эти выводы оказались верными не только для кампании 1920 года, но и для действий Красной Армии в сентябре 1939 года на этой территории.

Однако Сталин предупреждал об опасности продвижения Красной Армии в глубь Польши. Он замечал: «Тыл польских войск (здесь имелись в виду земли, населенные поляками. — Прим. авт.) является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение — «чувство отчизны» — передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польской армии. Конечно, тыл Польши не однороден... в классовом отношении, но классовые конфликты еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства и заразить противоречиями разнородный в классовом отношении фронт. Если бы польские войска действовали в районе собственно Польши, с ними, без сомнения, трудно было бы бороться».

Сталин постоянно выступал против попыток развивать наступление в областях, населенных главным образом поляками. 24 июня он говорил корреспонденту УкрРОСТА: «Не надо забывать, что у поляков имеются резервы, которые уже подтянуты к Новгород-Волынскому и действия которых, несомненно, скажутся на днях». Он обращал внимание на то, что Польша опиралась на помощь многих западных стран: «Мы воюем не только с поляками, но и со всей Антантой, мобилизовавшей все черные силы Германии, Австрии, Румынии, снабжающей поляков всеми видами довольствия». Поэтому он считал, что «впереди еще будут бои, и бои жестокие». Сталин считал «неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фрон-

▲ Ворошилов К.Е.

▲ Каменев С.С.

те и кричат о „марше на Варшаву", другие, не довольствуясь обороной нашей республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на „красной советской Варшаве".

В Польше была объявлена мобилизация всех возрастов и начался набор в армию добровольцев. В течение июля в польскую армию пришли 573 тысячи мобилизованных и 160 тысяч добровольцев. Правительство Польши предпринимало меры для расширения своей социальной и политической поддержки. В середине июля был объявлен земельный закон об ограничении помещичьих имений и льготах крестьянским хозяйствам, а 24 июля было сформировано «рабоче-крестьянское» правительство Витоса-Дашинского с участием социалистов. 21 июля премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж заявил, что «Франция и Англия могут предоставить все необходимое для организации польских сил».

Все эти события были проигнорированы в Москве. 23 июля Главнокомандующий Красной Армией С. С. Каменев отдал приказ овладеть Варшавой. За день до этого Реввоенсовет Юго-Западного фронта, в состав которого входил Сталин, направил телеграмму с предложением перенести центр тяжести войск Юго-Западного фронта в пределы Галиции. Сначала Каменев утвердил это предложение, исходя из своего плана взять Варшаву силами Западного фронта, но затем, 2 августа, Политбюро приняло решение объединить все войска Западного фронта и большую часть войск Юго-Западного фронта в единый фронт, наступающий на центральную часть Польши. Одновременно Политбюро поручило Сталину принять меры для выделения «врангелевского» участка в самостоятельный фронт.

Однако только 11 августа Главком С. С. Каменев отдал приказ о прекращении наступления 1-й Конной на Львов. К этому времени 1-я Конная уже активно ввязалась в бои в районе Львова и Равы-Русской. К тому же передача приказа затянулась по техническим причинам, и он был получен лишь 13 августа, когда армии Западного фронта приступили к операции по овладению Варшавой. Об этом Сталин и Егоров уведомляли Главкома. Лишь 13 августа Егоров и Берзин от имени РВС Юго-Западного фронта отдали приказ о переподчинении 1-й Конной Западному фронту, но втянувшаяся в тяжелые бои армия Буденного продолжала сражаться под Львовом до 20 августа.

Тем временем 14 августа Троцкий отдал приказ войскам Западного фронта: «Красные войска, вперед, герои, на Варшаву! Да здравствует победа!» Однако в этот день польские войска нанесли контрудар по двум армиям Западного фронта. Началось отступление Красной Армии. Троцкий и другие винили Сталина в том, что он проявил медлительность в переброске 1-й Конной армии от Львова к Варшаве.

Даже если бы приказ 11 августа стал бы выполняться немедленно, трудно предположить, что 1-я Конная армия успела бы быть переброшена в район расположения слабой Мозырской группы Западного фронта (около 6,5 тысячи штыков и сабель) ко дню наступления 13 августа. В этом случае Конной Армии пришлось бы преодолеть 200 километров своим ходом за пару дней и сразу же вступить в бой. Скорее всего, 1-я Конная не смогла бы прибыть в расположение Мозырской группы и к 17 августа, когда по этой группе был нанесен основной удар польских войск. Также не исключено, что следствием такой переброски явился бы разгром прославленной армии многочисленными, свежими и хорошо вооруженными польскими войсками. Однако провал плохо продуманного и заведомо авантюристического плана прорыва через Варшаву в Западную Европу объясняли исключительно отсутствием на месте действия 1-й Конной и вину за разгром Красной Армии на берегах Вислы возложили на Сталина.

Еще до поражения Красной Армии 14 августа Сталин был вызван в Москву для «выяснения» причин трений между ним и Главкомом, и 17 августа Сталин выехал в Москву. 26 августа Сталин был вынужден написать заявление в Политбюро: «Ввиду распространяющихся среди партийных кругов слухов обо мне, как о человеке, затормозившем дело передачи 1-й Конной армии из состава Юго-запа в состав Запфронта, заявляю, что директива Главкома о передаче 1-й Конармии Запфронту была получена Реввоенсоветом Югозапа 11-го или 12-го (не помню числа) августа, и 1-я Конная в тот же день была передана Запфронту». 1 сентября Политбюро удовлетворило просьбу Сталина об освобождении его от должности члена РВС Юго-Западного фронта, оставив его членом Реввоенсовета республики. Сталин получил отпуск, который он просил еще в начале августа, и впервые за много лет он смог по-настоящему отдохнуть.

Тем временем отступление Красной Армии продолжалось. В этих условиях в октябре 1920 года был подписан Рижский договор, по которому Польша захватила области Западной Украины и Западной Белоруссии. Прекращение военных действий на Западном фронте позволило Красной Армии сосредоточить значительную часть своих сил против войск Врангеля. В ноябре 1920 года Крым был взят. Гражданская война была в основном завершена, если не считать затянувшихся до конца 1922 года боевых действий на Дальнем Востоке.

Победы Красной Армии над белыми армиями и войсками интервентов стали для большевиков и всех советских людей источником веры в свои силы и способности выстоять в новых испытаниях. Эти успехи доказали правящей партии и всем сторонникам Советской власти правоту их дела, правильность выбранной ими политики, а также справедливость учения Маркса—Энгельса и их продолжателя — Ленина. Гражданская война дала яркие примеры героизма и мужества советских людей, их самоотверженной борьбы за процветание страны и счастливое будущее для всего человечества. На многие десятилетия рассказ о том, как «голодные и разутые» красноармейцы под руководством большевистской партии Ленина победили царских генералов и иностранных интервентов, вдохнов-

лял правящую партию и ее многочисленных сторонников как в стране, так и во всем мире, производил неизгладимое впечатление на колеблющихся и сомневающихся и даже на врагов Советской власти.

Сталин был одним из организаторов побед Красной Армии. Он успешно справлялся с решением различных задач, связанных с военными действиями. Сталин проехал чуть ли не по всем фронтам, окружавшим Советскую республику, совершив за два с половиной года полный оборот против часовой стрелки по этому огненному кольцу. В ходе своего пребывания на фронтах он учился планировать боевые операции, обеспечивать службу тыла и создание резервов, руководить обороной и наступлением. Его заслуги были отмечены не только наградой, но и назначением в высшие органы управления обороны Советской страны.

Хотя он до этого никогда не служил в армии и не имел военной подготовки, Сталин, как и многие советские руководители, на практике Гражданской войны фактически прошел курс Военной академии, решая самые различные задачи подготовки и осуществления военных операций. Сначала он компенсировал отсутствие военной учебы богатым практическим опытом политической деятельности, что было особенно уместно в Гражданской войне. Порой этот опыт оказывался даже более подходящим для решения задач этой войны, потому что многие проблемы требовали учета не столько военной теории, сколько социальных и политических факторов. Кроме того, сами условия Гражданской войны в России сделали неприменимыми многие представления о ведении боевых действий, сложившиеся у участников русско-японской войны и Первой мировой войны. Часто присущие Сталину здравый смысл, способность быстро находить нестандартные решения на основе внимательного и всестороннего знакомства с обстановкой и мнениями самых разных специалистов помогали ему находить разумные решения, не хуже, а порой и лучше тех, что предлагались военными специалистами.

▲ Сталин И.В.

Формирование опыта государственного руководства главным образом под воздействием Гражданской войны также оказало влияние на Сталина. Как и у других советских руководителей, его первый в жизни опыт государственной деятельности сложился в чрезвычайных условиях Гражданской войны, а поэтому оставил след в склонности прибегать к военным мерам для наведения порядка и управления людьми. Видимо, учитывая перспективу развития международных отношений, он исходил из того, что война и подготовка к войне будут составлять главную сторону государственной деятельности и в будущем. Поэтому Сталин постарался не только обратить внимание на чрезвычайные способы управления страной в условиях хаоса Гражданской войны, но и как можно глубже изучить военное искусство, а также применять основы военной науки в политической и государственной деятельности.

После завершения Гражданской войны Сталин все чаще воспринимает процессы общественной жизни как события, развертывавшиеся на театре военных действий. Понятия «фронт», «армия», «резервы», «наступление» и прочие слова из военной лексики стали применяться им для обозначения предметов и явлений мирной жизни. Хлебозаготовки воспринимались им как «хлебный фронт», развитие системы образования для рабочих он сравнивал со «штурмом крепости», а политический оппонент расценивался им как вооруженный враг или тайный лазутчик. Однако он не ограничился лишь использо-

ванием военной терминологии. Как это было характерно для всех этапов его жизненной деятельности, Сталин постарался извлечь из обретенного опыта максимум поучительного для своей последующей деятельности. Участие в подготовке и проведении боевых операций Гражданской войны настолько повлияло на Сталина, что, лишь вооружившись этим опытом, он стал писать теоретические исследования о методах политической работы.

Одна из первых теоретических работ Сталина, написанная им весной 1923 года и посвященная вопросам политики партии, получила название «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». Судя по содержанию этой работы, очевидно, что Сталин увидел в военной науке методы, которые в наибольшей степени применимы для политической деятельности в век, когда войны являлись важнейшим фактором в жизни человечества. Политическая деятельность виделась Сталину как подготовка и осуществление боевых операций. Он утверждал, что политическая стратегия «намечает... схему расположения сил пролетариата и его союзников на социальном фронте... Стратегия меняется в моменты исторических поворотов, переломов, она обнимает период от одного поворота (перелома) до другого, поэтому она направляет движение к известной общей цели, обнимающей интересы пролетариата за весь этот период, она добивается того, чтобы выиграть войну между классами, наполняющую весь этот период, ввиду чего она остается за этот период без изменений».

Политическая тактика, по определению Сталина, «намечает такие конкретные пути завоевания широких масс на сторону ревпролетариата и подвода их к боевым позициям на социальном фронте... которые вернее всего подготовляют успех стратегии... Тактика, обнимая не всю войну, а только отдельные ее сражения, ведущие к выигрышу или проигрышу войны, меняется (может меняться) несколько раз в течение стратегического периода... Задача тактики состоит в том, чтобы так повести массу на борьбу, дать такие лозунги, так подвести массы к новым позициям, чтобы борьба дала в сумме выигрыш войны, т. е. стратегический успех». Военный опыт научил Сталина методике выбора наиболее удачных вариантов достижения стратегической цели с учетом объективных условий.

При этом Сталин старался не перечеркнуть свои знания, полученные в «университете революции», а соединить их с опытом Гражданской войны. Это проявилось в сравнении им примеров различных боевых операций 1918–1920 годов с политическими действиями партии в дооктябрьский период. В своей статье «К вопросу о стратегии и тактике» Сталин сравнивал выбор РСДРП политического курса в первые годы своего существования с выбором направления главного удара по войскам Деникина. Он иллюстрировал положение о тактическом успехе в политике напоминанием о том, как «успехи нашей кавалерии под Воронежем и пехоты под Орлом создали обстановку, благоприятную для удара под Ростовом». Он доказывал гибельность для кампании тактического успеха, если он не соответствует стратегическим возможностям, указав на увлечение Деникиным прорывом к Москве осенью 1919 года и попытку Красной Армии решить «непосильную задачу прорыва в Европу через Варшаву».

Останавливаясь же на «формах организации», Сталин замечал: «Задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собой все роды войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действия. То же самое можно сказать о формах организации в политической области. Здесь, так же как и в военной области, формы организации приспособляются к формам борьбы». Говоря о значении лозунга и директив, Сталин писал: «Удачно формулированные решения, отражающие цели войны или отдельного сражения, популярные в войсках, имеют иногда решающее значение на фронте как средство вдохновить армию к действию, поддержать дух и пр. Соответствующие приказы, лозунги или воззвания к войскам имеют для всего хода войны столь же важное значение, как первоклассная тяжелая артиллерия или первоклассные быстроходные танки. Еще большее значение имеют лозунги в политической области, где приходится иметь дело с десятками и сотнями миллионов населения с их разнообразными требованиями и потребностями».

Приобщившись к основам военного искусства, Сталин сумел выработать ряд положений о политической стратегии и тактике, которые затем вошли в его работу «Об основах ленинизма»: сосредоточение главных сил в решающий момент на наиболее уязвимом для противника пункте; выбор момента решающего удара; неуклонное проведение уже принятого курса через все и всякие затруднения; маневрирование резервами, «рассчитанное на правильное отступление, когда враг силен, когда отступление неизбежно»; выдвижение на первый план тех именно форм борьбы и организации, которые более всего соответствуют конкретной обстановке; «нахождение в каждый данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удержать всю цепь и подготовить условия для достижения стратегического успеха».

Уроки, извлеченные им из опыта Гражданской войны, сыграли важную роль в его становлении как одного из главных руководителей партии. Эти уроки помогли ему лучше анализировать политическую обстановку и находить решения, отвечающие реальным возможностям. Соединение методики военной науки с политической практикой существенно усилило его позиции в ходе соперничества между различными группировками в партии и стране. ■

ЕВГЕНИЙ КИСЕЛЕВ

СПЕЦСЛУЖБЫ АЛЕКСАНДРА III

▲ Дворцовая полицейская команда

В конце царствования Александра II многочисленные покушения на императора ясно показали, что унаследованный им от отца репрессивный аппарат — полиция плюс Отдельный корпус жандармов плюс III отделение собственной его императорского величества канцелярии — уже не могут обеспечивать безопасность власти. Ярким доказательством этого были не только покушения на императора, но и убийство шефа жандармов и главы III отделения генерал-лейтенанта Николая Владимировича Мезенцова (16) августа 1878 г. (причем сделали это не бомбой или револьвером, а кинжалом). Более того, в начале 1879 г. народовольцам удалось внедрить в III отделение своего агента — Николая Васильевича Клеточникова, который там достаточно быстро возглавил секретную часть и получил доступ к секретной информации и мог предупреждать народовольцев о готовящихся арестах. А когда 5 (17) февраля 1880 г. взрыв произошел уже в Зимнем дворце (при этом злоумышленник сумел малыми порциями доставить туда 30 кг динамита), то стало ясно, что необходимость реформ полицейского и жандармского аппарата не только назрела, но и давно перезрела.

Поэтому 8 февраля Александр II собрал совещание из своих ближайших помощников, а на следующий день, 9 февраля, издал Указ о создании Верховной распорядительной комиссии и назначении ее председателем Михаила Тариэловича Лорис-Меликова, а в самом Указе было сказано о необходимости положить «предел беспрерывно повторяющимся покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок».

Это решение встретило благожелательный отзыв в обществе: выдающийся публицист того времени, редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков писал Александру II по поводу назначения Лорис-Меликова и его первых шагов: «Да поможет Бог доблестному генералу... вывести наши дела из смуты. Зло, с которым ему прежде всего приходится бороться, имеет острый характер. Опасно медлить с раскрытием и искоренением этого зла, но столь же опасна ошибка в диагнозе о врачевании, которая поверх-

▲ Александр II

▲ Лорис-Меликов М.Т

ностный недуг может превратить в хронический. Мысль действовать в союзе с обществом — есть мудрая мысль...», а сам Лорис-Меликов получил со всех концов России массу «писем, проектов, записок», которые «указывали меры к исцелению недостатков нашего общественного строя». Через две недели, 26 февраля, Лорис-Меликов подал императору «Всеподданнейший доклад», основная мысль которого сводилась к необходимости объединения всех полицейских властей, т.к. разрозненные действия правительственных лиц и учреждений были одной из главнейших причин неуспеха в борьбе с революционными силами.

В результате, указами от 3 и 4 марта 1880 г. руководство всеми этими учреждениями — III отделением и полицией — перешло в руки Лорис-Меликова, и одновременно ему были предоставлены все права и «круг действий», положенные по закону шефу жандармов. 6 августа 1880 г. император подписал указ об упразднении Верховной распорядительной комиссии, т.к. она уже выполнила свою функцию и была выработана новая структура системы безопасности. Этот же указ упразднял III отделение, а его функции переходили к новому учреждению, создаваемому этим указом — Департаменту государственной полиции в составе Министерства внутренних дел, «Впредь до возможности полного слияния высшего заведования полицией в одно учреждение упомянутого Министерства».

Александр III, ставший императором после убийства его отца 1 марта 1881 г., сразу начал преобразования во многих сферах — и не избежала реформ, конечно же, и государственная безопасность, тем более что именно на её руководстве лежала часть вины за цареубийство: именно они должны были предотвращать подобное, но события 1 марта показали их служебное несоответствие. 4 мая 1881 г. Лорис-Меликов был отправлен в отставку, уехал за границу и умер в 1888 г. в Ницце, а в апреле новым директором Департамента стал Вячеслав Константинович Плеве, который до этого занимал должность прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты.

Достаточно быстро стало ясно, что один человек на посту директора Департамента не может справиться со всем кругом обязанностей, поэтому указом от 25 июня 1882 г. вводилась новая должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией. Этим же указом распределялись права и обязанности по руководству Департаментом полиции и Отдельным корпусом жандармов между министром внутренних дел и товарищем министра. Через три недели, 16 июля 1882 г., была высочайше утверждена и введена в действие «Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией», на основании которой ему были подчинены Департамент полиции, обер-полицмейстеры, губернаторы, градоначальники, ему же поручалось руководство их деятельностью по «предупреждению и пресечению преступлений». Одновременно он являлся командиром Корпуса жандармов. Одновременно товарищу министра были подчинены как жандармские чины, так и чины общей полиции — так осуществлялась дальнейшая централизация власти, руководство полицией сосредоточивалось в руках одного лица, которое оставалось в подчинении

▲ Александр III

министра внутренних дел как верховного руководителя.

Помимо этого, с самого начала нового царствования стало ясно, что помимо новых методов поиска заговорщиков надо радикально менять и порядок охраны самого императора — на случай, если полиция всё же не раскрыла заговор на стадии подготовки. Первым делом 23 марта 1881 г. для несения службы при императоре была сформирована Сводно-гвардейская рота почетного конвоя, для чего были собраны солдаты из всех полков 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий, гвардейских стрелковых батальонов, кадрового батальона Лейб-гвардии Резервного пехотного полка, Лейб-гвардии Сапёрного батальона и Гвардейского экипажа (17 ноября 1883 г. рота была развернута в Сводно-гвардейский батальон за счет пополнения чинами из армейских частей, где шефом состоял император, а в 1907 г. — в полк). В мае 1881 г. в ближайшем окружении Александра III стали появляться первые проекты по организации службы безопасности императора. В эту деятельность оказались втянуты самые разные лица, подчас не имевшие никакого опыта в деле организации охраны.

Так, правые политические деятели в лице К. П. Победоносцева весной 1881 г. крайне озаботились вопросами безопасности императора. Причем, по мнению К. П. Победоносцева, главная опасность для жизни царя исходила не столько от Исполнительного комитета «Народной воли», сколько от ближайшего окружения царя. Эта позиция была небеспочвенной, поскольку именно вялость власти, отсутствие должной политической воли и привели к трагической гибели Александра II. Уже 3 марта 1881 г. К. П. Победоносцев писал Александру III: «Гнетет меня забота о вашей безопасности.

Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты». Но его «практические советы» больше годились для эпохи дворцовых переворотов, а не для века политического террора. Так, в письме от 11 марта 1881 г. он настоятельно советовал:

«1. Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери — не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до входной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2. Непременно наблюдать каждый вечер, перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать. 3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

4. Один из ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от вас, в этих же комнатах.

5. Все ли надежны люди, состоящие при вашем величестве? Если бы кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его... Будьте осторожны каждую минуту».

Александр III принимал во внимание советы своего наставника, но предпочитал прислушиваться к мнению профессионалов. Граф И. И. Воронцов-Дашков, возглавлявший с марта по август 1881 г. охрану Александра III, представил царю всеподданнейший доклад «О постановке Собственной Его Величества Охраны», основные идеи которого были сформулированы жандармскими офицерами — генералом П. А. Черевиным и подполковником Е. Н. Ширинкиным. Они исходили из того, что весь «опыт прежних лет показал всю неудовлетворительность и недостаточность прежде существовавшей системы охраны». По их мнению, главные недостатки охраны сводились к ее малочисленности и отсутствию единого

центра в ее организации. Авторы доклада подчеркивали, что агентурная служба была сосредоточена в руках III Отделения, а команда Дворцовых городовых подчинялась Министерству Императорского двора, и настаивали на том, чтобы во главе царской охраны стояло только одно лицо. Саму службу охраны они предлагали разделить на две части — явную охрану, несшую службу в форме на постах, и агентурную.

Александр III в целом одобрил представленные министром предложения, но выразил некоторые сомнения, наложив резолюцию: «Все это весьма разумно, но где найти способных на эту службу людей». 13 мая 1881 г. высочайшим указом гр. И. И. Воронцову-Дашкову поручено выработать проект организации подразделений охраны, отвечающих за безопасность царя и его семьи. Уже к 3 июня 1881 г. составляются проекты штатов ряда подразделений, которые легли на стол царю. Таким образом, к лету 1881 г. начала формироваться новая концепция системы безопасности.

Во-первых, вся служба государственной охраны была подчинена «Главному Начальнику Охраны Вашего Императорского Величества, назначаемому высочайшим указом Правительствующему Сенату». Главный начальник охраны непосредственно подчинялся только императору и имел право личного доклада. Все ведомства и учреждения империи должны были немедленно исполнять требования Главного начальника. Сведения о замышляемых посягательствах, собранные различными агентами, также должны были немедленно сообщаться Главному начальнику.

Во-вторых, наряду с Собственным Конвоем предлагалось сформировать особую воинскую охранную команду или гвардейский пехотный отряд, выполняющий функции непосредственного сопровождения царя. За прецедент была взята воинская команда, охранявшая Александра II во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

▲ Победоносцев К.П.

В-третьих, предлагалось организовать инспекцию железных дорог, в ее основу были положены штаты железнодорожного батальона, образованного в 1876 г. Главной задачей батальона было обеспечение безопасности поездок царя по железным дорогам.

В-четвертых, Дворцовая полицейская команда увеличивалась с 42 до 102 человек, и в ее составе создавалась новая структура — Секретная часть.

В июле 1881 г. штаты новых подразделений охраны были представлены на утверждение Александру III. Ознакомившись с документами, царь вернул их обратно с некоторыми замечаниями, т.к. некоторые моменты вызывали у него сомнение — в частности, необходимость назначения начальника его охраны высочайшим указом. И. И. Воронцов-Дашков пояснил царю, что «личность Главного начальника и степень его власти должны быть известны… иначе его требования могут остаться без исполнения», а ещё конфиденциальный указ мог вызвать ненужные толки. Кроме того, царь засомневался в необходимости значительного расширения агентурной части охраны и предоставлении ей значительной самостоятельности. И. И. Воронцов-Дашков, поясняя необходимость этого шага, писал: «Не решаясь взять на свою совесть ответственность уверениями, что стражники секретной части во всех случаях вне дворца могут охранить Особу Вашего Величества, я все-таки полагаю, что в общей цепи организации охраны они составляют необходимое звено, с упразднением которого явится заметный пробел». По мнению Н. И. Воронцова-Дашкова, секретные агенты, не отличающиеся внешне от прочей публики, должны были дополнить надзор наружной полиции. Предполагалось, что секретные агенты, одетые в штатское (партикулярное) платье, должны держать под постоянным наблюдением два-три первых ряда публики, окружавшей царя. В проекте задавались высокие требования для комплектации личного состава секретной агентуры: «Набирать людей близко знакомых

▲ Воронцов-Дашков И.И.

с наружностью революционеров уже привлекавшихся... знать в лицо положительно всех лиц, состоящих или имеющих приезд ко Двору, а также большую часть высокопоставленных особ».

Инициатором расширения функций Секретной части Дворцовой полиции выступил подполковник Евгений Никифорович Ширинкин. В своей записке «Об Охранной Его Величества страже» (май 1881 г.) он подчеркивал, что ранее «стражники совершенно были чужды сыскного дела. Они только случайно имели сведения о лицах разыскиваемых, в редких случаях видели фотокарточки государственных преступников и потому в действительности могли лишь исполнять службу подвижных городовых». Констатируя слабость агентурной охраны царя, он предлагал резко увеличить ей жалованье, поскольку «привлечение в Охранную стражу полезных сыскных агентов не могло быть достигнуто при неимоверно ничтожных окладах содержания, а без агентов сыщиков Охранная стража не достигнет цели». Подполковник Ширинкин, не дожидаясь утверждения штатов и новых окладов, провел «инвентаризацию» Дворцовой стражи и начал переподготовку 17 человек из числа стражи, пригодных для сыскного дела, 9 человек он признал ограниченно годными к сыскной деятельности, а 19 человек оказались «почти непригодны к таковой».

Для кардинального изменения ситуации Ширинкин первоначально предлагал, во-первых, увеличить число Охранной стражи до 70 чел. Во-вторых, разделить этот состав на два отряда. Первый отряд должен был выполнять агентурные сыскные обязанности в местах высочайшего присутствия, собирая сведения обо всех живущих и приезжающих в резиденцию и окрестности. Второй занимался непосредственно личной охраной царя, вел открытое наружное наблюдение, отслеживая лиц «разыскиваемых, обвиняющихся и обвиненных по политическим целям, поднадзорных и подозреваемых». На всех этих лиц должны были быть фотографии. В-третьих, Ширинкин предлагал увеличить оклады «сыскарям» до 80 руб. в месяц, «наблюдателям» до 60 руб. Подбору агентуры Ширинкин уделял большое внимание, предлагая набирать в Охранную стражу людей, которые бы по внешнему виду не походили бы на агентов и «изображали бы собой публику, и которых бы не знала, по возможности, даже полиция».

В целях эффективной организации охраны он предлагал «раскинуть» «сыскарей» по дворцовым резиденциям и окрестностям небольшими группами по 2–4 человека. «Наблюдатели» должны были нести службу на ключевых постах, используя метод «цепного хождения» на путях возможного следования царя. Этот метод предполагал, что агентура передвигается постепенно на всем протяжении один за другим на близком расстоянии от царя.

Видимо, предложения Ширинкина активно обсуждались, и, спустя месяц, в июне 1881 г., он уже предлагал увеличить жалованье агентам до 100-200 руб. в месяц, но при этом сократить их число до 15–20 человек, «из которых бы два-три были бы хорошими ездоками для прогулки (отнюдь не для сопровождения и преследования экипажа Его Величества)». Также Ширинкин предлагал ввести градацию среди секретной агентуры. Должность старшего секретного агента предполагала возможность самостоятельной деятельности. Их не должно было быть более 10 человек, и они должны были быть способными играть роль дачников или путешественников. Эта должность должна была соответственно оплачиваться — от 100 до 250 руб. в месяц. Младшие секретные агенты выполняли вспомогательные функции под видом прислуги, дворников, посыльных, наемной прислуги (швейцаров и лакеев). Наряду

со штатной секретной агентурой он предлагал привлекать для сбора информации прислугу гостиниц и ресторанов и даже слуг «в частных домах». Секретная агентура должна была располагать своими извозчиками, несколькими хорошими верховыми лошадьми. Вооружить секретных агентов предполагалось револьверами и кастетами, но оговаривалось, что их употребление возможно только в исключительных случаях. При этом агентам категорически запрещалось «раскрываться», они должны были играть частных лиц, защищающих государя.

После выяснения всех нюансов Александр III согласился с доводами И. И. Воронцова-Дашкова, и 11 августа 1881 г. проекты штатов охранных структур были утверждены в рамках «Положения об охране Его Величества». 3 сентября 1881 г. именным указом состоялось назначение на должность «Главного Начальника Охраны генерал-майора Свиты Его Величества» Петра Александровича Черевина.

К осени 1881 г. организационное становление новых охранных структур, главной задачей которых было обеспечение безопасности царя от террористически актов, завершилось. С этого времени дело охраны получило совершенно отдельное и самостоятельное значение. Начальник охраны П. А. Черевин, пользовавшийся личным доверием Александра III и императрицы Марии Федоровны, быстро превратился в одну из ключевых фигур при новом Дворе. Личное подчинение царю, право личного доклада у царя, безусловная преданность, отсутствие определенных границ его деятельности, требование ко всем ведомствам и учреждениям империи немедленно выполнять его распоряжения и сообщать ему всю информацию о возможных покушениях делали его влияние весьма значительным. Под его непосредственным началом в 1881 г. находились: Гвардейский пехотный отряд Почетного конвоя; Дворцовая полицейская команда под командованием полковника П. В. Зиновьева, включавшая Секретную часть во главе с подполковником Е. Н. Ширинкиным, и Железнодорожная инспекция во главе с полковником Альбертовым. Собственный конвой был подчинен Императорской Главной квартире, а Дворцовая рота замыкались на министра Императорского двора.

Поскольку П. А. Черевин выполнял секретарские и представительские функции, сопровождая царя, то постепенно реальная черновая работа по охране сосредоточилась в руках подполковника Ширинкина. Усиление влияния подполковника Ширинкина проявилось в том, что 8 сентября 1884 г. по представлению П. А. Черевина высочайшим повелением должность начальника Дворцовой полицейской команды упразднялась и полковника П. В. Зиновьева уволили (23 сентября 1884 г.). Должности начальников Секретной части и Полицейской команды объединили и возложили на начальника Секретной части, уже полковника, Ширинкина с наименованием его начальником Дворцовой полиции. Отдельную агентурную команду от Департамента полиции также подчинили полковнику Ширинкину. Эта агентурная команда ведала регистрацией лиц, приезжавших в царские резиденции вне черты дворцовых зданий, и наименовалась «Охранная агентура, подведомственная Дворцовому коменданту». В конечном счете, по замечанию видного чиновника Министерства Императорского двора В. С. Кривенко, «все нити охраны сосредоточились в руках Ширинкина» — замечание, в целом, верное, ибо Ширинкин руководил охраной двух царей до 1905 г.

Однако, наведение порядка внутри страны у Александра III не ограничилось только реформой полиции. Сразу же проблему дальнейших покушений он решил просто и эффективно — не стал, подобно отцу, ходит по улицам столицы, а переехал

▲ Ширинкин Е.Н.

▲ Щербатов А.Г.

в Гатчину, где был дворец посреди хорошо охраняемого парка, куда попасть постороннему было просто невозможно. А что касается борьбы с угрозами государству, то в первые месяцы нового царствования это приняло необычные формы, в частности — за рамками действующих законов. Итак, цареубийство ясно показало, что имевшийся государственный аппарат борьбы с подобными преступлениями неэффективен, поэтому было принято необычное, но достаточно разумное решение — пока идет реформа полиции и пока новый полицейский аппарат будет отлажен, надо искать решение вне рамок этого аппарата. Так весной 1881 г. была создана Священная дружина — тайная монархическая организация для борьбы с революционерами. Её инициаторами и организаторами были Илларион Иванович Воронцов-Дашков, в августе 1881 г. назначенный министром императорского двора и уделов, и полковник гвардии Павел Петрович Шувалов, который 1 января 1882 г. станет адъютантом Александра III. Вошли в руководство дружиной и другие представители высшей аристократии — добившийся больших успехов в сельском хозяйстве князь А.Г. Щербатов, славянофил и участник войны за независимость Сербии и Черногории генерал Р.А. Фадеев, любитель искусств Павел Павлович Демидов, руководитель церемониальной части Министерства Императорского Двора Б.В. Штюрмер, а также начальник службы эксплуатации в администрации Общества Юго-Западных железных дорог С.Ю. Витте, который потом в своих мемуарах припишет себе идею создания Священной дружины (также как и изобретение ледокола «Ермак»).

Борьбу с угрозами государству «Священная Дружина» вела при содействии Департамента государственной полиции — связь с министерством внутренних дел осуществлялась через товарища министра, который был введен в ЦК «Дружины», а членом Исполнительного комитета состоял санкт-петербургский обер-полицмейстер, координировавший действия дружинников со столичной полицией. Все меры, принимаемые дружинниками «к охранению государя императора», должны были проводиться «в действие не иначе как по предварительном одобрении... Черевина», начальника личной охраны Александра III. Согласно инструкции «Священной Дружины» ее члены были обязаны сообщать в департамент полиции все сведения, «касающиеся вообще до государства». В свою очередь полиция также должна была оказывать всяческое содействие «Священной дружине». Она выдавала ее руководителям особые карточки — «исполнительные», а рядовым членам — «предупредительные». Предъявление «исполнительной» карточки любому полицейскому чину обязывало его выполнять все требования дружинника, вплоть до произведения обыска и даже ареста. «Предупредительная» карточка принуждала стража порядка отнестись «с должным вниманием» к заявлению её предъявителя.

Как и всякая серьезная спецслужба, «Священная дружина» действовала и в России, и за её пределами, тем более что после начавшихся арестов народовольцев по полученным в ходе следствия о цареубийстве материалах, активисты «Народной воли» перемещались из центра в провинцию и за границу — например, народовольческий Исполнительный комитет в лице Л.А. Тихомирова и М.Н. Ошаниной обосновался в Париже. В Женеве, Цюрихе и Лондоне также находились революционеры руководящего звена. Лидеры «Священной Дружины» прекрасно понимали опасность политической эмиграции, и потому придали большое значение работе за рубежом. К началу 1882 года, времени распада шпионской деятельности «Дружины» за границей, были установлены агентуры во всех городах Европы, где проживали русские революционеры: Лондоне, Париже, Берне, Цюрихе, Женеве, Вюрцбурге, Лугано, Кракове, Вене, Лемберге, Ясах, Риме, Лионе, Константинополе. Видимо, временную разведку агенты «Дружины» производили также в Филиппополе (Пловдив) и в румынской Тульче. Естественно, это требовало больших затрат, и в декабре 1881 года П.П. Шувалову на заграничную агентуру было выдано 12 тыс. рублей, а уже в январе — почти вдвое больше: 22.500 рублей.

▲ Витте С.Ю.

▲ Шувалов П.П.

Агенты «Священной Дружины» постепенно выявили адреса почти всех наиболее известных революционеров-эмигрантов, установили за ними постоянное наблюдение и подвергали перлюстрации их переписку. Дружинники стремились всеми силами проникнуть в революционную эмигрантскую среду. Они посещали библиотеки, кафе, другие общественные места, где собирались русские революционеры, крутились вокруг редакций и типографий эмигрантских изданий, ходили на общие собрания и митинги, следили за сбором денег на народовольческий «Красный Крест», завязывали частные знакомства с политическими эмигрантами и обо всем виденном и слышанном усердно доносили своему начальству.

Заграничная агентура «Священной Дружины» выследила не так уж много, во-первых, из-за бдительности и конспирации эмигрантов, а, вторых, потому что рядовые члены «Дружины» слабо разбирались в революционных течениях своего времени и многое из того, что им удавалось узнать, было для них малопонятно и искажалось в донесениях, они передавали также много непроверенных слухов, личных домыслов и мелких частных подробностей из эмигрантского быта. Впрочем, их коллеги из департамента полиции писали такие же малосведущие донесения. Гораздо более крупным и удачным предприятием «Дружины» за границей было издание в Женеве газеты «Вольное слово», которая по мысли дружинников, выступая с критикой «Народной воли» под флагом «умеренного революционного движения», должна была дать «нужную аргументацию всем колеблющимся в народовольческой партии силам для естественного их отделения от партии». «Вольное слово» выходило регулярно на протяжении почти двух лет (с июля 1881 г. по май 1883 г.) сначала как беспартийное издание, а с мая 1882 г. как орган «Земского союза», якобы нелегально действующего в России.

Тем не менее, впечатляющих успехов «Священная дружина» не добилась ни в России, ни за границей, а к тому времени уже была оформлена новая структура полиции. Более того, многие профессиональные сотрудники Министерства внутренних дел были против того, что их деятельность дублируется, а то и подменяется неумелыми энтузиастами, поэтому новый министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, директор Департамента полиции В. К. Плеве и обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев устроили кампанию по дискредитации «Дружины» в глазах императора, поэтому 26 ноября 1882 г. Александр III подписал указ о роспуске «Дружины» «с последующей ликвидацией дел к 1 января 1883 года».

На мой взгляд, краткая история монархической «Священной дружины» очень напоминает историю

▲ Судейкин Г.П.

революционной Красной гвардии в 1917-18 гг. — в обоих случаях полные энтузиазма (или, как сейчас принято говорить, хорошо мотивированные) люди без достаточных профессиональных навыков попробовали выполнять функции элемента государственной машины, но в итоге выяснилось, что энтузиазм не всегда могут заменить опыт, и в итоге все вернулось на круги своя — к Департаменту полиции и регулярной Красной Армии. Однако, вернемся к профессионалами государственной безопасности эпохи Александра III.

3 декабря 1882 г. в Гатчине Александр III утвердил Положение «Об устройстве секретной полиции в Империи», которое предусматривало создание в крупных городах России охранных отделений. Дело в том, что первое охранное отделение было создано в 1866 г. при канцелярии петербургского градоначальника («Отделение по охранению порядка и спокойствия в столице»). 1 ноября 1880 г. по распоряжению министра внутренних дел Лорис-Меликова аналогичное охранное отделение было создано в Москве («Секретно-розыскное отделение при канцелярии Московского обер-полицмейстера»). Опыт работы этих отделений предполагалось продолжить в новой секретной полиции. В штат этих охранных отделений могли командироваться как офицеры Корпуса жандармов, так и гражданские чиновники (последние, чтобы придать им права государственных служб, могли причисляться или к Департаменту полиции, или к управлению общей полиции). В §5 Положения «Об устройстве секретной полиции в Империи» говорилось: «Ближайшее руководство деятельностью учреждений секретной полиции, в видах единообразного направления, производимых розысков, принадлежит особому инспектору секретной полиции», назначенному товарищем министра, заведующим государственной полицией. Там же указывалось: «Инспектор секретной полиции действует по особой, преподанной ему заведующим государственной полицией, инструкции».

Первым инспектором секретной полиции стал 32-летний Георгий Порфирьевич Судейкин, который в феврале 1874 года принят в Отдельный корпус жандармов и, в частности, был назначен адъютантом Воронежского жандармско-полицейского управления железной дороги, а в 1879 г. раскрыл и разгромил Киевскую организацию «Народной воли». В 1881 стал заведующим агентурой Петербургского охранного отделения и доверенным лицом В. К. Плеве и Д. А. Толстого. На новом посту Судейкин, не дожидаясь «особой, преподанной ему заведующим государственной полицией инструкции» (она была утверждена товарищем министра внутренних дел П. В. Оржевским только 29 января 1883 г.), подготовил циркуляр с изложением своих взглядов и методики сыска, который предполагал проводить в жизнь:

«1) Возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами.

2) Распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду.

3) Передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию кратковременных арестов обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве, вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы».

Однако, осуществить все свои планы Судейкину не удалось — его погубило служебное рвение. Дело в том, что в декабре 1882 г. в Одессе был арестован народоволец Сергей Дегаев, и постепенно его склонили к сотрудничеству с полицией: ему изобразили побег из тюрьмы, а он должен был отправиться в Париж и там собирать информацию о руководстве «Народной воли». Однако, Дегаев прибыл в Париж, где-то ли был разоблачен народовольцами, то ли решил сам покаяться, но в любом случае он руководители народовольцев узнали о полицейском задании. Его простили, но за это потребовали... убить Судейкина. Дегаев вернулся в Петербург, где его сразу взяли под наблюдение и полиция, и уцелевшие подпольщики. 16 декабря 1883 г. Дегаев пригласил Судейкина в квартиру на Невском проспекте, и там его убили Дегаев и ещё два народовольца (Коношевич и Стародворский), причем убили с особой жестокостью — забили укороченными ломами. После этого Дегаев снова уехал за границу, осел в США, сменил имя на Александр Пелл и... начал научную карьеру, став в 1908 г. профессором математики в Институте Армора в Чикаго (сейчас это Технологический институт Иллинойса). Умер Дегаев-Пелл в 1921 г. Коношевич и Стародворский были схвачены, соответственно, в январе и марте 1884 г. и приговорены к пожизненно-

му заключению в Шлиссельбургской крепости — там Коношевич сошел с ума, а Стародворский, просидев больше 20 лет, был выпущен по амнистии после царского Манифеста 17 октября 1905 года.

Место Судейкина осталось незанятым и процесс создания охранных отделений в крупных городах страны остановился — новое, третье по счету, охранное отделение будет создано в Варшаве только в 1900 г. уже при новом императоре.

Однако, Судейкин погиб — а дело его продолжало жить. Осенью 1886 г. с Московским охранным отделением стал сотрудничать бывший канцелярский служащий и телеграфист Сергей Васильевич Зубатов (1864-1917), который уже 1 января 1889 г. был зачислен в штат и возглавил работу с секретной агентурой. На этой должности он добился определенных успехов, раскрыв и ликвидировав многие революционные кружки и организации: например, в апреле 1892 г. был ликвидирован социал-демократический кружок М. И. Брснева, а в апреле 1894 г. — партия «Народного права» (её создали ссыльные народовольцы в 1893 г., обычно пишут, что партия была «разгромлена», но громить там было особо нечего — главной революционной силой её создатели считали не крестьян, не пролетариат, а интеллигенцию, поэтому и занимались пропагандой среди интеллигенции и ожидали будущих реформ в рамках парламентаризма — в общем, как иронизировал позже по другому поводу Ярослав Гашек, «умеренный прогресс в рамках закона». По делу «Народного права» было привлечено 158 человек, некоторые избежали репрессий, но дальнейшая их деятельность никакого влияния ни на что не оказала). В результате в 1894 г. Зубатов стал заместителем начальника Московского охранного отделения, а в 1896-м — начальником Московского охранного отделения, которое возглавлял до 1902 г., но это уже выходит за хронологические рамки данной работы.

Собственно, история с «Народным правом» хорошо иллюстрирует, как работа полиции по новым правилам дала свои результаты. Самые активные были «зачищены» почти сразу после убийства Александра II, поэтому больше успешных покушений не было. Попытки, конечно, были. Например, 3 ноября 1881 г. в приемный зал Департамента Государственной полиции пришёл мещанин из Брест-Литовска Николай Санковский (в недавнем прошлом — доброволец, участвовавший в восстании жителей Боснии против турецкого владычества), который попросил аудиенции у заместителя шефа жандармов и заместителя министра внутренних дел генерала Петра Александровича Черевина, обещая передать важные сведения. Черевин вышел в приёмную к просителю, тот попросил всех удалиться, а затем достал из кармана револьвер и выстрелил в генерала, но промахнулся — и Черевин схватил покушавшегося за руки и прижал к стене. Черевин был храбрым боевым генералом (например, всю Русско-турецкую войну его Кавказская казачья бригада действовала в авангарде русской армии и он был дважды удостоен золотого георгиевского оружия с надписью «За храбрость»), но довольно мягким для своей должности, поэтому сразу он хотел просто высечь Санковского розгами — и всё (после недавней войны угроза своей жизни не воспринималась им как нечто трагическое), но тут резко

▲ Черевин П.А.

▲ Корвин-Круковский

выступил против начальник Петербургского городского жандармского управления генерал Оноприенко — ведь покушение на заместителя министра это не стычка с турками, а дело государственной важности. Санковского 8 января 1882 г. приговорили к смертной казни, но он раскаялся в содеянном и уверял, что не хотел убивать Черевина и сделал это в бессознательном состоянии под действием эпилепсии, так что казнь заменили вечной каторгой, а Черевин сделал карьеру как начальник личной охраны Александра III.

На рубеже 1886-1887 гг. террористическая фракция «Народной воли» (во главе с Александром Ульяновым) готовила покушение на Александра III, и с 26 февраля 1887 г. сигнальщики и бомбометатели уже ждали царский кортеж на Невском проспекте, но 1 марта все были схвачены в разных местах проспекта — недостижимый уровень работы для спецслужб прошлого царствования. Примечательно, что среди подсудимых на последовавшем процессе был и почти никому тогда неизвестный Юзеф Пилсудский — будущий маршал и президент Польши. Его роль была не слишком значительной, поэтому он получил 5 лет ссылки в Сибирь, а вот его брат Бронислав — активный участник заговора — был приговорен к повешенью, которое потом заменили 15 годами каторги на Сахалине.

К началу царствования Александра III за рубежом скопилось достаточно много русских политэмигрантов, поэтому на необходимость создания специальной службы наблюдения за русской политической эмиграцией за рубежом указывал ещё Лорис-Меликов. В апреле 1880 г. были командированы за рубеж сотрудники ВРК М.Н. Баранов (во Францию) и В.М. Юзефович (в Пруссию), которым было дано задание собрать сведения о русской политической эмиграции, проверить работу агентов III отделения, составить проект ее организации, ознакомиться с деятельностью местной полиции. Результаты проверки показали «убогость», примитивность, малую эффективность деятельности агентов русской полиции: их сведения были «порой отрывочны, противоречивы, лживы». Тогда же были предприняты попытки создать русскую секретную службу при парижской префектуре, но это начинание было неудачным: иностранцы, не зная русского языка, давали сведения о личной жизни политической эмиграции, а не об их замыслах и беседах. У «Священной дружины», как было сказано выше, тоже мало что получилось.

В июле 1883 г. директор Департамента полиции Плеве и товарищ министра внутренних дел Оржевский, стремясь поставить сыск за границей на должную высоту и изучив материалы и опыт предшественников, посылают в Париж для организации политического сыска во Франции надворного советника (т.е. подполковника) Петра Васильевича Корвин-Круковского. Правда, опыта для данной работы у него не было (по некоторым данным, он уже пытался заниматься агентурной работой за рубежом, действуя в составе «Священной дружины», но потом получил официальный статус). С назначением Корвин-Круковского в Париж было создано специальное подразделение Департамента полиции — Заграничная агентура, которая вошла в историю как «Заграничная охранка». В составе агентуры было четыре русских секретных сотрудника, которые внедрялись в эмигрантские круги и освещали их деятельность, а служба наружного наблюдения состояла из иностранцев: Барлэ, Риан, Росси, Бинт. Первое время руководство этой службой было поручено французу Александру Барлэ, который был известен товарищу министра внутренних дел Оржевскому, и при организации заграничной агентуры тот предлагал пригласить его на службу для руководства агентами центральной парижской агентуры. Позднее во главе наружного наблюдения становится коллежский регистратор Милевский, и к службе наружного наблюдения начинают привлекаться русские филеры.

«Заграничная охранка» Корвин-Круковского была расположена в здании российского посольства,

что создавало определенные трудности для агентурной работы, но она оставалась там вплоть до Февральской революции. Посланный в 1884 г. за рубеж сотрудник 3-го делопроизводства Департамента Г. К. Семякин по возвращении составил доклад, в котором указывал, что Круковский делом не интересуется, не понимает его и даже не дает себе труда разбирать письма, доставляемые ему Барлэ. Кроме того, были отмечены и финансовые нарушения. В итоге, в марте 1884 г. Корвин-Круковский, будучи обвинён в непрофессионализме, халатности и денежных махинациях, был смещён с этой должности (получив при этом 10.000 франков в обмен на расписку об отсутствии претензий к Департаменту полиции, что не помешало ему 20 июля 1884 г. обратиться с письмом к Семякину, в котором, жалуясь на свое тяжелое материальное положение, просил выдать ему за прежние услуги пособие в размере 3000 франков или ссуду в 1000 франков, угрожая в случае отказа обратиться к царю и прозрачно намекая, что он, несмотря на свое стесненное материальное положение, отклонил выгодные предложения некоторых французских газет рассказать о структуре русской полиции в Париже) и её занял присланный из Санкт-Петербурга Пётр Рачковский — первоначально он появился в Париже для поимки бежавшего Дегаева и, хотя и не выполнил задание, оказался на хорошем счету у начальства. После этого Корвин-Круковский жил в Париже, занимался литературной деятельностью, сотрудничал с газетами «Figaro» и «Matin» как репортер и переводчик, написал ряда пьес, в том числе «Данишевы», «Анюта», «Принцесса Боровская», неоднократно ставившихся в театрах России и Европы (во Франции переводчиком этих пьес был Александр Дюма-сын). Впоследствии переехал в Аньер, где до самой смерти в 1899 г. занимался сельским хозяйством. Видимо, финансовые нарушения были настолько выдающимися, что он не стал возвращаться на родину...

Место Корвин-Круковского занял рекомендованный Семякиным Петр Иванович Рачковский (1851-1910). Он резко увеличивает состав секретной агентуры, работавшей в эмигрантских кругах в Париже, Швейцарии, Италии, стремится сосредоточить руководство зарубежной агентурой в своих руках, расширить сеть. Подобная централизация, однако, последовательно не выдерживалась, так как во многих случаях агентам было удобнее и целесообразнее иметь прямые связи с Департаментом полиции. Определенную самостоятельность м своей деятельности сохраняла заграничная агентура в Лондоне. Напрямую давал сведения об эмигрантах и особенно об анархистах генеральный консул в США Оларовский.

В 1889 г. при Рачковском начала действовать агентура на Балканах, деятельность которой распространялась на Румынию, Болгарию, Сербию и Австро-Венгрию. Долгое время Балканской агентурой управлял Александр Моисеевич Вейсман, бывший секретный сотрудник жандармского управления Одессы (впоследствии его сменил В. В. Тржецяк). Вейсман все свои донесения и материалы направлял в Департамент. Исходя из того, что в этот период в Болгарии, Сербии, Румынии находилась большая группа народовольцев, Вейсман считал, но в интересах дела целесообразно иметь «горячую линию» между ним и Департаментом. В Департамент от него поступали перлюстрированные письма Е. Лазарева, А. Теплова, В. Дебогория-Мокриевича, Ф. Волховского, Степанова, Н. Чайковкого, Л. Гольденберга и др., а заодно донесения и информация о болгарских революционерах Д. Благоеве, И. Загубанском. Кроме того, в Департамент поступали сведения и от российского консульства в Софии. Вейсман долго проработал на Балканах, имел большое влияние как в политических, так и в дипломатических кругах. Однако нарушения финансовой отчетности и организация фиктивного покушения на жизнь болгарского князя Фердинанда (из карьерных соображений) стоили ему должности.

Тем не менее, у Рачковского были и настоящие достижения. Во-первых, в ночь с 20 на 21 ноября 1886 г. удалось разгромить крупную типографию народовольцев в Женеве — Рачковский, три русских агента и один швейцарец разбили и выбросили несколько сотен килограммов типографского набора и разбросали по улицам более 1000 еще не сброшюрованных экземпляров 5-го выпуска «Вестника Народной воли», «Календаря Народной воли» и сочинений Герцена. Новость об этом произвела большой эффект в Петербурге — директор Департамента полиции П. Н. Дурново был очень горд этой победой над заграничной крамолой, а министр внутренних дел граф Д. А. Толстой сразу доложил о случившемся царю. За эту операцию 4 декабря 1886 г. Рачковскому были всемилостивейше пожалованы чин губернского секретаря (соответствовал армейскому поручику) и орден святой Анны III степени. Награждены были и агенты Рачковского — Гурин, Милевский, Бинт, Ландезен и другие, получив от 250 до 3000 франков (сам Рачковский получил 5000 франков). Типография затем возродилась, но была снова разгромлена.

Во-вторых, несомненной заслугой Рачковского стало «обращение» видного народовольца Льва Александровича Тихомирова, который на рубеже 1870-80-х гг. был членом исполнительного комитета «Народной воли» и редакции её печатного органа, поддержал идею цареубийства, а в 1882 г. уехал за границу, чтобы избежать ареста, и там издавал «Вестник Народной воли». Рачковский как-то сумел найти подход к этому человеку и убедил его отказаться от революционных идей и встать на путь сотрудничества с правительством — зримым результатом этого преображения стала изданная в 1888 г. на французском и русском языках книга «Почему я перестал быть революционером» (в частности, он там писал: «окончательно убедился, что революционная Россия — в смысле серьезной, созидательной силы — не существует... Революционеры есть, они шевелятся и будут шевелиться, но это не буря, а рябь

▲ Рачковский

на поверхности моря» и «Мой совет молодежи: думайте, наблюдайте, учитесь, не верьте на слово, не поддавайтесь громким фразам, не позволяйте себя стращать ни «великими могилами», ни «переметными сумами». Примерьте двадцать раз, прежде чем отрежете»), затем он написал царю прошение о помиловании, был помилован Александром III и смог вернуться в Россию, где стал религиозным философом и дожил до 1923 г.

Кроме того, очень быстро Рачковский сумел завязать прочные связи во французской прессе, получив, таким образом, возможность влияния на общественное мнение не только Франции, но и других европейских государств. Например, через завербованного им бывшего советника французского министерства иностранных дел, датчанина родом, журналиста Жюля Генсена, была организована настоящая травля во французской печати русской революционной эмиграции.

Если раньше основным способом борьбы с революционерами за рубежом было наружное наблюдение силами агентов-французов, то при Рачковском агентов стали внедрять уже непосредственно в революционные круги для наблюдения изнутри. Более того, именно при нем одним из главных методов борьбы с русскими революционерами стала провокация. Суть этого метода была такой: в революционное подполье внедрялся агент полиции, постепенно завоевывал доверие новых товарищей, а затем предлагал им совершить конкретное преступление (покушение, ограбление и т. п.), подготовка к нему отслеживалась полицией и в последний момент она арестовывала всех участников и получала неопровержимые улики.

Так, например, в 1889 г. в Париже под контролем «Заграничной агентуры» была создана террористической группы из русских эмигрантов с целью подготовки покушения на жизнь Александра III. Центральная роль здесь принадлежала агенту Рачковского, уроженцу г. Пинска, бывшему студенту С.-Петербургского университета Абраму Геккельману (Ландезен). О нем следует рассказать особо: ещё студентом по фамилии Геккельман во время учебы в Петербургском горном институте он стал секретным сотрудником санкт-петербургского охранного отделения и освещал для него студенческое движение, но вызвал подозрения у сокурсников и ему срочно пришлось выехать в Ригу, где он поступил в Политехнический институт. Однако, Геккельман и там попал под подозрение у студентов. В 1884 г. он уехал в Швейцарию и под фамилией Ландезен поступил в Цюрихский технологический институт. Вскоре он познакомился с Рачковским и становится его сотрудником. В это время он снова поменял фамилию, принял православие и стал Аркадием Михайловичем Гартингом. Получив задание сформировать террористическую группу, он сумел вовлечь в нее радикально настроенных эмигрантов –князя Накашидзе, Е. Д. Степанова, П. Н. Кашинцева и А. Л. Теплова. С помощью двух пиротехников-французов, один из которых (Жан Бинта) был агентом французской тайной полиции, в предместье Парижа было налажено производство бомб, но весь ход операции контролировался как французской, так и русской полицией. При проведении испытания бомб (здесь этот термин употребляется в одном из своих значение — не авиационный боеприпас, а «самодельное взрывное устройство») смертельное ранение получил один из членов группы — Анри Виктор. Буквально за час до смерти он дал сенсационное интервью, в котором прямо заявил, что готовил вместе с русскими братьями покушение на Александра III, надеясь таким

образом помочь им избавить свою родину от тирана. Большего подарка для Рачковского придумать было трудно, были мобилизованы все французские журналисты и интервью Анри Виктора стало сенсацией французской прессы. Через некоторое время, 29 мая 1890 г. «бомбисты» (И. Н. Кашинцев, Е. Д. Степанов, А. Л. Теплов и др.) были арестованы, а Ландезен сумел скрыться. Состоявшийся летом 1890 г. суд по «делу бомбистов» приговорил их к трем годам тюрьмы, при этом отсутствовавшего на суде Аркадия Ландезена осудили заочно. Это потом не помешало ему впоследствии под новым именем Аркадий Гартинг руководить русской агентурой в Берлине. Этот приговор улучшил отношение императора Александра III к Франции (а оно сильно ухудшилось после того как в 1885 г. был амнистирован осужденный ранее французским судом анархист князь Кропоткин) и он стал гораздо благосклоннее относиться к идее союза с Францией. Что касается Рачковского, то 1 января 1890 г. по докладу министра внутренних дел он был пожалован орденом Станислава II степени. 30 августа 1890 г.. приказом по Министерству П. И. Рачковский был произведен в титулярные советники (чин соответствовал пехотному капитану) и пожалован орденом Владимира IV степени.

Рачковский был отмечен и во Франции. В 1887 г. его наградили орденом Почетного легиона, а в 1889 г. он установил личные контакты с министром внутренних дел Франции Констаном, а также премьер-министром (1892) и президентом (1899-1906) Франции Э.-Ф.Лубэ и со временем начал предлагать российскому руководству различные проекты совместных франко-российских предприятий — не бесплатно, конечно же. Эта сторона его деятельности и большие траты в Париже вызвали обоснованные вопросы у руководства, и в 1890 г. для проверки сведений о его связях с французскими политическими и финансовыми кругами В. К. Плеве направил в Париж товарища шефа жандармов генерал-лейтенанта Н. Д. Селиверстова. Однако в парижской гостинице 17 октября 1890 г. Селиверстов был убит польским социалистом Станиславом Падлевским, который затем покончил с собой. Учитывая цель командировки Селивестрова в Париж и то, что вряд ли польский социалист случайно взял да и выбрал в качестве жертвы именно его, то не удивительно, что многие считали именно Рачковского организатором этого убийства. В итоге, карьере Рачковского этот случай не повредил и он успешно служил дальше до 1902 года, живя в Париже на широкую ногу.

Что касается результатов деятельности Рачковского, то помимо конкретной оперативной информации и «посадок» она приносила ещё и несомненную пользу империи косвенным образом — сам факт, что русское правительство засылает агентов в среду политэмигрантов, угнетающе действовал на самих революционеров, у которых теперь значительная часть сил уходила на ещё более глубокую конспирацию и на поиск шпионов и провокаторов среди товарищей. Теперь им приходилось прятаться не в Петербурге или Казани, а в Париже и Женеве! Эта нервозная обстановка, когда повсюду мерещатся злые агенты «охранки», хорошо описана в воспоминаниях публициста Владимира Львовича Бурцева (1862-1942): «В начале мая 1890 г. мы выехали в Россию. При отъезде приняли меры предосторожности и не решились сесть в поезд в Париже, а сели на станции Сен-Дени. Нас провожали Кашинцев, Рейнштейн и... Ландезен. Словом, в Париже о нашем отъезде не знал никто, кроме... Рачковского, заведовавшего тогда русским сыском за границей!

...

Под предлогом осмотра ночных фонарей турецкая полиция поместила на пароходе какого-то своего человека, в высшей степени подозрительного на вид. Это был Бинт, агент Рачковского,... А за нами, не отставая от нас, шел какой-то другой пароход. Капитан предполагал, что этому человеку дано было поручение выбросить меня в море, а нас обоих подобрали бы на пароход, следовавший за нами».

Были в активе Рачковского и провокации иного рода — без судов и явных жертв. Так, например, он опубликовал от имени Г. В. Плеханова (эмигрировавшего в 1880 г. в Швейцарию народника, который а 1883 г. основал первую российскую марксистскую организацию — группу

▲ Полицейские чины

«Освобождение труда») «Вынужденное заявление», в котором Плеханов якобы отмежевался от революционной эмиграции, в 1892 г. — ещё одну брошюру с нападками на эмигрантов, которую также многие ошибочно приписали Плеханову — дело в том, что в 1892 г. эмигранты собирали средства для помощи голодающим в России, а сфабрикованное Рачковским обвинение приписывало им разные махинации с этими средствами, чтобы вызвать общественное негодование и внутренние разногласия в среди самих эмигрантов.

Таким образом, деятельность Рачковского служит своего рода маленькой моделью всей политики Александра III — несомненные достижения на фоне дичайшего злоупотребления служебным положением, что при следующем императоре станет нормой и в итоге приведет всю империю к гибели.

В конце хотелось бы поговорить о, если можно так выразиться, конечном результате деятельности полиции. К сентябрю 1883 г. расположенная на острове Ладожского озера Шлиссельбургская крепость, где был с 1869 г. дисциплинарный батальон, была превращена в сугубо политическую тюрьму: старое здание тюрьмы было перестроено на 10 одиночных камер и было возведено новое двухэтажное здание на 40 заключенных, а дисциплинарный батальон был выведен из крепости. Юридически новый статус крепости был окончательно оформлен весной 1884 г. 11 июля 1884 г. прибыли первые жандармы, а 2-4 августе того же 1884 г. в Шлиссельбургскую крепость были переведены заключенные из Алексеевского равелина Петропавловской крепости (21 чел., а всего до 1890 г. туда поступило 56 заключенных, после чего до конца века туда новые заключенные не поступали), после чего равелин уже больше не использовался как тюрьма. А вот Трубецкой бастион Петропавловской крепости использовался в качестве тюрьмы для политзаключенных ещё долго — после Февральской революции там успели посидеть последние царские министры, а до 1922 г. туда помещали тех, кто привлёк внимание Петроградской ЧК.

В 1886 г. политическая каторга появилась на Сахалине (а просто каторга там была введена с 1869 г.). Правда, побывать там успели всего 46 революционеров. Упразднят её только через 20 лет — 10 апреля 1906 года вышел Закон об упразднении сахалинской каторги (совпали два события — общее смягчение законов и захват половины острова Японией в 1905 г.). В 1908 году остров был объявлен свободным для вольного заселения.

Чтобы заключенных было кому доставлять к местам отбывания наказания, вместо подчинявшихся местным властям конвойных команд (появившихся после судебной реформы 1864 г.) 20 января 1886 г. было сформировано 567 конвойных команд, которые комплектовались новобранцами на общем основании с другими родами войск.

Стоит отметить, что изрядную помощь полиции при подготовке судебных процессов и сбору информации оказывали... сами революционеры! Несмотря на то, что ещё в конце 1870-х организация «Земля и воля» обязала своих членов не давать никаких показаний на дознании и следствии, многие проходившие по «делу 20-и» (убийство Александра II) спокойно рассказывали следствию о своей революционной деятельности, а ещё чаще писали подробные автобиографии.

«Положение об охране» от 14 июня 1881 г. свело к минимуму гласность и публичность судопроизводства — так были учтён печальный опыт прошлого царствования, когда политические процессы превращались в место революционной антиправительственной пропаганды.

Согласно закону от 9 августа 1878 г. политические дела рассматривались военными судами (на деле же военные суды рассматривали не все политические дела, а лишь их большая часть — от 61 до 78% в 1879-82 гг.), и как раз статистика подобных судов показывает, что Александру III и его новому карательному аппарату удалось переломить ситуацию в пользу государства: военные суды рассмотрели 48 политических дел с августа 1878 по 1 марта 1881 г. и 45 с 1 марта 1881 г. по 1889 г., т.е. интенсивность снизилась примерно в 3,5 раза.

Отдельно стоит отметить, что Александр III применял смертную казнь гораздо реже, чем его отец — например, в 1883-94 гг. на процессах «Народной воли» к смертной казни приговорили 59 подсудимых, но реально казнили только 12 (лишь каждого пятого), а остальным 47 казнь была заменена каторгой — либо пожизненной («бессрочной»), либо с установленным сроком.

Таким образом, правление Александра III смотрится этаким тихим оазисом между предшествующим и последующим царствованиями — не был убит никто из важных сановников. Исключением может служить Судейкин, но он, во-первых, никак не может быть приравнен к министрам внутренних дел Сипягину и Плеве, шефу корпуса жандармов Мезенцову и уж тем более к императору, а во-вторых, он сам много сделал для того, чтобы закончить жизнь именно так: он был убит не на улице среди бела дня, а сам пошел на конспиративную квартиру, не предупредив никого из своих сотрудников и не обеспечив себе охрану.

Добиться такого относительного «умиротворения» удалось благодаря радикальной реформе имевшегося полицейского аппарата и создания новых структур — в первую очередь, Секретной полиции и Заграничной агентуры. ■

ЗА ЧТО И.В. СТАЛИН ВЫСЕЛИЛ КРЫМСКИХ ТАТАР?

Тема «репрессированных народов» остается благодатным полем для антисталинских спекуляций. Вот типичная цитата, взятая, что характерно, из вузовского учебника:
«Зачем нужно было войскам НКВД и резервным частям советской армии перевозить сотни тысяч невинных людей в необжитые районы, снимая солдат с фронта, занимая тысячи вагонов и забивая железнодорожные пути, до сих пор остается неясным. Вероятно, здесь присутствовала прихоть вождя, получавшего донесения от НКВД об обращениях некоторых представителей национальностей к немецким оккупационным властям с просьбой о предоставлении автономии. Или Сталин рассчитывал одернуть малые народы, чтобы окончательно сломить их стремление к независимости и укрепить свою империю».

Прочтя это, кое-кто из студентов может всерьез решить, что депортации народов во время Великой Отечественной войны были каким-то неслыханным злодеянием, совершенным исключительно «по прихоти вождя». В таком случае вот им пример для сравнения. 19 февраля 1942 года, спустя два с небольшим месяца после начала войны с Японией, президент США Рузвельт подписал указ о выселении из западных штатов всех без исключения лиц японской национальности и размещении их в лагерях в центральной части страны. Согласно этому указу было интернировано около 120 тысяч человек, из которых две трети являлись американскими гражданами, а остальные имели легальный вид на жительство. Одновременно с депортацией этнических японцев, из действующей армии США были уволены все военнослужащие японского происхождения. Однако об этом эпизоде американской истории, особенно примечательном, если вспомнить, что за всю войну на территорию США ни разу не ступала нога вражеского солдата, в нашей стране мало кто знает.

Что же побудило Сталина отдать приказы о выселении «сотен тысяч невинных людей»? Как свидетельствуют архивные документы, у него были достаточно веские причины.

Тема «репрессированных народов» весьма обширна. Пока помещаем материалы по крымским татарам.

▲ Лагерь для депортированных японцев

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Накануне войны крымские татары составляли меньше одной пятой населения полуострова. Вот данные переписи 1939 года:

Русские	558.481	49,6%
Украинцы	154.120	13,7%
Армяне	12.873	1,1%
Татары	**218.179**	**19,4%**
Немцы	51.299	4,6%
Евреи	65.452	5,8%
Болгары	15.353	1,4%
Греки	20.652	1,8%
Прочие	29.276	2,6%
Всего:	**1.126.385**	**100%**

▲ Дружеское рукопожатие

Тем не менее, татарское меньшинство нисколько не было ущемлено в своих правах по отношению к «русскоязычному» населению. Скорее наоборот. Государственными языками Крымской АССР являлись русский и татарский. В основу административного деления автономной республики был положен национальный принцип: в 1930 г. были созданы национальные сельсоветы: русских 207, татарских 144, немецких 37, еврейских 14, болгарских 9, греческих 8, украинских 3, армянских и эстонских — по 2. Кроме того, были организованы национальные районы. В 1930 г. было 7 таких районов: 5 татарских (Судакский, Алуштинский, Бахчисарайский, Ялтинский и Балаклавский), 1 немецкий (Биюк-Онларский, позже Тельманский) и 1 еврейский (Фрайдорфский). Во всех школах дети нацменьшинств учились на своем родном языке.

После начала Великой Отечественной войны многие крымские татары были призваны в Красную Армию. Однако служба их оказалась недолгой. Процитируем докладную записку зам. наркома госбезопасности СССР Б. З. Кобулова и зам. наркома внутренних дел СССР И. А. Серова на имя Л. П. Берии, датированную 22 апреля 1944 г.:

«... Все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар... 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении ее из Крыма...».

Таким образом, дезертирство крымских татар из Красной Армии было практически поголовным. Это подтверждается и данными по отдельным населенным пунктам. Так, в деревне Коуш из 132 призванных в 1941 г. в Красную Армию дезертировали 120 человек.

Затем началось прислужничество немецким оккупантам.

«С первых же дней своего прихода немцы, опираясь на татар-националистов, не грабя их имущество открыто, так, как они поступали с русским населением, старались обеспечить хорошее отношение к себе местного населения», — писал начальник 5-го партизанского района Красников.

Уже в декабре 1941 года немецкое командование приступило к организации так называемых «мусульманских комитетов». Под руководством немцев стали формироваться вооруженные отряды «самообороны». Многие татары использовались в качестве проводников карательных отрядов против партизан. Отдельные отряды посылались на Керченский фронт и частично на Севастопольский участок фронта, где участвовали в боях против Красной Армии. Но больше всего они прославились расправами с мирным населением.

Здесь уместно вспомнить один из основных аргументов защитников «репрессированных народов»: *«Обвинение в предательстве, действительно совершенном отдельными группами крымских татар, было необоснованно распространено на весь крымско-татарский народ»*.

Дескать, не все татары служили немцам, а лишь «отдельные группы», а другие в это время партизанили. Однако в Германии тоже существовало антигитлеровское подполье, так что, теперь немцев записывать

в наши союзники по 2-й мировой? Давайте смотреть конкретные цифры.

«В подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар».

То есть, с учетом сведений, приведенных в процитированной выше записке Кобулова и Серова, практически все крымско-татарское население призывного возраста. Показательно, что это неблаговидное обстоятельство фактически признается в весьма характерном издании *(«Книга составляет документальную историческую основу проводимых в Российской Федерации мер по реабилитации поруганных и наказанных народов»).*

А сколько же крымских татар находилось среди партизан? На 1 июня 1943 г. в крымских партизанских отрядах было 262 человека, из них 145 русских, 67 украинцев и ... 6 татар. На 15 января 1944 г., по данным партийного архива Крымского обкома Компартии Украины, в Крыму насчитывалось 3733 партизана, из них русских — 1944, украинцев — 348, татар — 598. Наконец, согласно справке о партийном, национальном и возрастном составе партизан Крыма на апрель 1944 года, среди партизан было: русских — 2075, татар — 391, украинцев — 356, белорусов — 71, прочих — 754.

Итак, даже если взять максимальную из приведенных цифр — 598, то соотношение татар в немецкой армии и в партизанах будет больше чем 30 к 1.

Весьма интересно также почитать газету «Азат Крым» («Освобожденный Крым»), издававшуюся в оккупированном Крыму с 1942 по 1944 год. Вот некоторые характерные выдержки:

03.03.1942 г.

После того как наши братья-немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья.

10.03.1942 г.

Алушта. На собрании, устроенном мусульманским комитетом, *мусульмане выразили свою благодарность Великому Фюреру Адольфу Гитлеру-эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру-эфенди.*

В этом же номере:

Великому Гитлеру — освободителю всех народов и религий! 2 тысячи татар дер. Коккозы (ныне с. Соколиное Бахчисарайского района) и окрестностей *собрались для молебна... в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву... Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!*

20.03.1942 г.

Совместно со славными братьями-немцами, подоспевшими, чтобы освободить мир Востока, мы, крымские татары, заявляем всему миру, что мы не забыли торжественных обещаний Черчилля в Вашингтоне, его стремления возродить жидовскую власть в Палестине, его желания уничтожить Турцию, захватить Стамбул и Дарданеллы, поднять восстание в Турции и Афганистане и т. д. и т. п. Восток ждет своего освободителя не от солгавшихся демократов и аферистов, а от национал-социалистической партии и от освободителя Адольфа Гитлера. Мы дали клятву идти на жертвы за такую священную к блестящую задачу.

10.04.1942 г.

Из послания А. Гитлеру, принятого на молебне более 500 мусульман г. Карасубазара.

Наш освободитель! Мы только благодаря Вам, Вашей помощи и благодаря смелости и самоотверженности Ваших войск, сумели открыть свои молитвенные дома и совершать в них молебны. Теперь нет и не может быть такой силы, которая отделила бы нас от немецкого народа и от Вас. Татарский народ поклялся и дал слово, записавшись добровольцами в ряды немецких войск, рука об руку с Вашими войсками бороться против врага до последней капли крови. Ваша победа — это победа всего мусульманского мира. Молимся Богу за здоровье Ваших войск и просим Бога дать Вам, великому освободителю народов, долгие годы жизни. Вы теперь есть освободитель, руководитель мусульманского мира — газы Адольф Гитлер.

В этом же номере.

Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру.

Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами великие ***общечеловеческие идеи*** *— уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка.*

Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце — Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом.

Президиум Мусульманского Комитета.

Как мы видим, у Горбачева с его пресловутыми «общечеловеческими ценностями» был достойный предшественник.

После освобождения Крыма советскими войсками наступил час расплаты.

Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину И. В.

10 мая 1944 г.

Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента.

По состоянию на 7 мая с. г. арестовано таких лиц 5381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и винтовочных патронов...

Из частей Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тыс. татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии...

Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работах как в сельском хозяйстве — колхозах, совхозах, так и в промышленности и на строительстве.

Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсуповым.

По предварительным данным, в настоящее время в Крыму насчитывается 140-160 тыс. татарского населения. Операция по выселению будет начата 20-21 мая и закончена 1-го июня. Представляю при этом проект постановления Государственного Комитета Обороны, прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л.Берия

▲ В горном Крыму

Проект

Постановление Государственного Комитета Обороны

Май 1944 г.

ГКО постановляет:

1. Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (тов. Берию) выселение крымских татар закончить до 1 июня 1944 г.

2. Установить следующий порядок и условия выселения:

а) Разрешить спецпоселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

Остающиеся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и молочный скот, а также домашняя птица принимаются Наркоммясомолпромом; вся сельхозпродукция — Наркомзагом СССР; лошади и другой рабочий скот — Наркоммясом СССР; племенной скот — Наркомсовхозом СССР.

Прием скота, зерна, овощей и других видов сельхозпродукции производить с выпиской обменных квитанций на каждый населенный пункт и каждое хозяйство.

Поручить НКВД СССР, Наркомзему, Наркоммясомолпрому, Наркомсовхозу и Наркомзагу СССР с 1 июля с.г. представить в СНК предложения о порядке возврата по обменным квитанциям спецпереселенцам принятого от них скота, домашней птицы, сельскохозяйственной продукции.

б) Для организации приема от спецпереселенцев оставленного ими в местах выселения имущества, скота, зерна и сельхозпродукции командировать на место комиссию СНК СССР в составе: председателя комиссии тов. Гриценко (заместителя председателя СНК РСФСР) и членов комиссии — тов. Крестьянинова (члена коллегии Наркомзема СССР), тов. Надъярных (члена коллегии НКМ и МП), тов. Пустовалова (члена коллегии Наркомзага СССР), тов. Кабанова (зам. народного комиссара совхозов СССР), тов. Гусева (члена коллегии Наркомфина СССР).

Обязать Наркомзем СССР (тов. Бенедиктова), Наркомзаг СССР (тов. Субботина), НКП и МП (тов. Смирнова), Наркомсовхоз СССР (тов. Лобанова) для обеспечения приема от спецпереселенцев скота, зерна и сельхозпродуктов командировать (по согласованию с тов. Гриценко) в Крым необходимое количество работников.

в) Обязать НКПС (тов. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР. Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных.

г) Наркомздраву СССР (тов. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпоселенцев в пути.

д) Наркомторгу СССР (тов. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком. Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты...

3. Обязать секретаря ЦК КП(б) Узбекистана тов. Юсупова, председателя СНК УзССР тов. Абдурахманова и народного комиссара внутренних дел Узбекской СССР тов. Кобулова до 1 июля с.г. провести следующие мероприятия по приему и расселению спецпоселенцев:

а) Принять и расселить в пределах Узбекской ССР 140-160 тыс. человек спецпереселенцев татар, направленных НКВД СССР из Крымской АССР.

Расселение спецпереселенцев произвести в совхозных поселках, существующих колхозах, подсобных сельских хозяйствах предприятий и заводских поселках для использования в сельском хозяйстве и промышленности.

б) В областях расселения спецпереселенцев создать комиссии в составе председателя облисполкома, секретаря обкома и начальника УНКВД, возложив на эти комиссии проведение всех мероприятий, связанных с прямым размещением прибывающих спецпереселенцев.

в) Подготовить гужавтотранспорт для перевозки спецпоселенцев, мобилизовав для этого транспорт любых предприятий и учреждений.

г) Обеспечить наделение прибывающих спецпоселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами.

д) Организовать в районах расселения спецпереселенцев спецкомендатуры НКВД, отнеся содержание их за счет сметы НКВД СССР.

е) ЦК и СНК УзССР к 20 мая с. г. представить в НКВД СССР тов. Берии проект расселения спецпереселенцев по областям и районам с указанием станций разгрузки эшелонов.

4. Обязать Сельхозбанк (тов. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

5. Обязать Наркомзаг СССР (тов. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня-августа с. г. ежемесячно равными количествами... Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня-августа с. г. производить бесплатно, в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот.

6. Обязать НКО (тов. Хрулева) передать в течение мая-июля с. г. для усиления автотранспорта войск НКВД, размещенных гарнизонами в районах расселения спецпереселенцев в Узбекской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР *автомашин «виллис» 100 штук и грузовых 250 штук, вышедших из ремонта.*

7. Обязать Главнефтеснаб (тов. Широкова) выделить и отгрузить до 20 мая 1944 г. в пункты по указанию НКВД СССР автобензина 400 т и в распоряжение СНК Узбекской ССР — 200 т. Поставки автобензина произвести за счет равномерного сокращения поставок всем остальным потребителям.

8. Обязать Главснаблес СНК СССР (тов. Лопухова) за счет сбыта ресурсов поставить НКПС 75 000 вагонных досок по 2,75 м каждая с поставкой их до 15 мая с. г.; перевозку досок НКПС произвести своими средствами.

9. Наркомфину СССР (тов. Звереву) отпустить НКВД СССР в мае с. г. из резервного фонда СНК СССР на проведение специальных мероприятий 30 млн. рублей.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин

2 апреля и 11 мая 1944 года ГКО принял постановления № 5943сс и № 5859сс о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР.

Операция была проведена быстро и решительно. Выселение началось 18 мая, а уже 20 мая Серов и Кобулов докладывали:

Телеграмма на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии

20 мая 1944 г.

Настоящим докладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая с.г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов. Выселено всего 180014 чел., погружено в 67 эшелонов, из которых 63 эшелона численностью 173.287 чел. отправлены к местам назначения, остальные 4 эшелона будут также отправлены сегодня.

Кроме того, райвоенкомы Крыма мобилизовали 6000 татар призывного возраста, которые по нарядам Главупраформа Красной Армии направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев.

Из числа направляемых по Вашему указанию в распоряжение треста «Московуголь» 8000 человек спецконтингента 5000 чел. также составляют татары.

Таким образом, из Крымской АССР вывезено 191.044 лиц татарской национальности.

В ходе выселения татар арестовано антисоветских элементов 1137 чел., а всего за время операции - 5989 чел.

Изъято оружия в ходе выселения: минометов - 10, пулеметов - 173, автоматов - 192, винтовок - 2650, боеприпасов - 46.603 шт.

Всего за время операции изъято: минометов - 49, пулеметов - 622, автоматов - 724, винтовок - 9888 и боепатронов - 326.887 шт.

При проведении операции никаких эксцессов не имело места.

Серов

Кобулов

▲ Крымские татары — члены легиона СС

▲ Муфтий Амин аль-Хусейни в дивизии СС Ханджар

Помимо татар, из Крыма были выселены болгары, греки, армяне и лица иностранного подданства. Необходимость этого шага обосновывалась следующим документом:

И. В. Сталину

29 мая 1944 г.

После выселения крымских татар в Крыму продолжается работа по выявлению и изъятию органами НКВД СССР антисоветского элемента, проческа и пр. На территории Крыма учтено проживающих в настоящее время болгар — 12075, греков — 14300, армян — 9919 чел.

Болгарское население проживает большей частью в населенных пунктах между Симферополем и Феодосией, а также в районе Джанкоя. Имеется до 10 сельсоветов с населением в каждом от 80 до 100 жителей-болгар.

В период немецкой оккупации значительная часть болгарского населения активно участвовала в проводимых немцами мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии, содействовала германским военным властям в выявлении и задержании военнослужащих Красной Армии и советских партизан, получала «охранные свидетельства» от германского командования.

Немцами организовывались полицейские отряды из болгар, а также проводилась среди болгарского населения вербовка для посылки на работу в Германию.

Греческое население проживает в большинстве районов Крыма. Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. д.

Армянское население проживает в большинстве районов Крыма. Крупных населённых пунктов с армянским населением нет. Организованный немцами Армянский комитет активно сотрудничал с немцами и проводил большую антисоветскую работу.

В гор. Симферополе существовала немецкая разведывательная организация «Дромедар», возглавляемая бывшим дашнакским генералом Дро, который руководил разведывательной работой против Красной Армии и в этих целях создал несколько армянских комитетов для шпионской и подрывной работы в тылу Красной Армии и для содействия организации добровольческих армянских легионов.

Армянские национальные комитеты при активном участии прибывших из Берлина и Стамбула эмигрантов проводили работу по пропаганде «независимой Армении».

Существовали так называемые «армянские религиозные общины», которые, кроме религиозных и политических вопросов, занимались организацией среди армян торговли и мелкой промышленности. Эти организации оказывали немцам помощь, особенно «путем сбора средств» на военные нужды Германии.

Армянскими организациями был сформирован так называемый «Армянский легион», который содержался за счет средств армянских общин.

НКВД считает целесообразным провести выселение с территории Крыма всех болгар, греков, армян.

Л. Берия

Подводя итоги операций по выселению из Крыма, Берия докладывал Сталину:

Государственный Комитет Обороны товарищу Сталину И. В.

5 июля 1944 г.

Во исполнение Вашего указания НКВД-НКГБ СССР в период с апреля по июль 1944 г. была проведена очистка территории Крыма от антисоветского шпионского элемента, а также выселены в восточные районы Советского Союза крымские татары, болгары, греки, армяне и лица иностранного подданства. В результате мер изъяты антисоветские элементы 7.883 чел., шпионов — 998 чел., выселено спецконтингента — 225.009 чел., изъято нелегально хранящегося у населения оружия 15.990 единиц, в том числе 716 пулеметов, боеприпасов — 5 млн. штук.

В операциях по Крыму участвовали 23.000 бойцов и офицеров войск НКВД и до 9000 человек оперативного состава органов НКВД-НКГБ.

Л. Берия

Согласно общепринятому мнению, выселению подверглись все без исключения крымские татары, в том числе и те, кто честно воевал в Красной Армии или в партизанских отрядах. На самом деле это не так:

«От статуса «спецпоселенец» освобождались и участники крымского подполья, действовавшие в тылу врага, члены их семей. Так, была освобождена семья С. С. Усеинова, который в период оккупации Крыма находился в Симферополе, состоял с декабря 1942 г. по март 1943 г. членом подпольной патриотической группы, затем был арестован гитлеровцами и расстрелян. Членам семьи было разрешено проживание в Симферополе».

«... Крымские татары-фронтовики сразу же обращались с прось-

бой освободить от спецпоселений их родственников. Такие обращения направляли зам. командира 2-й авиационной эскадрильи 1-го истребительного авиационного полка Высшей офицерской школы воздушного боя капитан Э. У. Чалбаш, майор бронетанковых войск Х. Чалбаш и многие другие... Зачастую просьбы такого характера удовлетворялись, в частности, семье Э. Чалбаша разрешили проживание в Херсонской области».

Освобождались от выселения и женщины, вышедшие замуж за русских:

Донесение на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии

1 августа 1944 г.

При переселении из Крыма имели место случаи выселения женщин по национальности татарок, армянок, гречанок и болгарок, мужья которых являются по национальности русскими и оставлены на жительство в Крыму или находятся в Красной Армии.

Считаем целесообразным таких женщин при отсутствии на них компрометирующих данных из спецпоселения освободить.

Просим Вашего указания.

В. Чернышов
М. М. Кузнецов

В заключение дадим еще одну цитату:

«Причерноморских греков выселили, а приазовских — оставили. Депортировали армян из Крыма, но Республику Армения не ликвидировали же. Собственно антитатарской, антиармянской, антигреческой пропаганды не велось, как это делали фашисты с их расовой теорией и их пособники-этнократы. Сталинский режим исходил из собственных представлений о национальной безопасности и геостратегических интересах страны».

Добавим, что, исходя из этих представлений, «сталинский режим» сумел выиграть войну с сильнейшим противником, отстоять независимость и территориальную целостность нашей страны. ■

▲ Добровольцы

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

о мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников

19 апреля 1943 г. Не для печати

Москва, Кремль

В освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков городах и селах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками Родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем, ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям.

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена Родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. *Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение.*

2. *Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.*

3. *Рассмотрение дел о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирным советским населением и пленными красноармейцами, а также о шпионах, изменниках Родины из числа советских граждан и о их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части (члены суда), с участием прокурора дивизии.*

4. *Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно.*

5. *Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях — повешение осужденных к смертной казни — производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою Родину.*

Председатель Президиума Верховного Совета СССР ***М. Калинин***

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР ***А. Горкин***

ГАРФ, Ф. Р-7523, Оп. 4, Д. 164, Л. 118–120, подлинник.

ПОГРАНИЧНЫЕ ВОЙСКА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

▲ Вероломное нападение фашистов. Государственная граница СССР

Великая Отечественная война 1941-1945 годов явилась суровой проверкой прочности общественного и государственного строя, экономического развития страны и боевого могущества Вооруженных Сил СССР. Немалый вклад в победу над врагом внесли и воины-пограничники. Они первыми вступили в смертельную схватку с фашистскими захватчиками и мужественно защищали нашу Родину, отстаивая каждую пядь советской земли.

Основное предназначение Пограничных войск любого государства — охрана его государственной границы, обеспечение его суверенитета на сухопутных, речных участках и в территориальных водах на море, основанного на международных правовых документах. В некоторых государствах они имеют иное название: пограничная охрана, пограничная стража, пограничная полиция, но сущность этих формирований одинакова.

В июне 1941 года Пограничные войска СССР являлись составной частью Советских Вооруженных Сил. Круг задач, решаемых Пограничными войсками, определялся законодательством страны, а правовое положение регламентировалось Законом СССР о всеобщей воинской обязанности, положением о прохождении военной службы, уставами и наставлениями Красной Армии и Военно-Морского Флота.

В мирное время руководство Пограничными войсками осуществлял Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР, а в случае военного нападения внешнего противника и возникновения военных действий на каком то направлении, пограничные части, охраняющие государственную границу на этом направлении, по решению Правительства СССР, передавались в подчинение командующему Фронтом (Армией).

Непосредственное руководство Пограничными войсками осуществляло Главное Управление пограничных войск НКВД СССР. Начальником Пограничных войск был генерал-лейтенант Соколов Григорий Григорьевич.

Организационно Пограничные войска состояли из пограничных округов, пограничных отрядов, пограничных комендатур, отдельных отрядов морских пограничных судов, отдельных авиационных эскадрилий и других частей. Непосредственную охрану сухопутных участков границы и побережья морей, рек и озер осуществляли пограничные заставы — основное подразделение Пограничных войск. Охрана советского побережья морей Тихого океана осуществлялась пограничными постами.

Комплектование личным составом осуществлялось из всех республик СССР. Младший начальствующий состав и красноармейцы призывались в возрасте 20 лет на 3 года (в морских частях служили 4 года). Кадры начальствующего состава для Пограничных войск готовили десять пограничных училищ (школ), Ленинградское военно-морское училище, Высшая школа НКВД, а также Военная Академия имени М. В. Фрунзе и Военно-политическая академия имени В. И. Ленина. Младший начальствующий состав готовился в окружных и отрядных школах МНС, красноармейцы — на временных учебных пунктах при каждом погранотряде или отдельной пограничной части, а морские специалисты обучались в двух учебных пограничных морских отрядах.

В 1939 — 1941 годах при укомплектовании пограничных частей и подразделений на западном участке границы, руководство Пограничных войск стремилось назначать на командные должности в пограничных отрядах и комендатурах лиц среднего и старшего начальствующего состава имеющих опыт службы, особенно участников боевых действий на Халхин-Голе и на границе с Финляндией. Сложнее было укомплектовывать начальствующим составом пограничные и резервные заставы. К началу 1941 года количество пограничных застав удвоилось, а пограничные училища не могли сразу обеспечить резко возросшую потребность в среднем начальствующем составе, поэтому осенью 1939 года были организованы курсы ускоренной подготовки командования застав из младшего начальствующего состава и красноармейцев третьего года службы, причем преимущество предоставлялось лицам имеющим боевой опыт. Все это позволило к 1 января 1941 года полностью укомплектовать все пограничные и резервные заставы по штату.

В июне 1941 года Пограничные войска СССР состояли из 18 пограничных округов, включающих 94 пограничных отрядов, 8 отдельных отрядов пограничных судов, 23 отдельных пограничных комендатур, 10 отдельных авиаэскадрилий, 2 кавалерийских полков. Общая численность погранвойск составляла 168 135 человек, 11 сторожевых кораблей, 223 сторожевых катера, 180 рейдовых и вспомогательных катеров (всего 414 единиц) и 129 самолетов.

В целях подготовки к отражению агрессии фашистской Германии, Правительство СССР повысило плотность охраны западного участка государственной границы страны: от Баренцева моря до Черного моря. Этот участок охранялся 8 пограничными округами, включающими 49 пограничных отрядов, 7 отрядов пограничных судов, 10 отдельных пограничных комендатур и три отдельные авиаэ-

скадрильи. Общая численность 87 459 человек, из которых 80% личного состава находились непосредственно на государственной границе, в том числе на советско-германской границе — 40 963 советских пограничника. Из 1 747 пограничных застав, охранявших государственную границу СССР, 715 — находись на западной границе страны.

Организационно пограничные отряды состояли из 4 пограничных комендатур (в каждой 4 линейные заставы и одна резервная застава), маневренной группы (отрядной резерв из четырех застав, общей численностью 200 — 250 человек), школы младшего начальствующего состава — 100 человек, штаба, разведотделения, политоргана и тыла. Всего в отряде было до 2000 пограничников. Пограничный отряд охранял сухопутный участок границы протяженностью до 180 километров, на морском побережье — до 450 километров.

Пограничные заставы в июне 1941 года были штатной численностью 42 и 64 человека в зависимости от конкретных условий местности и других условий обстановки. На заставе численностью 42 человека находились начальник заставы и его заместитель, старшина заставы и 4 командира отделений. Её вооружение состояло из одного станкового пулемета Максима, трех ручных пулеметов Дегтярева и 37 пятизарядных винтовок образца 1891/30 года. Боезапас заставы составлял: патронов калибра 7,62 мм — по 200 штук на каждую винтовку и по 1600 штук на каждый ручной пулемет, 2400 штук на станковый пулемет, ручных гранат РГД — по 4 штуки на каждого пограничника и 10 противотанковых гранат на всю заставу. Эффективная дальность стрельбы винтовок — до 400 метров, пулеметов — до 600 метров.

На погранзаставе численностью 64 человека находились начальник заставы и два его заместителя, старшина и 7 командиров отделений. Её вооружение: два станковых пулемета Максима, четыре ручных пулемета и 56 винтовок. Соответственно, количество боеприпасов было больше. По решению начальника пограничного отряда на заставы, где складывалась наиболее угрожаемая обстановка, количество патронов было увеличено в полтора раза, но последующее развитие событий показало, что и этого запаса хватало всего на 1 — 2 дня оборонительных действий. Единственным техническим средством связи заставы был полевой телефон. Транспортным средством были две пароконные повозки.

На 22 июня начальники застав имели опыт службы в занимаемой должности до двух лет, их заместители — не менее года, а личный состав 1, 2, 3 года службы по одной трети численности, примерно в равных долях. Причем красноармейцы — первогодки уже прослужили на заставе около 7 месяцев.

В целях постоянного повышения боевого мастерства на заставах проводились плановые занятия по пограничной службе, огневой подготовке, тактике ведения оборонительного и наступательного боя в составе отделения и заставы, из расчета 10 часов в неделю, занятия по политиче-

▲ Боевая задача

▲ В засаде

ской подготовке — 4 часа в неделю, а также еженедельные тренировки в сборе по тревоге. Большое положительное влияние на формирование у каждого пограничника сознательного отношения к повышению своего служебного и боевого мастерства оказывали общественные организации заставы: общие собрания личного состава заставы, первичная комсомольская организация, совет старших пограничных нарядов, редакция стенной газеты. Первичные организации ВКП(б) были в пограничных комендатурах, с включением коммунистов застав, и в пограничных отрядах. На некоторых пограничных заставах были первичные организации ВКП(б) из 4-5 коммунистов.

На собраниях личного состава, на комсомольских и партийных собраниях ставились и обсуждались вопросы повышения качества службы и боевой подготовки, укрепления воинской дисциплины и другие вопросы службы, учебы и быта пограничников и политической обстановки на границе.

Призванный на службу из разных районов СССР, личный состав был удивлен бедностью и забитостью местного населения районов Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии, еще недавно находившихся под властью Польши и Румынии. Такую же бедность и бесправие пограничники наблюдали на сопредельной территории в Польше, Венгрии и Румынии. Увиденное они сравнивали с условиями жизни в СССР и гордились своей социалистической Родиной.

Все это обеспечивало высокое политико-моральное состояние личного состава застав, комендатур и отрядов.

Поскольку Пограничные войска во время службы постоянно встречали на границе различных нарушителей, в том числе и вооруженных и в составе групп, с которыми часто приходилось вести бой, то степень подготовленности всех категорий пограничников была хорошая, а боеготовность таких подразделений, как пограничная застава и пограничный пост, корабль, была фактически постоянно полная.

В апреле 1941 года в пограничные округа на западной границе СССР стали поступать ротные минометы (РМ50) — 357 штук, 3517 пистолетов-пулеметов Дегтярева и 18 противотанковых ружей, которые, во-первых, не были освоены пограничниками и, во-вторых, не существенно усилили боевые возможности погранзастав.

Каждой пограничной заставе определялся для несения круглосуточной службы постоянный участок государственной границы протяженностью 6 — 8 километров, в зависимости от конкретных условий обстановки. Боевая задача заставе ставилась начальником пограничного отряда два раза в году: на весенне-летний и осенне-зимний периоды года. Она определяла порядок охраны границы, порядок действий при задержании одиночных нарушителей границы и групп нарушителей, порядок действий при пресечении вооруженных провокаций противника и в случае агрессии. При этом обязательно организовывалось взаимодействие между соседними пограничными заставами, как в условиях повседневной охраны границы, так и при обострении обстановки. Связь взаимодействия осуществлялась установленными сигналами, подаваемыми сигнальными ракетами либо выстрелами из винтовки. При резком изменении обстановки боевая задача заставе уточнялась дополнительными распоряжениями.

Таким образом, состав и вооружение пограничной заставы позволял ей вести борьбу преимущественно с одиночными нарушителями границы, малочисленными диверсионно — разведывательными группами и небольшими подразделениями противника (от отделения до двух взводов пехотной роты).

Пограничные заставы включались в состав пограничных комендатур (по 4 заставы). Пограничная комендатура, как подразделение пограничного отряда, обеспечивала охрану границы на участке до 50 километров и осуществляла непосредственное руководство пограничными заставами. В качестве боевого резерва коменданта пограничной комендатуры в её составе имелась резервная застава численностью 42 человека, которая была вооружена 2 станковыми пулеметами, 4 ручными пулеметами, 34 винтовками. Она имела увеличенный боезапас, грузовой автомобиль или 2 — 3 пароконные повозки.

Основным организатором службы на заставе являлся начальник заставы, который на основе поставленной боевой задачи оценивал реальную обстановку и принимал решение на охрану границы на каждые сутки, распределял личный состав по нарядам на службу, организовывал взаимодействие нарядов и проверку несения ими службы, решал хозяйственные и бытовые вопросы. При этом в пределах поставленной боевой задачи он обладал большой самостоятельностью. Поскольку ближайший начальник — комендант — бывал на заставе 1-2 раза в неделю, то у начальников застав выработалась привычка к самостоятельности действий и инициативе в работе.

Непосредственная охрана границы на участке заставы осуществлялась пограничными нарядами. Боевая задача каждому пограничному наряду ставилась начальником заставы либо другим командиром по поручению начальника заставы. В светлое время суток граница охранялась путем визуального наблюдения с одной — двух наблюдательных вышек или скрытно с замаскированных пунктов наблюдения. Ночью и в тумане от заставы высылались пешие дозоры в составе 3 — 5 пограничников со служебной собакой для осмотра местности, а на направлениях вероятного движения нарушителей границы выставлялись секреты из 3 — 4 пограничников. Кроме того, для оказания помощи пограничным нарядам, находившимся на службе, на заставе из остального личного состава в полной боевой готовности создавалась тревожная группа (7 — 10 пограничников во главе с командиром отделения или заместителем начальника заставы), состав которой менялся через три часа. Военный городок каждой пограничной заставы круглосуточно охранялся часовыми. Для подготовки пограничных нарядов к службе, для контроля выполнения распорядка дня на заставе, поддержания связи с погранарядами, с дежурным по комендатуре и с соседними заставами, назначался дежурный по заставе из числа командиров отделения или красноармейцев 2 — 3 года службы. Ежесуточная служебная нагрузка на каждого пограничника в мае — июне 1941 года достигала 12 часов. Связь между заставой и пограничными нарядами осуществлялась условными сигналами, подаваемыми сигнальными ракетами или выстрелами из винтовки.

Каждый пограничный наряд возглавлялся "старшим наряда" из числа командиров отделений или опытных красноармейцев 2 — 3 года службы. Таким образом, особенности пограничной службы вызывали необходимость иметь, кроме штатных командиров отделений, группу красноармейцев (до 20 % численности заставы) обученных руководству составом наряда, как в различных условиях охраны границы, так и при бое с нарушителями границы. Командиры отделений имели опыт руководства заставой в качестве дежурного по заставе либо старшего тревожной группы. Всё это впоследствии положительно сказалось на устойчивости управления боем пограничных

▲ КПП

застав с фашистскими агрессорами, когда взамен погибшего командира его обязанности выполнял красноармеец.

Осенью 1939 года, после присоединения к СССР западных районов Белоруссии, Украины, Бессарабии и формирования государственной границы с Германией, пограничные заставы первоначально размещались в палатках, а затем для них решением местных органов советской власти стали выделять кирпичные и деревянные дома, оставленные хозяевами, эмигрировавшими за границу. Кроме того, по решению руководства НКВД строились деревянные казармы по стандартным проектам из щитовых блоков. Территория заставы огораживалась деревянным, глиняным, редко кирпичным забором, в которых вырезались бойницы. На территории заставы находилось жилое помещение для личного состава, дом для семей командования, конюшня, склады и баня, которые готовились к оборонительному бою. Кроме того, вблизи городка заставы был подготовлен взводный опорный пункт с позициями для пулеметов, окопами для стрелков, блиндажами для укрытия людей и боеприпасов. Для пограничных нарядов на охраняемом участке были подготовлены окопы на стрелковое отделение. Сооружения для несения службы и ведения обороны строились силами личного состава заставы и обязательно маскировались под условия местности.

Начальники пограничных застав два раза в сутки докладывали в штаб пограничной комендатуры об итогах службы и об обстановке на охраняемом участке, а при обнаружении нарушителей границы, возникновении каких-либо необычных явлений на охраняемом участке либо на сопредельной территории — докладывалось немедленно. При необходимости, начальник заставы своим решением поднимал заставу по боевой или учебной тревоге, с последующим докладом командованию погранкомендатуры.

Таким образом, приготовления войск фашистской Германии были

▲ Государственная граница СССР

под постоянным визуальным наблюдением пограничников застав, которые отчетливо понимали, что противник готовится к нападению на СССР. О надвигающейся военной опасности знало командование пограничных отрядов, пограничных округов, командование Главного Управления пограничных войск и руководство НКВД. С 15 по 20 июня 1941 года пограничники фиксировали подвоз немецкими и румынскими военнослужащими к государственной границе и установку на огневые позиции артиллерии и складирование снарядов, шум многочисленных танковых моторов, работу офицерских рекогносцировочных групп, подвоз переправочных средств, отселение от границы местного гражданского населения. Обвинить кого-либо из пограничников в неправильной оценке действий германских войск было невозможно, поскольку любой начальник мог сам убедиться в достоверности докладов погранарядов, поднявшись на наблюдательную вышку любой заставы.

Убедительным фактом нарастания военной опасности явилась активизация нарушения государственной границы СССР отдельными лицами и группами лиц с сопредельной территории. С 1 января по 10 июня 1941 года пограничниками западных пограничных округов было задержано 2 080 нарушителей границы, причем отмечалось увеличение случаев таких нарушений по сравнению с 1940 годом и увеличение количества открытых провокационных действий, попыток групповых нарушений границы СССР, с применением огнестрельного оружия. Среди задержанных нарушителей были выявлены германские агенты и диверсанты, которые не скрывали, что получили боевое задание для подготовки условий успешного вторжения германских войск на территорию СССР. К сожалению, вследствие нехватки сил, пограничникам не всегда удавалось обнаружить и задержать нарушителей границы, которые прорывались вглубь советской территории и осуществляли свою враждебную деятельность, особенно активизировавшись 21 июня 1941 года.

По интенсивности заброски агентуры и диверсионных групп стало возможным определить вероятные направления главных ударов германских войск с началом войны.

Командование пограничных округов постоянно информирова-

ло об обстановке на государственной границе и на сопредельной территории штабы соседних Армий и республиканский (областной) орган НКВД. Поэтому в начале июня 1941 года на позиции, находящиеся в 3 — 5 километрах от государственной границы, были выдвинуты отдельные стрелковые роты и стрелковые батальоны Красной Армии, выполнявших задачу оперативного прикрытия. Личный состав укрепрайонов приступил к боевому дежурству. Пограничники, получив полный боекомплект патронов и ручных гранат, на службу выходили в стальных касках, а в часы отдыха спали, не снимая верхней одежды и имея свое оружие рядом с койкой. Командиры круглосуточно находились на заставах,

понимая, что войну предотвратить невозможно, военно-политическое руководство СССР стремилось исключить втягивание Советских Вооруженных Сил в организуемые фашистами многочисленные провокации на границе, с тем, что бы провокаторы из ведомства Геббельса не могли обвинить нашу страну в агрессии и тем самым оправдать в глазах мировой общественности нападение германских армий под видом вынужденной защиты. Именно поэтому в приказах НКВД пограничникам вводились ограничения при применении оружия против нарушителей границы, запрещалось стрелять по немецким самолетам, залетающим на советскую территорию. Всю тяжесть борьбы с вооруженными бандами и разведывательно-диверсионными отрядами противника, с боями прорывавшимся в глубь советской территории, разрешалось вести исключительно силами пограничных застав и резервов пограничных отрядов, не взирая на недостаток сил и средств. Все эти ограничительные приказы создавали дополнительные трудности пограничной службы, но последующее развитие событий показало верность избранной политической позиции Советского Правительства. После нападения фашистской Германии мировая общественность признала и осудила это как агрессию, а СССР пострадавшей стороной, что в последующем стало основой для формирования антигитлеровской коалиции.

Политорганы в часы плановых политзанятий разъясняли пограничникам политику Советского Правительства, регулярно проводили политинформации о текущих событиях, организовывали коллективное слушание последних известий по радиоприемникам и читку газет. Были проведены занятия и тренировки с выходом в опорные пункты, для отражения провокаций противника.

В начале июня во всех подразделениях были проведены открытые комсомольские и партийные собрания первичных организаций с основным вопросом о повышении политической бдительности и боеготовности к отражению военно-политических провокаций противника на государственной границе. Понимая, что родственники обеспокоены сложившейся военно-политической обстановкой и желая их ободрить,

▲ Пограничные войска

все пограничники написали и отправили родным и знакомым письма о своей благополучной службе.

Проводимые мероприятия укрепляли политико-моральное состояние личного состава застав, комендатур и отрядов, их готовность к отражению возможного нападения противника. Пограничники осознанно ожидали нападения врага, но у них не было чувства обреченности, а наоборот уверенность в своих силах и стремление победить агрессора. Практика службы в июне 1941 года показала, что в условиях значительно возросшей активности нарушителей, пограничники решительно противостояли врагу.

Боевые действия немецко-фашистской коалиции против СССР развивались поэтапно: 22 июня начала войну Германия, к ней присоединились войска Румынии и Венгрии, 29 июня вступила в войну Финляндия.

Восстановлению общей обстановки и развитие событий на западном участке государственной границы СССР в 1941 году, способствовали исторические исследования, проведенные в 1970 — 1975 годах профессором Военной академии имени М.В. Фрунзе, доктором военных наук генерал-майором Сечкиным Г.П., который сам был участником первых боев на границе. Кроме того, о боях 22 июня 1941 года рассказали ветераны-пограничники, участники этих боев.

В 4 часа по московскому времени 22 июня 1941 года Германская авиация и артиллерия одновременно на всем протяжении государственной границы СССР от Балтийского до Черного морей нанесли массированные огневые удары по военным и промышленным объектам, железнодорожным узлам, аэродромам и морским портам на территории СССР на глубину 250 — 300 километров от государственной границы. Армады фашистских самолетов сбрасывали бомбы на мирные города Прибалтийских республик, Белоруссии, Украины, Молдавии и Крыма. Пограничные корабли и катера, вместе с другими судами Балтийского и Черноморского Флотов, своим зенитным вооружением вступили в борьбу с вражеской авиацией.

▲ Бой на границе

В числе объектов, по которым противник наносил огневые удары, были позиции войск прикрытия и места дислокации Красной Армии, а также военные городки пограничных отрядов и комендатур. В результате артиллерийской подготовки противника, продолжавшейся на различных участках от одного до полутора часов, подразделения и части войск прикрытия и подразделений погранотрядов понесли потери в живой силе и технике. Кратковременный, но мощный артиллерийский удар противник нанес по городкам пограничных застав, вследствие чего, все деревянные здания были разрушены или охвачены огнем, в значительной части были разрушены оборонительные сооружения, построенные вблизи городков пограничных застав, появились первые раненые и убитые пограничники.

В ночь на 22 июня немецкие диверсанты повредили почти все линии проводной связи, что нарушило управление пограничными подразделениями и войсками Красной Армии.

Вслед за ударами авиации и артиллерии, германское верховное командование двинуло свои войска вторжения на фронте 1 500 километров от Балтийского моря до Карпатских гор, имея в первом эшелоне 14 танковых, 10 механизированных и 75 пехотных дивизий общей численностью 1 миллион 900 тысяч военнослужащих, оснащенных 2 500 танками, 33 тысячами орудий и минометов, при поддержке 1 200 бомбардировщиков и 700 истребителей.

К моменту вражеского нападения на государственной границе находились только пограничные заставы и за ними в 3 — 5 километрах — отдельные стрелковые роты и стрелковые батальоны войск, выполнявших задачу оперативного прикрытия, а также оборонительные сооружения укрепрайонов. Дивизии первых эшелонов армий прикрытия находились в районах, удаленных от назначенных им рубежей развертывания в 8 — 20 километрах, что не позволило им своевременно развернуться в боевой порядок и вынуждало вступать в бой с агрессором разрозненно, по частям, не организованно и с большими потерями в личном составе и боевой техники.

Начались приграничные сражения, события которых многократно освещались в мемуарной и научно-исследовательской исторической литературе. К сожалению, в наше время все еще находятся зарубежные и доморощенные "историки" и "писатели", которые ссылаясь на какие-то "вновь выявленные обстоятельства", пытаются переиначить события июня 1941 года, излагать их исключительно в негативной трактовке и во всем обвинять военно-политическое руководство СССР, сосредоточивая основной удар по И. В. Сталину. Моя цель, не вступая в полемику с хулителями советской истории и не пересказывая хорошо известные события тех дней, рассказать о мужестве и героизме советских пограничников, смело вступившим в бой с врагом, многократно превосходящим их по численности и средствам боевого поражения. В этих первых боях на границе весь личный состав пограничных застав, комендатур и отрядов проявил массовый героизм, стойкость и высокое боевое мастерство.

Участие пограничников в сражениях в приграничных районах можно разделить на два периода. Первый включал боевые действия рассредоточенных застав в непосредственной близости от государственной границы. Продолжался этот период с начала артиллерийской и авиационной подготовки противника до момента отхода пограничников на рубеж обороны войск прикрытия.

Второй период включал в себя боевые действия пограничных частей после отхода их на рубеж обороны войск прикрытия в условиях, когда пограничные подразделения были сосредоточены при штабах пограничных комендатур и отрядов и находились в оперативном подчинении командиров соединений Красной Армии.

Ход боевых действий пограничных застав и их результаты были различными. При анализе действий пограничников обязательно необходимо учитывать конкретные условия, в которых оказалась каждая застава 22 июня 1941 года. Они зависели в значительной степени от состава передовых подразделений противника, атаковавших заставу, а также от характера местности, по которой проходила граница и направлений действий ударных группировок германской армии. Так, например, участок государственной границы с Восточной Пруссией проходил по равнине с большим количеством дорог, без речных преград. Именно на этом участке развернулась и наносила удар мощная немецкая группа армий "Север". А на южном участке советско-германского фронта, где возвышались Карпатские горы и протекали реки Сан, Днестр, Прут, Дунай, действия крупных группировок войск противника были затруднены, а условия для обороны пограничных застав — благоприятные.

▲ На заставе

▲ На пограничном рубеже

Кроме того, если застава размещалась в кирпичном здании, а не в деревянном, то её оборонительные возможности значительно повышались. Необходимо учитывать, что в густонаселенных районах, с хорошо освоенными сельским хозяйством земельными участками, построить взводный опорный пункт для заставы составлял большие организационные сложности, а поэтому приходилось приспособлять для обороны помещения и строить вблизи заставы крытые огневые точки.

В последнюю ночь перед войной пограничные части западных пограничных округов осуществляли усиленную охрану государственной границы. Часть личного состава пограничных застав находилась на участке границы в пограничных нарядах, основной состав во взводных опорных пунктах, несколько пограничников оставались в помещениях застав для их охраны. Личный состав резервных подразделений пограничных комендатур и отрядов находился в помещениях по месту своей постоянной дислокации. Для командиров и красноармейцев, видевшим сосредоточение вражеских войск, неожиданным было не само нападение, а та мощность и жестокость авиационного налета и ударов артил-лерии, а так же массовость движущейся и стреляющей бронетехники. Среди пограничников паники, суеты и бесцельной стрельбы не было. Случилось то, что ожидали целый месяц. Безусловно, потери были, но не от паники и трусости.

Некоторые авторы статей о событиях того времени ставят в вину начальникам пограничных округов и отрядов то, что они не дали команду на перемещение застав в опорные пункты, вследствие чего от артиллерийского огня погибли пограничники. В качестве положительного примера ими приводится решение начальника Таурагского пограничного отряда подполковника Головкина, который в первой половине ночи с 21 на 22 июня приказал всем подразделениям отряда занять опорные пункты и, поэтому, потери в личном составе от ударов артиллерии противника были значительно меньше, чем в соседних пограничных отрядах. Я нисколько не хочу уменьшить значение принятого начальником решения, которое, скорее всего, не указывало заставам занять опорные пункты, а легализировало тот факт, что все заставы уже давно находились в опорных пунктах.

По мнению таких авторов, начальники пограничных застав в июне 1941 были настолько наивными, что, видя в нескольких сотнях метров противника, готового нанести смертельный удар, пассивно ожидали команду старшего начальника на выход в опорные пункты, построенные для защиты и оборонительного боя недалеко от городка заставы. Эти авторы забывают, что начальник любой заставы всегда имел и имеет в настоящее время право поднять личный состав заставы по тревоге, с последующим докладом об этом своему старшему начальнику. В условиях смертельной опасности именно так и поступило подавляющее большинство, а, скорее всего все, начальники застав, выведя личный состав в опорные пункты до начала боевых действий. Доложить об этом они не смогли из-за повреждения телефонной связи вражескими диверсантами.

После артиллерийской и авиационной подготовки в полосе Северо-Западного и Западного фронтов пехота и танки противника перешли в наступление. На левом крыле Западного и в полосе Юго-Западного фронта противник приступил к форсированию рек Западный Буг, Сан и Прут одновременно с началом артиллерийской подготовки.

Немецкое командование для нанесения сокрушительного первого удара и морального подавления военнослужащих войск прикрытия Красной Армии использовало в первом эшелоне большую часть своих сил и средств, для чего были созданы четыре ударные группировки, основу которых составляли танковые группы. Так, например, группа армий "Север" в составе 4-й танковой группы, 16 и 18 полевых армий наступала на фронте 40 километров, имея в первом эшелоне три танковые дивизии (600 танков) и две пехотные дивизии.

Левофланговая ударная группировка группа армий "Центр", включавшая в свой состав 3-ю танковую группу и 9 полевую армию, наступала на фронте 50 километров, имея в первом эшелоне оперативного

построения три танковых дивизии (600 танков) и две пехотные дивизии. Правофланговая ударная группировка ГА "Центр", состоящая из 2-й танковой группы и 4 — ой полевой армии, наступала на фронте 70 километров, имея в первом эшелоне оперативного построения четыре танковых (800 танков) и три пехотные дивизии. Группа армий "Юг", включавшая в свой состав 1-ю танковую группу и 6 полевую армию, наступала на фронте 65 километров, имея в первом эшелоне оперативного построения одну танковую (200 танков) и шесть пехотных дивизий.

Все дивизии наступали на фронте 6 — 8 километров (то есть на участке границы, охраняемой одной пограничной заставой). Для создания подавляющего большинства и психологического воздействия, немецкое командование включило в состав танковых дивизий все имеющиеся танки и танкетки, в том числе и устаревшего образца, однако способные двигаться и стрелять из пушек и пулеметов.

На всех остальных направлениях вторжения наступали немецкие пехотные дивизии, на вооружении которых находились бронемашины и бронетранспортеры. Фронт наступления пехотной дивизии составлял 10 — 12 километров и более (то есть протяженность участка границы, охраняемого двумя заставами).

В большинстве случаев войска противника двигались по дорогам в походных колоннах, имея в промежутках между колоннами боевые группы в составе батальона с танками и бронетранспортерами, имеющими в авангарде мотоциклистов. При обнаружении узла сопротивления, часть сил из колонны развертывалась в боевой порядок и вступала в бой, поддерживаемая авиацией и артиллерией, а остальная колонна продолжала движение, стремясь скорее проникнуть вглубь СССР и вести встречные бои с выдвигающимися частями и соединениями Красной Армии, не давая им занять оборонительные рубежи.

Впереди главных сил каждого немецкого полка двигались ударные группировки силою до взвода с саперами и разведгруппы на бронетранспортерах и мотоциклах с задачами ликвидации пограничных нарядов, захвата мостов, установления мест позиций войск прикрытия Красной Армии, завершения уничтожения пограничных застав. В целях обеспечения внезапности, эти вражеские подразделения на некоторых участках границы начали выдвижение еще в период артиллерийской и авиационной подготовки. Для завершения уничтожения личного состава пограничных застав использовались танки, которые находясь на удалении 500 — 600 метров, вели огонь по опорным пунктам застав, оставаясь вне досягаемости вооружения заставы.

Первыми, кто обнаружил переход через государственную границу разведывательных подразделений немецко-фашистских войск, были пограничные наряды, находившиеся на службе. Используя заранее подготовленные окопы, а также складки местности и растительность, как укрытие, они вступили в бой с противником и тем самым дали сигнал об опасности. Многие пограничники погибли в бою, а оставшиеся в живых отошли к опорным пунктам застав и включились в оборонительные действия.

На речных пограничных участках передовые подразделения противника стремились захватить мосты. Пограничные наряды для охраны мостов высылались в составе 5 — 10 человек с ручным, а иногда и со станковым пулеметом. В большинстве случаев пограничники препятствовали захвату мостов передовыми группами противника. Противник привлекал для захвата мостов бронетехнику, осуществлял переправу своих передовых подразделений на лодках и понтонах, окружал и уничтожал пограничников. К сожалению, у пограничников не было возможности подорвать мосты через пограничную реку и они доставались врагу исправными. В боях за удержание мостов на пограничных реках принимал участие и остальной личный состав заставы, наносивший серьёзные потери вражеской пехоте, но был бессильным против танков и бронемашин противника. Так при защите мостов через реку Западный Буг в полном составе погиб личный состав 4, 6, 12 и 14 пограничных застав Владимир-Волынского пограничного отряда. Так же погибли 7 и 9 пограничные

▲ Сбитый вражеский самолет

▲ Пограничники

заставы Перемышльского пограничного отряда в неравных боях с противником, защищая мосты через реку Сан.

В полосе, где наступали ударные группировки немецко-фашистских войск, передовые подразделения противника по численности и вооружению были более сильными, чем пограничная застава, и, к тому же, имели в своем составе танки и бронетранспортеры. На этих направлениях пограничные заставы могли сдерживать противника лишь до одного — двух часов. Пограничники огнем из пулеметов и винтовок отражали атаку пехоты противника, но вражеские танки, после разрушения оборонительных сооружений огнем из пушек, врывались в опорный пункт заставы и завершали их уничтожение. В отдельных случаях пограничникам удавалось подбить один танк, но в большинстве случае они были бессильны против бронетехники. В неравной борьбе с врагом личный состав заставы почти весь погибал. Дольше всего держались пограничники, находившиеся в подвалах кирпичных зданий застав, и, продолжая вести бой, погибали, подорванные немецкими фугасами.

В большинстве случаев противник не снижал темпов своего наступления и продолжал прорыв основными силами в глубь советской территории, оставив небольшую часть сил для блокирования и последующего уничтожения пограничной заставы.

В боях застав с противником на границе резервные подразделения пограничных комендатур в большинстве своем не участвовали, так как они дислоцировались на небольшом удалении от границы и были атакованы передовыми немецкими подразделениями сразу же после окончания артиллерийской и авиационной подготовки одновременно с пограничными заставами. Они так же не имели на вооружении противотанковых средств и в большинстве своем погибали в неравной борьбе с танками.

Не могли оказать необходимой помощи заставам и резервные подразделения пограничных отрядов, которые подверглись ударам вражеской авиации, а через некоторое время вступили в бой с передовыми подразделениями и частями немецко-фашистских войск, прорвавшимися через государственную границу и рубеж подразделений прикрытия Красной Армии. На некоторых направлениях отрядные резервы были задействованы, для уничтожения мелких воздушных десантов противника, заброшенных на участке пограничного отряда.

На направлениях, где немецко-фашистские войска наносили вспомогательные удары, пехотные дивизии наступали в более широких

полосах, а поэтому пограничные заставы вели боевые действия в течение четырех — шести и более часов. Передовые подразделения пехотных дивизий были меньшего состава и не имели танков.

Пограничные заставы отражали атаку передовых подразделений противника, но повторные атаки осуществлялись уже более сильными группами и с нескольких направлений после огневого налета немецкой артиллерии. Понеся значительные потери личного состава, пограничные заставы по приказу старших начальников отходили на рубеж обороны подразделений прикрытия Красной Армии и в их составе продолжали борьбу с противником. Если же пограничные заставы отражали вторую атаку немецких подразделений, то главные силы пехотных полков обходили опорные пункты застав и продолжали наступление на восток.

Оказавшись во вражеском тылу, личный состав застав действовал, сообразуясь с обстановкой. Одни, отбив атаки пехотных подразделений противника, начинали отход на позиции войск прикрытия, а другие переходили к партизанским действиям, нанося удары из засад по тыловым подразделениям немецких войск. Но личный состав многих застав продолжал бой с противником из опорных пунктов застав до последнего человека. Эти бои продолжались в течение 22 июня, а отдельные заставы вели бой в окружении несколько суток. Например, 13 застава Владимир-Волынского пограничного отряда, опираясь на прочные оборонительные сооружения и выгодные условия местности, вела бой в окружении в течение одиннадцати суток. Обороне этой заставы способствовали героические действия гарнизонов дотов укрепрайона Красной Армии, которые в период артиллерийской и авиационной подготовки противника подготовились к обороне и встретили его мощным огнем из орудий и пулеметов. В этих дотах командиры и красноармейцы оборонялись многие сутки, а кое-где и больше месяца. Немецкие войска были вынуждены обходить этот район, а, затем, используя ядовитые дымы, огнеметы и взрывчатку уничтожать героические гарнизоны.

На второстепенных направлениях вторжения немецких войск активную помощь заставам оказывали резервные подразделения пограничных комендатур, которые сами в большинстве случаев не подвергались атакам передовых подразделений противника, связанных боями с личным составом застав. Исходя из условий обстановки, резервные заставы комендатур использовались для уничтожения мелких авиадесантов и мелких групп противника, в тылу войск прикрытия Красной Армии, а также проведения контратак в целях вывода из окружения линейных пограничных застав. Выведенные заставы объединялись в роты и включались в состав обороняющихся войск прикрытия.

Активно использовались и резервы пограничных отрядов, которые занимали оборонительные рубежи, действуя как прикрытие Красной Армии. Так, например, начальник Перемышльского пограничного от-

▲ Служебные собаки

▲ Часовой

ряда 22 июня силами маневренной группы обеспечил оборону мостов через реку Сан и одновременно силами школы младшего начсостава и двух пограничных застав уничтожил роту автоматчиков, прорвавшихся в город. Упорной обороной города Перемышль пограничный отряд обеспечил развертывание на боевых позициях передовых частей 8-го стрелкового корпуса, что задержало дальнейшее продвижение германских войск. По приказу Начальника войск Украинского округа, в 12 часов 22 июня, этот отряд покинул город и вышел на оборонительный рубеж 8 стрелкового корпуса Красной Армии.

Вместе с тем, анализ использования резервных подразделений пограничных отрядов показывает, что, несмотря на ряд положительных моментов, в целом результаты их боевых действий были малоэффективными, потому что они были малочисленными и были вооружены только легким стрелковым оружием и, к тому же малоподвижными из-за недостатка автотранспорта.

Ход боевых действий пограничных застав, как на направлениях главных, так и второстепенных ударов немецких войск вторжения, показал, что в большинстве случаев заставам приходилось вести бой с передовыми подразделениями противника самостоятельно без поддержки подразделений войск прикрытия. Основная причина в том, что районы обороны подразделений прикрытия были выявлены авиаразведкой противника и по ним наносились артиллерийские и авиаудары одновременно с ударами по пограничным заставам. К тому же, командиры подразделений, выдвинутых в качестве прикрытия, плохо знали местность и районы дислокации застав на границе.

Военный историк Владимир Александрович Шерстнев на основе изучения документов и воспоминаний очевидцев написал книгу "Трагедия сорок первого. Документы и размышления", изданную в 2005 году фирмой "Русич" в Смоленске. При исследовании развития боевых действий в первые дни войны, он опросил некоторых ветеранов 10 Армии Западного Фронта, участвовавших в боях на государственной границе 22 июня 1941 года. Интересна оценка действий пограничников очевидцами, находившимися в составе войск прикрытия.

Бывший заместитель по политической части командира 204 мотострелковой дивизии Мандрик Г. Я. вспоминал:"...после артподготовки две вражеские колонны пересекли границу и двинулись по дорогам Сейны — Сопоцкин и Сувалки — Августов. Погранзаставы размещались в деревне Головенчицы и в бывшем монастыре Юзефатово. Без всякого промедления бросились пограничники навстречу врагу. Неизвестно остался ли в живых хоть один, участвовавший в этих боях, пограничник. Стойко держались на своем рубеже пограничники в поселке Липск, в Августове, в поселке Райгруд. До вечера 22 июня они прикрывали участки шоссе Августов — Гродно, держали оборону у моста через реку Бебжу, а затем по приказу начальника отряда отошли на реку Неман, а некоторые присоединились к гарнизонам ближайших дотов укрепрайона, разделив впоследствии судьбу его защитников."

Бывший красноармеец Ирин Л. В. рассказал: "Наш дот № 039 находился справа от дороги на пограничную заставу. Едва стало рассветать, как в небе послышался гул многочисленных самолетов. И вдруг будто налетел огненный шквал — из-за канала ударили тяжелые орудия. От заставы послышалась сильная стрельба, потом там показалось зарево пожара."

Бывший красноармеец 9-го пулеметно-артиллерийского батальона Васильев И. вспоминал: "...примерно в 10 часов мы увидели отступающих пехотинцев и пограничников. Их полным полно набилось в наши доты, как занятые гарнизоном, так и недостроенные. Немцы вели огонь по дотам из орудий. Бой продолжался."

Бывший военный интендант 152-го корпусного тяжелого артполка Головченко И. Д. рассказал: "К 6.00 22 июня мы заняли позиции на берегу Немана. В 10.00, не сделав ни единого выстрела, мы должны были отступить. По пути в Скидель мы влились в оборону, которую организовал полковник из пограничников."

Бывший заместитель политрука 128 отдельного противотанкового дивизиона 86 стрелковой дивизии Стасинчук И. И. рассказал: "В ночь на 20 июня 1941 года стрелковые полки дивизии были выдвинуты ближе к границе. В 2 часа ночи 22 июня комендант пограничного участка сообщил по телефону в штаб дивизии, что пограничные заставы докладывают о спуске немцами на реку Западный Буг переправочных средств. Оценив обстановку, командир дивизии полковник Зашибалов М. А. приказал поднять по тревоге все части дивизии. К трем часам все вышли в район сосредоточения и заняли круговую оборону."

Бывший командир взвода 48 кавалерийского полка Солодкий П. М. вспоминал: "Еще 19 июня два эскадрона полка, усиленные двумя взводами танков, были выдвинуты к наиболее тревожному участку границы."

После боев с передовыми подразделениями немецких войск на границе остатки личного состава пограничных застав и комендатур отошли на рубеж обороны войск прикрытия, находящийся на удалении 3 — 5 километров восточнее государственной границы. Этот рубеж не имел сплошной линии фронта и оборонялся передовыми подразделениями, выделенными от стрелковых дивизий первого эшелона войск прикрытия. Во время боев застав на второстепенных направлениях ударов войск вторжения, на рубеж прикрытия успели выйти в полном составе и развернулись части и соединения Красной Армии: 6 кд 10 А Белорусского особого военного округа, 45 сд 5 А, 3 кд, 41 и 97 сд 6 А, 99 сд 26 А Киевского особого военного округа, которые задержали на некоторое время движение войск противника. На этом же рубеже отходящие по приказу пограничные подразделения были переформированы в стрелковые взводы и роты, перешли в оперативное подчинение, а фактически влились в состав войск прикрытия, и получили боевые задачи от общевойсковых начальников. В составе этих войск пограничные части вели боевые действия противником в те-

▲ Снайперы-пограничники

чение всего периода приграничных сражений и боев.

Как пример успешных действий пограничных подразделений можно привести участие в обороне города-порта Либава, участие в героической обороне Брестской крепости, участие в первой удачной контратаке и в освобождении города Перемышль.

На границе с Румынией и на границе с Финляндией обстановка для наших войск в первые дни войны была более благоприятной, чем на участке советско-германской государственной границы. На советско-румынском участке границы противник в июне наступательных действий крупными силами войск не предпринимал, а финские войска активные боевые действия начали только в конце июня. Это позволило военному командованию в сравнительно спокойной обстановке привести войска в боевую готовность, выдвинуть их на оборонительные рубежи и более организованно встреть удары вражеских войск.

22 июня, после нанесения ударов артиллерией по отдельным объектам, противник предпринял попытки многочисленных переправ с румынской территории через пограничные реки своих передовых подразделений с целью захвата мостов и плацдармов, но везде они были встречены организованным огнем пограничников. Бои застав повсеместно были поддержаны огнем артиллерии и контратаками рот и батальонов войск прикрытия Красной Армии. Наступающим немецким, румынским и венгерским передовым частям были нанесены большие потери в живой силе и они повсеместно возвратились на исходные рубежи. Основные бои происходили около железнодорожных и шоссейных мостов через реку Прут, в целях недопущения их использования противником они были взорваны.

Характерной особенностью обстановки на этом участке фронта в июне 1941 года было ведение не только оборонительных, но и наступательных действий советских войск с высадкой десантов в Румынию. 23, 24, 25 июня пограничники Измаильского отряда совместно с отрядом пограничных судов, охранявшими государственную границу СССР по реке Дунай, провели успешные десанты на румынскую территорию. В некоторых десантах принимали участие подразделения 51 стрелковой дивизии. Окрыленные этими успешными действиями, Военный Совет и Командующий 9 армией решили осуществить крупный десант с захватом румынского города Килия-Веке, где находились артиллерийские батареи, препятствующие действиям советских кораблей на Дунае. Командование десантом было поручено моряку-пограничнику капитан-лейтенанту Кубышкину И. К.

В ночь на 26 июня корабли Черноморского отряда пограничных судов высадили на румынский берег подразделения погранотряда, усиленные подразделениями 23 стрелкового полка 51 сд, которые с ходу атаковали позиции румынских войск. Противник яростно сопротивлялся, но к 10 часам утра десантники захватили плацдарм шириною до 4 километров и глубиной до 3 километров, разгромив румынский пехотный батальон, погранзаставу и уничтожив артиллерийский дивизион. В течение 27 июня противник почти беспрерывно атаковал десантников, но советские воины, поддержанные артиллерии пограничных судов, успешно отражали эти атаки, что позволило вывести советские военные, транспортные и пассажирские суда, находившиеся на Дунае, из-под вражеских ударов и исключить возможность захвата их противником. В ночь на 28 июня по приказу командования советский десант возвратился на свой берег.

25 июня 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР специальным постановлением возложил задачи охраны тыла действующей Красной Армии на войска НКВД СССР. 2 июля 1941 года все пограничные части, находящиеся в оперативном подчинении общевойскового командования на советско-германском фронте переключились на выполнение новых боевых задач. Влившись в ряды Красной Армии, вместе с ней пограничники вынесли всю тяжесть борьбы с немецкими захватчиками, вели борьбу с агентурой его разведки, надежно охраняли тылы Фронтов и Армий от нападений диверсантов, уничтожали прорвавшиеся группы и остатки окруженных группировок противника, повсеместно проявляя героизм и чекистскую смекалку, стойкость, мужество и беззаветную преданность Советской Родине.

Подводя итоги сообщения, необходимо сказать, что 22 июня 1941 года немецко-фашистское командование двинуло против СССР чудовищную военную машину, которая обрушилась на советский народ с особенной жестокостью, которой не было ни меры, ни названия. Но в этой сложной обстановке советские пограничники не дрогнули. В первых же боях, они проявили беспредельную преданность Отчизне, непоколебимую волю, умение сохранять стойкость и мужество, даже в минуты смертельной опасности.

Многие подробности боев нескольких десятков пограничных застав остаются до сих пор неизвестными, как и судьбы многих защитников границы. Среди безвозвратных потерь пограничников в боях в июне 1941 года, более 90% составили "пропавшие без вести". Не предназначенные к отражению вооруженного вторжения регулярных войск противника, пограничные заставы стойко держались под натиском превосходящих сил германской армии и её сателлитов. Гибель пограничников была оправдана тем, что, погибая целыми подразделениями, они обеспечивали выход на оборонительные рубежи частей прикрытия Красной Армии, которые в свою очередь, обеспечивали развертывание основных сил Армий и Фронтов и в конечном итоги создавали условия для разгрома германских вооруженных сил и освобождения народов СССР и Европы от фашизма. ■

ТЫЛ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Многомиллионная немецко-фашистская армия внезапно вторглась на территорию СССР и повела наступление на важнейших стратегических направлениях. Началась Великая Отечественная война — самая тяжелая и жестокая из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной.

Начиная войну, гитлеровцы использовали временные преимущества: «милитаризацию экономики и всей жизни Германии; длительную подготовку к захватнической войне и опыт военных действий на Западе; превосходство в вооружении и численности войск, заблаговременно сосредоточенных в пограничных зонах. В их распоряжении оказались экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы. Гитлеровская Германия захватила в странах Европы весь арсенал вооружения, громадные запасы металла, стратегического сырья, металлургические и военные заводы. Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной военной машиной».

На огромном пространстве от Баренцева до Черного моря развернулись невиданные по своему размаху ожесточенные кровопролитные сражения. Под натиском превосходящих сил врага Советская Армия была вынуждена с тяжелыми боями отступать. «На направлении своих главных ударов враг имел тройное и даже пятикратное превосходство в силах. Войска приграничных округов вынуждены были вступать в борьбу разрозненно, без необходимого воздушного прикрытия и артиллерийской поддержки».

Это был наиболее трудный для нашей страны, для Советских Вооруженных Сил и их тыла период. С первого же дня войны органы Тыла Советской Армии в невероятно тяжелых условиях приступили к выполнению возложенных на них задач. Они обеспечивали в тыловом отношении мобилизационное развертывание и боевые действия войск на фронте, пополняли израсходованные войсками запасы материальных средств,

оказывали медицинскую помощь раненым воинам и осуществляли их лечение, вывозили из-под ударов противника тыловые учреждения и материальные ресурсы и, кроме этого, осуществляли отмобилизование и развертывание тыловых частей и учреждений.

Вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков не позволило полностью осуществить развертывание тыла до начала боевых действий. Его пришлось проводить уже в ходе начавшейся войны, в условиях отхода наших войск и систематического воздействия авиации противника.

Особенно большие трудности создались после того, как в результате неудачного для нас исхода приграничных сражений противник занял районы, намеченные для развертывания тыла. Приходилось назначать новые районы в более глубоком тылу, что удлиняло сроки развертывания. Поэтому фронты, армии и даже некоторые соединения вынуждены были отражать натиск врага без достаточного количества автотранспортных, медицинских и других тыловых частей и учреждений. Они прибывали в состав войск по мере формирования, часто с опозданием.

Огромный размах и высокий динамизм военных действий, возникшие трудности в организации тылового обеспечения войск потребовали принятия срочных и решительных мер по улучшению управления тылом. Серьезным препятствием на этом пути была разобщенность в работе его служб, не имевших единого органа управления. Центральные управления снабжения и обеспечения Наркомата обороны СССР и соответствующие органы во фронтах и армиях действовали без должной координации своих усилий по обеспечению войск. Вопросами оперативного устройства Тыла Советской Армии ведали Генеральный штаб, штабы фронтов и армий. Они же осуществляли общее планирование поставок материальных средств и определяли объем материальных издержек на предстоящие операции. Между тем материальные средства находились в руках различных служб, не подчиненных общевойсковым штабам.

Таким образом, обозначился разрыв между функциями планирования, подвоза и снабжения. Это не осталось без внимания ЦК партии, Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования. Опыт организации и осуществления руководства тылом в годы гражданской войны подсказывал, что решение проблемы надо искать в централизации управления тылом. В проекте директивы ЦК партии о военном единстве В. И. Ленин указывал: «...необходимым условием успеха... войны является единое командование всеми отрядами Красной Армии и строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик, в частности, всем аппаратом военного снабжения, а также железнодорожным транспортом, как важнейшим материальным фактором войны, имеющим первостепенное значение не только для выполнения военных операций, но и для снабжения Красной Армии...»

В период гражданской войны все важнейшие вопросы мобилизации людских и материальных ресурсов страны для достижения победы над врагом решал высший военно-политический орган — Совет Рабочей и Крестьянской Обороны, а выполнение его решений осуществлялось через Революционный Военный Совет Республики, Полевой штаб, Центральное управление снабжения и обеспечения Красной Армии. Во фронтах, армиях и дивизиях соответственно были введены должности начальников снабжения, тем самым была сделана попытка централизовать руководство тылом в одних руках.

Учитывая этот опыт и конкретную обстановку, Верховный Главнокомандующий поручил заместителю Народного комиссара обороны СССР генерал-лейтенанту А. В. Хрулеву подготовить предложения по организации управления Тылом Советской Армии на военное время. К этой работе были привлечены представители Генерального штаба генерал-майор П. А. Ермолин, генерал-майор интендантской службы П. В. Уткин, полковник К. Ф. Ремизов, а также один из ближайших в то время помощников А. В. Хрулева — полковник Г. Н. Данков.

30 июля 1941 г. Народный комиссар обороны СССР И. В. Сталин утвердил Положение об управлении Тылом Советской Армии на военное время и схему организации органов управления Тылом Советской Армии.

В августе 1941 г. был подписан приказ Народного комиссара обороны СССР об организации Главного управления тыла Советской Армии, управлений тыла фронта и армий и Положения об этих управлениях. Этим приказом учреждалась должность начальника Тыла Советской Армии и начальников тыла фронтов и армий. Начальником Тыла Советской Армии (он же начальник Главного управления тыла Советской Армии) был назначен крупный партийный работник и видный военный деятель заместитель Народного комиссара обороны СССР генерал-лейтенант интендантской службы А. В. Хрулев. Бывший военный комиссар кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, затем заместитель начальника политического управления Московского военного округа, начальник Центрального военно-финансового управления Наркомата по военным и морским делам, начальник Строительно-квартирного управления РККА, главный интендант Советской Армии А. В. Хрулев отлично знал нужды и потребности войск.

При начальнике Тыла было создано Главное управление тыла Советской Армии в составе: штаб начальника Тыла, Управление военных сообщений Советской Армии, Автодорожное управление Советской Армии, Инспекция начальника Тыла. Начальнику тыла Советской Армии были подчинены: Главное интендантское управление, Управление снабжения горючим, Санитарное и Ветеринарное управления. Заместителями начальника Тыла Советской Армии были назначены генерал-майоры М. В. Захаров и П. А. Ермолин, начальником штаба Тыла — генерал-майор интендантской службы П. В. Уткин, его заместителями — генерал-майор М. П. Миловский и генерал-майор интендантской службы П. И. Драчев. В сентябре 1941 г. начальником штаба Тыла был назначен М. П. Миловский, который занимал этот пост почти в течение всей войны. Военным комиссаром Главного управления тыла был назначен дивизионный комиссар В. А. Баюков.

19 августа 1941 г. была введена должность начальника тыла ВВС Советской Армии, а в мае 1942 г. — начальника тыла Военно-Морского Флота.

Положением об управлении тылом предусматривалось, что начальник Тыла Советской Армии ведает его организацией, перевозками войск и пополнений, подвозом всех видов материальных средств фронтам, эвакуацией раненых и больных, военного имущества. Ему вменялось в обязанность иметь сведения о наличии запасов военного имущества во фронтах (армиях) и на базах, об обеспеченности действующей армии всеми видами материальных средств. Начальник Тыла Советской Армии пользовался правами заместителя Народного комиссара обороны СССР.

Во фронтах и армиях были созданы управления тыла во главе с начальниками тыла фронтов, армий, являющимися заместителями командующих фронтами, армиями и подчиненными одновременно начальнику Тыла Советской Армии. Должности заместителей начальников штабов по тылу во фронтах и армиях были упразднены. Структура органов управления тылом во фронтах и армиях, права и обязанности должностных лиц были аналогичны установленным для центральных органов управления, но вместо штабов тыла создавались оргплановые отделы.

На должности начальников тыла фронтов — заместителей командующих войсками были назначены крупные военные работники, имевшие большой опыт управления войсками. Все кандидаты на должности начальников тыла фронтов 30 июля собрались в Кремле в кабинете Верховного Главнокомандующего. Среди них находились начальник академии Генерального штаба генерал-лейтенант В. К. Мордвинов, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-лейтенант М. С. Хозин, начальник Управления военно-учебных заведений Советской Армии генерал-лейтенант И. К. Смирнов, командующий войсками Западного военного округа генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов, заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант М. А. Рейтер, командующий войсками Архангельского военного округа генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин и другие. «Верховный Главнокомандующий, — пишет генерал А. В. Хрулев, — ознакомил собравшихся с положением на фронтах и подчеркнул исключительные труд-

ности в подаче войскам материальных средств и эвакуации раненых. Война, — говорил он, — требует железного порядка в снабжении войск. Этот порядок должен наводиться твердой рукой начальников тыла фронтов и армий. Вам нужно быть диктаторами в тыловой полосе своих фронтов, и это каждый должен хорошо усвоить».

Обеспечение армии всем необходимым Верховный Главнокомандующий рассматривал как исключительно важную оперативную работу, неразрывно связанную с организацией ведения боевых действий войск. Перед каждым кандидатом, назначаемым на должность начальника тыла фронта, И. В. Сталин поставил конкретные задачи с учетом специфических условий, в которых действовали войска фронтов. 1 августа 1941 г. он подписал приказ о назначении начальниками тыла фронтов: Северного — генерала В. К. Мордвинова, Северо-Западного — генерала М. Г. Снегова, Западного — генерала В. Н. Курдюмова, Резервного — генерала М. С. Хозина, Юго-Западного — генерала И. Г. Советникова, Брянского — генерала М. А. Рейтера, Южного — генерала И. К. Смирнова.

Вновь создаваемые органы управления тылом немедленно приступали к работе. Для их эффективной деятельности необходимо было прежде всего создать работоспособный аппарат и организовать четкую работу центральных управлений, укрепить их опытными кадрами. Особое внимание обращалось на то, чтобы новая организационная структура самостоятельных органов централизованного управления тылом была тесно связана с народным хозяйством страны и отвечала требованиям маневренного характера войны. Только при наличии такой связи и постоянном знании оперативно-стратегической и тыловой обстановки центральные органы Тыла Советской Армии могли своевременно обеспечить войска действующей армии всем необходимым. Их задачами являлись: получение от народного хозяйства материальных средств, правильное распределение их и своевременная доставка фронтам, флотам и военным округам, бережное хранение и экономное расходование имевшихся ресурсов, организация и осуществление технического обеспечения, эвакуация и лечение раненых и больных.

Эффективной работе центрального аппарата Тыла Советской Армии в этот период способствовало четкое распределение обязанностей между заместителями начальника Тыла. Первый заместитель начальника Тыла Советской Армии генерал В. И. Виноградов, заменивший убывшего на фронт генерала М. В. Захарова, ведал общими вопросами, устройством стратегического тыла и тыла фронтов, центральными базами и вопросами подвоза. Заместитель начальника Тыла генерал П. А. Ермолин руководил вопросами материального обеспечения фронтов, отдельных армий и военных округов, и прежде всего работой управлений продовольственного и вещевого снабжения, участвовал в подготовке постановлений ГКО и Советского правительства. Генерал

В. Е. Белокосков руководил работой автодорожной и квартирной служб.

Особое место в общей системе руководства тылом занял штаб начальника Тыла Советской Армии. Организационная структура штаба начальника Тыла Советской Армии как органа управления строилась с учетом возложенных на него задач. Первоначально в его состав входили отделы: планирования материального обеспечения действующей армии; планирования железнодорожных и автомобильных перевозок; организации учреждений тыла, эвакуации; кадров и общий. Опыт войны показал, что функции штаба начальника Тыла значительно шире, нежели это предусматривалось при его создании. Чтобы обеспечить начальнику Тыла Советской Армии надежное и четкое руководство, штаб следил за оперативно-стратегической и тыловой обстановкой на фронтах; вел учет обеспеченности фронтов и новых оперативных формирований всеми видами материальных средств и организовывал снабжение действующей армии всем необходимым; планировал подвоз материальных средств фронтам железнодорожным, водным и воздушным транспортом и контролировал его выполнение; планировал и осуществлял снабженческие перевозки автомобильным транспортом, а также занимался организационными вопросами и эвакуацией материальных средств и различного военного имущества из угрожаемых районов. Он координировал деятельность всех центральных довольствующих и обеспечивающих управлений, а также помогал заместителям начальника Тыла Советской Армии выполнять свои функциональные обязанности. В связи с этим в ходе войны совершенствовалась организационная структура штаба, изменялся его состав. Вскоре он имел отделы: оперативно-тыловой, организационный, учета материального обеспечения действующей армии и формирований; планирования железнодорожных перевозок боеприпасов, вооружения и техники; планирования автомобильных и авиационных перевозок; планирования интендантского снабжения, снабжения горючим и смазочными материалами и другие. Для работы в штабе начальника Тыла были привлечены высокоподготовленные и опытные военные специалисты — генерал И. И. Горбунов, полковники Г. Н. Данков, В. Н. Добычин, Л. Н. Калинин, А. Н. Лаговский, С. Н. Перетерский и другие.

Придавая исключительно важное значение своевременному и полному материальному обеспечению Советской Армии, ведущей тяжелую борьбу с врагом, Центральный Комитет Коммунистической партии привлек для непосредственного решения коренных вопросов снабжения армии видных государственных деятелей — наркома пищевой промышленности СССР В. П. Зотова, наркома заготовок СССР К. П. Субботина, наркома мясо-молочной промышленности СССР П. В. Смирнова, его заместителя М. Р. Линецкого, наркома торговли СССР А. В. Любимова, наркома нефтяной промышленности СССР И. К. Седина, наркомов текстильной и легкой промышленности СССР И. И. Акимова и С. Г. Лукина и других. На постоянную работу в центральные органы управления тылом были выдвинуты крупные специалисты различных отраслей народного хозяйства страны. Известный всей стране рабочий-обувщик, а затем заместитель наркома легкой промышленности СССР Н. С. Сметанин был назначен помощником начальника Управления вещевого снабжения Советской Армии; заместитель наркома торговли СССР А. И. Смирнов возглавил Главвоенторг; заместитель начальника Главнефтесбыта при Совете Народных Комиссаров СССР известный инженер-нефтяник М. И. Кормилицын был назначен начальником Управления снабжения горючим Советской Армии; бывший нарком заготовок СССР П. С. Степанов стал помощником начальника Управления продовольственного снабжения Советской Армии, а директор одной из крупнейших швейных фабрик Москвы А. К. Осина стала помощником главного интенданта Советской Армии по женскому обмундированию. Начальником Центрального управления военных сообщений Советской Армии (ЦУПВОСО) был назначен военинженер 1 ранга И. В. Ковалев. Автомобильно-дорожное управление возглавил генерал-майор технических войск З. И. Кондратьев, руководивший в предвоенные годы строительством дорог в ряде районов страны. Эти назначения подняли авторитет нового руководства Тылом Советской Армии. Прибывшие из народного хозяйства специалисты хорошо знали предприятия отраслей промышленности страны, специфику их работы, местонахождение и размеры материальных запасов и сырья, обеспеченность топливом и электроэнергией, станочным оборудованием и квалифицированными кадрами, сильные и слабые стороны экономических районов в целом. Они пользовались большим авторитетом в союзных, республиканских и областных партийных и общественных организациях, знали многих директоров предприятий. Все это имело важное значение в деле укрепления тесных связей центральных органов управления тылом с народным хозяйством страны и сказалось на улучшении поставок для Советской Армии. Центральные органы управления тылом стали работать организованнее и четче.

Общее планирование потребностей в материальных средствах, оперативных и снабженческих перевозках осуществлялось Генеральным штабом в соответствии с военно-политическими целями и стратегическими задачами военной кампании или стратегической операции. Конкретное же распределение запланированных ресурсов и доставку их фронтам, флотам и военным округам организовывал штаб начальника Тыла Советской Армии совместно с главными и центральными довольствующими и обеспечивающими управлениями Наркомата обороны под непосредственным руководством начальника Тыла Советской Армии.

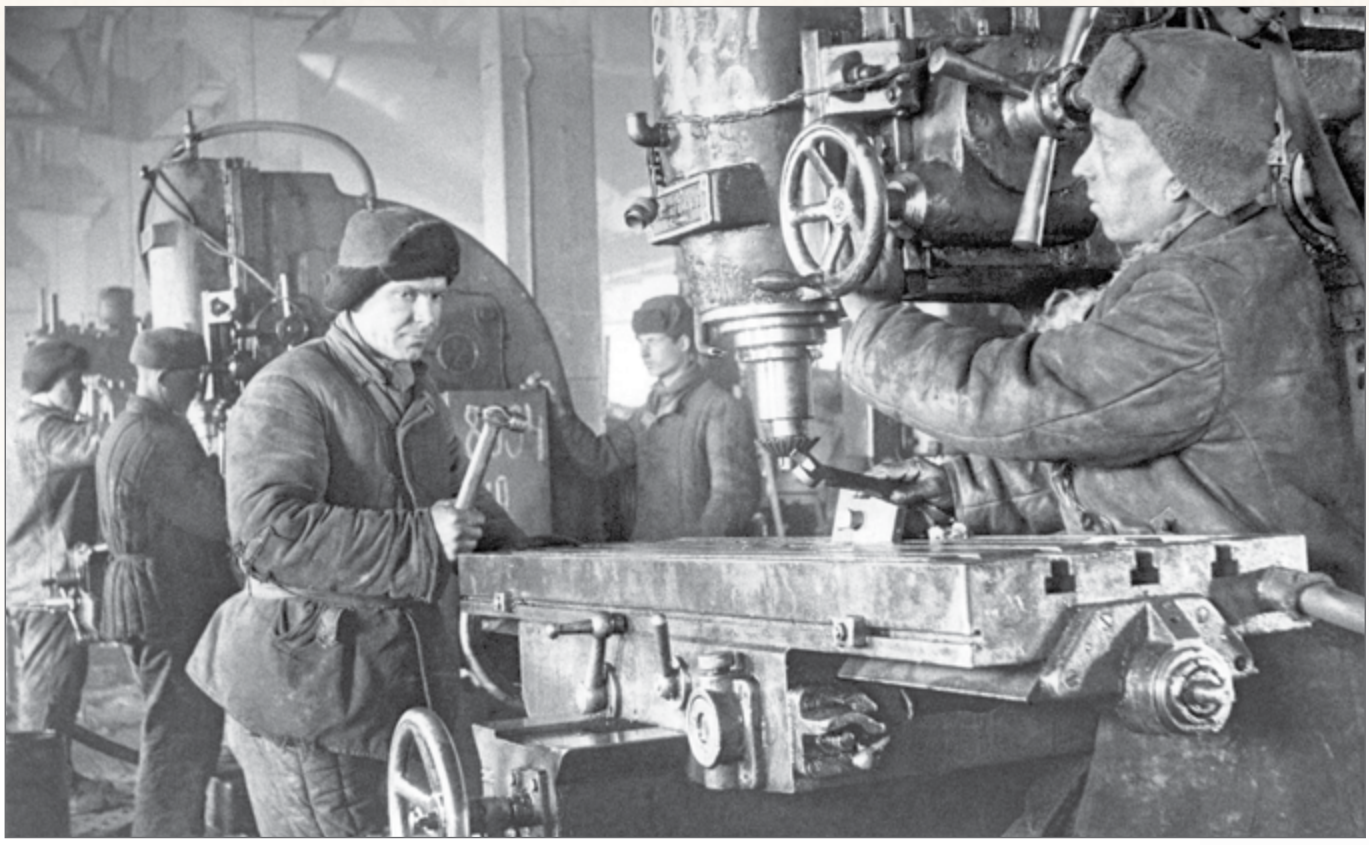
Основным оперативно-тыловым документом органов стратегическо-

го тыла являлись директивы по тылу, которые отдавались фронтам, как правило, за подписью начальника Генерального штаба и начальника Тыла Советской Армии. Директивами обычно определялись для фронтов границы тыловых районов, фронтовые распорядительные станции (ФРС), выделяемые фронтам железнодорожные направления и пропускная способность на железнодорожных участках соседних фронтов, направления и сроки развертывания военно-автомобильных дорог (ВАД) центра, порядок размещения фронтовых тыловых частей на территории тыловых районов соседних фронтов, порядок материального обеспечения принимаемых или передаваемых фронтами войск, сроки готовности тыла фронтов. Такого содержания директивы по тылу отдавались на протяжении всей войны. Они, как оперативно-тыловой документ, себя полностью оправдали.

В летне-осенней оборонительной кампании 1941 г. очень быстро менялась обстановка на фронте. То в одном, то в другом месте фашистские войска глубоко вклинивались в нашу оборону, нарушая систему обеспечения войск, подвоза и эвакуации.

В этот критический период установилось тесное сотрудничество народных комиссариатов страны с центральными органами управления Тылом Советской Армии. Наркомы вместе с А. В. Хрулевым решали важнейшие проблемы общегосударственного и оборонного значения, вопросы улучшения тылового обеспечения войск фронтов и новых формирований Ставки Верховного Главнокомандования.

Одной из важнейших задач, вставших перед центральными органами управления тылом, являлось облегчение фронтового и армейского тыла, обеспечение большей его подвижности. Большое количество стационарных складов, баз и ремонтных мастерских во фронтах и армиях сковывало мобильность и маневренность тыла, до крайности затрудняло управление им. Так, в августе 1941 г. Юго-Западный фронт имел более 100 различных, в основном стационарных, складов. Каждая армия этого фронта имела до 25 складов, а также железнодорожные, бронетанковые, артиллерийские, автомобильные ремонтные мастерские и другие тыловые части и учреждения. Для перевозки по железной дороге тыла одной только стрелковой дивизии требовалось 14 эшелонов. В условиях вынужденного отхода войск фронтов на новые оборонительные рубежи и при ограниченных транспортных средствах, особенно автомобилей, нельзя было своевременно перемещать эти склады в глубокий тыл, что нередко приводило к их потере. Поэтому по предложению начальника Тыла Советской Армии в августе — октябре 1941 г. приказами Народного комиссара обороны были упразднены многие тыловые части и учреждения, в том числе и самостоятельно созданные некоторыми фронтами летом 1941 г. Резко сокращалось количество стационарных складов, баз, мастерских и других учреждений. В интересах повышения подвижности и маневренности оперативного тыла во фронтах вводились полевые

склады по основным видам материальных средств, а в армиях были учреждены полевые армейские базы (ПАБ) в составе 7–8 полевых складов вместо 24–25. Часть тыловых учреждений фронтов передавалась в ведение центральных довольствующих и обеспечивающих управлений, а армейских — включалась в состав фронтового тыла. Значительно сокращен был и войсковой тыл (дивизионный и полковой).

В результате проведения мероприятий по облегчению оперативного тыла центральным управлениям пришлось взять на себя дополнительные заботы по содержанию ресурсов материальных средств, предназначенных для обеспечения действующей армии. В связи с этим решением Ставки Верховного Главнокомандования на всех важнейших стратегических направлениях были созданы базы центра НКО и центральные распорядительные станции (ЦРС), находившиеся в непосредственном подчинении начальника Тыла Советской Армии и предназначенные для накопления запасов, организации подвоза материальных средств фронтам и армиям, ремонта военного имущества и содействия фронтам в эвакуации раненых и больных, поврежденной боевой техники, трофейного и ненужного имущества. В состав баз входили: управление, склады по основным видам материальных средств, транспортные и ремонтные части, а также подразделения охраны и обслуживания. О значении баз можно судить хотя бы по тому, что начальники их являлись одновременно помощниками начальника Тыла Советской Армии. Начальники главных и центральных управлений НКО обязаны были своевременно сообщать начальникам баз планы снабжения фронтов по своим видам материальных средств.

Проверка состояния тылового обеспечения войск Волховского, Калининского и Западного фронтов, организованная начальником Тыла Советской Армии, показала, что в войсках недостаточно благополучно обстоит дело со сбережением материальных средств. Были вскрыты случаи потерь, разбазаривания и даже хищения снабженческих грузов, направляемых на фронт. Не все водители грузовых автомашин и повозочные имели при себе документы, по которым можно было бы установить, какой груз, в каком количестве перевозится, его предназначение. Некоторые командиры, политработники и начальники служб не вели должной борьбы за сохранность народного достояния. Постановлением ГКО «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время» устанавливался новый порядок ответственности за сохранность воинских грузов. На каждый вагон, автомашину или повозку с материальными средствами выдавался «открытый лист» — документ, в котором указывалось, какой груз и кому направляется. Без «открытых листов» категорически запрещалось перевозить грузы, а лица, нарушившие указанное требование, привлекались к судебной ответственности по законам военного времени. В одной из директив начальника Тыла Советской Армии начальникам тыла фронтов указывалось: «...при любых условиях учет должен вестись образцово. Всякие выдачи и получение материальных средств производить только после соответствующего документального оформления... Расход боеприпасов учитывать начиная с огневой позиции. Категорически запретить заправку горючим машин без предъявления документов... На каждую машину завести талонные книжки, дающие право на заправку горючим. Отпуск продфуража производить только по чековым требованиям и на основе отчетности о расходе и остатках. Прочие виды вооружения и снабжения отпускать только по требовательным ведомостям». Эти меры сыграли очень важную роль в сохранении военного имущества и способствовали улучшению снабжения войск фронтов.

В этот же период пришлось коренным образом изменить порядок планирования обеспечения Советской Армии материальными средствами. В целях повышения ответственности за расходование материальных средств и их экономию в октябре 1941 г. приказом НКО были введены лимиты расхода боеприпасов, а затем и горючего. Превышать их никто не имел права без разрешения Ставки Верховного Главнокомандования. Наряду с этим были установлены новые нормы содержания материальных средств во всех звеньях тыла. Предусматривалось хра-

нение боеприпасов: на фронтовых складах — до одного боекомплекта (вместо 8—10), на армейских — 0,75 боекомплекта (вместо 1–1,5), в войсках — 1,5, общие запасы боеприпасов во фронте — 3,25; запасы горючего на фронтовых складах — 2 заправки, продовольствия — 15 суточных; для армейских складов соответственно — 1 заправка, 5 суточных.

Вопросы обеспечения войск действующей армии материальными средствами, особенно боеприпасами, горючим, продовольствием, вещевым имуществом, постоянно находились под контролем начальника Тыла Советской Армии и его штаба. Для решения тех или иных проблем, связанных со снабжением Вооруженных Сил, нередко подключались соответствующие наркоматы. Так, с целью полного обеспечения войск теплым обмундированием ЦК партии и Советское правительство своим решением привлекли предприятия легкой промышленности Москвы и Подмосковья, Тамбовской, Ульяновской, Ивановской и Рязанской областей, а центральные органы тыла обязаны были оказать необходимую помощь промышленным предприятиям транспортом, сырьем и рабочей силой. По указанию заместителя Председателя СНК СССР А. Н. Косыгина начальник Тыла Советской Армии генерал А. В. Хрулев провел совещание руководителей текстильной промышленности СССР, директоров текстильных и швейных фабрик и комбинатов Москвы, начальников центральных довольствующих и обеспечивающих управлений для разработки мероприятий по обеспечению армии теплым обмундированием до наступления зимы. «Порознь мы ничего не сделаем, — говорил на этом совещании нарком текстильной промышленности СССР И. Н. Акимов, — а вместе задачу решим в срок. Вы, — обращаясь к А. В. Хрулеву, продолжал Илья Николаевич, — выделите автобаты, которые закрепим за отдельными фабриками. Каждое подразделение будет обслуживать какое-то одно направление. На такую насыщенную фабриками трассу, как Москва — Горький, есть резон поставить два автомобильных батальона, причем оба газогенераторных. Бензина у фабрик нет, а местным топливом — березовыми чурками машины обеспечим». Главное управление тыла Советской Армии выделило 2000 грузовых автомашин, 1700 парных повозок и 5 дорожностроительных батальонов для обеспечения нужд текстильщиков. Опираясь на помощь органов тыла Советской Армии, текстильная промышленность успешно справилась с поставленной перед ней ГКО задачей.

Наряду с решением задач по всестороннему материальному обеспечению войск действующей армии на органы тыла всех его звеньев была возложена важная задача по доставке фронтовикам подарков населения. Советские люди, движимые безграничной любовью к своей Родине, ее Вооруженным Силам и жгучей ненавистью к врагу, с первых дней войны старались оказать всемерную помощь героическим защитникам социалистического Отечества. Развернулось всенародное патриотическое движение по созданию фонда обороны нашей Родины. Работая с огромным напряжением сил, с удвоенной, утроенной энергией, коллективы заводов и фабрик отчисляли часть заработанных денег на создание военных госпиталей, приобре-

тение боевой техники. Рабочие, колхозники, представители советской трудовой интеллигенции сдавали в фонд обороны страны свои личные сбережения, драгоценности, изделия из золота, серебра, платины.

Только в течение первых 18 месяцев войны — к концу 1942 г. — от трудящихся Советского Союза в фонд обороны поступило 10,5 млрд. руб. наличными деньгами.

Почти одновременно с созданием фонда обороны в стране возникло массовое движение за сбор личных средств на строительство танковых колонн, эскадрилий боевых самолетов, бронепоездов, подводных лодок, боевых катеров, артиллерийских батарей и другого вооружения. В конце ноября 1941 г. по инициативе коллектива оренбургского завода имени С. М. Кирова и колхозников Шарлыкского района трудящиеся Чкаловской (Оренбургской) области приступили к сбору средств на строительство танковой колонны имени В. П. Чкалова. В начале декабря 1941 г. начался сбор средств на строительство танковой колонны имени М. В. Фрунзе в Ивановской, Омской и Челябинской областях, в Башкирской, Бурятской и Якутской автономных республиках. Трудящиеся Чкаловской области, передав фронтовикам построенную на свои средства танковую колонну, в октябре 1942 г. начали вносить деньги на строительство второй танковой колонны имени В. П. Чкалова.

Большой размах получил сбор средств на строительство боевых самолетов. Лишь в Пензенской области в сентябре 1942 г. для этой цели было собрано 14 млн. руб. Построенные на эти деньги восемь авиационных эскадрилий уже накануне 25-й годовщины Великого Октября были переданы воинам Сталинградского фронта. Труженики Тамбовской области собрали на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» к декабрю 1942 г. 40 млн. руб. Через три дня газеты опубликовали сообщение о том, что труженики колхозных полей Саратовской области собрали на строительство эскадрилий боевых самолетов 33,5 млн. руб.

Тамбовские и саратовские колхозники были первыми, кому в декабре 1942 г. от имени Советской Армии прислал благодарственные телеграммы Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин.

Таким образом, уже в первый период войны были построены на добровольные взносы трудящихся десятки танковых колонн и авиаэскадрилий.

Со всех концов страны на фронт направлялись посылки с теплыми вещами и продуктами для воинов переднего края, а также для раненых, находящихся в госпиталях. Эти подарки сдавались на базы, организованные в виде специальных отделов хранения при центральных, фронтовых и окружных продовольственных складах. На них подарки сортировались, комплектовались, а затем отправлялись адресатам. Ответственность за своевременную доставку и использование подарков строго по назначению постановлением ГКО возлагалась: за подарки, предназначенные фронтами военным госпиталям внутри страны, — на начальника Главного политического управления Советской Армии и начальника Тыла Советской Армии; за подарки, адресованные армиям, соединениям, частям и полевым госпиталям, — на членов военных советов и начальников тыла фронтов, армий, а также на заместителей командиров по тылу и военных комиссаров соединений; за подарки, предназначенные бойцам и командирам подразделений и частей, — на заместителей командиров по снабжению и военных комиссаров этих частей. Ценные подарки (часы, портсигары и другие вещи) передавались в распоряжение военных советов фронтов и армий для выдачи военнослужащим, отличившимся в боевых действиях с противником.

Массовое поступление на фронт теплых вещей и обуви помогло успешно решить проблему обеспечения ими войск в суровую первую зиму Великой Отечественной войны.

Только за три осенних месяца 1941 г. было собрано более 15 млн. штук различных теплых вещей (1175 тыс. пар валенок, более 500 тыс. полушубков, более 2 млн. овчин, свыше 4 500 тыс. пар шерстяных варежек, перчаток, чулок, меховых рукавиц и др.). Кроме того, было получено около 3 млн. кг шерсти, из которой затем изготовили сотни тысяч пар валенок, миллионы пар варежек. За счет полученных от населения в 1941 г.

теплых вещей и белья можно было одеть и обуть более 2 млн. воинов.

Такой огромной материальной поддержки народа не знала ни одна армия мира. «Наша Красная Армия прекрасно одета и обута и неплохо питается, — говорил М.И. Калинин 11 января 1942 г. на партийном активе г. Калинина. — Это засвидетельствованный всем миром факт, что наша страна сумела одеть свою армию лучше, чем гитлеровцы. А это на весах войны имеет очень большое значение».

Устойчивость обеспечения войск действующей армии материальными средствами целиком и полностью зависела от возможностей подвоза их всеми видами транспорта. Для центральных и нижестоящих органов управления тылом обеспечение войск материальными средствами и подвоз их является единым процессом и главным в их работе. Поэтому с самого начала войны организации работы всех видов транспорта уделялось первостепенное и постоянное внимание со стороны Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО, Ставки Верховного Главнокомандования, центральных органов тыла, военных советов фронтов и армий, органов оперативного и войскового тыла. В целях улучшения подвоза материальных средств войскам фронтов развертывались транспортные соединения и части, совершенствовались органы руководства транспортом. Постановлением ГКО в июле 1941 г. «Об организации автодорожной службы на шоссейно-грунтовых дорогах» предусматривалось развертывание на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном направлениях военно-автомобильных дорог Ставки Верховного Главнокомандования. Были созданы управления военно-автомобильных дорог, которые обеспечивали их эксплуатацию и несли ответственность за четкий порядок на дорогах. В дополнение к ранее созданной автотранспортной бригаде и пяти отдельным автотранспортным батальонам резерва Ставки Верховного Главнокомандования формировалось 50 автотранспортных батальонов. Для укомплектования их техникой ГКО в сентябре 1941 г. принял решение о дополнительной мобилизации из народного хозяйства 30 тыс. автомобилей с водителями. Автотранспортные части резерва Ставки Верховного Главнокомандования использовались, как правило, для срочной подачи материальных средств фронтам и армиям с центральных складов и баз, а иногда непосредственно с заводов и фабрик. В июле — августе 1941 г. этими частями было перевезено фронтам свыше 55 тыс. т снабженческих грузов.

Большие трудности возникли летом и осенью 1941 г. в работе железнодорожного транспорта. Узловые станции были переполнены поездами со снабженческими грузами в адрес фронтов и с эвакуационными грузами. Они представляли собой выгодные цели для бомбардировочной авиации противника. Из-за сложившейся обстановки порожняк

подолгу задерживался на фронтовых дорогах, что резко снижало оборачиваемость подвижного состава. В целях наведения должного порядка на основные узловые станции прифронтовых железных дорог в начале сентября 1941 г. были назначены уполномоченные начальника Тыла Советской Армии. Облеченные большими полномочиями, они совместно с НКПС и органами военных сообщений приняли решительные меры к ускорению продвижения и разгрузки воинских эшелонов, сводили к минимуму переадресовки их, оказывали всемерную помощь в формировании поездов прямого следования для каждого фронта.

Для обеспечения бесперебойной работы прифронтовых железных дорог и сохранения воинских грузов, перевозимых речными пароходствами, предусматривалось усиление ПВО снабженческих, санитарных и восстановительных поездов, а также вооружение речных судов.

Штабом начальника Тыла Советской Армии осуществлялся систематический и жесткий контроль за воинскими снабженческими перевозками. При необходимости оказывалась действенная помощь органам военных сообщений в их строгом выполнении. На все маршрутные поезда, направлявшиеся в действующую армию и пункты новых формирований, центральные довольствующие и обеспечивающие управления НКО выделяли своих офицеров, которые назначались начальниками поездов. Только в августе 1941 г. для сопровождения транспортов с горючим штаб начальника Тыла Советской Армии направил 200 офицеров. Кроме того, штаб Тыла совместно с ЦУПВОСО ввели новую нумерацию транспортов, позволявшую определить вид грузов и назначение каждого транспорта. Это имело весьма важное значение для улучшения перевозок и контроля за продвижением поездов. Проведение этих мероприятий помогло успешно выполнить массовые снабженческие и эвакуационные перевозки. Вскоре надобность в институте уполномоченных начальника тыла отпала.

Для оперативных, снабженческих и эвакуационных воинских перевозок широко использовался водный транспорт, в том числе и подводные лодки. Важную роль в эвакуации раненых и в перевозках войск играла также транспортная авиация. За июль — сентябрь 1941 г. с ее помощью было эвакуировано из действующей армии в глубокий тыл 52,7 тыс. раненых.

Осенью 1941 г. сложилась тяжелая обстановка со снабжением войск на Калининском, Ленинградском, Волховском и Западном фронтах. Из-за слабого развития сети грунтовых дорог, распутицы и неимоверных трудностей в использовании автотранспорта снабженческие грузы доставлялись войскам крайне медленно. Для того чтобы найти выход из создавшегося положения, начальник Тыла Советской Армии предложил организовать конные обозы. По решению ГКО к 24 декабря 1941 г. было создано 76 гужтранспортных батальонов (по 250 пароконных повозок или саней), которые были распределены между фронтами. 19 гужтранспортных батальонов находилось в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. Эта мера положительно сказалась на снабжении войск названных фронтов. Вскоре стали появляться формирования оленьих упряжек на севере.

Одной из наиболее сложных задач, решаемых органами тыла различных звеньев, являлась организация медицинского обеспечения войск фронтов. Коммунистическая партия и Советское правительство, Ставка Верховного Главнокомандования, военные советы фронтов, центральные, фронтовые и армейские органы тыла буквально с первого дня войны проявляли особую заботу о раненых и больных советских воинах, об их своевременной эвакуации с поля боя, оказании им квалифицированной и специализированной медицинской помощи. Наряду с военными медиками многое делали в этом отношении также работники продовольственной и вещевой служб, транспортники. Они обеспечивали питание раненых, снабжение их вещевым имуществом, размещение, своевременную эвакуацию в лечебные учреждения.

Наряду с мерами по усилению и коренной перестройке Тыла Советской Армии в целом Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли серьезное внимание улучшению работы самих тыловых частей и учреждений, широко привлекая для этого партийные органы. Народный комиссар обороны СССР и Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота в своей директиве от 20 июля 1941 г. потребовали от военных советов, политорганов, военных комиссаров, «взять под неослабный контроль работу тыла снизу доверху (штабы, связь, склады, органы снабжения, обозы и т. д.), проникать во все «закоулки», добиться образцовой работы тыла по полному и своевременному обеспечению фронта всем необходимым». С целью решительного улучшения партийно-политической работы среди личного состава тыла действующей армии решением ЦК ВКП(б) в августе 1941 г. были созданы политические отделы тыловых частей и учреждений во фронтах и армиях, а также политотдел железнодорожных войск Советской Армии. Центральная печать и радио, а также фронтовые и армейские газеты стали широко освещать работу тыла Советских Вооруженных Сил, разъяснять его решающую роль во всестороннем обеспечении боевых действий войск. В передовой статье «Бесперебойно питать фронт боеприпасами, горючим, продовольствием» газета «Красная звезда» указывала: «Работники тыла всегда должны чувствовать себя на передовой линии. Тот, кто самоотверженно работает в тыловых органах, всего себя, без остатка, отдает порученному делу, тот подлинный герой Отечественной войны».

Придавая большое значение поддержанию тесных взаимоотношений военного командования с местными партийными и советскими органами прифронтовой полосы, Центральный Комитет Коммунистической партии в ноябре 1941 г. принял постановление «О назначении одного из членов

военного совета фронта и армии ответственным за снабжение частей». На эту должность назначались, как правило, видные партийные и хозяйственные руководители тех областей и республик, на территории которых действовали войска. Хорошо зная экономику своих районов, они содействовали мобилизации и эффективному использованию местных ресурсов для обеспечения войск фронтов. Кроме того, члены военных советов фронтов и армий мобилизовали коллективы заводов, фабрик, колхозов и совхозов на сохранение народного достояния, быстрейший демонтаж и эвакуацию из угрожаемых районов оборудования промышленных предприятий, народнохозяйственного и военного имущества.

Организуя тыловое обеспечение Советской Армии, начальник Тыла и его штаб координировали в определенной мере и деятельность центральных довольствующих и обеспечивающих управлений, не подчиненных непосредственно начальнику Тыла Советской Армии, но занимающихся снабжением войск по роду своей деятельности. К числу таких служб относилось прежде всего Главное артиллерийское управление (ГАУ) Советской Армии. Успех работы ГАУ по снабжению войск фронтов и новых воинских формирований вооружением, боеприпасами был немыслим без активной помощи со стороны начальника Тыла Советской Армии. То же самое можно сказать о работе органов артиллерийского снабжения фронтов и армий. В трудных условиях первых месяцев войны, когда промышленность не в состоянии была удовлетворить возросшие потребности войск фронтов в боеприпасах и возместить потери их фронтами и флотами, центральный аппарат Тыла Советской Армии в соответствии с решением ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования принял самые срочные меры по доставке боеприпасов со складов Дальнего Востока, Забайкалья и Средней Азии Юго-Западному фронту, который в ходе сентябрьских боев за Киев и на Левобережной Украине понес большие потери, а также Западному, Калининскому и Брянскому фронтам, участвовавшим в битве под Москвой.

Штаб начальника Тыла Советской Армии, управления тыла фронтов и армий проделали огромную работу по организации и осуществлению возврата из войск стреляных гильз и спецукупорки, что имело важное значение для резкого увеличения производства боеприпасов. Дело в том, что из-за сокращения производства цветных металлов в стране и невозможности покрыть возросшую потребность в деревянной спецукупорке возникла угроза срыва плана снабжения фронтов боеприпасами. Этот вопрос встал уже в июле — августе 1941 г. Государственный Комитет Обороны обязал фронты и армии собирать на полях сражений гильзы и спецукупорку и возвращать их промышленности. Было определено, что без возврата установленного количества гильз и укупорки промышленности отпуск боеприпасов фронтам и отдельным армиям не производить. Вместе с тем устанавливались премии за пере-

выполнение плана возврата гильз и спецукупорки. Потребовалась большая организаторская работа всех звеньев тыла, умелое использование транспортных средств для перевозок. Ее осуществляли специально сформированные отделы и отделения штабов тыла. Это дало ощутимые результаты. Если в 1941 г. было возвращено на заводы промышленности всего 10 процентов укупорки, то в 1942 г. — более 50 процентов.

С коренной реорганизацией органов управления тылом Советской Армии в деятельности центрального аппарата сложилась определенная система работы, оправдавшая себя в течение всей войны. Суть ее состояла в том, что штаб начальника Тыла Советской Армии в соответствии с решениями Ставки Верховного Главнокомандования и указаниями Генерального штаба сообщал начальникам довольствующих и обеспечивающих управлений НКО, в том числе и ГАУ, о новых формированиях и тех железнодорожных станциях, на которые необходимо было подавать для этих формирований снабженческие грузы.

Немалую заботу органов тыла оперативных объединений представляло решение такой важной задачи, как обеспечение эвакуации местного населения и материальных ценностей, имущества колхозов, совхозов, скота и лошадей из 20—50-километровой прифронтовой зоны, считая от линии фронта.

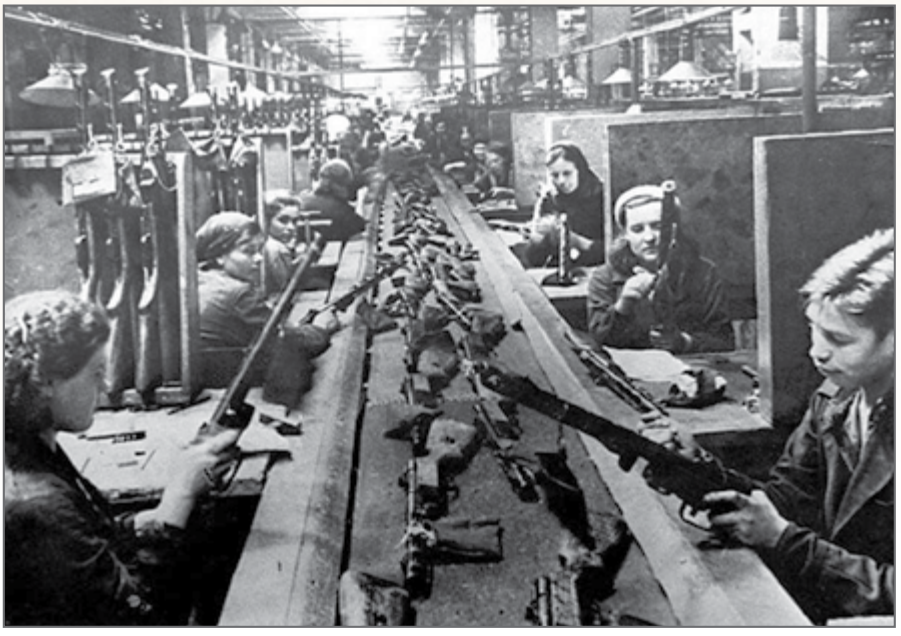
В начале войны значительную реорганизацию претерпели органы тыла Военно-Воздушных Сил Советской Армии. Как уже отмечалось, 19 августа 1941 г. приказом Народного комиссара обороны была введена должность начальника тыла Военно-Воздушных Сил Советской Армии — заместителя командующего ВВС Советской Армии по тылу. Ему были подчинены: управление устройства тыла, управление аэродромного строительства и управление интендантского снабжения. Начальником тыла ВВС Советской Армии был назначен генерал-майор авиации Н. А. Соколов-Соколенок, бывший начальник Военно-воздушной академии имени Жуковского. Одновременно с этим были созданы управления тыла ВВС фронтов, армий и военных округов, возглавляемые соответственно начальниками тыла авиации фронта, армии, округа.

С созданием самостоятельных органов управления тылом ВВС командующие и штабы получили возможность основное внимание уделить оперативному и боевому использованию авиации. Все вопросы тылового обеспечения авиации сосредоточились в руках начальника тыла. В первые месяцы войны части и учреждения аэродромного и материально-технического обеспечения были полностью выведены из состава авиационных соединений, что значительно повысило маневренность авиации. Авиационные базы, как лишнее звено между районами авиационного базирования и батальонами аэродромного обслуживания, были упразднены, что улучшило надежность и повысило оперативность обеспечения боевых действий авиации.

Проведенные Коммунистической партией меры по коренной перестройке и централизации управления тылом положительно сказались на его работе уже в ходе оборонительных боев летом и осенью 1941 г. на всем огромном советско-германском фронте. В ходе этих боев Советская Армия нанесла врагу тяжелые потери в живой силе и технике. Однако к началу октября 1941 г. обстановка оставалась тяжелой и напряженной. Имея превосходство в силах и средствах, противник стремился развить успех наступления. На северо-западном направлении гитлеровское командование готовило удар на Тихвин, чтобы полностью блокировать Ленинград. На юге немецко-фашистские войска стремились овладеть харьковским промышленным районом, Донбассом и Крымом.

Главный удар противник намеревался нанести на западном направлении и овладеть Москвой. Для этого готовилась крупная наступательная операция силами группы армий «Центр». Замысел ее заключался в уничтожении основных сил советских войск и обходе Москвы с севера и юга.

Работа тыла в битве под Москвой была особо напряженной. Наша страна находилась в то время в тяжелом положении. Выпуск военной продукции в октябре и ноябре был самым низким. Это вызвало чрезвычайные трудности в обеспечении действующих фронтов и новых формирований вооружением, боевой техникой, боеприпасами, обмундированием, снаряжением. Обеспеченность войск к началу оборонительного сражения была крайне низкой.

Например, на фронтовых и армейских складах Западного фронта имелось всего по 0,2–0,3 боекомплекта основных видов боеприпасов. Исключительно трудными были условия подвоза. Очень быстро наступила суровая снежная зима. Автомобильного транспорта недоставало, железные дороги работали с огромным напряжением. Только на станции, примыкающие к столице, за период битвы под Москвой было выгружено 315 тыс. вагонов. При этом необходимо учесть, что обхода вокруг Москвы в то время не существовало, а из пяти подходивших с востока железнодорожных направлений два были заняты народнохозяйственными перевозками.

В таких условиях решающее значение приобрело экономное расходование материальных средств во фронтах, накопление запасов и резервов, особенно в распоряжении центра. Именно в этот период были введены твердые лимиты расхода боеприпасов (а позже — и горючего). Большую роль сыграло увеличение скорости движения транспортов на железных дорогах, которую благодаря введению регулировочных графиков удалось довести до 600–800 км в сутки. Принятые меры позволили в ходе оборонительного сражения не только обеспечить восполнение текущего расхода, но и создать значительные запасы на армейских, фронтовых складах и базах центра. Так, к началу контрнаступления войска Западного фронта имели 2–3 боекомплекта боеприпасов, 5–6 заправок горючего, 10–12 сутодач продовольствия и фуража.

Энергичные меры по всестороннему тыловому обеспечению войск принимали центральные органы тыла Советской Армии. Они непосредственно занимались снабжением армий со своих складов, минуя фронтовое звено, что ускоряло поступление грузов в войска. Наличие густой сети коммуникаций и близость центральных складов позволяли ограничить глубину фронтовых тыловых районов. Так, глубина тылового района Западного фронта была около 200 км, а армий — более 100 км. В то же время на Калининском и других фронтах глубина тыловых районов была значительно большей.

Сдерживая натиск немецко-фашистских войск, рвавшихся в глубь нашей Родины, советские воины проявляли образцы героизма и мужества. Вместе с ними самоотверженно действовали воины тыла. Они с самого начала боевых действий обеспечивали бойцов переднего края боеприпасами и пищей, оказывали медицинскую помощь и эвакуировали раненых, а при необходимости сами становились в строй и с оружием в руках уничтожали врага. Обороной Брестской крепости руководил участник гражданской войны, член партии с 1918 г., помощник командира 44-го стрелкового полка по снабжению капитан И. Н. Зубачев. Повар рядовой Ф. В. Рябов в условиях напряженного боя снабжал продовольствием ее отважных защитников. 29 июня во время отражения атаки противника он бросился с гранатами в руках на гитлеровцев, а затем закрыл грудью своего командира.

Военфельдшер Р. И. Абакумова под огнем противника выносила на себе тяжелораненых бойцов в укрытия, оказывала им помощь. Она спасла жизнь многим красноармейцам и командирам.

С первых дней войны в составе 22-й армии почти у самой границы начал работать 4714-й полевой подвижной госпиталь. Вместе с войсками он отходил, не один раз был в окружении. В июле 1941 г. госпиталь развернулся в лесу, в 15 км от г. Невель. Палаток не хватало. Операционную и перевязочную разместили в шалашах и землянках. За шесть дней боев поступило около 2000 раненых непосредственно из полковых и батальонных медицинских пунктов. Госпиталь переместился в Великие Луки только после того, как противник захватил Невель. Приняв за два дня свыше 1000 раненых, он перешел на ст. Кунья, где в течение месяца оказал квалифицированную хирургическую помощь более 6000 раненых. 22 августа сюда прорвалось более ста немецких танков и бронемашин. Госпиталь оказался отрезанным от своих войск. Отдельными группами личный состав вместе с ранеными вышел из окружения. После доукомплектования госпиталь продолжал выполнять свои функции.

За образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество 4714-й госпиталь был награжден орденом Красной Звезды с вручением Грамоты Президиума Верховного Совета СССР и Красного знамени.

Героический подвиг в первые дни войны под Витебском совершил комсомолец младший лейтенант медицинской службы С. А. Богомолов.

Одна из батарей минометного дивизиона, комсоргом которого был военфельдшер С. А. Богомолов, выдвинулась в район нашего плацдарма на правом берегу р. Черница и поддерживала огнем подразделения, ведущие тяжелый бой с противником. Батальон гитлеровцев при поддержке танков прорвался к переправе, и батарея оказалась отрезанной. Заняв круговую оборону, минометчики упорно отбивали атаки врага. Из строя вышли командиры батареи и огневого взвода, и С. А. Богомолов принял командование батареей. Когда вражеское кольцо начало сжиматься вокруг огневой позиции, комсорг вызвал огонь на себя. Гитлеровцы не выдержали, а подоспевшие на выручку к отважным минометчикам две роты и батальон смяли врага.

Родина высоко оценила стойкость и бесстрашие минометчиков. Все они были награждены орденами, а младший лейтенант медицинской службы С. А. Богомолов удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Начальник военных сообщений 3-й армии бригадный комиссар И. П. Баринов в период отхода войск армии возглавил организованную им подрывную железнодорожную летучку и лично руководил проведением заградительных работ на железнодорожном участке хутор Михайловский — Навля. В бою с прорвавшимися танками противника бригадный комиссар погиб смертью героя.

Железнодорожным войскам зачастую приходилось проводить заграждения под вражеским огнем и вступать в бои с частями противника. Характерными в этом отношении являются боевые действия 28-й отдельной железнодорожной бригады, которая упорной и активной обороной, сочетавшейся с контратаками, прочно прикрыла фланг 12-й армии, нанеся врагу большие потери в живой силе и технике.

За проявленную отвагу в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за стойкость, мужество, высокую дисциплинированность и организованность, за героизм личного состава 28-я отдельная железнодорожная бригада была преобразована в 1-ю отдельную гвардейскую железнодорожную бригаду.

Личный состав железнодорожных войск Советской Армии выполнил огромный объем работ по заграждению и разрушению железных дорог. В августе — октябре 1941 г. заграждение железных дорог было проведено по всем основным коммуникациям и рокадам на северо-западном, западном и юго-западном направлениях. Это привело к тому, что в разгар сражения под Москвой немецкая группа армий «Центр» получала в среднем в сутки только 23 эшелона вместо требующихся 70.

Бессмертный подвиг совершил сержант 76-го путевого батальона 1-й железнодорожной бригады В. П. Мирошниченко. Возглавляя команду подрывников, он получил приказ на подрыв моста через Снопоть, когда на противоположном берегу реки появились фашистские мотоциклисты. Вражеский обстрел повредил провод к подрывной машинке. Тогда Мирошниченко подполз вплотную к заряду и поджег его. Вместе с бежавшими по нему фашистами мост взлетел на воздух. Сержанту В. П. Мирошниченко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он навечно зачислен в списки одной из частей Советской Армии.

Самоотверженная работа советских железнодорожников вместе с работниками органов военных сообщений во время битвы под Москвой способствовала тому, что за короткий срок в район столицы было переве-

зено 39 дивизий, 42 бригады и другие части. Существенную помощь действующей армии в подвозе материальных средств оказали гужтранспортные батальоны (санные конные обозы), доставлявшие грузы по бездорожью.

Активно работали органы тыла Западного фронта во главе с генерал-майором В. П. Виноградовым. К октябрю 1941 г. во фронте и армиях было завершено в основном доукомплектование и формирование тыловых частей и учреждений. Размещались органы тыла фронта, и в первую очередь склады с запасами материальных средств, как правило, вдоль железных и автомобильных дорог. Каждой армии на железных дорогах фронта назначались выгрузочные станции. В районе этих станций обычно располагались и армейские базы.

С переходом советских войск в контрнаступление значительно изменились характер, объем задач тыла и условия их выполнения. Только одному Западному фронту ежесуточно требовалось 10 тыс. т материальных средств. Особенно большая потребность была в боеприпасах и горючем. Обеспечение же ими войск было затруднено из-за нехватки транспортных средств, сложных дорожных условий и низких темпов восстановления железных дорог.

Учитывая тяжелое положение с подвозом, Ставка Верховного Главнокомандования выделяла фронтам транспорт из своего резерва. Иногда материальные средства, особенно боеприпасы, минуя склады центра и фронтов, направлялись непосредственно в армии и даже дивизии. В некоторых случаях боеприпасы доставлялись из Москвы самолетами, например в район Тулы, для зенитных частей 50-й армии и приданных ей гвардейских минометных дивизионов.

Однако, несмотря на принятые меры по мобилизации внутренних ресурсов и помощь Ставки транспортом, трудности с подвозом не были полностью преодолены, и войска испытывали недостаток в материальных средствах в ходе всего контрнаступления. Это явилось одной из причин незавершенности наступательных операций советских войск зимой 1941/42 года.

Сложную и ответственную работу выполнял Тыл Советской Армии при обороне Ленинграда. Противнику удалось блокировать город с трехмиллионным населением, имевший крайне ограниченные запасы продовольствия и топлива. Задачи обороны слились воедино с задачами по снабжению войск и населения, и в первую очередь питанием. Запасов продовольствия хватило примерно до середины ноября 1941 г., не было топлива. ЦК партии и Ставка ВГК поручили Военному совету Ленинградского фронта и начальнику Тыла Советской Армии организовать подвоз в Ленинград продовольствия и эвакуацию из него раненых и населения. Для этой цели использовались прежде всего транспортные самолеты Московской особой авиагруппы — средства Ставки ВГК. Работа ее планировалась вначале Управлением военных сообщений, а с ноября 1941 г. — штабом начальника Тыла Советской Армии. За сентябрь — декабрь в трудных метеорологических условиях, при активном противодействии авиации противника в Ленинград было доставлено 6700 т срочных грузов, эвакуировано 29,6 тыс. квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников военной промышленности и свыше 7000 раненых.

Но возможности транспортной авиации были ограничены. Потребовалось срочно организовать перевозки через Ладожское озеро. Однако этот единственный путь связи со страной не был оборудован пристанями, подъездными путями. Не хватало барж, буксиров. По решениям Военного совета Ленфронта в короткий срок силами войск и рабочих был построен порт Осиновец на западном берегу озера. Но почти все озерные баржи и буксиры оказались запертыми в Неве. Работники речного флота и военные моряки проявили много изобретательности по изысканию перевозочных средств. В затонах Новой Ладоги разыскали списанные суда и отремонтировали 27 барж под сухие грузы. Продовольствие, боеприпасы, горючее в порт Новая Ладога доставляли по железной дороге органы Тыла Советской Армии, которые осуществляли также погрузочно-разгрузочные работы. 12 сентября первые две баржи с зерном поступили в Осиновец. В целях увеличения объема перевозок в районе Волховстроя заместитель начальника Тыла Советской Армии генерал-майор П. А. Ермолин

вместе с заместителем наркома речного флота А. А. Лукьяновым и группой офицеров центрального аппарата тыла наладил изготовление больших озерных барж. Ни осенние штормы, ни интенсивные удары вражеской авиации не могли подорвать решимости воинов тыла. С 10 сентября по 15 ноября 1941 г. малочисленные суда Ладоги доставили в Ленинград около 45 тыс. т грузов (главным образом продовольствия) и эвакуировали 33,5 тыс. человек.

С началом ледостава на Ладожском озере начала действовать ледовая трасса — Дорога жизни. Ответственным за организацию перевозки грузов был начальник тыла Ленинградского фронта генерал Ф. Н. Лагунов, непосредственное руководство военно-автомобильной дорогой возглавили заместитель начальника тыла фронта А. М. Шилов и военный комиссар генерал И. В. Шикин. По ледовой трассе за зиму было перевезено 361 109 т грузов, что дало возможность значительно улучшить снабжение населения и войск продовольствием и создать некоторые запасы продуктов питания, боеприпасов и горючего. К весне 1942 г. (до закрытия дороги) по ней было эвакуировано 555 тыс. человек, вывезено около 3700 вагонов промышленного оборудования, цветных металлов.

Организацию эвакуации ленинградцев осуществлял заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. Н. Косыгин. В первую очередь вывозили детей, женщин, больных, престарелых. Для быстрого решения этой задачи из многих городов страны — Москвы, Ярославля, Горького и др. — в Ленинград были направлены колонны автобусов с двумя сменами шоферов.

Военный совет Ленинградского фронта повседневно интересовался работой ледовой трассы, оказывал всевозможную помощь. Были выделены автомобильные и дорожные части, зенитные дивизионы, истребительная авиация и наземные войска. Деятельность ледовой трассы проходила в тяжелейших условиях — под бомбежками авиации противника и артиллерийскими обстрелами. Метели и морозы ограничивали движение, штормовые ветры перемещали ледяные поля, часто образовывались разводья и торосы. Но Дорога жизни действовала. Ленинград не сдавался.

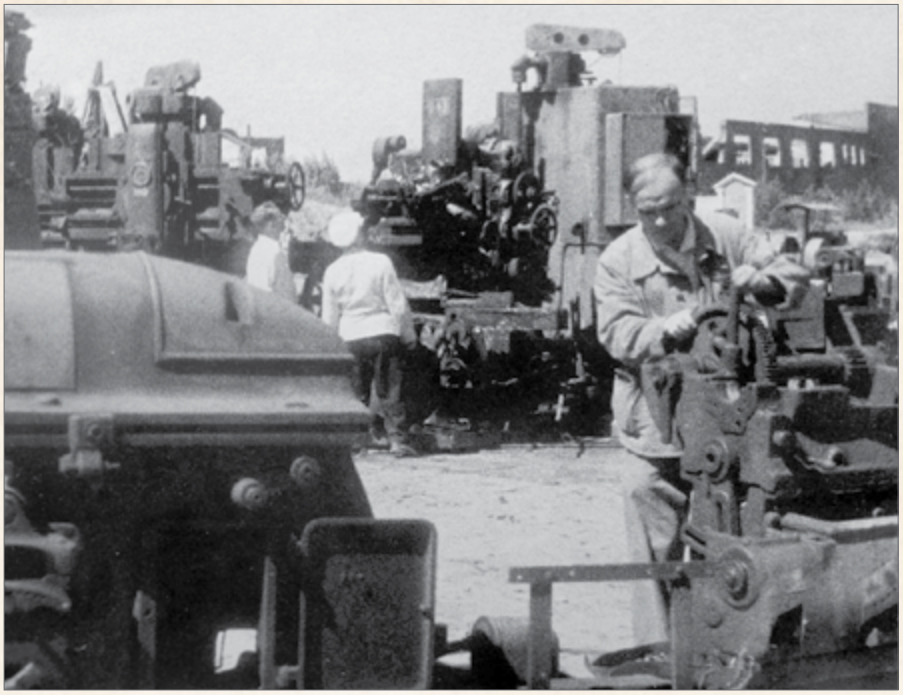
Подлинными героями ладожской трассы стали водители коммунисты А. П. Бойкин, Ф. Б. Емельянов, А. П. Кондрин, И. С. Патека, В. И. Сердюк, М. С. Твердохлебов, В. Д. Тишков и многие другие.

Опыт работы тыла в битве под Москвой и в других сражениях первого периода войны имел важное значение. Он подтвердил, что принятая в августе 1941 г. новая структура органов управления тылом, основанная на принципе строгой централизации, в основном соответствует условиям ведения войны, организационной структуре Вооруженных Сил и сложившейся в стране экономической обстановке.

Объединение под руководством начальника тыла организации тыла, снабжения действующей армии материальными средствами, подвоза и эвакуации дало возможность оперативно решать главные задачи тыла, упорядочить обеспечение войск боеприпасами, горючим, продовольствием, различным имуществом и наиболее рационально использовать все виды транспорта.

Начальник Тыла Советской Армии генерал А. В. Хрулев в своем докладе Народному комиссару обороны в апреле 1942 г. указывал: «Десятимесячная практика показала, что сформированные управления тыла фронтов и армий оказались жизнеспособными и целиком оправдали

свое назначение. Начальники тыла фронтов и армий на деле являются полномочными заместителями командующих по тылу и, обладая всей полнотой власти, являются единственными ответственными лицами за все вопросы тыловой службы».

Страна напрягла все свои силы, чтобы удовлетворить фронт всем необходимым. Народнохозяйственным планом на третий квартал 1941 г., утвержденным ЦК ВКП(б) и СНК СССР 30 июня 1941 г., предусматривалось увеличение производства военной продукции по сравнению с довоенным планом на 26 процентов. Большинство промышленных предприятий переключалось на выпуск военной продукции. Намечалось строительство новых военных заводов, электростанций, предприятий топливной, металлургической, химической промышленности в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири.

В целях быстрой мобилизации всех сил страны для удовлетворения нужд фронта по решению Политбюро ЦК партии 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина. В руках этого чрезвычайного органа сосредоточивалась вся полнота власти в стране, государственное, военное и хозяйственное руководство. Он объединял деятельность всех государственных и военных учреждений, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Постановления ГКО имели силу законов военного времени. Члены Государственного Комитета Обороны и Центрального Комитета партии А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский, М. И. Калинин, А. Н. Косыгин, В. А. Малышев, А. И. Микоян, Н. М. Шверник и другие лично занимались вопросами обеспечения Вооруженных Сил, возглавляли участки этой ответственной работы. Н. А. Вознесенский руководил развитием производства вооружения и боеприпасов. А. Н. Косыгин организовывал производство обмундирования и обуви для армии и флота. А. И. Микоян ведал вопросами обеспечения Вооруженных Сил горючим, продовольствием и вещевым имуществом. А. А. Андреев отвечал за работу железнодорожного транспорта и возглавлял Комитет по обслуживанию раненых и больных. Опытные партийные и хозяйственные работники возглавляли основные промышленные наркоматы: А. И. Шахурин — авиационной промышленности; В. А. Малышев — среднего машиностроения, а затем танковой промышленности; Д. Ф. Устинов — вооружения; П. И. Паршин — минометной промышленности; Б. Л. Ванников — боеприпасов; И. Ф. Тевосян — черной металлургии; А. И. Ефремов — станкостроительной промышленности; В. В. Вахрушев — угольной.

Центральный Комитет партии осуществлял общее руководство эвакуацией. Он сосредоточил на решении этой чрезвычайно важной задачи усилия всех партийных, советских и хозяйственных организаций.

24 июня по решению Политбюро ЦК партии был создан Совет эвакуации во главе с Н. М. Шверником, его заместителями были А. Н. Косыгин и М. Г. Первухин. С конца июня по декабрь 1941 г. из Белоруссии, с Украины, из Молдавии, Прибалтийских республик, западных областей РСФСР было эвакуировано на Урал, в Сибирь, Поволжье и Казахстан 10 млн. человек, 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных, в основном военных заводов, около 11 тыс. тракторов, большое количество скота, имущества колхозов, совхозов и МТС.

К решению задач по эвакуации были привлечены органы стратегического и оперативного тыла Советской Армии. На западе они содействовали быстрейшему демонтажу оборудования и погрузке его в вагоны. На востоке — энергично помогали местным властям в разгрузке поездов, а также в налаживании производства, выделяя для этого рабочую силу и транспорт.

Развертывание военного производства было сопряжено с неимоверными трудностями. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что «по сути дела, целая индустриальная страна была перемещена на тысячи километров. Там, на необжитых местах, часто под открытым небом, машины и станки буквально с железнодорожных платформ пускались в дело». Трудности заключались еще и в том, что средняя численность рабочих и служащих в народном хозяйстве уменьшилась с 31,8 млн. человек в первом полугодии 1941 г. до 22,8 во втором полугодии и до 18,4 млн. человек в 1942 г. Недостаток рабо-

чих восполнялся введением нового трудового режима. Был увеличен рабочий день, отменены очередные и дополнительные отпуска, введены обязательные сверхурочные работы. Все рабочие и служащие военной промышленности объявлялись мобилизованными. Советский народ был преисполнен трудового энтузиазма. Взамен ушедших на фронт мужчин к станкам становились женщины, юноши и люди старшего поколения. Колхозники, рабочие совхозов и МТС работали не жалея сил, чтобы убрать урожай и выполнить план поставок сельскохозяйственной продукции 1941 года. Тысячи колхозников, не дожидаясь уборки и обмолота хлебов нового урожая, сдавали государству зерно из своих прошлогодних запасов.

Важные коррективы были внесены в работу всех отраслей народного хозяйства. ГКО в июле 1941 г. была определена основная линия хозяйственной политики в условиях вынужденной эвакуации промышленности из угрожаемых районов на восток. Составление военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны поручалось комиссии во главе с Н. А. Вознесенским с привлечением соответствующих наркоматов. 16 августа 1941 г. решением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) был принят новый военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941-го и на 1942 год. Согласно этому плану основной оборонной базой страны становились Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Казахстан, Средняя Азия, куда направлялись с запада эвакуированные предприятия и население.

Особое внимание уделялось быстрейшему вводу в строй заводов, производивших самолеты, авиамоторы, танки, артиллерийские системы всех калибров, стрелковое вооружение, боеприпасы. В этих же районах планировалось развитие легкой и пищевой промышленности, создание государственных резервов топлива, горючего, металла, продовольствия и промышленных товаров за счет текущего производства и за счет эвакуации ресурсов из западных областей Советского Союза.

Перестраивался на военный лад транспорт. То, что казалось раньше невозможным, становилось обычным в суровое время войны. Железнодорожники перешли на сверхскоростные графики, стали формировать сдвоенные и строенные поезда, пропуская их безостановочно к районам выгрузки. Самоотверженно трудились работники морского и речного транспорта. В целях улучшения планирования и регулирования перевозок железнодорожным, морским и речным транспортом, координации их усилий на решение главных задач в феврале 1942 г. при ГКО был образован Транспортный комитет.

Особое внимание партия и правительство уделяли железнодорожному транспорту, который в 1942 г. пережил наибольшее снижение уровня своей эксплуатационной работы, вызванное прежде всего потерей около половины самой развитой части железнодорожной сети, громадным уроном, нанесенным врагом советским магистралям, резким сужением их материально-технической базы, нехваткой топлива, электроэнергии и т. д. В 1942 г. парк паровозов уменьшился на железнодорожной сети на 14 процентов, парк товарных вагонов — на 21. Количество вагоноремонтных заводов сократилось по сравнению с 1940 г. с 32 до 16, вагонных депо — со 182 до 98, пунктов технического осмотра — с 19 398 до 870 и т. д. Грузооборот железных дорог с 1940 по 1942 г. уменьшился с 592,6 млн. т до 277,2 млн. т, то есть более чем в 2,1 раза.

В сложившейся обстановке потребовалось в первую очередь принять срочные меры по укреплению руководства транспортом. Постановлением ГКО от 25 марта 1942 г. народным комиссаром путей сообщения по совместительству был назначен заместитель Наркома обороны — начальник Тыла Советской Армии генерал А. В. Хрулев (до мая 1943 г.). Как отмечает в своих воспоминаниях А. В. Хрулев, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин так объяснил это решение ГКО:

«Я отдаю себе отчет в том, как сложна и ответственна выполняемая вами работа начальника тыла Красной Армии. Но снабжение фронтов — это прежде всего подвоз. Поэтому соединение в одном лице двух должностей — наркома путей сообщения и начальника тыла позволит наиболее надежно решить вопрос о подаче в действующую армию всего, что необходимо для разгрома врага. На посту наркома путей сообщения вы станете ближе ко всему народному хозяйству, которое тесно соприкасается с железнодорожным транспортом и во многом от него зависит...»

Совершенствовалась также структура центрального аппарата тыла. Был усилен Штаб начальника Тыла Совет-

ской Армии, в первую очередь звенья, организующие подвоз, созданы Главное управление продовольственного снабжения и трофейная служба. В целях улучшения руководства восстановлением автомобильных дорог дорожные части НКВД были переданы автодорожной службе Советской Армии, а органы управления Гушосдора НКВД расформированы. Вместо грунтовых участков развертывались военно-автомобильные дороги.

Дальнейшее развитие получила структура органов управления тылом. В мае 1942 г. во фронтах вводилась должность заместителя начальника тыла и вместо оргплановых отделов во фронтах и армиях создавались штабы тыла. Службы снабжения — артиллерийского, автобронетанкового, инженерного, связи, химического и другие — по вопросам общей организации тыла, планирования снабжения, подвоза и эвакуации были подчинены начальнику тыла — заместителю командующего войсками фронта (армией) по тылу. При этом ответственность за снабжение войск всеми видами материальных средств была оставлена за соответствующими начальниками родов войск и служб фронта (армии). В корпусах и дивизиях вводилась должность заместителя командира корпуса, дивизии по тылу. Это позволило целенаправленно и своевременно решать основные вопросы тылового обеспечения войск в операциях и резко повысить оперативность управления тылом.

В первый период войны в действующей армии были созданы полевые подвижные госпитали (ППГ), способные работать в полевых условиях, а также сортировочно-эвакуационные госпитали (СЭГ) и госпитали для легкораненых, что дало возможность улучшить всю организацию лечебно-эвакуационного дела и ускорить возвращение в строй выздоровевших военнослужащих. Больше внимания стало уделяться партийно-политической работе и культурно-массовому обслуживанию раненых в госпиталях, коечная сеть которых расширилась в 1942 г. на 36 процентов.

Огромная работа в первый период войны была проделана по подготовке офицерских кадров тыла. Этим занимались военные академии и училища, учебный процесс которых был перестроен с учетом потребностей военного времени. Для подготовки в короткие сроки младших офицеров была создана широкая сеть курсов и школ. Интендантская академия Советской Армии в целях приведения учебной деятельности в соответствие с задачами подготовки кадров для организации тыла и военного снабжения Советской Армии была реорганизована в Военную академию тыла и снабжения. Она имела факультет тыла, готовивший командиров — организаторов тыла войсковых соединений, армий и фронтов, а также трехмесячные курсы усовершенствования старшего начальствующего состава. Подготовка медицинских специалистов осуществлялась в трех военно-медицинских академиях, трех училищах, школах подготовки младших фельдшеров. Специалисты военных сообщений готовились в Военно-транспортной академии и училище ВОСО; офицерский состав продовольственной и вещевой служб — в интендантском училище и на интендантских курсах; врачи и фельдшера ветеринарной службы — в Военно-ветеринарной академии Советской Армии и Военно-ветеринарном училище.

Наряду с этим продолжалось укрепление органов тыла опытными, подготовленными кадрами. На работу в центральный аппарат и на должности начальников тыла фронтов и армий пришли крупные военно-хозяйственные работники — генералы Д. И. Андреев, Н. П. Анисимов, В. П. Виноградов, Ф. Н. Лагунов и другие.

Генералы и офицеры тыла в тяжелый первый период войны приобрели большой опыт тылового обеспечения как оборонительных, так и крупных наступательных операций.

Не добившись осуществления своих коварных замыслов на московском направлении, гитлеровское командование сосредоточило свои усилия на южном крыле советско-германского фронта. Летом 1942 г. противник захватил важные промышленные и индустриальные районы нашей страны — Донбасс и Северный Кавказ. Его выход на железнодорожные и водные коммуникации, связывающие центральные и южные районы страны, значительно осложнил работу промышленности и снабжение армии. Особое место в летне-осенней кампании 1942 г. заняло сталинградское направление, на котором развернулись ожесточенные бои.

Работа тыла на этом направлении осуществлялась в чрезвычайно сложной обстановке. При отходе наших войск к переправе через Дон Южный фронт потерял значительную часть своих тыловых частей и учре-

ждений, а также автотранспорта. Все железные и автомобильные дороги с запада в сторону Сталинграда и Кавказа оказались прерванными, а Волга минировалась авиацией противника. Снабжение фронтов сталинградского направления с центральных баз и складов, с Урала и из Сибири осуществлялось только по одной Рязано-Уральской железной дороге с однопутной веткой Саратов — Урбах — Баскунчак, которая была сильно перегружена, и суточный пробег поездов зачастую составлял всего 100 км в сутки. Весьма сложной оказалась организация снабжения войск, действовавших в Закавказье. Доставка грузов морем из Астрахани и Гурьева затруднялась также слабым развитием портового хозяйства на западном побережье Каспийского моря. Основная база снабжения фронтов горючим — Баку — была отрезана противником. Поэтому его приходилось возить от каспийского порта Красноводска по железной дороге через Среднюю Азию. В противоположном направлении шли воинские грузы для Закавказского фронта. Это был дальний путь, к тому же Ашхабадская железная дорога имела низкую пропускную способность. Государственный Комитет Обороны и руководство Тыла Советской Армии приняли энергичные меры по налаживанию снабжения фронтов. В рекордно короткие сроки была организована перевозка горючего из Баку через Каспий на Гурьев, где быстрыми темпами оборудовали порт. Тогда же был осуществлен замечательный эксперимент с массовой переброской в Гурьев порожних цистерн по Каспийскому морю на плаву за буксирами. В соответствии с решением Ставки ВГК о разгрузке железных дорог, более широком использовании водных путей Волги и Каспийского моря для фронтов южного направления были организованы базы снабжения и перевалки грузов в Вольске, Саратове, Камышине, Махачкале. Для материального обеспечения Северо-Кавказского и Закавказского фронтов приказом начальника тыла Советской Армии от 1 августа 1942 г. была организована база центра НКО во главе с помощником начальника Тыла Советской Армии генералом Ф.Н. Зеленцовым. Начальник базы был наделен широкими полномочиями.

По решению ГКО начала строиться железнодорожная рокада от Саратова до Сталинграда, железная дорога от Астрахани до Кизляра и мост через Волгу у Астрахани, что в перспективе имело важное значение для снабжения фронтов. Огромную работу по перевозке войск через Волгу, доставке материальных средств и эвакуации раненых выполняли речники Нижне-Волжского пароходства и личный состав Волжской военной флотилии. На кораблях, паромных буксирах, баркасах, речных трамваях только за оборонительный период было перевезено 124 тыс. человек, 20,4 тыс. лошадей, около 300 орудий, 121 танк, 1740 автомашин и свыше 250 тыс. т различных материальных средств.

В первый, самый тяжелый для нашей Родины и ее Вооруженных Сил период Великой Отечественной войны еще глубже раскрылась руководящая роль партии, ее связь с массами. Под руководством Коммунистической партии советский народ в тяжелейших условиях войны проделал поистине титаническую работу по переводу народного хозяйства на военные рельсы, налаживанию массового производства боевой техники, вооружения, боеприпасов и других материальных средств.

В ходе первого периода войны, длившегося около 17 месяцев, был сорван гитлеровский план «молниеносной войны», нанесен огромный урон немецко-фашистской армии, ликвидированы ее преимущества, вытекавшие из внезапного нападения, созданы предпосылки для коренного перелома не только в Великой Отечественной войне, но и во всей второй мировой войне. В ходе войны изменились Вооруженные Силы. Их состав и структура были приведены в соответствие с условиями ведения войны и задачами, которые им приходилось решать в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Тыл Советской Армии в первом периоде войны был перестроен и централизован. Рельефно обозначилось его высшее звено — стратегический тыл, который аккумулировал силы и средства центрального подчинения и ресурсы, выделяемые Ставкой ВГК для непосредственного обеспечения армии и флота. Это позволило более эффективно обеспечивать действующую армию боеприпасами, горючим, продовольствием, быстро эвакуировать раненых. Общее руководство стратегическим тылом осуществлял Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования, а непосредственное — заместитель Народного комиссара обороны — начальник Тыла Советской Армии. Вновь созданные органы управления стратегическим тылом были тесно связаны с Госпланом, наркоматами, партийными, советскими и хозяйственными организациями. Они обеспечили правильное использование материальных ресурсов, которые страна давала фронту, их своевременную доставку в действующую армию. Генеральный штаб оказывал решающее влияние на организацию тылового обеспечения фронтов и флотов в процессе оперативно-стратегического планирования, определяя основные задачи тыла и потребность в материальных ресурсах.

Полученный опыт по всестороннему тыловому обеспечению войск как при ведении войсками оборонительных операций, так и в контрнаступлении и в общем наступлении был использован для дальнейшего улучшения структуры органов тыла и совершенствования методов их работы.

Для Тыла Советской Армии это был период становления, развития и совершенствования способов всестороннего тылового обеспечения войск в различной оперативно-стратегической обстановке, в трудных условиях перевода народного хозяйства на военные рельсы. Проделав огромную работу в ходе оборонительных сражений, в контрнаступлении и в общем наступлении, тыл Советской Армии накопил необходимый опыт и был готов к обеспечению войск в более широких наступательных операциях. ■

А.А. КОШКИН, доктор исторических наук, профессор Института стран Востока, политолог-востоковед

ЦЕЛИ ХАЛХИНГОЛЬСКОЙ АВАНТЮРЫ

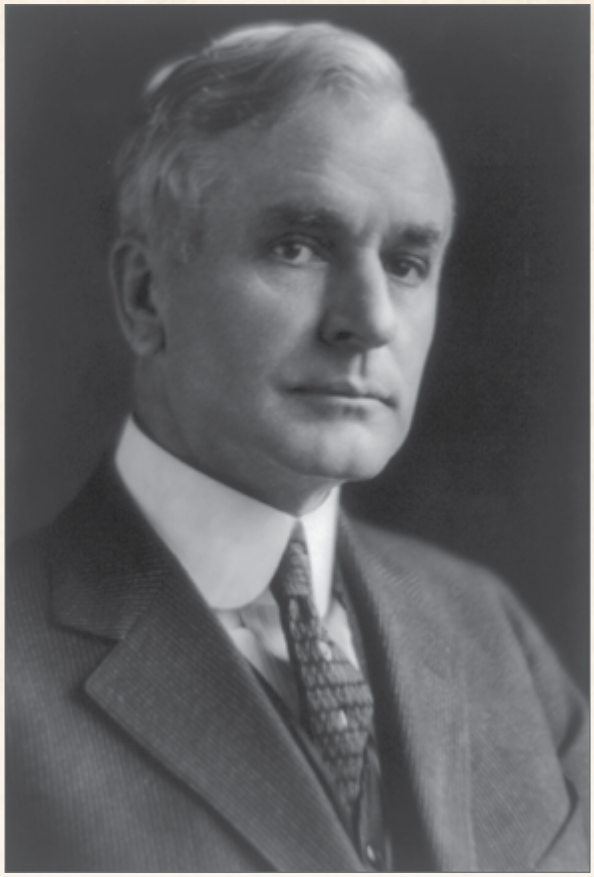
▲ Халхин-Гол

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, уже не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря китайский министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцяо (у моста Марко Поло близ Пекина. — А. К.) в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня, так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться». Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств.

Несмотря на то, что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой

▲ Чан Кайши

▲ Хэлл, Госсекретарь США

половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение.

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн долларов. В наиболее трудный начальный период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была символической. Так, с июля 1937 по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 т пороха.

В то же время увеличивались поставки военных материалов США в Японию, что обеспечивало ей возможность продолжать агрессию. По китайским данным, в течение трех первых лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн тонн) 70% поступило из США. О том, что Япония широко использовала в Китае американские поставки, свидетельствовал тогдашний торговый атташе США в Китае, который писал: «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией». По китайским подсчетам, от американского оружия погибали 54 из каждых 100 мирных жителей Китая.

При таком положении крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз».

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше — 124. Информируя посла СССР в Японии о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью».

Однако японское правительство опасалось открытия еще одного фронта. В январе 1938 г. в ответ на запрос германского генерального штаба о возможности японо-советского столкновения представитель японского генштаба армии генерал Хомма отвечал, что подготовка к войне на севере ведется ускоренными темпами, «ибо всякая оттяжка во времени идет на пользу СССР». Вместе с тем, разъясняя трудности войны в Китае, а также финансовые проблемы Японии, он указывал, что «для подготовки войны против Советского Союза Японии потребуется не менее года, но не более двух лет».

Цели и задачи войны Японии против СССР были первоначально изложены в разработанном в августе 1936 г. генеральным штабом армии документе «Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза». В случае начала большой войны с СССР в нем предусматривалось на первом этапе «захватить Приморье (правое побережье Уссури и Амура) и Северный Сахалин» и «заставить Советский Союз согласиться со строительством Великого монгольского государства». Оперативный план 1937 г. предусматривал наступление с трех направлений — восточного, северного и западного. Важнейшей задачей объявлялось быстрое «разрушение Транссибирской железной дороги в районе Байкала, с тем чтобы перерезать главную транспортную артерию, связывающую европейскую часть СССР с Сибирью».

В марте 1938 г. штабом Квантунской армии в центр был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью с целью его захвата и отсечения советских войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику.

Разработка этих планов свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем. Однако более осторожные японские политики считали, что приступить к решению «северной проблемы» можно будет лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом японские лидеры не скрывали своего намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. государственный секретарь США Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае».

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР. Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Однако цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских намерений перед западными державами. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем чтобы предотвратить выступление СССР против Японии».

Можно считать, что одной из основных целей хасанских событий было «устрашить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор времени нападения диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению уханьской операции, японцам было важно убедиться, что Советский Союз не имеет намерения вооруженным путем воспрепятствовать расширению японской агрессии в Китае. Бывший начальник оперативного отдела императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии».

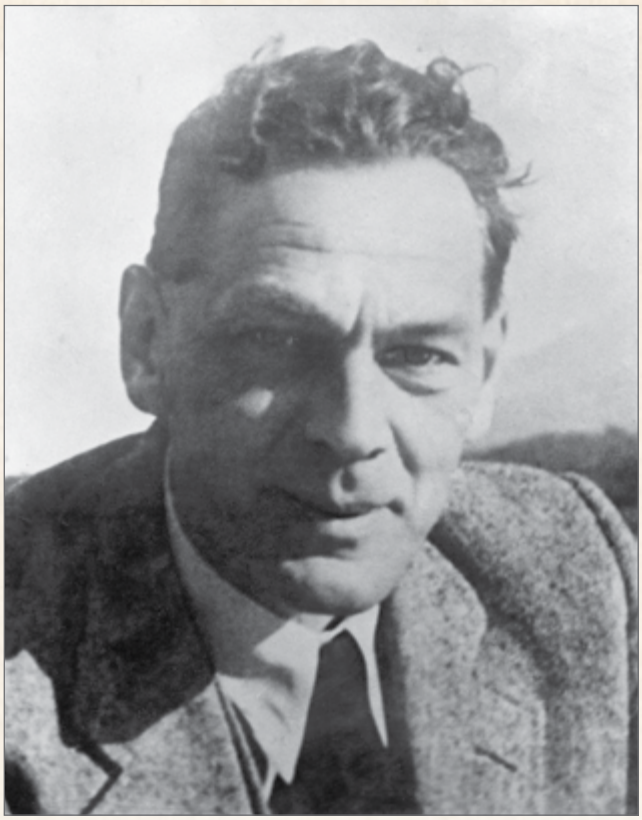
15 июля 1938 г. японский посол в СССР М. Сигэмицу по указанию Токио в категорической форме заявил о «нарушении» советскими военнослужащими границы и предъявил советскому правительству требование правительства Японии о «передаче» части территории СССР близ озера Хасан. В ответ советское правительство предъявило Хунчунское соглашение, подписанное с Китаем в 1886 г. В приложенной к соглашению карте прохождения русско-китайской границы четко обозначено, что высота Заозерная, на которую Япония выдвинула претензии, лежит на русской территории. Однако японская сторона игнорировала этот документ.

29 июля японские войска, пользуясь численным перевесом, вторглись на советскую территорию. Советские пограничные подразделения были вынуждены отойти к востоку от озера Хасан. Когда императору Японии было доложено об этих действиях японской армии, он «выразил удовлетворение».

10 августа советские войска нанесли неожиданный и мощный удар.

▲ Премьер-министр Коноэ

▲ Рихард Зорге

Японцы были выбиты с захваченной территории. Опасаясь полного разгрома, начальник штаба 19-й дивизии спешно отправил начальнику штаба корейской армии телеграмму, в которой просил «немедленно начать дипломатические переговоры», заявляя, что японская армия уже «продемонстрировала свою мощь... и, пока есть выбор, нужно остановиться». В пользу такого решения было и то, что, следуя приказу из Москвы, части Особой Дальневосточной армии не стали развивать наступление в глубь Маньчжурии, демонстрируя стремление избежать расширения конфликта.

В Москве было известно, что японская провокация в районе озера Хасан преследовала в первую очередь цель «устрашить СССР», и что японцы в данный момент к большой войне с Советским Союзом не готовы. 3 августа 1938 г. резидент советской разведки в Японии Рихард Зорге передал в Москву: «...Японский генштаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь».

Поэтому, когда через посольство в Москве японское правительство запросило прекращения боевых действий, соглашаясь на восстановление нарушенной границы, советское правительство сочло целесообразным ответить положительно.

Как свидетельствуют японские источники, во время боев у озера Хасан «из семи тысяч принимавших непосредственное участие в сражениях японских военнослужащих было убито 500 и ранено 900. Потери составили 20 процентов». Большие потери понесли и советские войска — 400 убитыми и 2700 ранеными.

Потерпев поражение, японцы тем не менее частично добились целей провокации — продемонстрировали западным державам намерение продолжать конфронтацию с СССР и убедились в стремлении советского правительства избегать непосредственного вовлечения Советского Союза в японо-китайскую войну. Однако заставить советское правительство отказаться от поддержки Китая не удалось — советская активная помощь борющемуся с захватчиками китайскому народу продолжалась.

Обострение советско-японских отношений было использовано японской стороной на переговорах с Великобританией с целью побудить английское правительство не создавать Японии «затруднений» в Китае. 20 августа посол Великобритании Крейги телеграфировал в Лондон, что японский премьер-министр Коноэ выразил готовность сотрудничать с Великобританией в оккупированных районах Китая. 1 сентября английское правительство дало согласие на такое сотрудничество.

Осенью 1938 г. японское правительство активизировало дипломатические переговоры с Великобританией, добиваясь от нее признания захваченных ими территорий Китая. К этому его подтолкнуло подписание 30 сентября 1938 г. Великобританией и Францией Мюнхенского соглашения. В Токио видели двойственность политики Великобритании в отношении Китая. С одной стороны, англий-

ское правительство, оберегая свои интересы, не желало усиления Японии в Китае и пыталось этому противостоять, а с другой — готово было пойти на сделку с Японией за счет Китая, если японская агрессия будет направлена против Советского Союза. Поэтому японские лидеры продолжали убеждать англичан в возможности японо-английского сотрудничества в оккупированных районах Китая, если Великобритания откажется от поддержки правительства Чан Кайши.

В сентябре 1938 г. японский премьер-министр Коноэ вновь выступил с призывом к усилению борьбы с «коммунистической опасностью». В Лондоне восприняли это как подтверждение японских планов войны против СССР.

24 сентября Китай вновь обратился в Лигу Наций за помощью в борьбе против Японии. И снова его поддержал Советский Союз, который продолжал настаивать на коллективных действиях против японской агрессии. Великобритания же, окончательно ступив на путь «умиротворения», открыто искала возможности для сговора с Японией. 27 сентября Крейги писал в Лондон: «Мы уже давно нащупываем базу для сотрудничества между английскими и японскими властями в Китае по защите английских интересов и мы были бы готовы сделать все, что в наших силах, для укрепления сотрудничества в этой области».

Не оставляли надежд на отвлечение внимания Японии в сторону Советского Союза и в США, где хасанские события были восприняты как прелюдия дальнейшего обострения советско-японских отношений.

14 августа влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Хасанский инцидент еще не урегулирован... Инциденты могут легко возникнуть повсюду... Вдоль маньчжурской границы, вне всякого сомнения, найдутся места, которые, согласно московской карте, могут оказаться русскими, но которые заняты японцами». Отмечая, что «японские закупки нефти, производящиеся почти полностью в США, резко возросли», американская пресса давала понять, что в случае столкновения с СССР Япония может рассчитывать на еще большую материальную помощь из-за океана. Японцы весьма умело использовали заинтересованность западных держав в обострении советско-японских отношений, всячески ее подогревая. В то же время под прикрытием демонстрации готовности к вооруженному столкновению с СССР они продолжали шаг за шагом захватывать территорию Китая.

22 октября 1938 г. японские войска захватили Кантон (Гуанчжоу), 25 октября — Ухань. С потерей порта Кантон Китай фактически оказался изолированным от внешнего мира. К концу октября 1938 г. японцы оккупировали огромную территорию Китая, овладев его главными промышленными центрами.

Тем самым была создана угроза вытеснения Великобритании из Китая. Однако англичане, опасаясь раздражать японцев, не предпринимали никаких шагов по содействию Китаю в его сопротивлении интервентам. В день падения Кантона китайский посол в Великобритании Го Тайци говорил своему советскому коллеге М.М. Майскому, что «англичане до сих пор, по существу, палец о палец не ударили, чтобы помочь Китаю. За все время войны китайцы получили от них лишь 36 аэропланов среднего качества, да некоторое количество амуниции и химической продукции. Денег в Лондоне китайское правительство не получило ни копейки...»

▲ Майский И.М.

Попустительство западными державами японской агрессии в Китае убеждало японское правительство в реальности плана овладения всей Восточной Азией, замены в этом обширном регионе мира «белого империализма» на японский.

3 ноября было опубликовано «Заявление императорского правительства», в котором объявлялось, что «империя ставит своей целью построение нового порядка, который должен обеспечить стабильность в Восточной Азии на вечные времена. В этом же заключается конечная цель и нынешних военных действий... Идея построения нового порядка в Восточной Азии возникла еще во времена, когда складывались основы современного (японского. — А. К.) государства. Ее осуществление является священным и славным долгом нынешнего поколения японского народа... Правительство заявляет о твердости этого курса империи и о своей решимости провести его в жизнь».

В «Заявлении...» выражалась уверенность в том, что «великие державы тоже правильно поймут наши истинные намерения и будут поступать соответственно новой ситуации, сложившейся в Восточной Азии». В целях разъяснения «истинных намерений» использовалась прежняя антикоммунистическая, а по существу антисоветская, риторика. Империалистическая агрессия в Азии вновь прикрывалась лозунгом «обеспечения совместной борьбы против коммунизма».

Не приходится говорить, что это «Заявление...» было результатом Мюнхенского соглашения. Именно после проявления Великобританией и Францией беспринципной уступчивости агрессорам в Европе в Токио решили, отбросив маскировку, открыто заявить о своих планах завоевания господства в Азии и на Тихом океане и вытеснения из этого региона других колониальных держав. Заявление о намерении Японии «установить новый порядок в Восточной Азии» было равнозначно отказу японского правительства от американского принципа «открытых дверей» в Китае.

Лишь после этого в Лондоне и Вашингтоне пришли к выводу, что политика уступок Японии требует корректировки, и на зондаж Японии о заключении нового японо-американского торгового договора в декабре 1938 г. США одновременно с Великобританией предоставили Китаю незначительные займы. Представители американского правительства пригрозили Японии, что в случае нарушения интересов США в Китае может «прекратиться дальнейшая помощь Японии».

Однако это не возымело действия. О намерении Японии не останавливаться на достигнутом свидетельствовала оккупация в феврале 1939 г. острова Хайнань, а в марте — островов Спратли, что выводило японские вооруженные силы на подступы к владениям западных держав в Юго-Восточной Азии.

Так как дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с опасностью возникновения вооруженных конфликтов с европейскими колониальными державами, а также с США, в Токио поставили цель расстроить совместные контрмеры западных держав достижением договоренностей с Великобританией. Основанием этого служила позиция Чемберлена, который в ноябре 1938 г. заявил о желании «поддерживать дружественные отношения с обеими странами (Японией и Китаем. — А. К.) в надежде на наступление момента, когда их разногласия будут урегулированы...»

Для того чтобы английское правительство было сговорчивее, 14 июля 1939 г. японские власти предприняли блокаду английской и французской концессий в Тяньцзине. Япония сочла также необходимым и своевременным воздействовать на политику Великобритании путем очередного усиления конфронтации с СССР, международное положение которого к этому времени ухудшилось по вине западных держав из-за провала политики коллективной безопасности в Европе. В Токио рассчитывали, что у оставшегося один на один с агрессивными государствами мира Советского Союза в обстановке опасности германского нападения не будет достаточно военных сил в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией СССР будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки. При этом в качестве главной политической уступки неизменно рассматривался отказ советского правительства от оказания помощи и поддержки Китаю. Ради этого военно-политическое руководство Японии было готово идти даже на риск большой войны с СССР.

После поражения японской армии в советском Приморье, в районе озера Хасан, японский генеральный штаб с осени 1938 г. разрабатывал план «Операция № 8», предусматривавший нанесение удара по СССР через МНР в направлении озера Байкал, «где противник не ждал наступления». Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз укрепит здесь свою обороноспособность.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японской военщиной крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан) внимание обычно уделяется в основном военным целям этой операции. Действительно, планируя очередную военную вылазку против Советского Союза, командование японской армии преследовало цель проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских вооруженных сил на западном направлении, а также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. военному союзу с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской

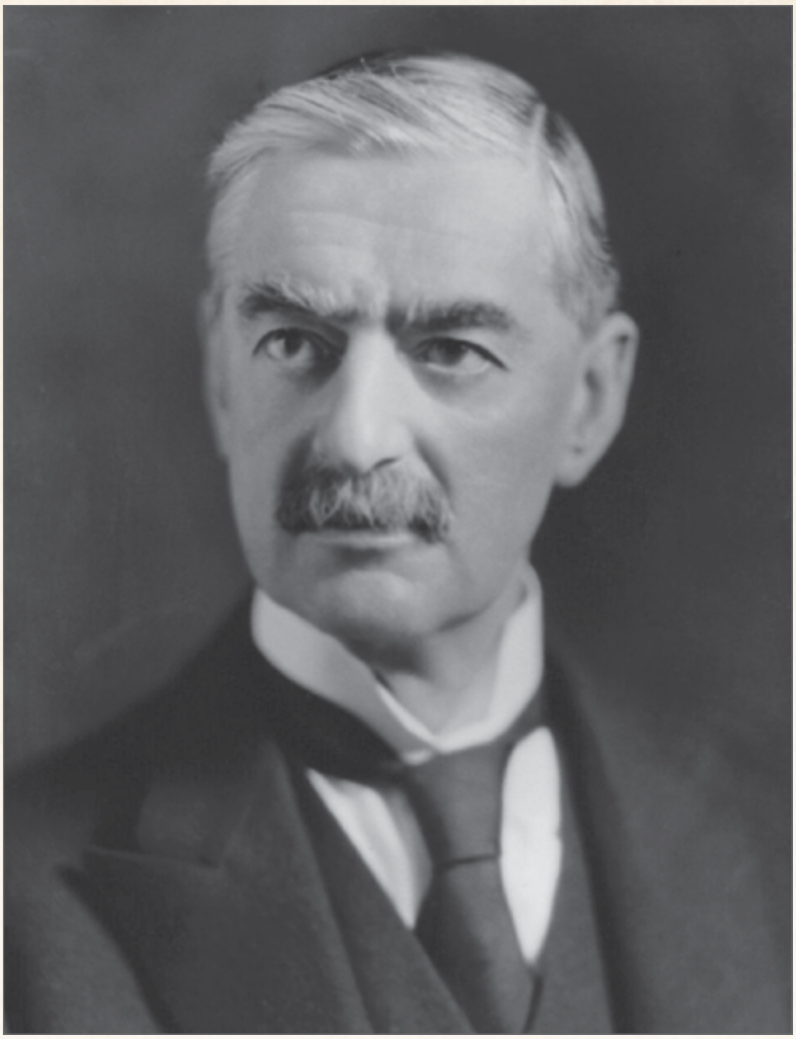
«Официальной истории войны в великой Восточной Азии» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР».

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Как уже говорилось, первая и главная причина состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше пойти на мирное улаживание японо-китайского конфликта, разумеется, на японских условиях.

Вторая причина. Предстоящие события на Халхин-Голе рассматривались японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхингольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией».

Речь шла о переговорах по заключению между Японией и Великобританией так называемого соглашения Арита–Крейги, которое вошло в историю как дальневосточный вариант мюнхенского сговора. По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение халхингольских событий

▲ Чемберлен, Невилл

до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Это со всей определенностью было оговорено в японо-английском соглашении, которое гласило: «Правительство Объединенного Королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание общественного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику.

Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...» Заключенное 22 июля 1939 г., в разгар халхингольских событий, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

Третье. Японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США Хориноути убеждал Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указы-

вая, что США также выступают против усиления Советского Союза.

И хотя 26 июля правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно оснований полагать, что не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Денонсация торгового договора в этих условиях не нанесла никакого ущерба Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем 1938 году. Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

И четвертая причина: резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио Р. Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам».

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с японской позицией. Японское правительство знало о существовавших в Германии «сомнениях относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению „нового порядка" в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании».

Токио было известно и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии, как более слабого союзника, планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента».

Хотя в официальной японской историографии до сих пор утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным, как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведуправление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле –августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким и японцы постараются быстро уладить этот „инцидент".

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант Исихара в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит инструктивные совещания с командным составом. Японские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку Исихары как часть плана подготовки к новому нападению на СССР».

Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из оперативного управления генштаба полковник Тэрада и подполковник

Хаттори. В районе намечавшихся военных действий была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной Армии». Сам командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Комацубара слыл знатоком «психологии красных», так как до этого был военным атташе в Москве.

К концу апреля подготовка к проведению операции была завершена. Оставалось лишь спровоцировать начало боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Уэда направил командирам пограничных частей «Инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать Красную Армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го». Инструкция гласила, что «все прежние указания отменяются». Очевидно, что издать подобную провоцирующую войну с СССР инструкцию командующий Квантунской армией без согласования с центром не мог. Скорее, наоборот, указания об издании такой инструкции были получены из Токио.

12 мая командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзумы к границе с задачей «отбросить охранные подразделения монгольской армии за реку (Халхин-Гол)». Монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано японцами как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны.

19 мая 1939 г. советское правительство заявило Японии протест в связи с грубым нарушением границы союзной МНР и потребовало прекратить военные действия. К границе спешно направлялись советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование продолжало осуществлять план задуманной операции.

28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский генеральный штаб направил командова-

▲ Жуков Г.К.

▲ Ворошилов К.Е.

нию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан». В тот же день генеральный штаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запросил об увеличении численности войск и военных материалов.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая принятия незамедлительных ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, по данным разведки, Токио направил командованию Квантунской армии новые инструкции, требовавшие «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)».

В Кремле было решено, не допуская перерастания халхингольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Г. К. Жуков, которому было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола. О том, как оценивались советским командованием столкновения с японцами, Г. К. Жуков рассказывал в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»:

«Войдя в кабинет, я отрапортовал наркому о прибытии. К. Е Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

– Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защитить от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

– Вот здесь, — указал нарком, — длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

Думаю, — продолжал нарком, — это затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

– Готов вылететь сию же минуту».

Последовавшие события хорошо известны. После кровопролитных боев в июне–июле, перейдя в наступление, в августе советские части под командованием Г. К. Жукова нанесли сокрушительный удар японским войскам. К 31 августа ликвидация японской группировки вторжения была завершена, и японская авантюра закончилась полным крахом. Всего за время боев на Халхин-Голе японцы потеряли более 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили

▲ Генерал Уэда

▲ Комацубара

▲ Маршал Фэн Юйсян

▲ А.С. Панюшкин фото 1950 г.

около 18,5 тыс. человек ранеными и убитыми.

Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско — германского пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Р. Зорге так характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутриполитический кризис.

Рамзай».

О том же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта.

Немаловажное значение имело и то, что успешные действия советских войск у озера Хасан и в районе Халхин-Гола оказали помощь Китаю в его борьбе с японскими оккупантами. Маршал Фэн Юйсян заявлял от имени китайского правительства советскому послу А. С. Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу».

При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио–Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза.

События на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны оказывали непосредственное и в целом негативное воздействие на международную обстановку. Милитаристская Япония, не отказываясь от планов войны против СССР, в то же время готовилась к захвату колониальных владений западных держав на Тихом океане, к оккупации всей Восточной Азии. Выбор ею будет сделан в 1941 г. ■

Р.И. КОСОЛАПОВ, В.Д. МОЛЧАНОВ

БЕСЕДЫ С ИДЕОЛОГАМИ

▲ 17 съезд ВКП(б)

СЛОВО СОСТАВИТЕЛЯ

В мае 1998 года, разбирая бумаги историка В.Д. Мочалова (1902–1970), я обнаружил его собственноручные записи двух совещаний у И.В. Сталина.

Рукописи, пролежавшие без движения в личном архиве ученого более полувека, хорошо сохранились. Часть из них — это беглые заметки автора, сделанные в ходе бесед 28 декабря 1945-го и 23 декабря 1946 года, другая часть — фактически готовые очерки. Судя по многим признакам, Василий Дмитриевич писал их для себя и не думал о публикации. С профессиональной добросовестностью он фиксировал то, что видел и слышал, как потому, что это было необходимо ему для дальнейшей работы, так и потому, что являлось моментом Большой Истории, вторгшейся в его собственную жизнь.

Мне уже приходилось отмечать, что тот феномен, который поныне именуется "культом личности Сталина", не был его личным (или, вернее, прежде всего был *не его* личным) творением. "Культ" активно лепили — и очень часто вопреки Сталину — многочисленные "ваятели" от аппарата.

Текст бесед, о которых пойдет речь в предлагаемых очерках, в этом смысле особенно показателен. Он вводит нашего современника в плотные слои идеологической атмосферы послевоенного времени. Речь идет о наиболее, пожалуй, чувствительном нерве "культа" — выпуске Собрания сочинений и краткой биографии самого Сталина. Читатель попадает в святая святых пропагандистской мастерской, в ее горнило и выносит оттуда далеко не однозначное мнение. Сталин, оказывается, воюет с вульгарными аллилуйщиками, воюет непритворно, разбирая многие их фокусы задним числом и явно досадуя, что они вообще имели место.

▲ Косолапов Р.И., автор статьи

Теперь, когда опубликована правка Сталина в макете второго издания его краткой биографии, отчетливо видно, как лукавил Н.С. Хрущев, доказывая, "что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны". В качестве примера на дополнительном заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года Хрущев привел "некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина" в его краткую биографию. Хрущев цитирует одно место из книги, где говорится, что в "борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухаринымии каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии... которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин" (*Сталин И.В.* Соч. Т. 16. С. 426). У слушателя и читателя складывается естественное впечатление, что, по Сталину, история партии представляет собой некое безлюдное пространство, где действует всего один герой, — театр одного актера. Хрущев добивается этого простым приемом: он ставит многоточие там, где следует перечисление состава партийного ядра в лице Молотова, Калинина, Ворошилова, Куйбышева, Фрунзе, Дзержинского, Кагановича, Орджоникидзе, Кирова, Ярославского, Микояна, Андреева, Шверника, Жданова, Шкирятова и других (См.: *Там же*. С. 75).

Этим же приемом Хрущев пользуется, указывая на то место, где говорится, что Сталин "не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования". "Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа?" — риторически вопрошает "наш Никита Сергеевич" (*Там же*. С. 426). Это и в самом деле звучит эффектно, если слушатель и читатель не знают, что докладчик оборвал цитату и опустил слова: "В своем интервью немецкому писателю Людвигу, где он отмечает великую роль гениального Ленина в деле преобразования нашей Родины, Сталин просто заявляет о себе: «Что касается меня, то я только ученик Лени-

▲ Ворошилов К.Е.

▲ Дзержинский Ф.Э.

▲ Фрунзе М.В.

▲ Киров С.М.

на, и моя цель — быть достойным его учеником»" (*Там же*. С. 75–76). Похвалы за скромность Сталин тут, разумеется, не заслуживает, но и хрущевская "объективность" опускается ниже нуля. Сталин, как всегда, верен себе. Он жестко связывает себя с Лениным, и эта неотторжимость, доводимая до самоотречения и продемонстрированная многократно в весьма разнообразных исторических обстоятельствах, вызывает скорее уважение, чем критику.

Сталин был человеком неробкого десятка. Трудно судить о его тернистом жизненном пути в целом, но после Октября на этом пути выделяется по меньшей мере *три* ситуации, которые даже для Сталина выглядят шоковыми. Первая — это заявление Ленина о возможности разрыва с ним отношений 5 марта 1922 года; вторая — самоубийство жены, Н. С. Аллилуевой, 8 ноября 1932 года; третья — нападение гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Теперь мы знаем, что первая ситуация зависела не только от него лично, но и вытекала из кремлевской интриги, затеянной вокруг больного Владимира Ильича Г. Е. Зиновьевым. Л. Б. Каменевым и Л. Д. Троцким при попустительстве Н. К. Крупской и упорном противодействии сестры Ленина М. И. Ульяновой. Сталин мужественно и великодушно принял этот страшный удар. Он мог уже потом в сердцах назвать Крупскую "старой дурой", но не позволил себе ни единого выпада против учителя и вождя. *Нравственному отношению к своему наставнику и предшественнику у Сталина можно только учиться*. Как этого не поймут некоторые нынешние лево-патриотические лидеры, мечтающие возрождать неповторимую, самобытную Россию, хватаясь за имя Сталина, но вычеркивая вслед за "демократами" из исторической памяти народа вдохновляющий образ такого русского гения, как Ленин?..

Хрущев лгал, утверждая, что "Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина". Искусственно и нелепо выглядела при этом ссылка на то, что "Дворец Советов как памятник Владимиру Ильичу" (*Там же*. С. 428) так и не был построен. Впоследствии Хрущев нашел символическое "решение" проблемы, устроив на фундаменте Дворца Советов яму с водой. Этим было как бы предопределено восстановление храма Христа Спасителя. Свято место пусто не бывает...

В публикуемых беседах, в репликах Сталина видится серьезная оппозиция официальной идеологической службе. Так, он скорее всего неожиданно для начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова и директора Института Маркса — Энгельса — Ленина В. С. Кружкова защитил автора заметок, который в единственном числе протестовал против расширения первых томов Собрания сочинений Сталина за счет приписывания ему анонимных статей из социал-демократической печати на грузинском языке. Мочалов настаивал на глубокой научной экспертизе текстов и стал неудобен директору ИМЭЛа. В то время

такое поведение выглядело как непозволительная дерзость и влекло за собой подчас суровые "оргвыводы". Мочалова "ушли" из ИМЭЛа в Академию наук, и Сталин быстро разобрался, почему. Взяв сторону Мочалова, он дал отпор подхалимам: "Тут, видать, стремились побольше включить в том, хотели раздуть значение автора. Я в этом не нуждаюсь...". "Представляешь, — рассказывал об этом эпизоде своей жене, Р. П. Конюшей, Мочалов, — Иосиф Виссарионович полностью поддержал мои мотивировки (в докладной записке) об авторстве. Он исключил из состава первых двух томов все работы, которые были мной отнесены к числу не принадлежащих И. В. Сталину". Но такие, как Мочалов, встречались не часто.

По словам той же Конюшей, участников совещания 23 декабря 1946 года, как известно, обсуждавшего вопрос о новой биографии Ленина и втором издании краткой биографии Сталина, последний встретил словами: "Вы что — эсеровщиной занимаетесь? Народ, партия — ничто, Сталин — все? Сталин стар. Сталин скоро умрет. Хотите, чтобы народ в панику впал — раз все делал он, то без него конец?" (*Там же*. С. 233, 234).

Сталин был раздражен работой ИМЭЛа, особенно его безымянными публикациями, означавшими перестраховку за счет ЦК ВКП(б). "Когда ИМЭЛ издает что-либо без подписи, без фамилий авторов, это хуже воровства. Нигде в мире ничего подобного нет. Почему боятся поставить фамилии авторов? Надо, чтобы люди имели свободу писать..." — эти слова звучат как дыхание "оттепели" и "перестроечный" мотив "гласности". До чего же различно было то, что творилось внутри верхов, и то, что проявлялось вовне!

С *одной стороны*, Сталин отчетливо видит тенденцию бюрократической формализации, окостенения научно-революционного учения — не случайно он предупреждает об опасности появления у нас "кафедер-коммунистов", коммунистов-начетчиков, текстоедов кафедрального толка. С *другой* — он уже находится в плену сложившейся, утверждаемой всей партийно-государственной машиной традиции, которая является условием ее самосохранения и дальнейшего существования. Как неординарная *творческая* личность Сталин пытается вырваться из этих цепей, которые ковались при его непосредственном участии, но в конечном счете остается пленником тех, для кого эти оковы — комфортное состояние, часть их самих, армии чиновников, не мыслящей себе жизни без внутреннего рабства. Если уж на то пошло, в послесталинские десятилетия реальный социализм погубили не столько сознательные ревизионисты или же "сталинисты", как их изображает "демократическая" печать, сколько "катедер-коммунисты", конформисты и карьеристы всех мастей, интересы которых оказались в естественной гармонии с интересами "теневого" капитала. Леность мысли и дипломированное невежество сыграли тут выдающуюся роль. Эта тема требует дальнейшего

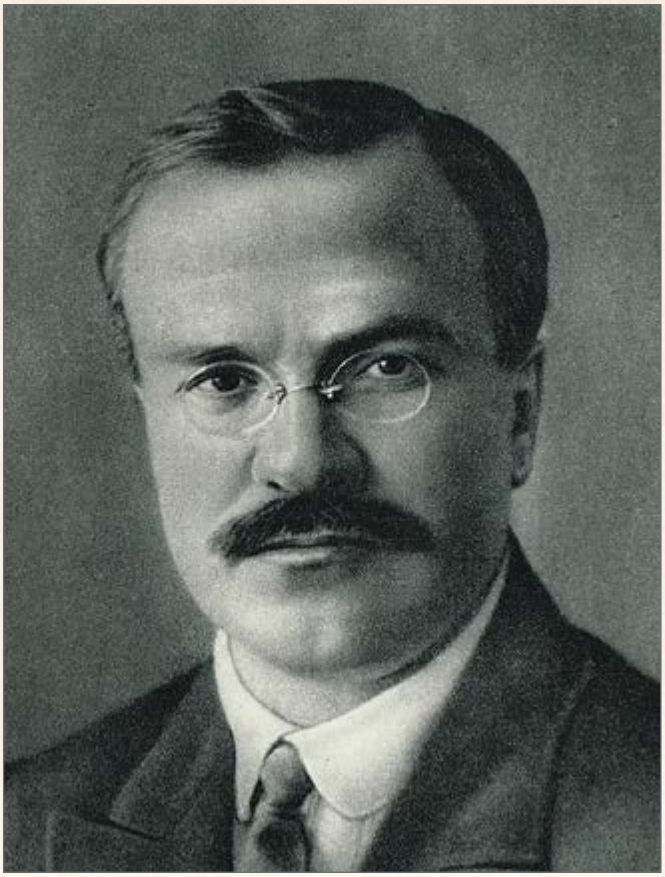
▲ Ленин В.И.

▲ Сталин И.В.

▲ Хрущев Н.С.

▲ Молотов В.М.

освещения, поскольку названные факторы продолжают давить на социально- и национально-освободительный процесс с неослабевающей силой.

Обернемся в прошлое. На XVI съезде ВКП(б) (июнь-июль 1930 года) впервые отсутствует оппозиция линии ЦК и провозглашается развернутое наступление социализма по всему фронту. На нем еще нет славословия в адрес Сталина, царит хотя и приподнятое, но в целом деловое настроение. XVII съезд (январь-февраль 1934 года) отмечен большей эмоциональностью и проходит как "съезд победителей". Открывая его, В. М. Молотов называет Сталина "вождем и организатором наших побед", "верным продолжателем ленинского дела". Тогда же на съездовской трибуне появляется "новенький" Хрущев, который сначала вносит предложение о составе президиума, а потом выступает с речью. Именно он *в числе первых* объявляет Сталина "гениальным" и "великим вождем", говорит о его "гениальном докладе" (XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 6, 145, 147). В 70-х годах Молотов вспоминал, что Сталин однажды увидел его подпись под каким-то групповым приветствием, где Сталина называли "гениальным". Он рассердился и велел это слово вычеркнуть. "Ты как сюда попал?" — спросил Сталин Молотова. "Попал, как полагается". — "Неужели ты тоже плетешься за всеми?" По словам Вячеслава Михайловича, славословие в адрес Сталина "целиком нельзя было прикрыть (то есть прекратить. — *Ред.*). Это могло бы иметь в то время отрицательные последствия. Сталину не всегда это нравилось, но в конце концов немножко и понравилось" (Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С.242).

Ну а что Хрущев?

В статье, посвященной 60-летию Сталина (1939), будущий ниспровергатель "культа личности" заявит:

"Трудящиеся всего мира будут писать и говорить о нем с любовью и благодарностью.

Враги трудящихся будут писать и говорить о нем со злобной пеной у рта" (Сталин. М., 1940. С. 93).

Какая все же беспощадная штука история! Кто бы мог тогда предсказать, что такой пеной будут исходить и те, что именуют себя коммунистами? Кто бы мог знать, что морально-политическая инерция "ленинцев"-антисталинцев будет неумолимо прижимать их к лагерю антиленинцев и антимарксистов?

Предлагаемые тексты ценны своими достоверными социально-психологическими наблюдениями. Есть в них немало и спорного. Но радует то, что оттуда является к нам не схема, не группа восковых фигур, а кусок жизни в ее подчас парадоксальных проявлениях. Это будит мысль, стимулирует ее, а значит, и продолжение жизни в интенсивнейшем напряжении.

Очерки подготовлены мною к печати непосредственно с руко-

писи, без какой-либо редакции. Мое вмешательство состояло только в соединении отдельных фрагментов текста, расшифровке некоторых фраз, восстановлении сокращенных слов и окончательной расстановке знаков препинания. Помогали мне в этой работе дочь В. Д. Мочалова и Р. П. Конюшей — Елена Васильевна Мочалова и Владимир Михайлович Куркин.

НА ПРИЕМЕ У ТОВАРИЩА СТАЛИНА

(В связи с рассмотрением им первого тома Сочинений И. В. Сталина)

28 декабря 1945 года. Беседа продолжалась около 1½ часов, с 8 часов 05 минут вечера до 9 часов 35 минут. Присутствовали тт.: Маленков, Поскребышев, Александров, Федосеев, Иовчук, Кружков, Шария, Мочалов, Надточеев.

28 декабря 1945 года в 7 часов вечера с заседания в Институте истории АН меня вызвали в ЦК. По телефону сообщили, что через 30 минут надо быть у тов. Федосеева.

Торопимся. В бюро пропусков — большая очередь. Называем свои фамилии. Просим ускорить дело, так как мой спутник уже знал или догадывался, что вызов нас в ЦК — необычный, а возможно, и к самому "хозяину". Нам предлагают проходить через главный подъезд, без пропуска. Это и меня начинает убеждать, что вызывают, может быть, и в самом деле к тов. Сталину. К главному подъезду уже не идем, а бежим. Патруль заглядывает в слегка приоткрытый блокнот, лежащий около него на столике. В блокноте я вижу наши фамилии. Быстро проходим. Лихорадочно раздеваемся. Уже через пару минут появляемся в приемной т. Федосеева. В дверях нас встречают стоящие в пальто и шапках тт. Федосеев, Кружков, Шария.

– Где ваши пальто? — обращаются они к нам. — Одевайтесь и быстрее — обратно. Ждем.

Мы сбегаем вниз, так же поспешно одеваемся, как и разделись.

▲ Поскребышев А.Н.

– Быстро, — замечает по нашему адресу гардеробщица.

Уже все одетые, не торопясь (вернее, с деланной неторопливостью), поднимаемся по лестнице на пятый этаж. Около кабинета тов. Маленкова (места, мне уже "знакомые" по прошлогодним визитам сюда, — на Оргбюро и т. п.) нас встречает он сам, здоровается со всеми, и все гуськом за ним направляемся к отдельному выходу во внутренний двор. Тут нас догоняет отставший т. Иовчук. Тов. Маленков гостеприимно предлагает всем усаживаться в его вместительную машину.

– Иначе вас с пропусками замучают, — говорит он шутливо.

Все размещаемся. Плотно усаживаемся. Вот уж действительно, в тесноте, да не в обиде!

В самом деле, машина быстро, почти не замедляя хода, въезжает в Спасские ворота. Патрули знают хорошо тов. Маленкова в лицо (он сидит рядом с шофером) и потому без задержки пропускают его машину. Так же минует остальных патрулей, через внутренние, сравнительно тесные дворы Кремля подъезжает к довольно обычному, несколько старомодному скромному подъезду. Последний раз проверяют документы. На лестнице, в сторонке, с несколькими ступеньками вниз — небольшая раздевалка. Оставив здесь пальто, шапки, подымаемся на лифте на 3-й этаж. По узкому, поворачивающему под небольшим углом в сторону коридору попадаем в просторную приемную — высокую, отделанную светлым дубом комнату. Прямо напротив входа — большой стол, на нем аккуратно разложены свежие русские и иностранные газеты. Посередине стола — массивный письменный прибор со стопкой бумаги рядом и т. п. Справа от дверей — круглый, накрытый белой скатертью стол с прохладительными напитками. Это приемная, предназначенная для ожидающих вызова к тов. Сталину. Здесь есть все условия для того, чтобы сесть, подумать, прийти в себя тому, кто был вызван сюда так же неожиданно, как и мы. Да и без этого кто не будет взволнован, ожидая с минуты на минуту

▲ Маленков Г.М.

▲ Шария П.А.

встречи с величайшим из современных людей, с человеком, который больше, чем кто-либо другой, ныне держит в своих руках судьбы мира...

Все мы толпимся вокруг большого стола. Прошло минут 15–20. Наконец, в 8 часов 05 минут вечера к нам вышел тов. Александров и позвал нас к тов. Сталину. Проходим через одну, затем вторую комнаты, в которых справа у окон стоят столы (бюро) его помощников. Открываем дверь в большой кабинет, напоминающий собой зал несколько удлиненной формы. Это, видимо, и есть рабочий кабинет тов. Сталина и одновременно зал важнейших заседаний, которые проходят у тов. Сталина. Слева в зале вдоль стены — большой покрытый темно-синим сукном стол. В конце стола — председательское место с письменным прибором. В правом дальнем углу, у окна, стоит письменный стол, видимо, постоянное рабочее место тов. Сталина. Дверь в противоположной от входа стене приоткрыта. Через открытую дверь в следующую комнату виден огромный, почти в человеческий рост, глобус и на стене — географическая карта...

Мы вошли в зал гурьбой. Нам навстречу поднялся тов. Сталин, и мы почти окружили его уже посередине зала. Лицо его, спокойное и сосредоточенное, и строгое, и одновременно притягивающее, густо покрыто коричневатыми крапинками — то ли от загара, то ли от перенесенной когда-то оспы. Волосы на голове сплошь седые, несколько поредевшие на темени (случилось это, должно быть, уже во время войны). Сталин поздоровался с нами за руку и пригласил сесть за большой стол. Слева от меня, у стены, расположился тов. Поскребышев, рядом с ним, ближе к тов. Сталину, — тов. Маленков. Остальные товарищи расселись с другой стороны стола. На конце стола, напротив тов. Сталина, расположился тов. Шария.

– Ну, рассказывайте, какие у вас были разногласия? — спросил товарищ Сталин. Вопрос был совершенно неожиданный для всех присутствующих. Трудно было предположить, чтобы тов. Сталин что-либо знал о спорах на эти темы в ИМЭЛе, хотя эти споры были даже перенесены на обсуждение Оргбюро ЦК.

Тов. Кружков, директор ИМЭЛа, стал говорить о том, что у нас в этом отношении все уладилось и прочее.

Ничего скрывать от тов. Сталина было нельзя, и я рассказал об основных сомнениях и возражениях по вопросам авторства, какие у меня имелись: 1) в отношении двух статей из газеты "Брдзола" ("Борьба". — *Ред.*). Эти статьи написаны в спокойном тоне, несколько отличном от того боевого тона, характерного для более поздних статей; 2) три статьи из "Кавказского Рабочего Листка". Первая составлялась или редактировалась, безусловно, с участием тов. Сталина, принадлежность ему двух других — сомнительна; 3) вызывала сомнение по стилю статья "Вооруженное восстание и наша тактика"; 4) "Местная пресса" из газеты "Элва" ("Молния". — *Ред.*) — в статье имеются разноречия в постановке того же вопроса со статьями "Газета «Искра» и аграрный вопрос" и статьей 1908 года "Лакействующие социалисты". Таковы были

наши споры и мои возражения.

– Вас за это и "вышибли" из ИМЭЛа? — спросил тов. Сталин. — Кто этим занимался?

– Это дело тов. Кружкова, — ответил я и объяснил, что причиной его недовольства мною было мое письмо в ЦК ВКП(б) о необходимости приступить к изданию Сочинений И.В. Сталина. Первый том их, несмотря на то, что перевод его был готов, тов. Кружков даже не прочел, и это после нескольких месяцев его пребывания в ИМЭЛе. Свое недовольство моим письмом в ЦК тов. Кружков высказывал мне неоднократно. Были еще резкие стычки с т. Шария, но больше по принципиальным вопросам. Я отстаивал новые переводы, а он — старые, уже имевшиеся в ходу в литературе и пр.

– Перевод плохой, — начал тов. Сталин. — Переводили слова, пренебрегая законами русского языка... На грузинском языке имеется два слова, означающих "жизнь". В одном случае это слово обозначает биологическую жизнь ("сицоцкие". — *В. М.*), во втором случае — жизнь общественную ("цховреби". — *В. М.*). При переводе грузинского слова "жизнь" во втором смысле требуется добавить слово "общественная", хотя в грузинском тексте его нет и оно не требуется. Или переводят на русский язык придаточные предложения без союза "что". В грузинском языке это слово — лишнее. А по-русски, если опустить союз "что", будет безграмотно...

– Переводить труднее, чем писать, — сказал тов. Сталин. — Часть статей артистически переведена, — добавил тов. Сталин. — Видимо, разные переводчики переводили.

– Кое-что пришлось поправить, — сказал он. — Например, статьи "Анархизм или социализм?" предназначались для газеты. Их приходилось писать по кусочкам, писать тут же, в типографии, наскоро, на коленке и давать наборщику... Хотя готовился я к ним хорошо. Они печатались с перерывами, поэтому, когда это собрано вместе, получились лишние резюме. Их пришлось исключить.

Одним из присутствующих было замечено, что мы не могли этого сделать сами.

– Да, это уж право автора, — сказал тов. Сталин. — Я не гнался за всем, много вычеркнул. Тут, видать, стремились побольше включить в том, хотели раздуть значение автора. Я в этом не нуждаюсь...

Кто-то заметил, что в Сочинения В.И. Ленина входит все им написанное.

– То Ленин, а то я, — ответил на это тов. Сталин.

– В "Брдзола" пишущим был я, да, быть может, еще Северин Джугели... Кецховели был практиком, организатором. Орган вел Кецховели, но писал он мало. И вышло, что Кецховели был фактическим редактором, а редактировать не умел.

– В 1900 годах у нас была в Баку большая типография. В ней мы размножали "Искру" и распространяли ее на всю Россию...

– Первое столкновение внутри "Месамедаси" (грузинская социал-демократическая организация 1892–1903 годов. — *Ред.*) было по вопросу о нелегальной прессе. Левые придавали главное значение нелегальной прессе. Правые превозносили легальную прессу. С этого и начались расхождения у левых с правыми. Те, кто был за легальную прессу, почти все потом ушли к меньшевикам... Руководители "Месамедаси" не хотели иметь в Тифлисе нелегальной прессы, поэтому и издание "Брдзола" пришлось перенести в Баку.

– Верно, что тон моих статей в "Брдзола" несколько иной, спокойный. Спокойный тон был... Я тогда тянул в профессуру — хотел поступить в университет. Кецховели меня за это ругал. Батумские расстрелы перевернули все во мне. Я начал ругаться... Тон изменился...

▲ Куйбышев В.В.

– Батумская листовка ("Товарищи") — моя. Там больше некому было писать. Но я ее вычеркнул... Осталась в томе только прокламация "9 марта", имеющая историческое значение.

– В "Кавказском Рабочем Листке" писали Спандарян и я. Правильно, что статьи "Эпизод великой русской революции" и "Елисаветпольские события" — не мои. Статья "Тифлис, 20 ноября" — моя. Это я помню.

– Статьи "Анархизм или социализм?" не были окончены... Заметки, которые я сделал, имея в виду писать дальше, при обыске в Баку затерялись. Да и надобность в продолжении отпала. Анархистов скоро не оказалось. Они появились в Тифлисе как-то налетом... В этой работе есть одно неправильное, устарелое положение. Раньше революционные социал-демократы обуславливали возможность социалистической революции наличием большинства пролетариата в стране. Потом мы это условие выкинули. Это надо было оговорить, что я и сделал. Первый вариант "Анархизма или социализма?" отнесен в приложения. Из двух предисловий к двум разным вариантам сделано одно...

– Кое-что не найдено. Прежде всего, программа занятий в кружках. Дело было в 1898 году. Программа, по которой кружки занимались, была трафаретная. Сначала пропагандист рассказывал о первобытном коммунизме. На смену первобытному коммунизму наступила эпоха рабства. Потом капитализм. Таким образом, общественный строй менялся. Точно так же на смену капитализма должен прийти социализм... Я все это изменил. Программу построил иначе. Первой темой была такая: "Почему мы бедны, хотя все создаем?" Вторая тема: "Почему мы бесправны?" и т. д. Потом давалась историческая справка. Новая программа рабочим очень понравилась. Вано Стуруа еще с одним рабочим (тов. Сталин называл фамилию и второго рабочего, но я плохо расслышал, кажется, Ниниа) размножили программу и раздали кружкам. Пропаганда стала вестись потом по этой программе. Она разошлась во многих экземплярах. Хорошо было бы найти эту программу...

– Не могут еще найти мое "Кредо". Дело было в 1904 году. Тогда я только что вернулся из ссылки. Знакомых старых работников в Тифлисе не оказалось: одни были отправлены в ссылку, другие находились в тюрьме. В Тифлис понаехали новые люди — студенты из Риги, из Томска и других мест. Они приняли меня в штыки. Хотя низовые работники и середняки знали меня хорошо. Я однажды сказал: плоха у вас организационная сторона, пропаганда еще ведется, а организация дела слаба. На меня донесли, сказали еще, что "Искру" ругает... Мне за это "припаяли"... и потребовали: пусть Сталин напишет свое "Кредо". Я такое "Кредо" написал. Помню, в нем были разделы: теория, практика, организация... Потом это "Кредо" распространялось в организации. (За несколько дней до этой беседы передавали, что тов. Сталин будто бы даже помнил, что передал 70 экземпляров "Кредо" одному армянину, работнику Союзного комитета, кажется, как потом было с ним уточнено, Шавердову Дакуш. — *В. М.*)...

Спустя некоторое время с речью в "защиту" т. Кружкова выступил т. Шария. Он стал оспаривать мое заявление о том, что перевод первого тома был уже готов... и прочее. Защита вышла декларативной и малоубедительной.

То ли вскоре после выступления т. Шария, то ли раньше этого тов. Сталин, как бы в защиту меня, сказал, имея в виду мое незнание грузинского языка:

– Он меньше вооружен.

Я снова попросил разрешения сказать несколько слов. Товарищ Сталин вопросительно посмотрел, как бы говоря: стоит ли возражать? Я оговорился, что возражать т. Шария я не собираюсь, а хочу назвать некоторые неизвестные работы. Мне было разрешено высказаться.

– Если вошедшие в том две статьи из "Брдзола", — сказал я, — принадлежат тов. Сталину, то...

Здесь тов. Сталин бросил реплику:

– Эти статьи — мои, я хорошо помню, как их писал...

– ...То ему же, — продолжал я, — в № 2–3 "Брдзола" должна принадлежать еще одна статья — "Рабочее движение на Кавказе в 1898–1899 гг.". Большая, интересная, принципиальная статья. Затем есть три письма И. Сталина периода 1904–1905 годов за подписью Вано, адресованные В. И. Ленину и Н. К. Крупской. Поскольку найдены пока только два письма тов. Сталина из Кутаиса, относящиеся к этому времени, то и названные три письма желательно бы видеть в томе.

Тов. Сталин заинтересовался этими материалами. Я отнес ему № 2–3 "Брдзола" с упомянутой мною статьей, а т. Кружков передал письма, о которых шла речь. Тов. Сталин некоторое время просматривал и "Брдзола" и письма, а потом сказал:

– Это надо посмотреть.

Через день ему были переданы фотокопии названных писем. Спустя некоторое время тов. Сталин вернул их в ИМЭЛ с надписью на обложке: "Не печатать".

Тут же он рассказал, что в 1904–1905 годах была большая переписка с Лениным. Летом 1905 года, по приезде в Чиатура, тов. Сталин написал большое письмо В. И. Ленину по вопросу о демократическом централизме, в связи с решениями только что состоявшегося III съезда партии по организационным вопросам. Одновременно ему на месте пришлось предпринять некоторые действия, не вполне согласовывающиеся с решениями съезда.

– Нарушил устав, накажите, — писал тов. Сталин. Тов. Сталин хотел заручиться мнением В. И. Ленина по этому вопросу. Ленин тогда на его письмо не ответил. Но при встрече с В. И. Лениным на съезде партии тов. Сталин в беседе с ним вернулся к теме своего письма и получил полное подтверждение правильности как своих действий в организационно-партийном вопросе в Чиатура, так и правильности своей точки зрения...

Кажется, дальше тов. Сталин сам поставил вопрос о тираже первого тома.

▲ Каганович Л.М.

– Тысяч 30–40 будет достаточно, — сказал он.

– Сочинения В.И. Ленина печатаются в тираже 500 тысяч экземпляров, — сказал кто-то из присутствующих.

– То Ленин, а то я, — ответил на это тов. Сталин.

Все запротестовали, был назван слишком малый тираж для первого тома.

– Я смотрю на дело по существу, — сказал тов. Сталин. — Работы, составляющие первый том, теперь имеют историческое значение, ну еще биографическое. Об этом же у меня потом было лучше сказано. Все это я оговариваю в своем предисловии. Эти произведения не для руководства. (Эта фраза в рукописи В.Д. Мочалова вычеркнута. — *Ред.*). То, что нужно для руководства, надо издавать в большем тираже.

– Надо подумать о читателе, — стали доказывать ему, — очереди будут в библиотеках за книжкой. Нельзя печатать разными тиражами разные тома.

– С бумагой у нас теперь стало лучше, — говорит тов. Александров (последние три слова в рукописи зачеркнуты. — *Ред.*).

– Хорошо, 100 тысяч достаточно, — уступил несколько тов. Сталин. — Бумага нужна для областных газет. А ведь их стыдно в руки взять — листочки. Разве плохой город Курск? Хороший город. Разве плохой город Орел? Тоже хороший город. А ни тот, ни другой газет приличных не имеют.

– Одних библиотек у нас 75 тысяч, — дают справку товарищи из Управления пропаганды.

– Потому и книг у нас на рынке нет, что они все по библиотекам распределяются, — ответил на это тов. Сталин.

Когда опять зашла речь о переводах статей, дополняющих второй том, тов. Сталин сказал:

– Пусть это грузины сделают.

Сталин сказал, между прочим, что вся трудность подготовки издания заключалась в первом и втором — переводных томах, последующие тома — перепечатки и потому трудностей представлять не будут. (Эта фраза вне текста написана на последней странице оригинала. — *Ред.*).

Снова всплыл вопрос о тираже.

– Хорошо, пусть будет 300 тысяч, поскольку говорят, что тома нельзя печатать разным тиражом, — твердо сказал тов. Сталин, давая понять, что больше "уступок" не будет...

Тов. Кружков спросил мнение тов. Сталина об "аппарате" тома. Вопрос не сразу был понят: термин "аппарат" — едва ли не специфически имэловский. Кто-то пояснил:

– То есть примечания в томе...

– Ах, примечания? Некоторые из них я читал, ничего, как будто подходят...

– Нужны ли они? — продолжает спрашивать т. Кружков.

– Примечания нужны, — говорит тов. Сталин. — События, о которых говорится, зачастую малоизвестные, происходили давно. Нужно пояснить их современному читателю.

– Может быть, примечания делать покороче? Мы к Сочинениям В.И. Ленина даем совсем небольшие, — добивается упорно т. Кружков, стремясь, должно быть, "облегчить" задачу Института в отношении составления примечаний. Тов. Сталин в этот момент направился к своему рабочему столу и на этот вопрос уже не ответил...

Тов. Сталин высказался также за то, чтобы в каждом томе в среднем было 300–360 страниц. В предисловии к изданию не надо называть, какие произведения входят в том, а только указывать, к какому периоду они относятся.

– Какой лучше формат томов?

– Мне нравится, — говорит тов.

Сталин, — небольшой формат, такой, как томики В.И. Ленина. Можно книжку положить в карман...

– Какого цвета обложка лучше? Вот такой — бордовый или серый?

– Это все равно, — как бы отмахиваясь от несущественного вопроса, роняет тов. Сталин.

Тема беседы уже казалась исчерпанной.

– Мне как-то прислали сборник статей К. Маркса о национальном вопросе, — вспомнил тов. Сталин, — его без предисловия издавать нельзя. Там проводится мысль, что польская нация никуда не годится...

Все присутствующие недоуменно стали поглядывать друг на друга: кто бы это мог составить такой сборник и прислать его тов. Сталину. Тов. Александров сначала высказал предположение, что это сделал Госполитиздат, а затем — ОГИЗ, Юдин, наверное...

– Вы любите гадать, — немного раздраженно заметил тов. Сталин. — Надо сначала разузнать.

Потом в этой же связи он, между прочим, бросил:

– Юдин и его "дружок"... (имея в виду Митина).

– Ну, как будто, все? — спрашивает он нас. Ни у кого больше вопросов нет. Мы как бы нехотя, медленно подымаемся и, откланиваясь, выходим из кабинета тов. Сталина. Оказавшись в знакомой уже нам приемной, все поворачивают головы к часам. 9 часов 35 минут. Итак, беседа длилась полтора часа. Но они пролетели незаметно. Уходим уже знакомым путем, до подъезда, а дальше мимо Кремлевской стены опять к Спасским воротам. Последняя проверка пропусков, и мы покидаем древний Кремль.

Запись беседы у тов. Сталина, состоявшейся в понедельник, 23 декабря 1946 года

Как и в прошлый раз, меня разыскали в Институте истории еще днем, в 4 часа. Звонил П.Н. Поспелов по поручению А.Н. Поскребышева. Сообщил, что в 6½ часов нужно быть в бюро пропусков у Спасской башни, а без ¼ семь — у тов. Поскребышева. Я выбрался из дома весьма заблаговременно. Пришлось даже прогуляться полчаса от Спасской башни к Москве-реке и обратно. На вопрос в бюро пропусков, знаю ли я, где это и куда мне идти, я уверенно отвечал, что год назад я уже был там и дорога мне известна, дескать, там-то и там-то...

В знакомых уже коридорах так же часто встречаются постовые, и, наконец, перед входом в приемную мне вышел навстречу один из секретарей тов. Сталина в военной форме.

– Я, кажется, добрался раньше всех, — сказал я.

– Да, вы пришли первым, — подтвердил он и провел меня в приемную. Здесь я, действительно, оказался один. И приемная мне уже была знакома по прошлому посещению. На большом столе, как и тогда, — много иллюстрированных заграничных журналов. Газета только одна — свежий номер "Правды". Я его еще не видел... Беру его и усаживаюсь к столу с прохладительными напитками. Минут через пятнадцать появляется т. Митин. Он садится напротив меня, предлагает выпить нарзану, но мне не хочется отвлекаться от своих мыслей, и я отказываюсь от приятного напитка. От него узнаю поточнее, что вызвали нас в связи с переизданием биографии И.В. (П.Н. же мне по телефону невнятно сказал, что будут говорить с теми, кто принимал участие в первом издании... а чего — он не сказал или я не разобрал, не знаю.)

Вошедший в приемную А.Н. Поскребышев, приветливо поздоровавшись, сказал:

– Придется с полчаса обождать.

Постепенно один за другим появляются: генерал-майор Галактионов, Иовчук, Федосеев, Кружков, Поспелов, Александров, через приемную проходят тт. Кузнецов и Патоличев — секретари ЦК.

Прошло немного времени, и всех нас позвали в кабинет тов. Сталина. Он встречает нас, стоя около большого стола, предназначенного для заседаний. Мы быстро рассаживаемся вокруг этого стола. Едва мы успели разместиться, как тов. Сталин начал говорить. Первые слова из-за не улегшегося еще шума от нашего размещения, стука стульев, шуршания вынимаемых листочков бумаги и блокнотов и т.п. даже трудно улавливались...

Темой беседы, как уже можно было уловить из первых слов тов. Сталина, являлся вопрос о биографиях Ленина и Сталина.

– Обычно начинают изучение Ленина, — заговорил тов. Сталин, — с биографии. Так знакомится с Лениным громадное большинство людей. Я говорю о простых людях, а не о тех, что сидят в канцеляриях. Они не могут читать 30 томов, им не под силу. Поэтому нужна хорошая биография Ленина.

Здесь тов. Александров вполголоса подал реплику, что ИМЭЛ издал биографию В.И. Ленина.

– Уж я знаю, как у вас ИМЭЛ издает, — несколько возбужденно заметил на это тов. Сталин.

После того как т. Александров снова хотел что-то добавить в духе своей первой реплики, тов. Сталин с упреком добавил:

– Вы в отношении ИМЭЛа хорошо настроены...

– Когда ИМЭЛ, — продолжал тов. Сталин, — издает что-либо без подписи, без фамилий авторов, это хуже воровства. Нигде в мире ничего подобного нет. Почему боятся поставить фамилии авторов? Надо, чтобы люди имели свободу писать... Свободу высказываться, чтобы было кого раскритиковать. А то, когда спросишь, то Управление пропаганды ссылается на ИМЭЛ — как будто ЦК написал, — а ИМЭЛ прикрывается именем ЦК. За спиной ЦК вы все храбрые люди... Нужна свобода высказываться, а то никто не смеет трогать. Какие взаимоотношения у Агитпропа ЦК с ИМЭЛом?

Тут я подал реплику, что согласно Уставу партии, принятому XVIII съездом партии, ИМЭЛ значится при Управлении пропаганды ЦК ВКП(б), а до этого он был Отделом ЦК.

– Тогда, — сказал тов. Сталин, — Агитпроп ЦК должен дать обстоятельную, вернее, среднюю по раз-

мерам, биографию В. И. Ленина. Это очень большое пропагандистское дело.

Дальше тов. Сталин перешел к краткой биографии И. В. Сталина, второе издание которой подготовил ИМЭЛ и исправленный им самим экземпляр которой он во время беседы держал в руках.

– Очень много ошибок. Тон нехороший, эсеровский, — сказал тов. Сталин о представленной ему на просмотр биографии И. В. Сталина.

– У меня всякие учения, — продолжал с сердцем и с некоторой иронией в голосе тов. Сталин, — вплоть до какого-то учения о постоянных факторах войны. Оказывается, у меня есть учение о коммунизме, об индустриализации, о коллективизации и т. д.

– Похвал много в этой биографии, возвеличивания роли личности. Что должен делать читатель после прочтения этой биографии? Стать на колени и молиться на меня.

После этого тов. Сталин разразился целым рядом сердитых характеристик такого рода изображения исторических личностей:

– Марксизму не воспитываете...

– Все дело рисуете так, что становись на колени и молись.., о ком вы пишете... Воспитатели чертовы...

– Нам идолопоклонники не нужны...

– Вот вы пишете, что у меня есть учение о постоянных факторах войны, тогда как в любой истории войн об этом написано. Может быть, у меня это же сказано сильнее, но и только... У меня, оказывается, есть учение о коммунизме. Как будто Ленин говорил только о социализме и ничего не сказал о коммунизме. В действительности о коммунизме я говорил то же, что есть и у Ленина. Дальше, будто бы у меня есть учение об индустриализации страны, о коллективизации сельского хозяйства и т. д. и т. п. На самом деле именно Ленину принадлежит заслуга постановки вопроса об индустриализации нашей страны, также и относительно вопроса о коллективизации сельского хозяйства и т. п.

▲ Поспелов П.Н.

– У нас есть учение Маркса — Ленина, — заключил тов. Сталин. — Никаких дополнительных учений не требуется.

– Люди рабов воспитывают... — еще раз подчеркнул тов. Сталин.

– А если меня не станет?.. Любовь к партии не воспитываете... Меня не станет, тогда что?..

И еще и еще тов. Сталин говорил о необходимости воспитания нашего народа в духе любви к ВКП(б)... Любовь к идеям, идейное содержание (все записать не удалось).

Под рукой тов. Сталина лежало богато оформленное, иллюстрированное издание биографии И. В. Сталина. Показывая на него, тов. Сталин спросил:

– Такое издание для чего?

Тов. Александров попытался в оправдание выпуска в небольшом тираже иллюстрированного издания сказать, что оно нужно для библиотек, клубов и т. п.

– Библиотек у нас сотни тысяч, — сказал на это тов. Сталин. — От такого издания тошнота берет...

Возвращаясь к самой биографии, тов. Сталин отметил:

– Глава насчет Отечественной войны неплохо составлена.

А затем, опять касаясь остальных частей биографии, продолжал:

– Вот относительно Баку говорится, что, дескать, до моего приезда там у большевиков ничего не было, а стоило мне появиться, как все сразу переменилось...

– Один все устроил... Хотите — верьте, хотите — не верьте!..

– На самом деле, как было дело? Надо было создать кадры... Такие кадры большевиков в Баку сложились... Имена этих людей я в соответствующем месте перечислил...

– То же касается и другого периода...

– Ведь такие люди, как Дзержинский, Фрунзе, Куйбышев, жили, работали, а о них не пишут, они отсутствуют...

– Это же относится и к периоду Отечественной войны...

– Надо было взять способных людей, собрать их, закалить... Такие люди собрались вокруг главного командования Красной Армии...

– Нигде не сказано ясно, что я — ученик Ленина... Не помню, только где-то глухо об этом упоминается...

– На самом деле я считал и считаю себя учеником Ленина. Об этом я ясно сказал в известной беседе с Людвигом... Я — ученик Ленина. Ленин меня учил, а не наоборот. Никто же не может сказать, что я не ученик Ленина.

– Он проложил дорогу, а мы по этой проторенной дороге идем, — подчеркнул тов. Сталин.

– Коль скоро биография в мои руки попала, я таких штук не пропущу, — добавил тов. Сталин.

В ходе дальнейшей беседы зашла речь о лучшем внешнем оформлении биографии, чем прежняя (сероватая обложка и пр.).

– Хорошо была бы написана по содержанию, — заметил на это тов. Сталин.

Тов. Александров и другие высказали то соображение, что выходящая вторым изданием биография И. В. Сталина чересчур краткая и поэтому надо теперь же приступить к подготовке более полной биографии. В связи со всем этим тов. Сталин сказал:

– Надо написать биографию Ленина. Это — первоочередная задача. Все прежние биографии — Керженцева, Ярославского и др. устарели...

Тов. Александров снова напомнил, что биография Ленина уже во время Отечественной войны была издана ИМЭЛом и была просмотрена тов. Сталиным. Тов. Сталин не помнил об этой биографии и сказал только, что он ее посмотрит. А относительно своей биографии сказал:

– Хотел бы, чтобы эта скорее пошла, пока была издана в этом виде.

– Какой тираж? — спросил тов. Сталин.

– 1 миллион, — назвали цифру тиража.

– Бумаги не хватит. Довольно 500 тысяч.

– Бумаги теперь много, — сообщили товарищи.

В это время тов. Сталин, держа в руках книжку с золоченым профилем головы Сталина, сказал:

– Нельзя ли без отрезанных голов?..

Относительно тиража под конец сказал:

– Не больше миллиона.

После этого тов. Сталин направился к своему письменному столу и, возвращаясь обратно с книгой в руках ("История западноевропейской философии"), сказал, обращаясь к тов. Александрову (автору этого издания. — *Ред.*):

– Я хотел еще сказать относительно вот этой книги. Она не понравилась мне. Неудачная книга получилась. Читал ее и тов. Жданов. Она ему также не понравилась. Это написал не боевой марксист, а книжник.

– В прошлом были социалисты в кавычках и социалисты без кавычек. Легальные марксисты, они не были настоящими марксистами. Были катедер-социалисты. Они занимались пережевыванием бумажек. От настоящего марксизма они были далеки. И я боюсь, что у нас также будут катедер-коммунисты. Автор этой книжки смахивает на катедер-коммуниста. Может, это грубо сказано, но для ясности необходимо. Досадно, что такая книга появилась.

– Непонятно, почему в Греции появилось так много философов (почему там получила такое развитие философия?). Появился торговый класс из среды свободных. Греки вели тогда большую торговлю со всем миром. А тогдашний мир — это был район Средиземного моря. Они торговали со всеми средиземноморскими городами, везде по берегам имели свои колонии. Тянули за собой всех свободных. Греки объехали весь мир и развивали науку.

– Нечто подобное произошло в Европе и в эпоху Возрождения, когда корабли европейцев — итальянцев, испанцев, голландцев весь мир обошли, стали бороздить по всему свету...

– Принято считать, что Гегель был идеологом немецкой буржуазии. Это не так. Философия Гегеля отражала реакционные стремления аристократии, боязнь немецкого дворянства перед Французской революцией...

– Поход на французский материализм — вот подоснова немецкой философии.

– Вот вы ловите Фурье на противоречиях, ругаете его за эти противоречия. К чему это? Хорошо, что у них были противоречия.

– Все они (немецкие философы) были против революции. Они были запуганы Французской революцией.

– Без всего этого совершенно нельзя понять, почему появляются те или иные философские школы, чем объясняется их появление...

– Вы на протяжении всей книжки не видите различия между понятиями "реакционный" и "консервативный", не различаете их между собой. Реакционный — значит идущий назад от того, что есть. Консервативный — значит стремящийся к сохранению того, что есть. Гегель, Кант, Фихте тянули назад. Все что угодно, только не идти по стопам Французской революции.

– Льюис так писал историю философии. Марксист так не должен писать. Надо уму дать пищу...

Далее тов. Сталин для иллюстрации цитирует следующее место из книжки тов. Александрова, касающееся системы Фурье:

"Большим достижением социальной философии Фурье является учение о *развитии* человечества..."

– Что же это за "большое достижение"? — спрашивает тов. Сталин и продолжает уже иронически цитировать дальше:

"В своем развитии общество проходит, по Фурье, четыре фазы: 1) восходящее разрушение, 2) восходящую гармонию, 3) нисходящую гармонию, 4) нисходящее разрушение..."

Попутно тов. Сталин комментирует:

– Это же сумасбродство, глупость, а не "большое достижение"...

– Вы подымаете из пыли то, что забыто.

– Затем, нельзя все публиковать из того, что самим автором не предназначалось для печати... Вот "Философские тетради" Ленина. Из них надо брать и цитировать только принципиальное, а не все, что там есть...

– Откуда вы почерпнули какое-то "учение о кругах"? Какое же это учение? Подумайте? Вы пустили в оборот "учение о кругах"... Молодой марксист ухватится за это и будет наворачивать, сбивая с толку массу рядовых читателей...

– Учений всяких было много в истории. Но надо различать между авторами учений — лидерами, как, например, Ленин, за которым шла масса, и философами, тоже имевшими свои учения, но с которыми они сами по себе, писали для себя.

– Марксизм — это религия класса. Хочешь иметь дело с марксизмом, имей одновременно дело с классами, с массой...

– Мы — ленинцы. То, что мы пишем для себя, — это обязательно для народа. Это для него есть символ веры!

– Эта книжка, конечно, не учебник. Разумеется, когда нет хлеба, едят и жмых, и лебеду едят...

– Я, тов. Сталин, книжку переработаю, — сказал тов. Александров.

– Я хотел бы, — сказал на это тов. Сталин, — чтобы вы все это продумали...

– Возражайте! — с некоторым раздражением сказал тов. Сталин.

– Не то, чтобы системы перечислять, это Льюису предоставьте. А вы социально объясните подоснову немецкой философии... У Гегеля и других немецких философов был страх перед Французской революцией. Вот они и били французских материалистов, — еще раз резюмировал тов. Сталин одну из основных мыслей беседы.

– Кстати, — сказал тов. Сталин, — намек на то, о чем я только что говорил, у меня был сделан еще в "Анархизме или социализме?".

И тов. Сталин процитировал следующее место из этой своей работы:

"Прежде всего необходимо знать, что пролетарский социализм представляет не просто философское учение. Он является учением пролетарских масс, их знаменем, его почитают и перед ним "преклоняются" пролетарии мира. Следовательно, Маркс и Энгельс являются не просто родоначальниками какой-либо философской "школы" — они живые вожди живого пролетарского движения, которое растет и крепнет с каждым днем. Кто борется против этого учения, кто хочет его "ниспровергнуть", тот должен хорошо учесть все это, чтобы зря не расшибить себе лоб в неравной борьбе" (Соч. Т.1. С. 350).

И еще раз тов. Сталин вернулся к вопросу, которым он начал беседу:

– Целых шесть учений "открыли" у меня... На самом же деле нет ни одного...

Под конец беседы тов. Сталин заговорил о письме проф. Белецкого, полученном им:

– Если уже человек вынужден был писать мне, когда я был в отпуску, значит, уже был доведен до крайности.

Заговорили о том, что напрасно Белецкому предъявляют обвинение, что он еврей... что, дескать, отец его русский, до сих пор жив и т. п.

В связи с этим тов. Сталин заметил:

– Тот, кто скрывает национальное происхождение, — трус, гроша ломаного не стоит...

Еще раз возвращаясь к книжке тов. Александрова, тов. Сталин сказал:

– Автор, как старый перипатетик, скользкий, скользит на лыжах. Надо писать так, чтобы каждая глава имела центр удара...

– Не надо торопиться. Серьезные книжки так быстро не пишутся, — сказал тов. Сталин по поводу намерения т. Александрова в полгода переработать свою книгу.

– И подход и манера автора писать безразличная, не тот (слово неразборчиво. — *Ред.*), — продолжал тов. Сталин. — Книга не заряжает. Книга развинчивает...

По поводу преследований проф. Белецкого тов. Сталин сказал:

– Нам нельзя бросаться людьми...

И еще, опять же в связи с разговором о Белецком, после характеристики Белецкого тт. Иовчуком и Федосеевым как человека не "позитивного", не способного к положительной работе, а только способного критиковать, тов. Сталин добавил:– Неряха, но человек думающий...

(Далее в рукописи отсутствует одна, 21-я страница. — *Ред.*)

Тов. Сталин, говоря о письме Белецкого, отметил, что автор его хотел бы подискутировать по поводу книги т. Александрова.

– Разрешим мы такую дискуссию? — поставил вопрос тов. Сталин сначала перед секретарями ЦК тт. Кузнецовым и Патоличевым, а затем перед заместителями начальника Управления пропаганды тт. Иовчуком и Федосеевым.

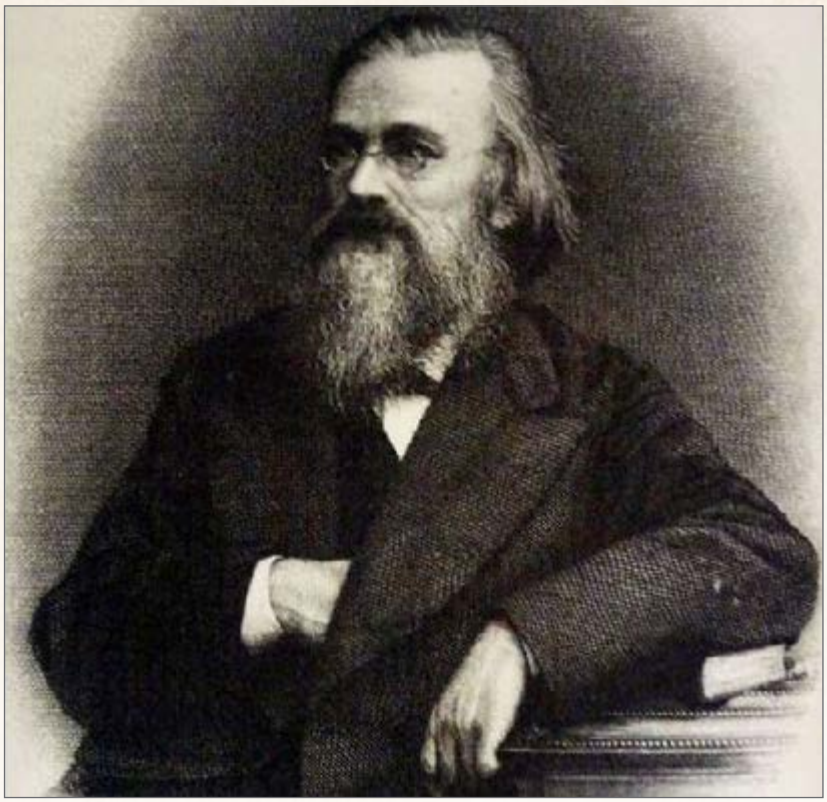
Секретари ответили положительно на этот вопрос... Тоже вынуждены были нехотя согласиться с этим и заместители...

О дискуссии в принципе, таким образом, во время беседы договорились. ■

Н.И. УЛЬЯНОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УКРАИНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Особенность украинского самостийничества в том, что оно ни под какие из существующих учений о национальных движениях не подходит и никакими «железными» законами не объяснимо. Даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения, у него нет. Единственный образец «угнетения» — указы 1863 и 1876 гг., ограничивавшие свободу печати на новом, искусственно создававшемся литературном языке, не воспринимались населением, как национальное преследование. Не только простой народ, не имевший касательства к созданию этого языка, но и девяносто девять процентов просвещенного малороссийского общества, состояло из противников его легализации. Только ничтожная кучка интеллигентов, не выражавшая никогда чаяний большинства народа, сделала его своим политическим знаменем. За все 300 лет пребывания в составе Российского Государства, Малороссия-Украина не была ни колонией, ни «порабощенной народностью».

▲ Костомаров Н.И.

Когда-то считалось само собой разумеющимся, что национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения. Ныне украинское самостийничество дает образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: оно подвергло гонению церковнославянский язык, утвердившийся на Руси со времен принятия христианства и еще более жестокое гонение воздвигнуто на общерусский литературный язык, лежавший, в течение тысячи лет в основе письменности всех частей Киевского Государства, во время и после его существования. Самостийники меняют культурно-историческую терминологию, меняют традиционные оценки героев и событий прошлого. Все это означает не понимание и не утверждение, а искоренение национальной души. Истинно национальное чувство приносится в жертву сочиненному партийному национализму.

Схема развития всякого сепаратизма такова: сначала, якобы, пробуждается «национальное чувство», потом оно растет и крепнет, пока не приводит к мысли об отделении от прежнего государства и создании нового. На Украине этот цикл совершался в обратном направлении. Там сначала обнаружилось стремление к отделению и лишь потом стала создаваться идейная основа, как оправдание такого стремления.

В заглавии настоящей работы, не случайно употреблено слово «сепаратизм» вместо «национализ-

ма». Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена. Оно всегда выглядело движением не народным, не национальным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует, по причине ярко выраженного их национального облика, то для украинских самостийников главной заботой все еще остается доказать отличие украинца от русского. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Костомаров), потом — двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские же отнесены к монголам, к туркам, к азиатам. Ю. Щербакивскому и Ф. Вовку доподлинно стало известно, что русские представляют собою потомков людей ледникового периода, родственных лопарям, самоедам и вогулам, тогда, как украинцы — представители переднеазийской круглоголовой расы, пришедшей из-за Черного моря и осевшей на местах освобожденных русскими, ушедшими на север вслед за отступающим ледником и мамонтом. Высказано предположение, усматривающее в украинцах остаток населения утонувшей Атлантиды.

И это обилие теорий, и лихорадочное культурное обособление от России, и выработка нового литературного языка не могут не бросаться в глаза и не зарождать подозрения в искусственности национальной доктрины.

***

В русской, особенно эмигрантской, литературе существует давнишняя тенденция объяснять украинский национализм исключительно воздействием внешних сил. Особенное распространение получила она после первой мировой войны, когда вскрылась картина широкой деятельности австро-германцев по финансированию организаций, вроде «Союза Вызволения Украины», по организации боевых дружин («Сичевые Стрельцы»), воевавших на стороне немцев, по устройству лагерей-школ для пленных украинцев. Д. А. Одинец, погрузившийся в эту тему и собравший обильный материал был подавлен грандиозностью немецких планов, настойчивостью и размахом пропаганды в целях насаждения самостийничества. Вторая мировая война явила еще более широкое полотно в этом смысле.

Но с давних пор историки, и среди них такой авторитетный, как проф. И. И. Лаппо, обратили внимание на поляков, приписывая им главную роль в создании автономистского движения.

Поляки, в самом деле, по праву могут считаться отцами украинской доктрины. Она заложена ими еще в эпоху гетманщины. Но и в новые времена их творчество очень велико. Так, самое употребление слов «Украина» и «украинцы» впервые в литературе стало насаждаться ими. Оно встречается уже в сочинениях графа Яна Потоцкого. Другой поляк, гр. Фаддей Чацкий, тогда же вступает на путь расового толкования термина «Украинец». Если старинные польские анналисты, вроде Самуила Грондского, еще в XVII веке выводили этот термин из географического положения Малой Руси, расположенной на краю польских владений («Margo enim polonice kraj; inde Ukraina quasi provincial ad fines Regni posita»), то Чацкий производил его от какой-то никому кроме него не известной орды «укров», вышедшей якобы из-за Волги в VII веке.

Поляков не устраивала ни «Малороссия», ни «Малая Русь». Примириться с ними они могли бы в том случае, если бы слово «Русь» не распространялось на «москалей». Внедрение «Украины» началось еще при Александре I, когда, ополячив Киев, покрывши весь правобережный юго-запад России густой сетью своих поветовых школ, основав польский университет в Вильно и прибрав к рукам открывшийся в 1804 году харьковский университет, поляки почувствовали себя хозяевами умственной жизни малороссийского края.

Хорошо известна роль польского кружка в харьковском университете, в смысле пропаганды малороссийского наречия, как литературного языка. Украинскому юношеству внушалась мысль о чуждости общерусского литературного языка, общерусской культуры и, конечно, не забыта была идея нерусского происхождения украинцев.

Гулак и Костомаров, бывшие в 30-х годах студентами Харьковского университета, подверглись в полной мере действию этой пропаганды. Ею же подсказана и идея всеславянского федеративного государства, провозглашенная ими в конце 40-х годов. Знаменитый «панславизм», вызывавший во всей Европе яростную брань по адресу России, был на самом деле не русского, а польского происхождения. Кн. Адам Чарторыйский на посту руководителя русской иностранной политики открыто провозгласил панславизм одним из средств возрождения Польши.

Польская заинтересованность в украинском сепаратизме лучше всего изложена историком Валерианом Калинкой, понявшим бессмысленность мечтаний о возвращении юга России под польское владычество. Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России. Для этого нет лучшего средства, чем поселение розни между южной и северной Русью и пропаганда идеи их национальной обособленности. В этом же духе составлена и программа Людвига Мерославского, накануне польского восстания 1863 года.

«Вся агитация малороссианизма — пусть перенесется за Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом Хмельничины. Вот в чем состоит вся наша

панславистическая и коммунистическая школа!... Вот весь польский герценизм!».

Не менее интересный документ опубликован В. Л. Бурцевым 27 сентября 1917 г., в газете «Общее Дело» в Петрограде. Он представляет записку, найденную среди бумаг секретного архива примаса униатской Церкви А. Шептицкого, после занятия Львова русскими войсками.

Записка составлена в начале первой мировой войны, в предвидении победоносного вступления австро-венгерской армии на территорию русской Украины. Она содержала несколько предложений австрийскому правительству на предмет освоения и отторжения от России этого края. Намечалась широкая программа мероприятий военного, правового, церковного порядка, давались советы по части учреждения гетманства, формирования сепаратистки настроенных элементов среди украинцев, придания местному национализму казацкой формы и «возможно полного отделения украинской Церкви от русской».

Пикантность записки заключается в ее авторстве. Андрей Шептицкий, чьим именем она подписана, был польский граф, младший брат будущего военного министра в правительстве Пильсудского. Начав свою карьеру австрийским кавалерийским офицером, он, впоследствии, принял монашество, сделался иезуитом и с 1901 по 1944 г. занимал кафедру львовского митрополита. Все время своего пребывания на этом посту он неустанно служил делу отторжения Украины от России под видом ее национальной автономии. Деятельность его, в этом смысле, один из образцов воплощения польской программы на востоке.

Программа эта начала складываться сразу же после разделов. Поляки взяли на себя роль акушерки при родах украинского национализма и няньки при его воспитании. Они достигли того, что малороссийские националисты, несмотря на застарелые антипатии к Польше, сделались усердными их учениками. Польский национализм стал образцом для самого мелочного подражания, вплоть до того, что сочиненный П. П. Чубинским гимн «Ще не вмерла Украина» был неприкрытым подражанием польскому: «Еще Польска не сгинела»,

Картина этих более чем столетних усилий полна такого упорства в энергии, что не приходится удивляться соблазну некоторых историков и публицистов объяснить украинский сепаратизм одним только влиянием поляков.

Но вряд ли это будет правильно. Поляки могли питать и взращивать эмбрион сепаратизма, самый же эмбрион существовал в недрах украинского общества. Обнаружить и проследить его превращение в видное политическое явление — задача настоящей работы.

***

Когда говорят о «национальном угнетении», как о причине возникновения украинского сепаратизма то либо забывают, либо вовсе не знают, что появился он в такое время, когда не только москальского гнета, но самих москалей на Украине не было. Он существовал уже в момент присоединения Малороссии к Московскому Государству, и едва ли не первым сепаратистом был сам гетман Богдан Хмельницкий, с именем которого связано воссоединение двух половин древнего русского государства. Не прошло и двух лет со дня присяги на подданство царю Алексею Михайловичу, как в Москву стали поступать сведения о нелояльном поведении Хмельницкого, о нарушении им присяги. Проверив слухи и убедившись в их правильности, правительство вынуждено было послать в Чигирин окольничего Федора Бутурлина и думного дьяка Михайлова, дабы поставить на вид гетману неблаговидность его поведения. «Обещал ты гетман Богдан Хмельницкий со всем войском запорожским в святой Божией церкви по непорочной Христовой заповеди перед святым Евангелием, служить и быть в под-

▲ Бурцев В.Л.

данстве и послушании под высокой рукой его царского величества и во всем ему великому государю добра хотеть, а ныне слышим мы, что ты желаешь добра не его царскому величеству, а Ракочию и еще хуже, соединились вы с неприятелем великого государя Карлом Густавом, королем шведским, который с помощью войска запорожского его царского величества, отторгнул многие города польские. И ты гетман оказал пособие шведскому королю без соизволения великого государя, забыл страх Божий и свою присягу перед святым Евангелием».

Хмельницкого упрекали в своеволии, в недисциплинированности, но не допускали еще мысли об отложении его от Московского Государства. А между тем, ни Бутурлин, ни бояре, ни Алексей Михайлович не знали, что имели дело с двоеданником, признававшим над собой власть двух государей, факт этот стал известен в XIX веке, когда историком Н. И. Костомаровым найдены были две турецкие грамоты Мехмет-Султана к Хмельницкому, из которых видно, что гетман, отдавшись под руку царя московского, состоял в то же время подданным султана турецкого. Турецкое подданство он принял еще в 1650 году, когда ему послали из Константинополя «штуку златоглаву» и кафтан, «чтобы вы с уверенностью возложили на себя этот кафтан, в том смысле, что вы теперь стали нашим верным данником».

Знали об этом событии, видимо, лишь немногие приближенные Богдана, в то время, как от казаков и от всего народа малороссийского оно скрывалось. Отправляясь в 1654 году в Переяславль на раду, Хмельницкий не отказался от прежнего подданства и не снял турецкого кафтана, надев поверх него московскую шубу.

Через полтора с лишним года после присяги Москве, султан шлет новую грамоту, из которой видно, что Богдан и не думал порывать с Портой, но всячески старался представить ей в неверном свете свое соединение с Москвой. Факт

▲ Шептицкий Андрей

нового подданства он скрыл от Константинополя, объяснив все дело, как временный союз, вызванный трудными обстоятельствами. Он по-прежнему просил султана считать его своим верным вассалом, за что удостоился милостивого слова и заверение в высоком покровительстве.

Двоедушие Хмельницкого не представляло чего ни будь исключительного; вся казачья старшина настроена была таким же образом. Не успела она принести присягу Москве, как многие дали понять, что не желают оставаться ей верными. Во главе нарушивших клятву оказались такие видные люди как Богун и Серко. Серко ушел в Запорожье, где стал кошевым атаманом, Богун, уманский полковник и герой Хмельничины, сложив присягу, начал мутить все Побужье.

Были случаи прямого уклонения от присяги. Это касается, прежде всего, высшего духовенства, враждебно относившегося к идее соединения с Москвой. Но и запорожцы, вовсе не высказывавшие такой вражды, вели себя не лучше. Когда Богдан окончательно решился отдаться царю, он запросил мнение Сечи, этой метрополии казачества. Сечевики ответили письмом, выражавшим их полное согласие на переход «всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущего, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего монарха российского». И после того, как присоединение состоялось, и Богдан прислал им в Сечь списки с жалованных царских грамот, запорожцы выражали радость по поводу «закрепления и подтверждения превысоким монархом стародавних прав

▲ Хмельницкий Богдан

и вольностей войска малороссийского народа»; они воздавали «хвалу и благодарность Пресвятой Троице и поклоняемому Богу и нижайшее челобитствие пресветлейшему государю». Когда же дошло до присяги этому государю, запорожцы притихли и замолчали. Покрывая их, гетман всячески успокаивал московское правительство, уверяя, что «запорожские казаки люди малые, и то из войска переменные, и тех в дело почитать нечего». Только с течением времени Москве удалось настоять на их присяге.

Когда началась война с Польшей и соединенное русско-малороссийское войско осаждало Львов, генеральный писарь Выговский уговаривал львовских мещан не сдавать города на царское имя. Представителю этих мещан Кушевичу, отказавшемуся от сдачи, переяславский полковник Тетеря шепнул по латыни «вы постоянны и благородны».

Сам Хмельницкий к концу войны сделался крайне неприветлив со своими коллегами — царскими воеводами; духовник его, во время молитвы, когда садились за стол, перестал поминать царское имя, тогда как полякам, с которыми воевали, старшина и гетман оказывал знаки приязни. После войны, они решились на открытое государственное преступление, нарушив заключенный царем виленский договор с Польшей и вступивши в тайное соглашение с шведским королем и седмиградским князем Ракочи о разделе Польши. Двенадцать тысяч казаков было послано, на помощь Ракочи. Все три года, что Хмельницкий находился под московской властью, он вел себя, как человек готовый со дня на день сложить присягу и отпасть от России.

Приведенные факты имели место в такое время, когда царской администрации на Украине не существовало и никакими насилиями она не могла восстановить против себя малороссов. Объяснение может быть одно: в 1654 году существовали отдельные лица и группы, шедшие в московское подданство неохотно, и думавшие о том, как бы скорей из него выйти.

***

Объяснение столь любопытного явления надлежит искать не в малороссийской истории, а в истории днепровского казачества, игравшего руководящую роль в событиях 1654 года. Вообще, истоки украинского самостийничества невозможно понять без обстоятельного экскурса в казачье прошлое. Даже новое имя страны «Украина» пошло от казачества. На старинных картах, территории с надписью «Украина» появляются впервые в XVII веке, и если не считать карты Боплана, надпись эта всегда относится к области поселения запорожских казаков. На карте Корнетти 1657 г., между «Bassa Volinia» и «Podolia» значится по течению Днепра «Ukraine passa de Cosacchi». На голландской карте конца XVII века то же самое место обозначено: «Ukraine of t. Land der Cosacken».

Отсюда оно стало распространяться на всю Малороссию. Отсюда же распространились и настроения, положившие начало современному самостийничеству. Далеко не все понимают роль казачества в создании украинской националистической идеологии. Происходит это, в значительной степени, из-за неверного представления о его природе. Большинство почерпает свои сведения о нем из исторических романов, песен, преданий и всевозможных произведений искусства. Между тем, облик казака в поэзии мало сходен с его реальным историческим обликом.

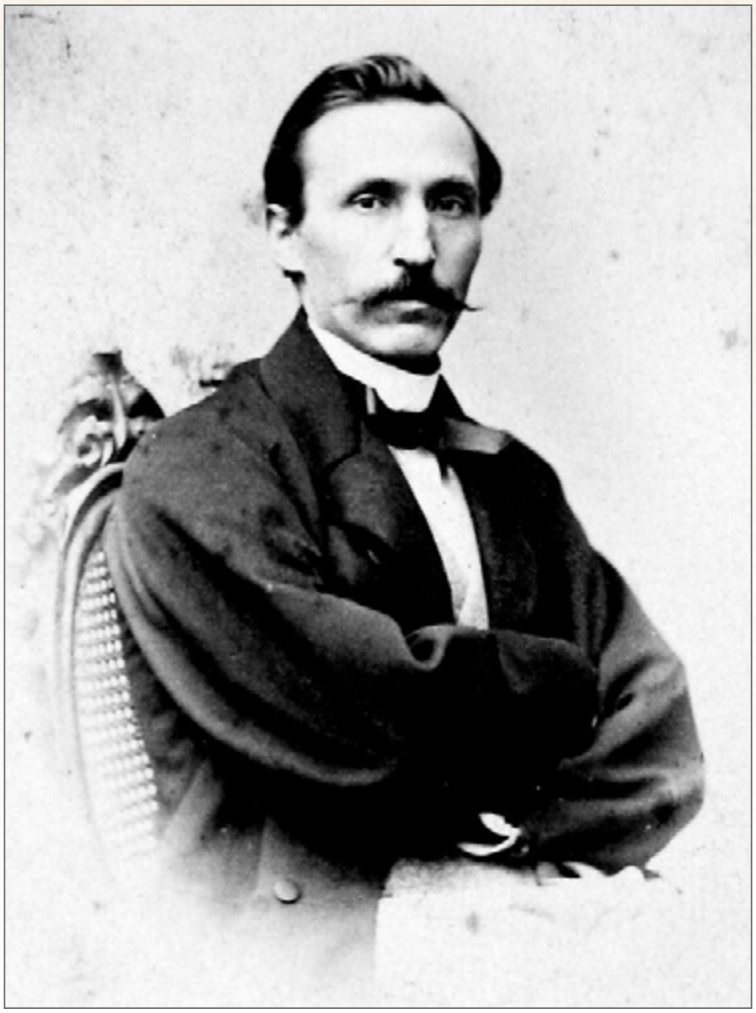
Он выступает там в ореоле беззаветной отваги, воинского искусства, рыцарской чести, высоких моральных качеств, а главное — крупной исторической миссии: он — борец за православие и за национальные южно-русские интересы. Обычно, как только речь заходит о запорожском казаке, встает неотразимый образ Тараса Бульбы и надобно глубокое погружение

в документальный материал, в исторические источники, чтобы освободиться от волшебства гоголевской романтики.

***

На запорожское казачество, с давних пор, установилось два прямо противоположных взгляда. Одни усматривают в нем явление дворянско-аристократическое — «лыцарское». Покойный Дм. Дорошенко, в своей популярной «Истории Украины з малюнками», сравнивает запорожскую Сечь со средневековыми рыцарскими орденами. «Тут постепенно выработалась, — говорит он, — особая воинская организация на подобие рыцарских братств, что существовали в Западной Европе». Но существует другой, едва ли не более распространенный взгляд, по которому казачество воплощало чаяния плебейских масс и было живым носителем идеи народовластия с его началами всеобщего равенства, выборности должностей и абсолютной свободы.

Эти два взгляда, не примиренные, не согласованные между собой, продолжают жить по сей день в самостийнической литературе. Оба они не казачьи и, даже, не украинские. Польское происхождение первого из них не подлежит сомнению. Он восходит к XVI веку и встречается впервые у польского поэта Папроцкого. Наблюдая панские междоусобия, грызню магнатов, забвение государственных интересов и весь политический развал тогдашней Польши, Папроцкий противопоставляет им свежую, здоровую, как ему казалось, среду, возникшую на окраинах Речи Посполитой. Это — среда русская, казацкая. Погрязшие во внутренних распрях поляки, по его словам, и не подозревали, что много раз были спасены от гибели этим окраинным русским рыцарством, отражавшим, подобно крепостному валу, напор турецко-татарской силы. Папроцкий восхищается его доблестью, его простыми крепкими нравами, готовностью постоять за веру, за весь христианский мир. Произведения Папроцкого были не реалистическим описанием, а поэмами, вернее памфлетами. В них заложена та же тенденция, что и в «Германии» Тацита, где деморализованному, вырождающемуся Риму противопоставляется молодой, здоровый организм варварского народа.

▲ Кулиш Пантелеймон

В той же Польше, начинают появляться сочинения, описывающие блестящие воинские подвиги казаков, сравнить с которыми можно только подвиги Гектора, Диомеда или самого Ахилла. В 1572 году вышло сочинение панов Фредро, Ласицкого и Горецкого, описывающее похождения казаков в Молдавии под начальством гетмана Ивана Свирговского. Каких только чудес храбрости там не показано! Сами турки говорили взятым в плен казакам: «В целом королевстве польском нет подобных вам воинственных мужей!». Те скромно возражали: «Напротив, мы самые последние, нет нам места между своими и потому мы пришли сюда, чтобы или пасть со славою, или воротиться с военною добычею». Все попавшие к туркам казаки носят польские фамилии: Свирговский, Козловский, Сидорский, Янчик, Копытский, Решковский. Из текста повествования видно, что все они шляхтичи, но с каким-то темным прошлым; для одних разорение, для других провинности и преступления были причиной ухода в казаки. Казачьи подвиги рассматриваются ими, как средство восстановления чести: «или пасть со славою, или воротиться с военною добы-чею». Потому они и расписаны так авторами, которые сами могли быть соратниками Свирговского. Еще П. Кулиш заметил, что сочинение их продиктовано менее высокими мотивами, чем поэмы Папроцкого. Они преследовали цель

▲ Дорошенко Петр

▲ Петр Могила

реабилитации провинившихся шляхтичей и их амнистии. Подобные сочинения, наполненные превознесением храбрости дворян ушедших в казаки, наделяли рыцарскими чертами и все казачество. Литература эта, без сомнения, рано стала известна запорожцам, способствуя распространению среди них высокого взгляда на свое общество. Когда же «Реестровые» начали, в XVII веке, захватывать земли, превращаться в помещиков и добиваться дворянских прав, популяризация версии об их рыцарском происхождении приобрела особенную настойчивость. «Летопись Грабянки», «Краткое описание о казацком малоросийском народе». П. Симоновского, труды Н. Маркевича и Д. Бантыш-Каменского, а также знаменитая «История Русов» — наиболее яркие выражения взгляда на шляхетскую природу казачества.

***

Несостоятельность этой точки зрения вряд ли нуждается в доказательстве. Она попросту выдумана и никакими источниками, кроме фальшивых, не подтверждается. Мы не знаем ни одного проверенного документа, свидетельствующего о раннем запорожском казачестве, как о самобытной военной организации малороссийской шляхты. Простая логика отрицает эту версию. Будь казаки шляхтичами с незапамятных времен, зачем бы им было в XVII и XVIII веках добиваться шляхетского звания? К тому же, Литовская Метрика, русские летописи, польские хроники и прочие источники дают в достаточной мере ясную картину происхождения подлинного литовско-русского дворянства, чтобы у исследователей мог возникнуть соблазн вести его генезис от запорожцев.

Еще труднее сравнивать запорожскую Сечь с рыцарским орденом. Ордена хоть и возникли, первоначально, за пределами Европы, но всем своим существом связаны с нею. Они были порождением ее общественно-политической и Религиозной жизни, тогда как казачество рекрутировалось из элементов вытесненных организованным обществом государств европейского востока. Возникло оно не в гармонии, а в борьбе с ними. Ни светская, ни церковная власть, ни общественный почин не причастны к образованию таких колоний, как Запорожье. Всякая попытка приписать им миссию защитников православия против Ислама и католичества разбивается об исторические источники. Наличие в Сечи большого количества поляков, татар, турок, армян, черкесов, мадьяр и прочих выходцев, из не православных стран не свидетельствует о запорожцах, как ревнителях православия.

Данные, приведенные П. Кулишем, исключают всякие сомнения на этот счет. Оба Хмельницких, отец и сын, а после них Петр Дорошенко, признавали себя подданными султана турецкого — главы Ислама. С крымскими же татарами, этими «врагами креста Христова», казаки не столько воевали, сколько сотрудничали и вку-

пе ходили на польские и на московские окраины.

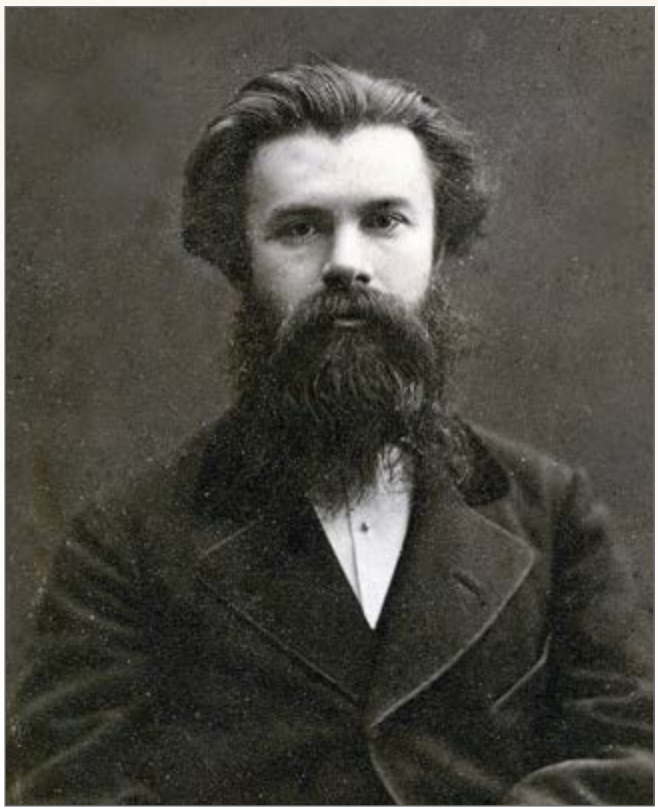
Современники отзывались о религиозной жизни днепровского казачества с отвращением, усматривая в ней больше безбожия, чем веры. Адам Кисель, православный шляхтич, писал, что у запорожских казаков «нет никакой веры» и то же повторял униатский митрополит Рутский. Православный митрополит и основатель Киевской духовной академии — Петр Могила — относился к казакам с нескрываемой враждой и презрением, называя их в печати «ребелизантами». Сравнивать сечевую старшину с капитулом, а кошевого атамана с магистром ордена — величайшая пародия на европейское средневековье. Да и по внешнему виду, казак походил на рыцаря столько же, сколько питомец любой восточной орды. Тут имеются в виду не столько баранья шапка, оселедец и широкие шаровары, сколько всякое отсутствие шаровар. П. Кулиш собрал на этот счет яркий букет показаний современников, вроде оршанского старосты Филиппа Кмиты, изображавшего в 1514 году черкасских казаков жалкими оборванцами, а французский военный эксперт Дальрак, сопровождавший Яна Собесского в знаменитом походе под Вену, упоминает о «дикой милиции» казацкой, поразившей его своим невзрачным видом.

Уже от начала XVIII века сохранилось любопытное описание одного из казачьих гнезд, своего рода филиала Сечи, составленное московским попом Лукьяновым. Ему пришлось посетить Хвастов — стоянку знаменитого Семена Палея и его вольницы: «Вал земляной, по виду не крепок добре, да сидельцами крепок, а люди в нем что звери. По земляному валу ворота частые, а во всяких воротах копаны ямы, да солома постлана в ямы. Там палеевшина лежит человек по двадцати, по тридцати; голы что бубны без рубах нагие страшны зело. А когда мы приехали и стали на площади, а того дня у них случилося много свадеб, так нас обступили, как есть около медведя; все казаки палеевщина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на ином и клочка рубахи нет; страшны зело, черны, что арапы и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им и втрое, что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москве и в Петровском кружале не скоро сыщешь такого хочь одного». Сохранился отзыв о палеевцах и самого гетмана Мазепы. По его словам, Палей «не только сам повседневным пьянством помрачаясь, без страха Божия и без разума живет, но и гультяйство также единонравное себе держит, которое ни о чем больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной».

Запорожская Сечь, по всем дошедшим до нас сведениям, не далеко ушла от палеевского табора — этого подобия «лицарских орденив, що иснували в захидной Европи».

***

Что касается легенды демократической, то она — плод усилий русско-украинских поэтов, публицистов, историков XIX века, таких как Рылеев, Герцен, Чернышевский, Шевченко, Костомаров, Антонович, Драгоманов, Мордовцев, Воспитанные на западно-европейских демократических идеалах, они хотели видеть в казаче-

▲ Драгоманов М.П.

▲ Чернышевский Н.М.

стве простой народ ушедший на «низ» от панской неволи и унесший туда свои вековечные начала и традиции. Не случайно, что такой взгляд определился в эпоху народничества и наиболее яркое выражение получил в статье «О казачестве» («Современник» 1860 г.) где автор ее, Костомаров восставал против распространенного взгляда на казаков, как на разбойников, и объяснял казачье явление «последствием идей чисто демократических».

Костомаровская точка зрения живет до сих пор в СССР. В книге В. А. Голобуцкого «Запорожское казачество», казаки представлены пионерами земледелия, распахивателями целины в Диком поле. Автор видит в них не воинское, а хлебопашеское, по преимуществу, явление. Но его аргументация, рассчитанная на непосвященную читательскую массу, лишена какой-либо ценности для исследователей. Он часто прибегает к недостойным приемам, вроде того, что хозяйство реестровых казаков XVII века выдает за дореестровый период казачьего быта и не стесняется зачислять в казаки не казачьи группы населения, мещан, например. Кроме того, он совершенно уклонился от возражения на труды и публикации несогласные с его точкой зрения.

Когда Костомаров, вместе с Белозерским, Гулаком, Шевченко, основал в Киеве, в 1847 году, «Кирилло-Мефодиевское Братство», он написал «Книги бытия украинского народу» — что-то вроде политической платформы, где казацкое устройство противопоставлялось аристократическому строю Польши и самодержавному укладу Москвы.

«Не любила Украина ни царя, ни пана, скомпонувала соби козацтво, есть то истее братство, куды кожный пристаючи був братом других, чи вин був преж того паном, чи невольником, аби християнин, и були козаки миж собою вси ривни и старшины выбирались на ради и повинни були слугувати всим по слову христовому, и жадной помпи панской и титула не було миж козаками». Костомаров приписывал казакам высокую миссию. «Постановило козацтво виру святую обороняти и визволяти ближних своих з неволи. Тим то гетман Свирговский ходив обороняти Волощину, и не взяли козами миси з червонцами, як им давали за услуги, не взяли тим, що кровь проливали за виру та за ближних и служили Богу а не идолу золотому». Костомаров в тот период был достаточно невежественен в украинской истории. Впоследствии он хорошо узнал, кто такой был Свирговский и зачем ходил в Валахию. Но в эпоху Кирилло-Мефодиевского Братства, авантюрная грабительская экспедиция польских шляхтичей легко сошла у него за крестовый поход и за служение «Богу, а не идолу золотому».

По Костомарову, казаки несли Украине такое подлинно демократическое устройство, что могли осчастливить не одну эту страну, но и соседние с нею.

Приблизительно так же смотрел на запорожскую Сечь М. П. Драгоманов. В казачьем быту он видел общинное начало и даже склонен был называть Сечь «коммуной». Он не мог простить П. Лаврову, что тот в своей речи на банкете посвященном 50-летию польского восстания 1830 г., перечислив наиболее яркие примеры революционно-демократического движения (Жакерия, Крестьянская война в Германии, Богумильство в Болгарии, Табориты в Чехии)—не упомянул

▲ Гулак П.П.

▲ Шевченко Тарас

«Товарищества (коммуны) Запорожского». Драгоманов полагал, что Запорожье «самый строй таборами заимствовало от чешских таборитов, которым ходили помогать наши волынци и подоляне XV века». Одной из прямых задач участников украинофильского движения Драгоманов считал обязанность «отыскивать в разных местах и классах населения Украины воспоминания о прежней свободе и равноправности». Он включил это в качестве особого пункта в «Опыт украинской политико-социальной про-граммы», выпущенной им в 1884 г. в Женеве. Там, популяризации казачьего самоуправления в эпоху Гетманщины и, особенно, «Сечи и вольностей товарищества запорожскаго» — придается исключительное значение. «Программа» требует от поборников украинской идеи всемерно их пропагандировать и подводить их к теперешним понятиям о свободе и равенстве у образованных народов».

Это вполне объясняет широкое распространение подобного взгляда на запорожское казачество, особенно среди «прогрессивной» интеллигенции. Она его усвоила в результате энергичной пропаганды деятелей типа Драгоманова. Без всякой проверки и критики, он был принят всем русским революционным движением. В наши дни он нашел выражение в тезисах ЦК КПСС по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией. «В ходе борьбы украинских народных масс против феодально-крепостнического и национального гнета, — говорится там, — а также против турецко-татарских набегов, была создана военная сила в лице казачества, центром которого в XVI веке стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа».

Составители тезисов проявили значительную осторожность, ни о коммунизме казачьем, ни о свободе и равенстве не упоминают — оценивают казачество исключительно, как военную силу, но «прогрессивную роль» его отмечают в соответствии с традиционной украинофильской точкой зрения.

Между тем, историческая наука давно признала неуместность поисков «прогресса» и «демократии» в таких явлениях прошлого, как Новгородская и Псковская Республики, или Земские Соборы Московского Государства. Их своеобразная средневековая природа мало имеет общего с учреждениями нового времени. Тоже старое казачество. Объективное его изучение разрушило как аристократическую, так и демократическую легенды. Сам Костомаров, по мере углубления в источники, значительно изменил свой взгляд, а П. Кулиш, развернув широкое историческое полотно, представил казачество в таком свете, что оно ни под какие сравнения с европейскими институтами и общественными явлениями не подходит. На Кулиша сердились за такое развенчание, но опорочить его аргументацию и собранный им документальный материал не могли. Обращение к нему и по сей день обязательно для всякого, кто хочет понять истинную сущность казачества.

Демократия, в наш век, расценивается не по формальным признакам, а по ее общественно-культурной и моральной ценности. Равенство и выборность должностей в общине живущей грабежом и разбоем никого не восхищают. Не считаем мы, также, достаточным для демократического строя одного только участия народа в решении общих дел и выборности должностей. Ни древняя, античная, ни новейшая демократия не мыслили этих начал вне строгой государственной организации и твердой власти. Господства толпы никто сейчас с понятием народовластия не сближает. А запорожским казакам именно государственного начала и недоставало. Они воспитаны были в духе отрицания государства. К своему собственному войсковому устройству, которое могло бы рассматриваться, как прообраз государства, у них существовало мало почтительное отношение, вызывавшее всеобщее удивление иностранцев. Популярнейший и сильнейший из казачьих гетманов — Богдан Хмельницкий — не мало терпел от своевольства и необузданности казаков. Все, кто бывал при дворе Хмельницкого, поражались грубому и панибратскому обхождению полковников со своим гетманом. По словам одного польского дворянина, московский посол, человек почтенный и обходительный, часто принужден был опускать в землю глаза. Еще большее возмущение вызвало это у венгерского посла. Тот, несмотря на радушный прием, оказанный ему, не мог не вымолвить по-латыни: «Занесло меня к этим диким зверям!». Казаки не только гетманский престиж ни во что не ставили, но и самих гетманов убивали с легким сердцем. В 1668 г. под Диканькой они убили левобережного гетмана Брюховецкого. Правда, это убийство было совершено по приказу его соперника Дорошенка, но, когда тот выкатил несколько бочек горелки, казаки подвыпив надумали убить к вечеру и самого Дорошенка. Преемник Брюховецкого, Демьян Многогрешный, признавался: «Желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мне смерть приключится, то у казаков такой обычай — гетманские пожитки все разнесут, жену, детей и родственников моих нищими сделают; да и то у казаков бывает, что гетманы своею смертью не умирают; когда я лежал болен, то казаки собирались все пожитки мои рознести по себе». К «розносу» гетманских пожитков казаки готовы были в любую минуту. Сохранилось описание банкета данного Мазепой в шведском стану, в честь прибывших к нему запорожцев. Подвыпив, запорожцы начали тянуть со стола золотую и серебряную посуду, а когда кто-то осмелился указать на неблаговидность такого поведения, то был тут же прирезан. Если такой стиль царил в эпоху Гетманщины, когда казачество пыталось создать что-то похожее на государственное управление, то что было в сравнительно ранние времена, особенно в знаменитой Сечи? Кошевых атаманов и старшину поднимали на щит или свергали по капризу, либо под пьяную руку, не предъявляя даже обвинения. Рада — верховный орган управления — представляла собой горластое неорганизованное собрание всех членов «братства». Боярин В. В. Шереметев, взятый татарами в плен и проживший в Крыму много лет, описывал в одном письме к царю Алексею Михайловичу свое впечатление от татарского Курултая или, как он его называет, «Думы». «А дума ба-

▲ Демьян Многогрешный

▲ Боярин В.В. Шереметев

сурманская похожа была на раду казацкую; на что хан и ближние люди приговорят, а черные юртовые люди не захотят, и то дело никакими мерами сделано не будет». На необычайное засилье самовольной толпы жалуются все гетманы. Казачество, по словам Мазепы, «никогда никакой власти и начальства над собой иметь не хочет». Казачья «демократия» была, на самом деле, охлократией.

Не здесь ли таится разгадка того, почему Украина не сделалась, в свое время, самостоятельным государством? Могли ли его создать люди, воспитанные в антигосударственных традициях? Захватившие Малороссию «казаченки» превратили ее как бы в огромное Запорожье, подчинив весь край своей дикой системе управления. Отсюда частые перевороты, свержения гетманов, интриги, подкопы, борьба друг с другом многочисленных группировок, измены, предательства и невероятный политический хаос, царивший всю вторую половину XVII века. Не создав своего государства, казаки явились самым неуживчивым элементом и в тех государствах, с которыми связывала их историческая судьба.

***

Объяснения природы казачества надо искать не на Западе, и не Востоке, не на почве удобренной римской культурой, а в «диком поле», среди тюрко-монгольских орд. Запорожское казачество давно поставлено в прямую генетическую связь с хищными печенегами, половцами и татарами, бушевавшими в южных степях на протяжении чуть не всей русской истории. Осевшие в Приднепровьи и известные, чаще всего, под именем Черных Клобуков, они со временем христианизировались, русифицировались и положили начало, по мнению Костомарова, южно-русскому казачеству. Эта точка зрения получила сильное подкрепление в ряде позднейших изысканий, среди которых особенным интересом отличается исследование П. Голубовского. Согласно ему, между степным кочевым миром и русской стихией не было в старину той резкой границы, какую мы себе обычно представляем. На всем пространстве от Дуная до Волги, «лес и степь» взаимно проникали друг друга, и в то время как печенеги, тюрки и половцы оседали в русских владениях, сами русские многочисленными островками жили в глубине тюркских кочевий. Происходило сильное смешение кровей и культур. И в этой среде, по мнению Голубовского, уже в Киевскую эпоху стали создаваться особые воинственные общины, в составе которых наблюдались как русские, так и кочевые инородческие элементы. Основываясь на известном "Codex Camanicus» конца XIII века, Голубовский самое слово «казак» считает половецким, в смысле стража передового, дневного и ночного.

Толкований этого слова много и выводилось оно всегда из восточных языков, но прежде исследователи сопровождали свои утверждения аргументацией и соответствующими лингвистическими выкладками. Только В. А. Голобуцкий, автор недавно вышедшей работы о запорожском казачестве, отступил от этой хорошей академической традиции. Отметив тюркское его происхождение и истолковав, как «вольного человека», он ничем не подкрепил своего открытия. Не трудно заметить руководившее им желание — закрепить филологически за словом. «казак» то значение, которое придавалось ему в националистической публицистике и поэзии XIX века.

Некоторые исследователи идут дальше Голубовского и ищут следов казачества в скифских и в сарматских временах, когда на нашем юге подвизались многочисленные ватаги, добывавшие пропитание грабежами и набегами. Степь искони дышала разбоем, хищничеством и той особой вольно-

стью, которую так трудно отождествить с современным понятием свободы. Наиболее яркую печать наложила на казачество самая близкая к нему по времени, татарская эпоха степной истории. Давно обращено внимание на тюркско-татарское происхождение казачьей терминологии. Слово «чабан», например, означающее пастуха овец, заимствовано от татар. От них же заимствовано и слово «атаман», производное от «одаман», означающее начальника чабанов сводного стада. Сводное же стадо составляли десять соединенных стад, по тысяче овец в каждом. Такое стадо называлось «кхош». Казацкое «кош» — становище лагерь, сборное место, и «кошевой атаман» вышли из этого степного лексикона. Оттуда же «курень» и «куренный атаман». «Значение куреня, — по словам Рашидед-Дина, — таково: когда в поле кибитки во множестве стоят кругом в виде кольца, то называют это курень».

Объяснить проникновение в среду днепровских казаков тюрко-монгольской кочевой терминологии не так уж трудно, в виду близости Крыма. Но наиболее вероятным ее источником были казаки же, только не свои русские, а татарские. Представление о казачестве как специально русском явлении до такой степени распространено у нас и в Европе, что о существовании иноплеменных казачьих скопищ, редко кому известно. Между тем, Дон и Запорожье были, надо думать, младшими братьями и учениками казаков татарских.

На существование татарских казаков имеется множество указаний. Оставляя в стороне вопрос о большой Казахской орде за Каспием, которую некоторые историки, как Быкадоров и Эварницкий, ставят в родственную связь со всем казацким миром, мы ограничимся более близкой нам территорией — Причерноморьем.

В 1492 г. хан Менгли Гирей писал Ивану III, что войско его, возвращаясь из- под Киева с добычею, было ограблено в степи «ордынским казаками». Об этих ордынских или «азовских» казаках-татарах неоднократно пишут русские летописцы со времен Ивана III, характеризуя их, как самых ужасных разбойников, нападавших на пограничные города и чинивших необычайные препятствия при сношениях Московского Государства с Крымом. «Поле нечисто от азовских казаков», читаем мы постоянно в донесениях послов и пограничных воевод государю. Татарские казаки, так же как русские, не признавали над собой власти ни одного из соседних государей, хотя часто поступали к ним на службу. Так, отряды татарских казаков состояли на службе у Москвы, не гнушалась ими и Польша. Известно по крайней мере, что король Сигизмунд-Август призывал к себе белгородских (аккерманских) и перекопских казаков и посылал им сукно на жалованье. Но чаще всех привлекал их себе на помощь крымский хан, имевший постоянно в составе своих войск крупные казачьи отряды. Разбойничая на пространстве между Крымом и московской окраиной, татарские казаки были в военном, бытовом и экономическом отношении самостоятельной организацией, так что польские летописцы, зная четыре татарские орды (заволжскую, астраханскую, казанскую, перекопскую), причисляли к ним, иногда, пятую — казацкую.

Надо ли, после этого, ходить далеко на Запад в поисках образца для запорожской Сечи? Истинной школой днепровской вольницы была татарская степь, давшая ей все от воинских приемов, лексикона, внешнего вида (усы, чуб, шаровары), до обычаев, нравов и всего стиля поведения.

Прославленные морские походы в туретчину выглядят совсем не патриотическим и не благочестивым делом. Сами, украинофилы прошлого века знали, что казаки «розбивали по Черному море християнске купецтво заодно с бесурменским, а дома плиндрували руськи свои городи татарским робом».

«Были в Швеции казаки запорожские, числом 4.000, — пишет одна польская летопись, — над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Казаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар». Под 1603 годом повествуется о похождении казаков под начальством некоего Ивана Куцки в Боркулабовской и Шупенской волостях, где они обложили население данью в деньгах и натурой. «В том же году в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своевольство: что кто хочет, то делает. Приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил казакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть: все люди плакали. Богу Создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда казаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою брали; один казак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3, 4, женщин или девиц 4 или 3».

Чем эта картина отличается от вида крымской орды возвращающейся с ясырем из удачного набега? Разница может быть, та, что татары своих единоверцев и едино племенников не брали и не продавали в рабство, тогда как для запорожских «лыцарей» подобных тонкостей не существовало.

Школа Запорожья была не рыцарская и не трудовая крестьянская. Правда, много крепостных мужиков бежало туда и много было поборников идеи освобождения селянства от крепостного права. Но принесенные извне, эти идеи замирали в Запорожье и подменялись другими. Не они определяли образ Сечи и общий тонус ее жизни. Здесь существовали свои вековечные традиции, нравы и свой взгляд на мир. Попадавший сюда человек переваривался и перетапливался, как в котле, из малоросса становился казаком, менял этнографию, менял душу. В глазах современников, как отдельные казаки, так и целые их объединения, носили характер «добычников». «Жен не держат, землю не пашут, питаются от скотоводства, звериной ловли и рыбного промысла, а в старину

больше в добычах, от соседственных народов получаемых, упражнялись». Казакование было особым методом добывания средств к жизни, и тот же Папроцкий, воспевавший казаков, как рыцарей, признается в одном месте, что в низовьях Днепра «сабля приносила больше барышей, чем хозяйство». Именно поэтому в казачество шли не одни простолюдины, но и шляхта, подчас из очень знатных родов. Насколько возвышенными были их цели и устремления, видно из случая с знаменитым Самуилом Заборовским. Отправляясь в Запорожье, он мечтал о походе с казаками на московские пределы, но явившись в Сечь, и ознакомившись с обстановкой, меняет намерение и предлагает поход в Молдавию. Когда же татары приходят с дружеским предложением идти совместно грабить Персию, он охотно соглашается и на это. Запорожские мораль и нравы хорошо были известны в Польше: коронный гетман Ян Замойский, обращаясь к провинившимся шляхтичам, выставлявшим в оправдание прежних проступков свои заслуги в запорожском войске, говорил: «Не на Низу ищут славной смерти, не там возвращаются утраченные права. Каждому рассудительному человеку понятно, что туда идут не из любви к отчеству, а для добычи».

Даже в поздние времена, в начале XVIII века, казаки не стеснялись называть свое ремесло его собственным именем. Когда Булавин поднял на Дону восстание против Петра Великого, он отправился в Запорожье с целью прибрать там себе помощников. Сечь заволновалась. Одни стояли за немедленное соединение с донским атаманом, другие боялись порывать с Москвой. Дошло до смены кошевого и старшины. Умеренная группа одержала верх и порешили всей Сечью не выступать, а разрешить желающим присоединиться к Булавину на свой риск. Булавин встал в Самарских городках и обратился к запорожцам с призывом: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в черны вершины самарские!».

До учреждения оседлого реестрового казачества в середине XVI века, термином «казак» определялся особый образ жизни. «Ходить в казаки» означало удаляться в степь за линию пограничной охраны и жить там на подобие татарских казаков, т.е., в зависимости от обстоятельств, ловить рыбу, пасти овец или грабить.

Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина, они представляют два разных мира. Один — оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями унаследованными от Киевских времен. Другой — гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь, выработавший совершенно иной темперамент и характер под влиянием образа жизни и смешения со степными выходцами. Казачество порождено не южно-русской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею.

Высказанная многими русскими историками, мысль эта поддержана ныне немецким исследователем Гюнтером Штеклем, полагающим, что первыми русскими казаками были русифицировавшиеся крещеные татары. В них он видит отцов восточнославянского казачества.

Что касается легенды, приписывающей запорожцам миссию защиты славянского востока Европы от татар и турок, то она, ныне, достаточно развенчана накопившимся документальным материалом и трудами исследователей. Казацкая служба на краю Дикого поля создана инициативой и усилиями польского государства, а не самого казачества. Вопрос этот давно ясен для исторической науки. ■

▲ Мазепа

В.И. ЧУЙКОВ

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК ЧАН КАЙШИ

▲ Посольство СССР 1942 г.: слева 2-й Федоренко Н.Т., Рощин Н.В., Панюшкин А.С., Чуйков В.И., Владимиров П.П. Коминтерн, Чан Кайши

Выполняя задачу, поставленную передо мной в Москве, — подготовиться к выполнению обязанностей главного военного советника Чан Кайши, я постепенно изучал стиль и методы работы наших военных советников как в центре, в Чунцине, так и на местах, в районах и армиях. Задача непростая, если учесть разбросанность советников по многим фронтам. Уже по опыту предыдущей командировки в Китай я знал, что сработаться нашим людям с китайскими должностными лицами не так легко.

Беседуя с комдивом К.М. Качановым (Волгиным) и другими советниками, находившимися в Чунцине, я уяснил, что некоторые наши товарищи не всегда правильно, на мой взгляд, строили свои взаимоотношения с военным министерством и китайскими генералами в районах и армиях. Все наши советники были полны горячего желания помочь китайскому народу по-настоящему бить японцев. Ради этого многие из них рисковали жизнью. Но слабым местом некоторых было недостаточное знание Китая, его традиций. Между тем по опыту прежней работы в этой стране я знал, насколько это важно.

Во взаимоотношениях с военными руководителями Китая нашим военным советникам следовало быть особенно осторожными, учитывать особую чувствительность этих людей к сложившимся обычаям, нетерпимость к критике, даже самой разум-

Чуйков Василий Иванович (1900-1982), советский военный деятель, полководец, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны, командир полка. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, восточный (разведывательный) факультет. В 1927 г. военный советник в Китае. В 1929-1932 гг. начальник разведывательного отдела штаба ОКДВА. Командарм Бобруйской армейской группы. Участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию. В время советско-финляндской войны 1939-1940 гг. командовал 9 армией. В 1940-1942 гг. военный атташе в Китае, главный военный советник. С сентября 1942 г. и до конца Великой Отечественной войны командующий 62 — с апреля 1943 г. 8 гв. армии, прославившейся в Сталинградской битве. После войны первый заместитель главнокомандующего, с 1949 г. главнокомандующий Группой советских войск в Германии. С 1953 г. командующий войсками Киевского военного округа. С 1960 г. главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР. С 1964 г. начальник Гражданской Обороны СССР. С 1972 г. в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

ной. Тут нужен был особый подход. Скажем, китайский генерал принимает решение на оборону или на наступление. В этом решении много несуразностей, чтобы не сказать большего. Если советник открыто раскритикует план, он этим наживет себе врага, в лучшем случае китайский генерал будет его игнорировать и не станет приглашать к разработке планов и решений.

Во всех случаях советник, изучая решение или план китайского военачальника, должен во всеуслышание признать и объявить его хорошим, если не гениальным или превосходным. Но под предлогом, чтобы подчиненные китайского генерала лучше поняли и усвоили план, попросить разрешения внести несколько уточнений. Можно ручаться, что после такого восхваления решения или плана китайский руководитель позволит внести «некоторые» уточнения. Этими уточнениями советник может вложить в решение все, что нужно. Такая помощь будет принята, и предложение советника станет проводиться в жизнь как решение или план самого китайского командующего.

В случае успешного выполнения этого решения или плана операции советник должен оставаться в стороне, все лавры победы или успеха во всеуслышание адресовать своему генералу, а при неудаче — найти причины, оправдывающие действия командира и войск, и даже поздравить с победой. Замечу, что во время своей первой встречи с Чан Кайши, накануне нового, 1941 года, я начал разговор с ним именно с поздравления по случаю побед китайской армии, хотя таковых и в помине не было. Но Чан Кайши оценил мой жест.

Мне и моим помощникам пришлось основательно поработать, чтобы направить деятельность наших советников в русло правильных взаимоотношений с китайцами. Старшие советники были собраны из районов, где они находились, в Чунцин и тщательно проинструктированы. И те, кто усвоил этот особый подход к китайцам, необходимый для того, чтобы совместно с ними работать и воевать против японцев, научились более эффективно помогать им и в то же время, когда это было нужно, удерживать от ошибок.

К сожалению, тогда, в январе 1941 г., наши советники не смогли вовремя раскрыть подготовку войск Чан Кайши к нападению на Новую 4-ю армию. Естественно, что советов по таким вопросам Чан Кайши у нас не спрашивал.

Военный конфликт в южном Аньхое поставил в тяжелое положение как главного военного советника К.М. Качанова, так и советнический аппарат 3-го района. Они увидели, что от них скрывают все важные мероприятия, проводимые в войсках.

Прибыв в Китай, я проинформировал нашего посла, что моя задача — быть не только военным атташе, но и главным военным советником. После событий в южном Аньхое я считал, что с моим вступлением на этот пост больше медлить нельзя. Как вновь прибывший военный атташе и одновременно главный военный советник, я рассчитывал както повлиять на позицию чунцинских руководителей и постараться не допустить дальнейшего развертывания конфликта между гоминьданом и КПК. Отныне я мог выступать не просто как волонтер китайской армии, но и как официальный представитель Советского Союза, его вооруженных сил, которые оказывали помощь Китаю в борьбе с агрессором, а не в развертывании гражданской войны. Я мог говорить по военным вопросам не только как советник, но и выражать мнение нашего правительства.

А военные вопросы в Китае в то время тесно переплетались с политическими.

А. С. Панюшкин согласился с этими соображениями. Скоро из Москвы последовало указание, чтобы мы с послом и комдивом К. М. Качановым заявили Чан Кайши о моем новом назначении.

Когда мы все трое попросили приема у Чан Кайши, китайцы, по-видимому, были основательно озадачены таким дипломатическим шагом со стороны главных представителей Советского Союза. Вероятно, они подумали, что наш визит связан с разгромом штабной колонны Новой 4-й армии и что с нашей стороны последуют какие-то решительные возражения или протесты, к которым Чан Кайши хотел, видимо, подготовиться. Он всячески старался узнать через своих чиновников, чем вызвано наше посещение. Около недели он нас не принимал, стараясь выяснить цель визита.

За эту неделю меня как военного атташе китайские военные и политические деятели затаскали по приемам и банкетам, стараясь узнать, о чем мы трое собираемся говорить с Чан Кайши. Дав время китайцам поволноваться, я в беседе с начальником отдела внешних сношений Чжан Цюнем заявил, чтобы китайцы не думали, что во время визита речь пойдет о серьезном вопросе, касающемся взаимоотношений между государствами. Тема разговора будет совершенно не та, о которой они думают, но я заверил, что вопрос будет идти об улучшении наших взаимоотношений и нашей дальнейшей работе. Этого было достаточно. Очень скоро мы были приняты Чан Кайши. На такой откровенный разговор с Чжан Цюнем я пошел, зная, что он облечен доверием самого генералиссимуса. Своей откровенностью я как бы давал ему аванс на будущее, стремился показать, что хочу иметь с ним контакт, давая ему возможность блеснуть своей осведомленностью перед Чан Кайши и рассчитывая, что он отплатит мне долг сведениями, которые могли нас интересовать. Это оправдалось в дальнейшей работе.

Фактически никаких секретов я Чжан Цюню не открывал. И когда в ходе приема А. С. Панюшкин как посол заявил от имени нашего правительства, что К. М. Качанов (Волгин) отзывается в Союз после окончания срока работы и что наше правительство рекомендует в качестве главного военного советника меня, военного атташе, Чан Кайши приободрился, одобрительно посмотрел на присутствующего тут Чжан Цюня, на его лице появилась широкая улыбка, а с губ сорвались слова «хао, хао» («хорошо, хорошо»). Он понял, что в лице военного атташе приобретает еще и военного советника, который, являясь официальным представителем Советского Союза, будет открыто помогать ему в вооруженной борьбе против японцев.

Перед отбытием в Советский Союз К. М. Качанов был награжден Чан Кайши высоким орденом, который получали только особо заслуженные генералы. Был устроен банкет, на котором мы обменялись любезностями, обещаниями поддержки и уверениями в дружбе между Советскими Вооруженными Силами и китайской армией. Все это, как мне показалось, даже обрадовало Чан Кайши.

* * *

Я продолжал тщательно изучать военно-политическую обстановку в Китае, страну и народ, сражающийся против японской агрессии, силы и средства Японии, а также реальные

▲ Качанов К.М.

▲ Ван Цзинвэй

возможности перешедших на ее сторону предателей китайского народа. Таковыми были: на севере, в Маньчжурии, — правительство Маньчжоу-Го во главе с отпрыском цинской династии императором Пу И; во Внутренней Монголии — марионеточное правительство под руководством князя Дэвана; в Бэйцзине (Пекине) — Политический совет Северного Китая во главе с Ван Итаном; в Нанкине — прояпонское правительство во главе с Ван Цзинвэем. Получалось что-то вроде лоскутной империи прояпонских марионеток во главе с микадо. Японское правительство сознательно раздробило захваченную территорию Китая, проводя испытанную империалистическую политику: разделяй и властвуй.

Уже к концу 1939 г. фронт японо-китайской войны стабилизировался, как бы застыл на одном месте. Я считал, что в связи с развитием военного конфликта в Европе и постепенным втягиванием в этот конфликт США для Японии наступил долгожданный период, когда она могла приступить к выполнению своих далеко идущих планов под демагогическими лозунгами: «Азия — для азиатов», «Япония — защитница Азии от несправедливости англо-американской политики», «Наступление сферы процветания» и т. д.

События 1939 — 1940 гг. в сочетании с разведывательными данными подсказывали мне, что Япония, отложив на время решение своих задач в Китае, может рискнуть воспользоваться сложившейся обстановкой для броска в сторону Южных морей и бассейна Тихого океана. Японцы, по-видимому, считали, что теперь, когда у их империалистических противников были связаны руки в Европе, они сумеют реализовать свои агрессивные планы, бросив на чашу весов стратегические резервы.

Японские милитаристы никогда не отказывались от мысли о нападении на Советский Союз. Но, наученные горьким опытом, они выжидали благоприятного момента, когда Советский Союз будет ослаблен. Таков был смысл «Программы национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки». «Империя будет по-прежнему прилагать усилия к разрешению конфликта в Китае: будет продолжать продвижение на юг для обеспечения основ самостоятельности и самообороны, — говорилось в этом документе. — Решение северной проблемы будет зависеть от изменения в обстановке». Эта программа была утверждена 2 июля 1941 г. на имперской конференции в Токио.

Чем ближе подходил 1941 год, тем яснее виделось, что приближается начало схватки фашистского блока с Советским Союзом. Этого ожидали все великие и малые державы. Это понимало советское руководство и готовило надлежащий отпор фашизму. Это понимали японцы, рассчитывая, что в результате нападения гитлеровской Германии ослабеет Советский Союз и это до известной степени развяжет им руки для дальнейшей экспансии. Англичане и американцы, наоборот, не хотели, чтобы у Японии оказались свободными руки на севере и в Китае для захвата их владений в бассейне Тихого океана. Стремясь не допустить развертывания японской экспансии в южном направлении, США вместе с Англией начали в этот период осуществлять экономический нажим на Японию и вступили с ней в длительные переговоры. Это был торг, цель которого была все та же — направить японскую агрессию против Советского Союза. В самом Китае правительство Чан Кайши, в свою очередь, считало, что нападение японцев в направлении на юг или на север приведет к ослаблению их военного давления на Китай, что даст возможность расправиться с КПК и укрепить свои силы.

В феврале — марте 1941 г. обстановка в районе Южных морей продолжала накаляться. Показателями этого для меня являлись следующие факты: распоряжения посольств Англии и США об эвакуации английских и американских граждан с Дальнего

Востока; минирование англичанами побережья Малайского архипелага и Сингапура; переброска индийских и австралийских войск, а также австралийской авиации в район Сингапура и Малайских штатов; сосредоточение английских (точнее, индийских) войск на границе Малайи и Таиланда (Сиама); экономическое давление Англии на Таиланд; объявление американцами ряда своих морских и воздушных баз на Гавайских островах, Аляске и в других районах запретными зонами; прекращение американскими банками кредитования торговых сделок на Дальнем Востоке; заявление Рузвельта о том, что в случае, если США будут втянуты в войну на Тихом океане, они не ослабят своей помощи Англии. Но главным являлась дальнейшая активность японцев в районе Южных морей в целях усиления их позиций на подступах к британским, американским я голландским владениям. Так, под давлением Японии власти французского Индокитая вынуждены были удовлетворить территориальные требования Таиланда. Активность японцев как в Аннаме, так и в Таиланде объяснялась их стремлением превратить эти богатейшие страны в стратегический плацдарм для дальнейшей экспансии в направлении Индонезии.

По данным, которые я получил от китайцев, общее количество японских самолетов на юге составило около 600, из них около 200 дислоцировалось в Аннаме. Японцы вели усиленное военное строительство на о-ве Хайнань: создавали аэродромы, убежища, площадки для зенитных орудий. Порт Дайявань был превращен в базу подводных лодок. По данным разведки, на о-ве Хайнань сосредоточивались японские танковые части. В начале марта японцы провели в районе Южно-Китайского моря совместные учения флота, авиации и сухопутных сил. По данным, которыми я располагал, сильное давление на японское правительство в тот момент оказывали немцы, толкавшие его на юг. В одном из сообщений говорилось, что в марте состоялось совместное заседание японского кабинета министров с представителями высшего командования, на котором обсуждались немецкие требования. Было решено закончить подготовку к южной экспансии в течение марта.

Заявления министра иностранных дел Японии Мацуока и японских послов в Лондоне и Вашингтоне, что Япония не намерена добиваться удовлетворения своих притязаний в районе Южных морей вооруженной силой, не разрядили напряженной обстановки на Тихом океане. Японские приготовления противоречили этим заявлениям.

В январе 1941 г. президент США Рузвельт по просьбе гоминьдановского правительства направил в Чунцин одного из своих помощников — доктора Л. Кэрри. В задачу его миссии входило всестороннее изучение политического, экономического и военного положения Китая. При определении своей дальневосточной и европейской политики Соединенным Штатам важно было знать, что собой реально представлял Китай, в какой степени на него можно было опереться в случае возникновения войны с Японией. Ясно, что за короткий срок своего пребывания в Китае Л. Кэрри не мог полностью изучить весь этот вопрос. Видимо, в его задачу входили личная проверка уже имевшихся в распоряжении правительства США материалов и дополнение их новыми фактами. Насколько я мог понять из бесед с американцами, у Кэрри сложилось невыгодное для китайского правительства впечатление о положении в стране. Кэрри в первую очередь обратил внимание на тяжелое экономическое и финансовое положение в стране и на опасность дальнейшего расширения экономического кризиса, неспособность китайского правительства справиться с создавшимся положением, на наличие явно выраженной диктатуры гоминьдана и отсутствие в стране демократии. Однако в тот момент я считал, что независимо от личных впечатлений Кэрри обстановка складывалась таким образом (я имею в виду дальнейшее обострение отношений между США и Японией), что Америка оказывалась вынужденной предоставить реальную помощь Китаю.

Наибольшее беспокойство в Чунцине проявляли англичане. Это и понятно: ведь их дальневосточные

▲ Чан Кайши и Сун Мэйлин

владения оказывались под непосредственной угрозой японского нападения. Больше всего англичан беспокоило состояние экономики и финансов Китая. Некоторые из английских дипломатов в тот момент считали, что без экономической помощи со стороны Англии и США Китай в состоянии продержаться 6 — 12 месяцев. Англичане выдвинули проект организации англо-американской экономической миссии в Китае, члены которой являлись бы экономическими советниками правительства Чан Кайши. В феврале 1941 г. проект утвердил Чан Кайши, а затем английский посол в Чунцине А. Кэрр передал его на утверждение английского правительства. В Чунцине в то время циркулировали слухи о переговорах Англии и Китая о военном сотрудничестве.

Важное значение в тот момент придавалось миссии начальника канцелярии Военного совета генерала Шан Чжэна в Бирму, Сингапур и Малайю. Предполагалось, что он установит непосредственный контакт с командованием британских военных сил на Дальнем Востоке и, возможно, договорится о координации действий между англичанами и китайцами, если английские владения подвергнутся японскому нападению. В Гонконг выезжал начальник загранотдела ЦИК гоминьдана У Тэчэн, который незадолго до этого вернулся из длительной поездки по странам Южных морей. Целью его пребывания в Гонконге, по всей видимости, были переговоры с местным английским командованием о координации действий.

Китайское командование создало новые армейские группы (1-ю и 9-ю), сосредоточив их в Юньнани, для обороны и подготовки к активным действиям на юге в случае возникновения англо-японской войны. По данным, которые я имел, в ходе.англо-китайских контактов обсуждался вопрос об охране силами китайской армии Бирмано-Юньнаньской дороги (эта миссия была возложена на Шал Чжэна). Для меня было несомненно одно: переговоры о военном сотрудничестве имели место, хотя вопрос о формах этого сотрудничества оставался открытым.

Таким образом, Англия и США свою политику в Китае начали строить в тесной связи с резко обострившимся положением в Южных морях. Они стояли перед необходимостью военной защиты своих дальневосточных владений от посягательств Японии. Но шли на это весьма неохотно. И объяснялось это не только напряженной обстановкой в Европе, но и нежеланием ослабить Японию, силы которой могли быть использованы в нужный момент против СССР. Об этом откровенно заявлял А. Кэрр, английский посол в Китае. Для меня было понятно, что, чем напряженнее складывалась бы обстановка в районе Южных морей, тем активнее США и Англия стали бы подталкивать Китай на продолжение войны с Японией; чем явственнее начала бы вырисовываться угроза возникновения войны на юге, тем более реальные формы стала бы принимать англо-американская помощь Китаю. И, наоборот, если бы представилась возможность договориться с Японией, то Англия и США пошли бы на это, не останавливаясь перед принесением в жертву китайских интересов.

Внешняя политика Чунцина по-прежнему включала в свои расчеты возможность возникновения войны между Японией с одной стороны и Англией и США — с другой. Поэтому китайское правительство в еще большей степени стремилось сблизиться с этими странами. В то же время оно трезво учитывало огромное значение политики СССР на Дальнем Востоке. Сильное беспокойство в китайских правительственных кругах

▲ Хэ Инцинь

вызвало известие о японо-советских переговорах по поводу заключения пакта о ненападении. В связи с этим, очевидно, китайцы в тот момент старались усиленно подчеркнуть дружеские отношения к СССР. Это проявилось и на приеме в советском посольстве 23 февраля, на который специально приехал Чан Кайши, и на банкете, который устроил Хэ Инцинь в честь военного атташе СССР и советских советников. Хэ Инцинь распинался там в любви к СССР, к нашим советникам и заявлял о скором переходе в контрнаступление против японцев.

В конце зимы и начале весны 1941 г. главное внимание китайских государственных деятелей и всех дипломатов в Чунцине было обращено на события, которые происходили в Европе: в каком направлении станет дальше развиваться гитлеровская агрессия — на запад, против Англии, или против Советского Союза. Другие государства, такие, как Румыния, Болгария, Югославия или Греция, мало интересовали китайские власти. Они считали, что эти страны особого влияния на большую военную политику оказать не могли. Все ожидали вступления в войну таких гигантов, как СССР и США.

Английских и американских представителей в Китае особенно интересовал вопрос о вступлении в войну СССР. Американцы прямо спрашивали меня: будем ли мы и в дальнейшем помогать китайцам оружием? В беседах в американским военным атташе Барретом мы дали понять друг другу: наши страны заинтересованы, чтобы китайцы продолжали оказывать сопротивление агрессору и не капитулировали перед японцами. В ходе этих бесед я выяснил, что американцы кроме финансовой поддержки решили оказать Китаю помощь и оружием, что они против развязывания гражданской войны в Китае, понимая, что следствием этого было бы ослабление его сопротивления японской агрессии.

Вступив в должность военного советника Чан Кайши, я понимал, что без надежной и проверенной информации, без налаживания важных для моей работы контактов мне будет трудно выполнять поставленные передо мной задачи. Большую помощь мне оказали мои помощники, хорошо говорящие по-китайски, — Фомин и С.П. Андреев, которые имели большие связи с прогрессивными китайцами. Мы широко общались с ними. Зная, что Советский Союз искренне помогает китайцам, к нам приходили журналисты, корреспонденты, чиновники различных ведомств, чтобы познакомиться, поговорить по различным вопросам внутренней и международной обстановки. Это давало нам возможность следить за настроениями, вникать в проблемы, волнующие различные круги общества. Мы старались вселить в наших посетителей надежду на успешное развитие революционных событий, укрепить уверенность в конечную победу Китая в национально-освободительной борьбе с японскими захватчиками. Они воспринимали наши слова с искренним воодушевлением. Короче, гостей у нас всегда было много, но и помощь в работе от такого общения была большая.

▲ Дай Ли

Соответствующие китайские службы пытались подсылать к нам и агентов контрразведки. Мы быстро разоблачали их с помощью наших китайских друзей, но от себя не отталкивали и, держась при них осторожно, не давали им возможности узнать круг интересующих нас вопросов. Мы знали, что в наших помещениях были установлены аппараты подслушивания, но считали напрасным трудом их обезвреживать или ликвидировать. Наоборот, стремились через эту аппаратуру дезинформировать соответствующие службы.

Во главе китайской контрразведки, агенты которой следили и за нами, стоял Дай Ли. Этот деятель сумел войти в большое доверие к Чан Кайши. Главу китайской контрразведки никто из наших людей, а также из знакомых нам китайцев не знал. Это был глубоко засекреченный деятель, конечно, антикоммунист, которого боялись все китайцы, но никто не мог похвалить-

ся, что был знаком с ним лично. Возможно, я, часто бывая у Чан Кайши, видел его, здоровался с ним, вместе сопровождал Чан Кайши на смотр советской военной техники. Откровенно говоря, я не добивался встречи с этим человеком и не собирался о чем-либо с ним советоваться.

Я никогда не замечал за собой наружную слежку, но только потому, что ее вели весьма искусно. Я не боялся этой слежки, поскольку, как главный военный советник, делал все открыто. Я и мои помощники не имели каких-либо намерений вмешиваться во внутренние дела Китая. Каждую неделю под председательством начальника генерального штаба и военного министра Хэ Инциня происходило заседание Военного совета, председателем которого официально являлся сам Чан Кайши, но его почти постоянно заменял Хэ Инцинь. Присутствие главного военного советника на этих заседаниях было обязательным, он считался заместителем председателя Военного совета. Членами совета был Чжоу Эньлай, а также маршал Фэн Юйсян, но они оба при мне ни разу не участвовали в его заседаниях. Я считал это большой ошибкой. Такой демонстративный бойкот Военного совета со стороны представителя КПК подрывал основу совместной борьбы против японцев, свидетельствовал о непрекращающихся разногласиях между КПК и гоминьданом.

Когда я первый раз появился на заседании Военного совета, моего переводчика С. П. Андреева не хотели пропускать вместе со мной. Раньше моего предшественника обслуживал китайский переводчик. Конечно, это отрицательно отражалось на работе. Китайский переводчик мог по указанию китайского начальства наговорить главному советнику что ему вздумается. Он всегда мог скрыть от советника то, о чем говорят китайцы (мой предшественник не знал китайского языка).

Когда мне сказали, что я на заседание Военного совета могу пройти только с китайским переводчиком, я заявил, что не пойду на заседание, потому что я должен быть со своим переводчиком, который понимает меня, а я — его, но если необходимо, то пусть вместе с моим, советским, будет участвовать в работе и китайский переводчик.

На заседании произошла заминка. Все члены совета, в том числе и Хэ Инцинь, не знали, что делать. Как я после узнал, Хэ Инцинь звонил даже самому Чан Кайши. В результате вопрос был решен положительно. Из этого я понял, что Чан Кайши заинтересован в продолжении нормальных взаимоотношений с Советским Союзом.

▲ Чжоу Эньлай Мао Цзэдун

С этих пор меня, как правило, на заседании Военного совета обслуживали два переводчика — китайский и советский (товарищ Андреев). Китайские руководители были вынуждены согласиться с моим законным требованием.

Часто бывало так: когда военный министр Хэ Инцинь брал какой-нибудь документ для рассмотрения, а я подозревал что-либо неладное, то я просто просил у него этот документ, тут же передавал Андрееву, и он мне его переводил. Иногда даже китайский переводчик был вынужден вместе с Андреевым объяснять мне, какой документ поступил и как на него реагируют. Это было особенно необходимым, когда между войсками Чан Кайши и войсками коммунистов происходили какие-либо трения. О них я был всегда вовремя извещен и мог следить за их развитием.

Я не сомневался, что в моем присутствии китайцы не выносили на обсуждение особо важные и острые политические и военные вопросы. Зная из других источников об этих допросах, я сам их ставил на обсуждение и по высказываниям членов Военного совета судил о действительной обстановке. Получая информацию о перегруппировках войск, которые происходили по указанию генерального штаба и которые могли бы представлять какую-либо опасность для КПК и ее вооруженных сил, я всегда мог реагировать и сообщать об этом, в частности, Чжоу Эньлаю или Е Цзяньину. Это было необходимо во избежание повторения таких инцидентов, как с новой 4-й армией.

Знакомясь все ближе и ближе с китайской обстановкой, я пришел к выводу, что Чан Кайши и его генералитет не были заинтересованы по-настоящему вести войну с японцами. Они знали о подготовке Японии к большой войне и, по-видимому, не хотели своей активностью ей мешать. В то же время чанкайшисты смотрели очень зорко за коммунистическими войсками и держали вокруг районов сосредоточения последних свои самые надежные части. Этими войсками в районе Лояна и Сиани командовал, как уже говорилось, генерал

▲ Чжан Чунь

▲ Ху Цзуннань

Ху Цзуннань. Чан Кайши выделял ему лучшие войска. В армейской группе Ху Цзуннаня наших военных советников не было, но нас информировали о ней представители КПК, находившиеся в Чунцине. По-видимому, разгром колонны Новой 4-й армии побудил их наладить неплохие связи с работниками китайского генерального штаба, а также среди гоминьдановского руководства. Встречи с представителями КПК были полезны для меня, помогли в выяснении обстановки, а также той политики, которую проводил Чан Кайши. В то же время из этих встреч я понял, какие непримиримые разногласия существуют между гоминьданом и КПК, какая имеет место несогласованность в действиях между их войсками в борьбе против общего врага. Это грозило расколом единого фронта.

Чжоу Эньлай, Дун Биу и другие представителя КПК в Чунцине имели налаженные контакты с прогрессивными китайцами, с военными, а также с политическими работниками, которые всячески помогали им в работе, а также предупреждали о возможных конфликтах и провокационных действиях со стороны гоминьдановцев. Генерал Е Цзяньин, как начальник штаба 8-й армии, большую часть времени пребывал в Яньани.

Моя официальная резиденция главного военного советника Чан Кайши находилась рядом с кабинетами военного министра, начальника разведки и начальника оперативного управления китайского генштаба. В интересах дела я стремился наладить с ними нормальные деловые взаимоотношения. Сверяя и перепроверяя поступающие ко мне сведения, я и мои сотрудники имели достаточно полные данные о главных замыслах китайского руководства и, исходя из складывающейся обстановки, вносили свои предложения и рекомендации.

В ходе работы передо мной все больше раскрывались глубины китайской политики...

***

Ко времени моего приезда в Китай вполне определились взгляды Мао Цзэдуна и его сторонников в КПК на ход японо-китайской войны и на развитие революции в Китае.

Известно, что в мае 1938 г., в момент наивысшей активности японского агрессора в Китае, Мао Цзэдун опубликовал свои военные работы «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» и «О затяжной войне». На месте, в Чунцине, когда я ознакомился с обстановкой в стране, с положением на фронте, с состоянием китайских вооруженных сил, разобрался в какой-то мере во взаимоотношениях КПК и гоминьдана, для меня многое про-

▲ Японцы в центре Пекина

яснилось. Если в установке Мао Цзэдуна на развертывание партизанской войны и содержалось рациональное зерно, то в его теоретическом разборе хода военных действий с Японией желаемое выдавалось за действительность.

Мао Цзэдун выдвинул положение, что война с Японией будет иметь затяжной характер. Так оно и случилось, но вовсе не в силу исторической неизбежности. Китай, несмотря на всю свою отсталость, не раздирай его политическая междоусобица, мобилизуй он все ресурсы, закончил бы войну в два-три года и нанес бы сокрушительное поражение агрессору. Скажу больше: Япония не решилась бы на эскалацию агрессии, если бы с самого начала натолкнулась на полное единство страны.

Проводя курс на уклонение от активных боевых действий с японскими захватчиками, Мао Цзэдун постарался свое положение обосновать теорией, специально разработанной им для руководства партией и войсками. Он утверждал, что война с Японией пройдет три «стратегических этапа»:

1) наступление японских войск, отступление и оборона китайских;

2) «равновесие сил», когда японская армия уже не сможет вести наступление, а китайская еще не в состоянии развернуть генеральное наступление на противника;

3) контрнаступление китайских войск и разгром японских.

Если следовать схеме Мао Цзэдуна, то с 1939 г. японо-китайская война вступила во второй стратегический этап — накопления сил для перехода в генеральное контрнаступление на японцев, которые якобы утратили боеспособность для дальнейшей экспансии в Китае. Мао считал, что на втором этапе «противник… перейдет к стратегической обороне», китайские регулярные войска (в том числе и регулярные части КПК) тоже будут «находиться в обороне на фронтах», а «основное значение будет иметь партизанская война…».

Из всего этого вытекал основной вывод Мао Цзэдуна: войска КПК на втором этапе свертывают активные боевые действия против японцев и стремятся накопить силы и оружие для дальнейшей борьбы. С кем, против кого — это показало будущее.

Как известно, теория должна подтверждаться практикой, тем более если это сказано человеком, к словам которого прислушивался народ, а подчиненные или зависимые от него организации и люди выполняли их как директиву.

Правильно ли Мао Цзэдун оценивал силы Японии, которая, по его мнению, к концу 1938 г. израсходовала свои возможности и резервы и дальше не могла вести наступательные действия в Китае? На этот вопрос можно твердо ответить — нет.

Япония, оккупировав значитель-

ную часть территории Китая и его главные промышленные центры, приступила к освоению захваченных районов. Начавшаяся вторая мировая война заставила японское руководство пересмотреть свои стратегические планы с учетом обстановки, складывающейся на Западе. Понимал ли это Мао? Японский военно-морской флот и значительная часть ВВС еще не включились в войну. Исходя из всего этого, японские милитаристы, очевидно, пришли к выводу, что лучшего времени для реализации своих экспансионистских планов в Юго-Восточной Азии у них не будет. Ясно, что не бессилие заставило Японию приостановить дальнейший захват территории Китая, а новая обстановка на мировой арене. Утверждение Мао Цзэдуна, что на новом «стратегическом этапе» будет происходить накопление сил для перехода в контрнаступление, также не соответствовало действительности. Я не говорю о людских мобилизационных ресурсах Китая — их было больше чем достаточно. Но Китай был раздроблен территориально и политически. В стране по-прежнему действовали милитаристы, которые в любой момент могли переметнуться в лагерь захватчиков. При расколе, который существовал в то время в Китае, трудно было сказать, кто кого считал для себя врагом номер один. Гоминьдан и КПК, входя в единый фронт, открыто враждовали друг с другом, и в тот период не было сил, которые могли бы размотать клубок их противоречий.

Для накопления сил против Японии как у гоминьдана, так и у КПК не было ни развитой промышленности, ни достаточного количества оружия. Накопить оружие за счет ввоза его из-за границы было невозможно. В Китае не хватало вооружения даже для организации обороны. Империалисты Запада продолжали смотреть на Китай как на разменную монету. Обещали, но реально пока ничего не давали, а когда начали предоставлять помощь сражающемуся Китаю, она оказалась и запоздалой и недостаточной: китайский фронт не смог стать существенной преградой на пути реализации новых стратегических планов японских милитаристов и не помешал им ринуться в новые военные авантюры.

Чжоу Эньлай и Дун Биу при встречах с нами, советскими работниками, категорически отказывались обсуждать вопросы военных действий войск КПК. Они всячески пытались доказать, что войска гоминьдана готовятся к решительному наступлению на Особый район. То, что Особый район был блокирован, это факт, но ни один милитарист с начала японо-китайской войны не решался наступать на него.

После неудачного наступления войск Чан Кайши с целью ликвидации японской группировки в районе Уханя (декабрь 1939 г.) на всех фронтах наступило затишье. Только во второй половине 1940 г. командование 8-й и Новой 4-й армий организовало крупную партизанскую операцию, которая вошла в историю антияпонской войны под названием «битва ста полков», — единственное с начала войны и до августа 1945 г. крупное наступление народных армий против японских захватчиков. В нем участвовало более 400 тыс. бойцов. Несмотря на свои масштабы, наступление имело ограниченную оперативную задачу: внезапным одновременным ударом по гарнизонам и коммуникациям противника дезорганизовать его тылы, нарушить связь, создать благоприятную обстановку для расширения территории Освобожденных районов и установления взаимодействия между ними. За три с половиной месяца боев народные армии вывели из строя более 20 тыс. вражеских солдат и офицеров, освободили от противника территорию с населением более 5 млн. человек. Но в ноябре 1940 г. японцы развернули контрнаступление и вынудили народные армии отойти на исходные

▲ Мао Дзэдун

▲ Бомбардировка японцами Чунцина

позиции. После «битвы ста полков» японское командование усилило военные операции против Освобожденных районов.

Эта операция не была согласована с Чан Кайши и его генеральным штабом, более того, была засекречена от центрального правительства. Это не могло не отразиться на взаимодействии войск КПК и гоминьдана. Изолированная «битва ста полков» насторожила Чан Кайши, который решил, что войска КПК стремятся захватить больше территории Северного Китая и закрепить ее за собой, не допуская туда войска и администрацию центрального правительства.

После «битвы ста полков» основные армейские силы КПК по настоянию Мао Цзэдуна, по существу, прекратили войну с японцами. Пассивность войск КПК особенно проявилась после разгрома штабной колонны Новой 4-й армии. С этого момента о едином фронте гоминьдана и КПК в борьбе с агрессором можно было говорить лишь формально. В дальнейшем основными помыслами Мао Цзэдуна была не борьба с интервентами, а сбережение и по возможности увеличение и лучшее вооружение своих войск, расширение и создание новых баз. и районов под руководством КПК. Мао Цзэдун выдвинул перед КПК задачу: иметь под своим влиянием районы с населением не 100 млн. человек, что якобы было достигнуто в 1940 г., а до 200 млн. человек, иметь армию численностью не менее миллиона солдат с хорошим вооружением и т. д.

Некоторые военные деятели КПК под давлением Мао Цзэдуна распространяли версию, что эти цели и задачи были бы достигнуты другими силами и другими (партизанскими) методами, если бы не «битва ста полков», которая якобы служила не интересам Китая и КПК, а понадобилась для предотвращения японской агрессии против Советского Союза. Мао Цзэдун объяснял принятое им решение об этой битве желанием сорвать «дальневосточный Мюнхен» и новое японское наступление. На самом деле это было не так.

Стремясь расширить районы влияния КПК, Мао Цзэдун намеревался также накопить силы для борьбы за власть в Китае. Трудно было сказать, кого Мао Цзэдун считал наиболее опасным противником — японцев или Чан Кайши. Ведь впоследствии выяснилось, что не без ведома Мао Цзэдуна, более того, по его указанию долгое время поддерживалась связь высшего руководства КПК с японским оккупационным командованием. Факт позорный, но от него не спрячешься.

Было видно, что Мао Цзэдун и его группа разочарованы результатами войны с японцами в 1937 — 1940 гг., которую в основном вел Чан Кайши. Мао считал, что война с Японией была ему навязана Коминтерном, который якобы связал КПК руки в рамках единого фронта с гоминьданом, что в военных действиях с японцами КПК мало приобретала, но многое теряла, поскольку помощь Китаю со стороны западных держав и Советского Союза шла центральному правительству, т. е. Чан Кайши, а последний ничем не помогал КПК и ее вооруженным силам. Понятно, что Мао Цзэдун, преследуя в качестве основной цели в будущем захват всей власти в Китае, стремился получить как можно больше современного оружия и создать базу для борьбы с гоминьданом. Вопросы войны с японскими захватчиками отходили для него на второй план.

За время пребывания в Чунцине

я неоднократно был свидетелем, как срывалась организация взаимодействия регулярных войск КПК и гоминьдановской армии. Ответственными за это были в равной степени и Мао Цзэдун и Чан Кайши.

Весной 1941 г. японцы активизировали свои действия на фронте и в начале мая перешли в наступление в провинции Шаньси. В районе Лояна они в нескольких местах форсировали реку Хуанхэ и угрожали перерезать Лунхайскую железную дорогу.

Немедленно собрался на заседание Военный совет. О японском наступлении подробно доложил начальник оперативного отдела генерального штаба. Я понял, что наступил самый подходящий момент активизировать китайские войска и разгромить наступающие японские части. Я взял слово и предложил простейшую операцию — решение, которое напрашивалось при первом взгляде на карту. Японцы, наступая на юг, подставили свой фланг армейской группе коммунистических войск, а их тыл оставался открытым для удара войсками 2-го района, которым командовал генерал Янь Сишань. Я предложил немедленно провести подготовку этой операции и дать приказ означенным войскам перейти в контрнаступление во фланг и тыл наступающим японцам.

Члены совета и высшие представители военного министерства внимательно, не перебивая, выслушали мои предложения. Я ждал возражений. Возражений не последовало. Да и трудно было что-либо возразить против столь очевидного решения. Но никто не подал голоса и в поддержку. А, казалось бы, наступил как раз тот момент, когда необходимо было в полной мере использовать взаимодействие войск КПК и гоминьдана против агрессора.

Из этого заседания я заключил, что перед членами Военного совета не имело смысла настаивать на осуществлении такой операции, в этом надо было прежде убедить самого Чан Кайши. Должен заметить, что мое предложение дать приказ о выступлении коммунистических войск и войск Янь Сишаня вызвало на лицах членов Военного совета улыбку. Мне дали понять, что такой приказ никто не будет отдавать, ибо он не будет выполнен. Вот тут я и решил спросить у Чжоу Эньлая и Дун Биу, выступят ли они против японцев в сложившейся обстановке.

Чжоу Эньлай и Дун Биу очень охотно и подробно обрисовали мне обстановку в Китае, они оказались целиком в курсе японской политики и военного положения на Дальнем Востоке. Их выкладки о возможных путях японской агрессии могли заинтересовать собеседника, но вопрос о действиях коммунистических войск они наотрез отказались обсуждать со мной как с главным военным советником. Мне удалось добиться от них лишь признания, что время для ударов по японским войскам еще не пришло.

Мои старания объединить действия войск гоминьдана и КПК при наступлении японцев на Лоян не были успешными. Войска КПК, гоминьдана и Янь Сишаня, официально подчиненные Чан Кайши как главнокомандующему, оставались самостоятельными силами, которые при благоприятных оперативных условиях не захотели взаимно поддержать друг друга. Хорошо еще, что японцы не имели достаточных резервов для развития успеха.

* * *

Мао Цзэдун требовал от партии неуклонного осуществления своих теоретических положений о трех фазах войны с Японией, что срывало сотрудничество с гоминьданом в антияпонской войне. Одно из положений, которое легло в основу политики КПК в отношении гоминьдана, было выдвинуто Мао Цзэдуном еще в 1937 г. В докладе на Всекитайской партийной конференции Мао Цзэдун спрашивал:

«Действовать ли так, чтобы пролетариат пошел за буржуазией, или так, чтобы буржуазия пошла за пролетариатом?»

▲ Янь Сишань

▲ Пу И

Сам же он и отвечал на вопрос:

«От того, кто из них будет руководить китайской революцией, зависит ее исход».

Странно было бы ожидать, чтобы коммунисты отказались от ведущей роли в революции. Союз с гоминьданом они расценивали как обусловленный моментом и каждый раз говорили о необходимости отстаивать независимость КПК от гоминьдана. Но ведь «нормальное» течение китайской революции было нарушено нашествием агрессора, который легко мог пойти на соглашение с противниками компартии, с гоминьдановцами, и никогда не пошел бы на соглашение с коммунистами. В этих условиях под удар ставились все цели революции, а не только полная или частичная независимость КПК от гоминьдана в военных действиях против агрессора.

В то время, когда главную опасность для китайской революции представляли японские захватчики, Мао Цзэдун настойчиво проводил в жизнь линию на фактический раскол в стране, а не на единство.

«Отходить от принципиальных позиций партии, — говорил он, — затушевывать ее политическое лицо, приносить интересы рабочих и крестьян в жертву буржуазному реформизму — значит неизбежно привести революцию к поражению».

Можно было подумать, что КПК сумела бы защитить интересы рабочих и крестьян, если бы победили японские захватчики. Руководство КПК не могло не знать, против кого в основном была нацелена репрессивная политика захватчиков на оккупированных территориях. Именно против рабочих, крестьян, патриотически настроенной интеллигенции. Захватчики в то же время охотно вступали в сотрудничество с представителями компрадорской буржуазии и крупными феодалами и находили с ними общий язык. Мао Цзэдун ни на один час не переставал нацеливать КПК на борьбу за власть, не желая подчинить ее политику стратегическим целям победы над фашизмом.

Война — это не лабораторное исследование, в войне очень многое определяют инициатива, смелость, решительность в неожиданных ситуациях, которые невозможно предусмотреть ни в каких расчетах. Даже перевес в силах иногда теряет смысл. Теория «равновесия», которую проповедовал Мао Цзэдун, лишь маскировала его желание отойти от активного отпора агрессору ради накопления сил для борьбы с Чан Кайши. Стратегия Мао отдавала инициативу в руки противника. Ни в коем случае нельзя было ждать, когда образуется так называемое «равновесие сил», его предстояло создавать активными военными действиями. Временное затишье или, точнее говоря, приостановку японского наступления Мао пытался выдать за создавшееся «равновесие сил». На самом деле Япония просто пересматривала свои планы в связи с развитием войны в Европе, выбирая новые объекты для агрессии. Тогда никто не мог сказать точно, куда устремятся агрессоры — на юг или на север, но было ясно, что приостановка крупных наступательных операций в Китае связана лишь с выбором Японией нового главного направления для удара.

Мао в этот момент предпочитал отсиживаться и не предпринимать ничего, чем помогал и Чан Кайши уклоняться от активных военных действий. Один хотел перехитрить другого, в равной степени пренебрегая национальными интересами страны.

Из-за пассивности командования и политических разногласий между КПК и гоминьданом китайские вооруженные силы серьезной опасности для Японии не представляли. Как показали дальнейшие события, все попытки гоминьдановских войск и КПК в 1942 — 1945 гг. отвоевать что-либо из захваченных японцами районов терпели крах. Китайские войска не имели успеха до тех пор, пока в августе 1945 г. союзники по антигитлеровской коалиции, особенно советские вооруженные силы, не нанесли сокрушительного поражения японским захватчикам. Не произойди это, трудно сказать, сколько лет длился бы второй этап войны по «теории» Мао Цзэдуна.

Японское командование, готовясь к дальнейшей агрессии, стремилось экономически, политически и в военном отношении закрепить за собой захваченные районы Китая. В начале июля 1941 г. японское правительство добилось дипломатического признания правительства Вой Цзинвэя Германией и Италией. Японцы оснащали войска Ван Цзинвэя своим оружием и под руководством своих генералов привлекали их к операциям против партизанских районов, которые существовали у них в тылу. Карательные операции японских войск совместно с войсками Ван Цзинвэя в Шаньдуне, Аньхое и Шаньси—Хэбэе нанесли чувствительные потери силам КПК. В результате некоторые партизанские районы были ликвидированы или сокращены.

Таким образом, установки Чан Кайши и Мао Цзэдуна на пассивное ведение войны против японских захватчиков, а также военный конфликт между гоминьданом и КПК дали Японии передышку для подготовки к дальнейшей агрессии. ■

В. БУШИН

ДЕТИ КУКУРУЗНИКА

Бушин Владимир Сергеевич (1924–2019), советский и российский писатель, поэт и публицист, фельетонист, литературный критик, общественный деятель. Член Союза писателей СССР. Участник Великой Отечественной войны. Родился в семье бывшего офицера русской императорской армии и медсестры. Ранние годы детства провел в доме деда — ветерана русско-японской войны, председателя колхоза им. Марата в деревне Рыльское Тульской обл. Осенью 1942 г. ушел на фронт. В составе 103 отдельной роты ВНОС 50-й армии прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга. В 1945 г. в составе 2-й армии 2-го Дальневосточного фронта принимал участие в войне с Японией. На фронте вступил в ВКП(б). В 1951 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького, затем Московский юридический институт. В 1979 г. выступил с острой критикой Государственного издательства художественной литературы за низкое качество подготовки юбилейного полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Будучи коммунистом военного времени, Бушин весьма критически относился к партийной бюрократии и партийным бонзам. В мае 1979 г. он направил письмо в ЦК КПСС по поводу постановления «О дальнейшем улучшении идеологической работы»: «Утверждаю, что никакого улучшения нет. Одна болтовня, общие тупые фразы, угодничество! Чего стоит статья Наровчатова по поводу присвоения пятикратному Герою Советского Союза Брежневу еще и Ленинской премии по литературе за «Малую землю». Пишет, например, «Для настоящего руководителя нет малых дел. Все они, когда он обратит на них внимание, становятся большими». Вот так! Бросил взгляд — и мелкое дело стало большим. Глянул на копейку — и она стала червонцем. Волшебный взор настоящего руководителя. Кончаю так «В постановлении надо было говорить не о «дальнейшем улучшении», а о коренной перестройке идеологической работы. Никакого ответа, как и на письмо о «Малой земле», конечно не жду». На Бушина ополчилась большая часть писательской братии. В 1990 г. он подписал «Письмо семидесяти четырех». В документе поднимались такие острые вопросы советского общества как русофобия, дестабилизация обстановки в стране различными силами, а также реабилитация идеологии сионизма. В своих публикациях Бушин отстаивал идеалы Советского Союза, положительный образ И. В. Сталина. Он подверг ревизии «положительный образ» Солженицына. Как фельетонист Бушин выступал с критикой ряда российских политиков, общественных деятелей, писателей, журналистов, телеведущих. Он оказался представителем той небольшой части советской интеллигенции, которая не сдала свои идеалы и свою страну в перестройку. В постсоветское время Бушин продолжил борьбу против десоветизации как журналист, как литературный критик и как писатель.

Одним из главных обличителей сталинского режима и его «ужасов» был В. Аксенов. Он очень любил рассказывать о гонениях, которым подвергался при Советской власти, называя себя «изгоем» и «парией». Так вот, пария Аксенов беспрепятственно окончил медицинский институт, и не в Казани, не в Рязани, не в Магадане, а в Ленинграде, получил работу, но вскоре перебрался в Москву. Написал одну повесть, другую, третью... Все это, начиная с повести «Коллеги» в 1960 году, лихо печаталось в популярнейшем тогда журнале «Юность» и выходило отдельными изданиями. Все это одни критики и органы печати бурно нахваливали, другие, естественно, — наоборот.

В 60–70-е годы, как, впрочем, и раньше, интерес во всем мире к советской литературе был огромный. Книги Аксенова, как и других советских авторов, хорошо издавались и за границей. Причем не только в Болгарии, Румынии, Польше, ГДР, Венгрии, Югославии, Чехословакии. По одной — две книжечки были изданы и подальше — во Франции, Англии, Испании, Швеции, Греции, даже в Израиле и Японии. Всего за десять лет, с 1965-го по 1975-й, по данным издательства «Книга» (М., 1976), на иностранных языках труды В. Аксенова издавались 41 раз. Нехило! Почти как Леонида Жуховицкого, которого издавали даже на малайском. Надо ли говорить об изданиях на родине? Уж никак она не отстала от малайцев. К тому же на родине сочинения Аксенова не только отменно издавались, но кое-что еще и становилось спектаклями, фильмами.

Своеобразным дополнением к такой жизни этого парии были многочисленные заграничные поездки по линии Союза писателей: во Францию, Японию, даже в Латинскую Америку и т. д. Все это не помешало гневной декламации Аксенова на замшелую тему «железного занавеса», изобретенного-де «вождем бриттов» (Сага, кн. 3, с. 78). Тут уже начинается вранье, заквашенное на невежестве: это выражение почти за тридцать лет до бритта Уинстона встречаем у Василия Розанова:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русской Историей железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора надевать шубы и ехать домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Приведя сей сюжет в своей замечательной книге «Из итогов XX века», вышедшей в ленинградском издательстве «Владимир Даль», Петр Палиевский пишет: «Всматриваясь сейчас в этот образ, можно понять, что в нем нет ничего неверного ни с какой точки зрения. И революция представлена в ее истинном размахе, и действительный конец русской истории как отдельной, собственно русской, и поведение людей, которых Розанов именует публикой... Просто человек оказался достойным собеседником тех, кто «призвал его на пир».

Потом этот образ 25 февраля 1945 года в газете «Дас Райх» использовал Геббельс: если, мол, немцы прекратят сопротивление Красной Армии, то «над Европой опустится железный занавес». Естественно, побывав в волосатых ручках Геббельса, которого всеблагие в собеседники, разумеется, не звали, этот б/у образ потерял свежесть и сильно деформировался. А Черчилль-то, как эстафетную палочку, взял его именно из этих волосатых ручек: «Над Восточной Европой опустился железный занавес...» Сталин сразу разглядел эстафету и через несколько дней после речи вождя бриттов в Фултоне сказал: «Господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей». В первую очередь, конечно, дружка Геббельса. Сочинений Аксенова товарищ Сталин, к сожалению, не читал. А если бы почитал, то, пожалуй, сказал бы: «Никакого занавеса не было, а был фильтр, который пропускал в наше страну Фолкнера, Рокуэлла Кента, Поля Робсона, но задерживал бациллы и спирохеты вроде «Московской саги».

* * *

▲ Черчилль

В декабре 1962 года, только что вернувшись из Японии, молодой пария Аксенов был приглашен в Кремль на встречу руководителей партии и правительства с художественной интеллигенцией. Там он произнес бессмертную речь, опубликованную в свое время в журнале «Известия ЦК КПСС». В частности, с восторгом говорил о том, что «в Японии вызывает изумление и восхищение уровень духовной жизни нашего народа. Многое из нашего рассказа просто поражало японцев... Это для них совершенно необычно, невероятно». И дальше: «Я разговаривал в Японии с одним буржуазным интеллигентом. Он спросил меня, как вы считаете, вот нам здесь кажется, что те перемены, которые происходят в вашей стране (хрущевская «оттепель», поношение Сталина и т. п. — Автор), в какой-то степени сближают вас с нами? Вы как бы идете к нам — к капиталистическому искусству? Я ему ответил: все обстоит как раз наоборот! Это как раз победа нашей идеологии!» Какой? Разумеется, советской, коммунистической. Казалось, сейчас Аксенов начнет читать «Стихи о советском паспорте»:

Читайте! Завидуйте!

Я — гражданин Советского Союза!

Но он, не прибегая к стихам, пошел, однако, еще дальше — уверенно предрек: «Все свидетельствует о том, что они (японцы и весь Запад. — Автор) стихийно, подспудно, но все-таки идут к социализму». Вот ведь как! Ну что за прозорливец этот пария!

Тут же он счел патриотическим долгом внести ясность в вопрос, о котором тогда было много разговоров, — об отношении между поколениями: «Наше единство в нашей марксистской философии, в нашем историческом оптимизме... Некоторые критики говорят, что советская молодежь, молодые советские литераторы не помнят своего родства, что мы отвергаем то, что было завоевано нашими отцами, не уважаем своих отцов, что вообще советская молодежь, дескать, противопоставляет себя отцам. Особенно любит такие выводы на Западе буржуазная реакционная пресса. Мне хочется по этому поводу сказать, что все это неверно, все это глубоко неправильно. Мы уважаем своих отцов и любим своих отцов». Какая мужественная, сокрушительная отповедь реакционерам Запада.

▲ Маяковский

Право, окажись на той встрече Маяковский или Николай Островский, они едва ли могли бы сказать лучше. Но, разумеется, они уж наверняка не позволили бы себе в конце речи такого угодничества, как Аксенов: «Я благодарен партии и лично Никите Сергеевичу за то, что я могу с ним разговаривать, могу с ним советоваться». Видимо, только регламент помешал добавить: «Могу смотреть на него, могу дышать с ним одним воздухом, могу здесь, в Кремле, воспользоваться тем же сортиром, что и дорогой Никита Сергеевич».

Впрочем, что ж, Аксенов был не одинок. Вот что писал Хрущеву дня через три после встречи бурный гений Эрнст Неизвестный: «Дорогой Никита Сергеевич! Я благодарен Вам за отеческую критику. Она помогла мне... Никита Сергеевич, я преклоняюсь перед Вашей человечностью, и мне много хочется писать Вам самых теплых и нежных слов (так в тексте. — Автор). Никита Сергеевич, клянусь Вам и в Вашем лице партии, что буду трудиться не покладая рук». И трудится! И не покладает.

Да что Аксенов, что Неизвестный! Сам твердокаменный титан Солженицын после встречи на Ленинских Горах 8 марта 1963 года, почтительно не решаясь обеспокоить самого

Хрущева, писал, как высшему арбитру — В.С. Лебедеву, его чиновному помощнику. Речь шла о пьесе «Олень и шалашовка», которую решительно отвергал Твардовский: «Я хочу еще раз проверить себя: прав ли я или Александр Трифонович. Если Вы скажете то же, что он, то я немедленно забираю пьесу из театра «Современник»... Мне будет больно, если я в чем-либо поступлю не так, как этого требуют от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев». Ему будет больно... Вот так и в 45-м году говорил он следователю: «Мне будет больно, товарищ Езепов, если я вас огорчу». И закладывал друзей, даже родную жену, будто бы антисоветчиков.

Но вот что рассказывает об Аксенове его великий друг Евгений Евтушенко на страницах «Литгазеты» в ароматной статье «Фехтование с навозной кучей». Оказывается, после участия во встрече с Хрущевым 8 марта 1963 года, на которую попал на сей раз сразу после возвращения из Латинской Америки, он в кругу друзей в каком-то темном подъезде гвоздил высокопоставленных собеседников: «Банда! Эта банда способна на все!» и т. д. Вот так марксистское единство...

А позже в Коктебеле, оказавшись в общественной столовой, изрядно тяпнув и, как видно, не успев закусить, вскочил на стол и с этой горней высоты обрушил свой гнев на простых работяг, стоявших с подносиками в очереди: «Вы знаете, кто вы такие? Вы жалкие рабы!.. Вы рабы!., рабы!., рабы!» Вот вам и дружба поколений... Так он выражал протест против ввода наших войск в Чехословакию. Но при чем здесь посетители дешевых забегаловок? Если ты против, то у тебя, писатель и собеседник властителей, больше ответственности и больше возможности для протеста, чем у рядового работяги.

Евтушенко назвал этот приступ антинародного недержания «речью, достойной Перикла». Но, во-первых, Перикл, когда пил, то хорошо закусывал. Во-вторых, никогда не произносил речей в нетрезвом виде. В-третьих, он уважал своих соотечественников, в том числе демос. А наш оратор в том, что на высоких трибунах лебезил и угодничал перед властью и тут же тайно проклинал и поносил ее, он своей вины и стыда, конечно, — не видит: «Этот социализм нас всех сделал ханжами». Кто же еще!

▲ Хрущев

Словом, несмотря на любовь к Хрущеву, бесчисленные издания-переиздания и бесконечные заграничные вояжи за счет Союза писателей, Аксенов внутренне давно был готов к добровольной депортации за океан. Видно, гены работали. В биографическом словаре говорится:

«В 1979 году Аксенов заявил о выходе из Союза писателей». Что-то не могу я вспомнить о таком лихом заявлении. Где заявил? Кому? И потом: заявление — это одно, а выход — совсем другое. Вот Инна Лиснянская действительно заявила, что выйдет, если будут приняты меры против участников альманаха «Метрополь», и вышла, когда меры были приняты. Позже мне довелось написать письмо секретарю Союза писателей Ю. Верченко с просьбой восстановить Лиснянскую.

Аксенов же, обретя благодаря альманаху, который он и организовал, ореол бунтаря-страдальца, в 1980 году проворно слинял в Америку. Этой автодепортации удивился один только Хрущев, правда, уже на том свете.

А в США этого бунтаря давно поджидали другие бунтари: Солженицын и Неизвестный, вскоре к ним присоединился и Евтушенко. Какой роскошный букет русской культуры образовался за Атлантикой! Вот бы еще Керенского туда. Но, увы, к тому времени он уже по душам беседовал с Хрущевым.

Дальше: «Она открыто демонстрировала свою связь с академиком Сахаровым». Это я оставляю без комментариев, пусть лучше Елена Боннэр прокомментирует.

А кого же именно из угнетенных защищала Ахмадулина? Нам говорят: Солженицына! Может быть, но вот странно. В мае 1967 года 80 писателей (в том числе автор этих строк) обратились в президиум своего IV Съезда с предложением выслушать на Съезде Солженицына (Слово пробивает себе дорогу. М. 1998. С. 217). Ахмадулина широко печатается, была уже пять лет членом Союза, но подписи ее под этим дымившимся тогда письмецом нет. Как же она его защищала? Загадка!

А еще кого защищала бесстрашная Белла? Нам говорят: Аксенова!

Да от кого же надо было защищать милого Васю? Как я уже говорил, он печатался напропалую огромными тиражами, жил весьма небедно и не очень скучно, ушел от молодой прекрасной Киры, примкнул к немолодой, но влекущей Майе, вдове Героя Труда и четырехкратного Сталинского лауреата знаменитого Романа Кармена, у которого, говорят, в США лежали большие деньги за 20-серийную киноэпопею «Неизвестная война» («Великая Отечественная»), созданную под его руководством по заказу компании «Эр тайм интернэшнл». А в 1980 году, заявив, что ему все обрыдло, Аксенов вышел из Союза писателей и с новой перспективной женой укатил в Америку работать профессором. Его там и приняли за профессора, как у нас всех французов, в конце XVIII века бежавших от революции в Россию, принимали за Вольтеров. Но, как пишет живущий в США Александр Межиров:

Решить проблему пуза
Америка смогла —
Но отвернулась Муза
И от нее ушла.

Куда? Да к нам же. Вернее, не ушла, а вернулась в образе Коротича, Евтушенко и Аксенова. Где еще эти люди для решения своих проблем могли найти место более злачное и надежное?

На вопрос, почему он покинул США, которые четверть века так обожал, Аксенов ответил: «По той же причине, по которой уехал из СССР. В США перестали меня издавать. Они вычистили всех авторов, которые приносят им мало доходов». Разумеется, так. Содержать антисоветчиков за свой счет американцам уже не было никакого резона, их бывшие любимцы получили полную свободу деятельности в самой России. Но как характерно! Где издают, где гонорар — там и родина.

Между прочим, именно в те годы я тоже целых восемь лет, с 1979-го по 1987-й, не мог напечатать ни единой новой статьи. И что ж это тогда не втемяшилось мне бежать в Америку или Гваделупу работать профессором?

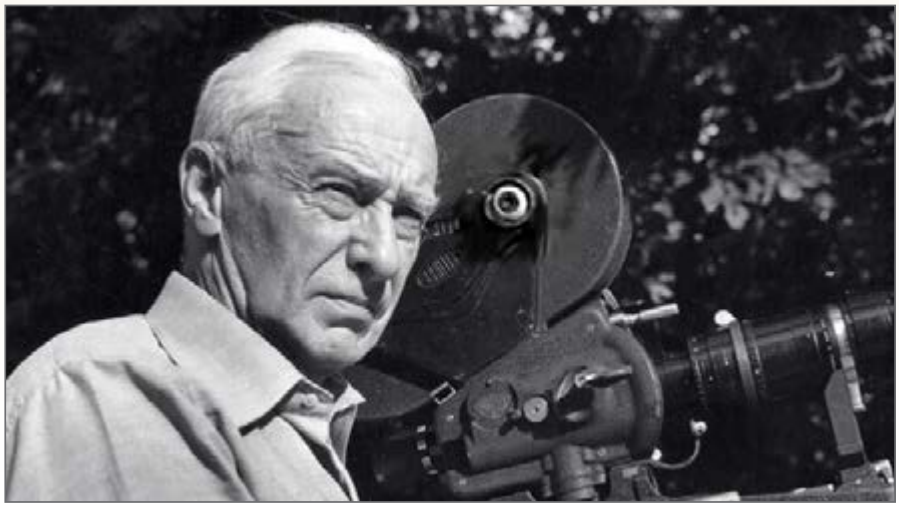
Но не о защите ли Ахмадулиной своих друзей пишет, однако, поэт Салуцкий: она «не без вызова тогдашним порядкам дала своему пуделю кличку Вося — в честь Вовы Войновича и Васи Аксенова»? Да, видимо, это и есть «смелость на грани безумия». Представьте, услышал бы случайно кто-то из КГБ, как Ахмадулина кличет своего пуделька: «Вося! Вося!..» — сразу все понял бы, и загремела бы безумная вольтерьянка бог знает куда...

Битов сказал: «Она всегда умела поставить себя против власти». Но Аксенов его опроверг: «Эту власть она просто не замечала». Действительно, если не замечала, не видела, то как же могла ставить себя против невидимого? Однако факты опровергают и того мэтра и другого: у себя дома Ахмадулина, возможно, и не замечала власть, но как могла не замечать, когда надо было идти получить премию или орденок, бесплатную квартирку, по выражению «ЛР», в «элитном доме» или бесплатную дачу в Переделкино? Я склонен думать, что тогда божественная женщина прекрасно замечала эту ненавистную власть. Может, очень даже замечала! Не исключаю, что назубок знала все нужные имена, адресочки и телефончики. С годами ее известная нам прозорливость юных лет не могла не возрасти.

Много и проникновенно говорили с экрана о мужестве и несгибаемости, явленных Ахмадулиной и ее друзьями в истории с антисоветским альманахом «Метрополь». Среди всего, что там было, сказал один из участников телепередачи, самым антисоветским надо признать рассказ Беллы «Многие собаки и собака»— но антисоветское шило она своими изящными пальчиками так тщательно упрятала в мешке, что его никто не заметил. Тут на помощь самозабвенному бесстрашию пришло уникальное мастерство. Словом, залепила оплеуху, которую никто не ощутил. Нечто вроде пуделя, названного в честь Васи и Вовы с целью сокрушить советскую власть.

Но главное в другом. 23 участника альманаха поклялись на крови, что если хоть один из них будет как-то наказан, то все остальные гордо и гневно покинут Союз писателей, как некогда Короленко и Чехов вышли из Академии наук в знак протеста и товарищества с Горьким, избрание которого в академию великомученик Николай II не утвердил.

И вот Виктора Ерофеева, зачинщика альманаха, и Евгения Попова исключили из Союза. И что ж воспоследовало? «Никто не писал покаянку!»— гордо заявил Попов. Ну, правильно, только исключенные, как признается сам закоперщик, недолго мешкая, обратились в Союз писателей с письменной просьбой вернуть им драгоценное членство. Надо полагать, в их заявлениях были какие-то слова о своей ошибке, какое-то сожаление, печаль, — иначе на что

▲ Роман Кармен

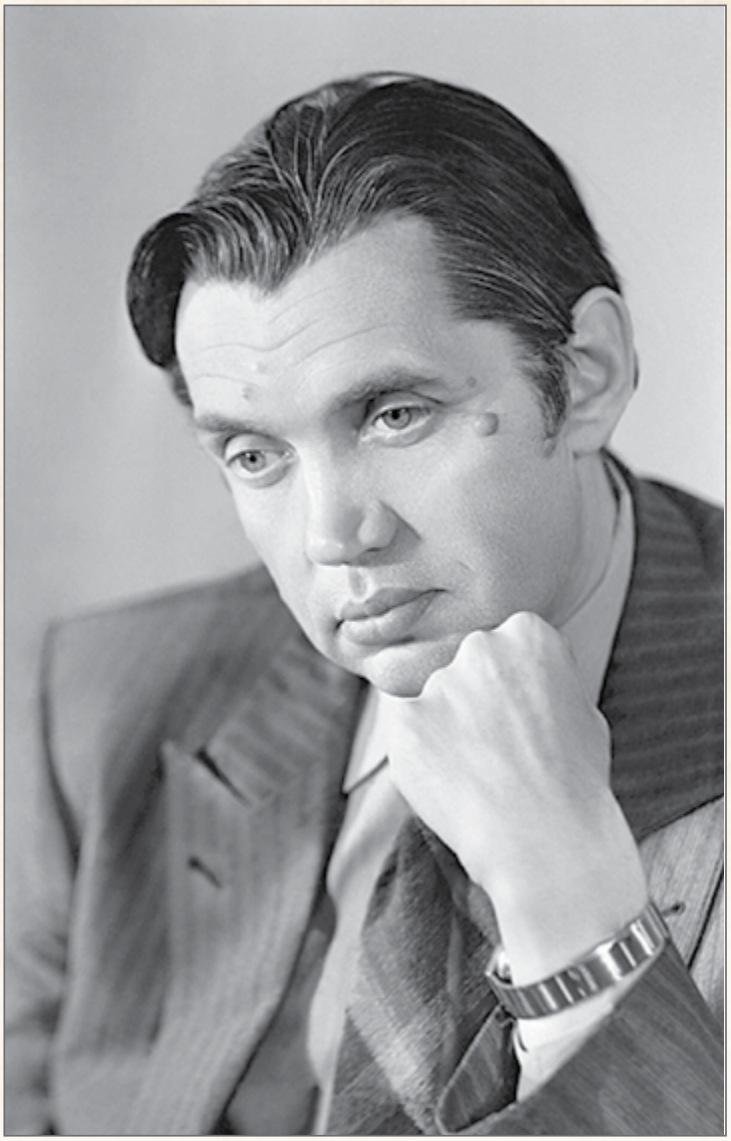
рассчитывать? Увы, ни того ни другого вольнодумца тогда не восстановили. Ерофеев уверяет: только потому, что накануне начальник Генерального штаба позвонил Феликсу Кузнецову и доложил: «Завтра наши войска вступят в Афганистан». «Ах, так! — подумал Феликс, — чего ж теперь стесняться с этой литературной шпаной!» И не восстановили.

И что же остальные 21? Хлопнули они дубовой дверью Союза? Ерофеев рассказывает об этом: «Помня, как в разгар драки (ну уж — драка! — В. Б.) Андрей Вознесенский (тоже участник альманаха) растворился в экспедиции на Северный полюс, мы с Поповым, на всякий случай, призвали их в дружеском письме, написанном мной с очень легкой дозой иронии, оставаться в Союзе. Битов, Искандер и Ахмадулина осмотрительно послушались». Писать второе письмо или уговаривать еще и устно не потребовалось. Послушались и все остальные, кроме Семена Липкина и его жены Инны Лиснянской. Правда, пишет Ерофеев, «Аксенов тоже вышел... Вскоре он получил приглашение от американского университета и красиво улетел первым классом «Эр Франс» сначала в Париж». Больше Чеховых и Короленок среди «метропольцев» не обнаружилось...

* * *

Но пение псалмов продолжается. Нам говорят: и вот это небесное создание всю жизнь с юных лет подвергалось гонениям, преследованиям, экзекуциям. Как так? За что? Кто посмел? «В 1959 году за защиту Пастернака ее выгнали из института». Странно. Ведь история с Пастернаком была раньше. «Выгнали под предлогом неуспеваемости по главному предмету — истории марксизма-ленинизма». Ну, это еще удивительней. Во-первых, такого предмета — «истории марксизма-ленинизма» — не было. Во-вторых, марксизм-ленинизм изучали на первом курсе, а в 1959 году Одинокая Флейта была уже на четвертом, и никакого марксизма там не было.

А если ее и исключали из института, то очень быстро вернули обратно: она окончила его в 1960 году, когда ей было, как и полагается, 23 года,

▲ Рождественский

и даже получила «красный диплом». О чем же звон? Да и мало ли кого исключали на Руси! Можно выстроить длинный ряд больших людей от Белинского до Ленина, но никто из них не изображал себя жертвой истории марксизма и не канючил по этому поводу, тем более — спустя полвека по телевидению. Однако точно ли, что при таком конфликте с «главным предметом» ей выдали именно красный диплом? Сомнительно...

Но слушайте еще: «И она вошла в нерекомендованные черные списки!.. В издательствах рассыпали ее уже набранные книги!» Хорош был где-то закон, по которому лжецам отрезали язык. Ну назови, трепло, хоть одно издательство, хоть одну рассыпанную книгу, хоть один выброшенный стишок в газете.

А Войнович гневно воскликнул: «Однажды в Иваново на вокзале Ахмадулина была арестована!» Да за что же — «Архипелаг ГУЛАГ» вслух читала на платформе? Или шумела «Верните в Союз писателей Лиснянскую!» Нет, оказывается, была в нетрезвом виде. Ах, Войнович, как рискованно об этом вспоминать! Ведь кое-кто еще помнит, какова была порой Белла Ахатовна, оказавшись в помянутом выше экстремальном виде. И не арест это называется, а всего лишь задержание, к тому же весьма кратковременное. Различие между

этими словами и понятиями следует знать писателю, тем паче такому, которого КГБ запугивал папиросами «Беломорканал» и тщетно травил в «Метрополе» зеленым чаем крепкой заварки и который многие годы ожидал задержания, потом — ареста, но, так и не дождавшись, разочарованно покинул любимую родину.

Но что там цензура! Даже «для упоминания имени Ахмадулиной требовалось мужество». И на это мог отважиться только такой бесстрашный леопард, как Эльдар Рязанов в фильме «С легким паром». Мало того, оказывается, «Союз писателей предложил исключить Ахмадулину не только из своего Союза, но и из Советского». Это кто ж так зверствовал — уж не Михалков ли, не Бондарев ли?..

Юрий Нагибин в дневнике, вышедшем уже после его смерти, записал 3 сентября 1973 года весьма пикантную сцену. В ресторане ЦДЛ его пригласили за свой стол Евтушенко, Ахмадулина и ее новый «малолетний супруг» Эльдар, двадцатилетний сын известного балкарского поэта Кайсына Кулиева (ей шел уже 37-й). Нагибин подошел, сел. Таким образом за одним столом вокруг Ахмадулиной сконцентрировались сразу три ее мужа — позавчерашний, вчерашний и нынешний. Отменно! Вот бы еще сюда завтрашнего да послезавтрашнего...

«Ахмадулина решила отметить мое появление тостом дружбы, — продолжал Нагибин.

— Господа! — воскликнула она с бокалом в руке. — Я пью за Юру!..

— Сядь, Беллочка. Я не люблю, когда ты стоишь, — прервал Евтушенко, испуганный, что Ахмадулина скажет что-то хорошее обо мне...

— Нет, Женя, я должна стоять, когда говорю тост. Да, Юра, о тебе все говорят: халтурщик, киношник. А я говорю: нет, вы не знаете Юры, он — прекрасен!».

А прекрасный Юра потом написал: «Ахмадулина недобра, коварна, мстительна и совсем не сентиментальна, хотя великолепно умеет играть беззащитную растроганность. Актриса она блестящая, куда выше, чем Женька, хотя и он лицедей не из последних. Белла холодна, как лед, она никого не любит, кроме — не себя даже — а производимого ею впечатления. Они оба с Женей — на вынос, никакой серьезной и сосредоточенной внутренней жизни. Я долго думал, что в Жене есть какая-то доброта при всей его самовлюбленности, позерстве, ломании, тщеславии. Какое там! Он весь пропитан злобой. С какой низкой яростью говорил он о добродушном Роберте Рождественском. Он и Вознесенского ненавидит... Жуткое впечатление осталось у меня от этого застолья».

А Борис Мессерер уверял в телепередаче: «Необходимость верности чувству правды — главная черта Беллы». То же и Войнович: «Она мгновенно чувствует любую фальшь»...

* * *

В одном интервью Ахмадулина говорила о своем стихотворении «Маленький самолет»: «Я сочиняю даже во сне. Во сне родилось стихотворение «Маленький самолет», совершенно безгрешное... Тогда толком и не знала, что же мне приснилось. Сейчас я начинаю понимать этот сон: начало войны, бомбежка, но сердце ребенка все же сильнее войн, жалостливее и сострадательнее. Когда люди закричали: «Ура! Подбили!», у меня сжалось все внутри. Это было сильное впечатление. Поэтому и финал стихотворения был таким: «Пускай мой добрый странный сон хранит тебя, о самолетик!». Ей нравится, видите ли, в данной ситуации роль ангела-хранителя немецкого бомбовоза.

Ну, ребенок есть ребенок. Ахмадулиной шел пятый год. Над Москвой, большей частью на подступах к ней было сбито 1392 немецких самолета (ВОВ, энциклопедия. М., 1985. С. 589). И девочка, если бы видела, 1392 раза могла бы переживать не за родной город, не за разрушенные и сгоревшие дома, не за погибших сограждан (а их было около 2 тысяч), а за все эти бедные самолетики, так ловко бросающие бомбочки... Да, ребенок есть ребенок, существо безгрешное, но стихотворение-то написала взрослая женщина, знающая, что такое эти самолеты. Да, над снами не властны и взрослые, но в их власти рассказывать свои сны другим или нет, писать по их «мотивам» сочинения или не писать, печатать то, что написано во сне, или не печатать. Взрослые люди, а уж тем более писатели, да еще «небесные гости» должны понимать, что бывают сны, как и некоторые факты, реальные знания, которыми не следует делиться ни с кем, их можно только унести с собой в могилу.

Откровенно говоря, мне сомнителен этот рассказ о детских чувствах. Как могла Ахмадулина видеть немецкий самолет? Семья жила на улице Разина, в центре Москвы. И как могло случиться, что во время налета ее мать, майор НКВД, и отец, высокопоставленный чиновник, не укрылись с дочкой в бомбоубежище или в метро, которое недалеко? Я помню немецкие налеты. Было всем известно, куда попадали бомбы — в здание ЦК, в Большой театр, в Вахтанговский, в писательский дом, что в Лаврушинском переулке (была повреждена квартира Ильи Эренбурга), в Щербаковский универмаг, в дом, что в Телеграфном переулке, где жила трехлетняя девочка, через семнадцать лет ставшая моей женой... Но я ни разу не видел, как сбивали немцев, должно быть, потому что это происходило, повторю, главным образом на западных подступах к Москве, а я жил на восточной окраине — в Измайлове. К тому же ведь за все время в налетах участвовало около 8 тысяч машин, а прорвались к городу только 229, т. е. 2,8 %. Однако чего в жизни не бывает. Допустим, Ахмадулина все-таки видела. Но и тогда мне сомнительно: ведь дети очень чутко улавливают и поддаются состоянию взрослых — радости, страху, панике... А, вот она одна даже в той ситуации не поддалась и даже чувствовала нечто противоположное всем? Очень сомнительно.

Тогда зачем же написала стишок и с какой целью, спустя много лет, стала разъяснять его случайному незнакомому корреспонденту. А вот именно затем: посмотрите,

▲ Расстрел Белого дома в 1993 году

какая я необыкновенная, своеобычная, какое я многогранное чудо, над моим именем будут плакать... Зачем еще можно так растелешаться?

* * *

Этот «Маленький самолет» Ахмадулина посвятила своему другу Окуджаве, а тот ей — «Надежды маленький оркестрик». Обменялись маленькими презентами. И, выходит, поэтесса угодила в точку. Ведь Окуджава говорил: «На войне я был фашистом, потому что защищал Сталина».

А Виктор Ерофеев рассказывает, что, когда Сталин умер, Окуджава сказал: «Это был мой самый счастливый день в жизни». Позже счастливым днем его жизни был день расстрела Дома Советов. Корреспонденту газеты «Подмосковье» он сказал: «Я смотрел это как финал детективного фильма — с наслаждением».

В свою очередь, Ерофеев признается: «Я пришел в полный восторг от хунты Пиночета. Мне было приятно, что президента Альенде убили. Мне было радостно...» По свидетельству поэта Бориса Куликова, Виктор Астафьев однажды сказал: «День смерти Шолохова будет счастливейшим для меня днем». Вот она, эстафета демократии и либерализма...

А как на фронте мы встретили известие о смерти Гитлера, Геббельса и Гиммлера? Да никак. По воспоминаниям маршала Жукова, когда он сообщил Сталину о самоубийстве Гитлера, Сталин сказал: «Доигрался, подлец». Только и всего, никаких восторгов. Таким и было наше общее отношение. Как позже — и к известию о казни большинства подсудимых на Нюрнбергском процессе. Как и недавно — при известии о смерти Ельцина, которого мы ненавидели сильней, чем Гитлера. А тут — Альенде ничего не сделал плохого ни лично Ерофееву, ни его стране, Ерофеев и не знает его, но — ликует при известии о его убийстве! Таковы светочи демократии...

И ведь это еще не все. 3 октября 1993 года Ельцин расстрелял народ у телецентра в Останкино, 4-го — у Дома Советов и в самом Доме — многие сотни убитых, а 5-го в «Известиях» под заголовком «Писатели требуют от правительства решительных действий» было напечатано письмо 42 в основном московских и ленинградских писателей, получившее в литературном обиходе название «Раздавите гадину»! Его авторы со страниц одной из самых многотиражных газет взывали к властям: «Хватит говорить! Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей демократии?.. Хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии зависела от кучки идеологических пройдох и политических авантюристов».

И далее перечислялись меры, которые президент Ельцин и правительство должны предпринять незамедлительно. Тут преобладал лексикон святой инквизиции: «отстранить»... «приостановить»... «признать нелегитимным»... «закрыть»... «распустить»... «выявить и разогнать» и т. п. В частности, гуманисты и либералы требовали во имя демократии закрыть газеты «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», «День»...

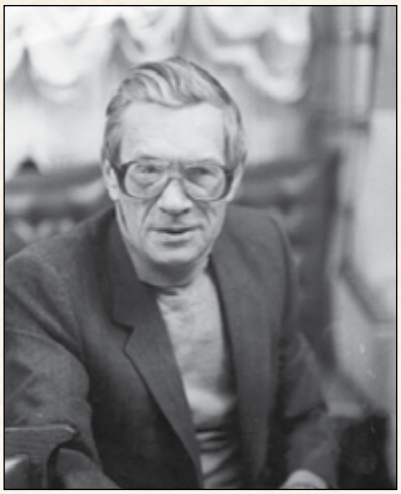
И под этим текстом, Анатолий Салуцкий, хрустальным перышком изящно вывела свою подпись и твоя благополучно здравствующая великая дачная соседка, сочинительница стишка «Маленький самолет», ей было уже не пять годочков, а подбиралось под шестьдесят. Тут расписался и автор трогательной песенки про «надежды маленький оркестрик под управлением любви»...

И еще сорок подписей: «А. Адамович, А. Ананьев, А. Анфиногенов, Г. Бакланов, З. Балаян, Т. Бек, А. Борщаговский, Василь Быков, Борис Васильев, А. Гельман (отец Марата Гельмана), Д. Гранин, Ю. Давыдов, Д. Данин, А. Дементьев, М. Дудин, пародист А. Иванов, Э. Иодковский, Р. Казакова, С. Каледин, Ю. Карякин, Я. Костюковский, Т. Кузовлева, А. Кушнер, Ю. Левитанский, Д. Лихачев, Ю. Нагибин, А. Нуйкин, В. Оскоцкий, Г. Поженян, А. Приставкин, Л. Разгон, А. Рекемчук, Р. Рождественский, Владимир Савельев, В. Селюнин, Ю. Черниченко, А. Чернов, М. Чудакова, М. Чулаки, Виктор Астафьев».

Почти все они «дети XX съезда», дети Кукурузника. Какая «смелость на грани безумия»!.. ■

ВАДИМ КОЖИНОВ

ЛАКЕЙСТВО ИНТЕЛИГЕНЦИИ

Кожинов Вадим Валерианович (1930–2001), советский и российский литературовед. литературный критик, публицист, общественный деятель. Родился в Москве 5 июля 1930 г. в семье служащего. В 1948 г., после окончания средней школы, поступил в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова на философский факультет, который окончил в 1954 г. Учился в аспирантуре Института мировой литературы Академии Наук СССР. С 1957 г. работал сотрудником отдела теории литературы в этом институте. В 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию «Становление романа в европейской литературе (XVI-XVII вв.)». Автор более 30 книг. Основные работы посвящены вопросам теории литературы, русской литературе XIX в., современному литературному процессу, истории России: «От Византии до Орды», «История русского Слова», «Коренные различия России и Запада. Идея против закона», «Великая война России. Почему не победим русский народ?», «Пятый пункт. Межнациональные противоречия в России», «Уроки русского. Роковые силы» и др. Собрал и опубликовал несколько антологий, среди которых «Поэты тютчевской плеяды», «Страницы современной лирики». Собрал и напечатал более десятка сборников русских поэтов. Один из идейных лидеров зародившегося во второй половине 1960-х гг. «Нового русского патриотизма». Манифестом этого можно считать создание в 1963 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), получившего в 1965 г. официальный статус, послужившего пробуждением и укреплением русского самосознания в тогдашней России.

В полне понятно и по-своему «оправдано» присущее в 1930-х годах людям связывание всего происходившего с именем Сталина, ибо порожденные объективно-историческим ходом вещей «повороты» (тот же поворот к патриотизму), так или иначе «санкционировались» генсеком и воспринимались под знаком его имени. С конца 1920-х годов многие люди воспринимали движение истории «под знаком Сталина», и есть существенный смысл в анализе изменений в «оценке» генсека, совершившихся за этот период в сознании, например, писателей и поэтов.

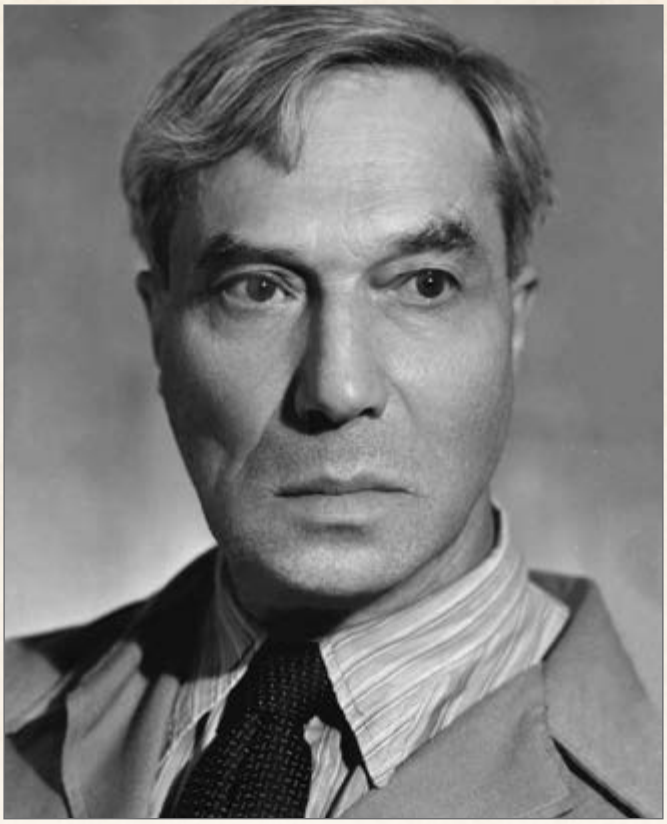
Сейчас, скажем, широко известно, что Осип Мандельштам в ноябре 1933 года написал предельно резкие стихи о Сталине, а всего через три с небольшим года, 18 января 1937-го, начал работу над стихотворением, являющим собой восторженную «оду» Сталину...

Об этом — поразительном в глазах многих нынешних авторов — изменении в сознании поэта есть уже целая литература, но почти вся она крайне поверхностна. Так, почти не учитывается, что это изменение было типичным для наиболее значительных писателей 1930-х годов — писателей, в чьем творчестве воплощалось служение России, а не прислуживание — подчас прямо-таки лакейское — господствующей в данный момент политической тенденции. Слово «лакейское» здесь вполне уместно; М. М. Бахтин еще в 1920-х годах говорил о «лакействе» как об определяющем качестве сочинений уже знаменитого тогда Ильи Эренбурга.

«Лакей», помимо прочего, всегда готов превзойти своего «хозяина» в агрессивности по отношению к врагам. И. Эренбург писал 24 июля 1942 года: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье.

▲ Маршак

▲ Пастернак

Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать...» и т. д. И даже находящиеся вдали от фронта немки, утверждает Илья Григорьевич, — не женщины: «Можно ли назвать женщинами этих мерзких самок?» Между тем ранее, 23 февраля 1942 года, Сталин в своем общеизвестном приказе отверг мнение, «что советские люди ненавидят немцев именно как немцев, что Красная Армия уничтожает немецких солдат именно как немцев, из-за ненависти ко всему немецкому... Это, конечно... неумная клевета...» и т. д.

Кто-либо, возможно, скажет, что Сталин лицемерил, ибо цитированные статьи Эренбурга все же публиковались. Однако после того, как наши войска заняли значительную часть Германии и убеждение, что «немцы — не люди», могло привести, а подчас и приводило к самым прискорбным последствиям, поток регулярных статей Эренбурга прекратился. Между 11 апреля и 10 мая 1945 года они не публиковались, а 18 апреля в «Правде» появилась директива начальника Агитпропа ЦК Г. Ф. Александрова под деликатным названием «Товарищ Эренбург упрощает». Позднее Илья Григорьевич с негодованием писал в своих мемуарах о пережитых им тогда «многих трудных часах», но, право же, все происшедшее было совершенно разумным...

Целесообразно сказать и об «экстремизме» другой знаменитости — Корнея Чуковского. Читая его изданный в 1994 году «Дневник. 1930–1969», многие его поклонники были шокированы запечатленным на его страницах безудержным воспеванием Сталина, которое прекратилось только после «партийных» обличений генсека. Но и удивление, и недовольство подобными записями в дневнике Чуковского, по сути дела, нелепы. Они обусловлены внедренным за последние десятилетия в головы многих и многих людей ложным представлением, согласно которому все их «любимые» писатели 1920–1930-х годов якобы были настроены антисталински и даже антисоветски, и если и заявляли публично нечто иное, то только из опасения репрессий и т. п.

Из того же дневника Чуковского ясно, что такие будто бы оппозиционные вождю (и основам СССР вообще) люди, как Борис Пастернак и Юрий Тынянов, полностью разделяли его преклонение перед Сталиным. Нетрудно показать, что то же самое было присуще Бабелю, Зощенко, Вс. Иванову, Маршаку, Олеше, Паустовскому, Шкловскому и другим знаменитым делегатам писательского съезда 1934 года.

Словом, восхищение Корнея Чуковского Сталиным никак не выделяет его из рядов его коллег. И действительно удивиться можно другому — тому, что этот прославленный «друг детей» сумел далеко «превзойти» вождя в своей «революционной» агрессивности.

В мае 1943 года он отправил следующее (недавно впервые опубликованное) послание:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

▲ Бабель

▲ Эренбург

После долгих колебаний я наконец-то решил написать Вам это письмо. Его тема — советские дети».

Стоило бы привести сие письмо целиком, но оно довольно пространное, и потому ограничусь отдельными цитатами из него. Отметив, что большинство советских детей его удовлетворяет («уже одно движение тимуровцев… является великим триумфом всей нашей воспитательной системы»), Корней Иванович сообщает вождю, что, вместе с тем, есть и *«обширная группа детей, моральное разложение которых внушает мне большую тревогу… Около месяца назад в Машковом переулке у меня на глазах был задержан карманный вор», который «до сих пор как ни в чем не бывало учится в 613-й школе… во втором классе… Фамилия этого школьника Шагай… РайОНО возражает против его исключения… мне известно большое количество школ, где имеются социально опасные дети, которых необходимо оттуда изъять… Вот, например, 135-я школа Советского района… в классе 3 «В» есть четверка — Валя Царицын, Юра Хромов, Миша Шаховцев, Апрелов, — представляющая резкий контраст со всем остальным коллективом… Сережа Королев, ученик 1-го класса «В», занимался карманными кражами в кинотеатре «Новости дня»… я видел 10-летних мальчишек, которые бросали пригоршни пыли в глаза обезьянкам (в зоопарке. — В. К.)… Мне рассказывали достоверные люди о школьниках, которые во время детского спектакля, воспользовавшись темнотою зрительного зала, стали стрелять из рогаток в актеров…*

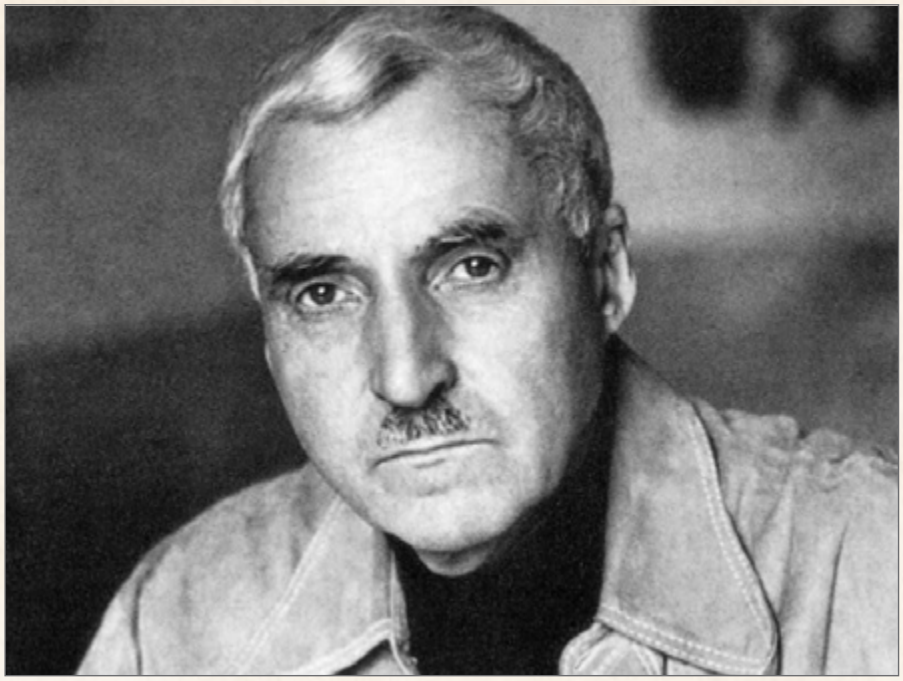
Для их перевоспитания, — выдвигает свою «программу» Чуковский, — *необходимо раньше всего основать возможно больше трудколоний с суровым военным режимом… Основное занятие колоний — земледельческий труд. Во главе каждой колонии нужно поставить военного. Для управления труд колониями должно быть создано особое ведомство… При наличии этих колоний можно произвести тщательную чистку каждой школы: изъять оттуда всех социально опасных детей…*

Прежде чем я позволил себе обратиться к Вам с этим письмом, — заключает «друг детей», — *я обращался в разные инстанции, но решительно ничего не добился… Я не сомневаюсь, что Вы, при всех Ваших титанически-огромных трудах, незамедлительно примете мудрые меры…*

С глубоким почитанием писатель К. Чуковский».

Во многих нынешних сочинениях о сталинских временах с предельным негодованием говорится о том, что имел место указ, допускавший изоляцию «социальноопасных» детей, начиная с 12-летнего возраста. Но «друг детей» Чуковский не мог примириться с тем, что на свободе остаются «социально опасные» первоклассники — то есть 7–8-летние!..

Ясно, что для сочинения подобного письма необходимо было

▲ Симонов

вытравить в себе духовные основы русской литературы. И Чуковского, и других авторов этого круга нельзя считать русскими писателями; речь может идти о «революционных», «интернациональных», в конце концов, «нигилистических», но только не о писателях, порожденных тысячелетней Россией.

* * *

После смерти вождя его принялись превращать из героя в столь же всесильного антигероя, что продолжается и до сего дня и имеет прискорбные последствия.

К. Симонов вспоминал позднее крайнее негодование, вызванное на верхах его опубликованной 19 марта 1953 года в редактируемой им «Литературной газете» статьей, согласно которой «самая важная» задача литературы состояла «в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть... образ величайшего гения всех времен и народов бессмертного Сталина». За эту статью Симонов, по его рассказу, едва не был тут же снят со своего поста; несколько позже, в августе 1953-го, его действительно отправили в отставку.

Александр Твардовский вряд ли не был осведомлен о случившемся с Симоновым, но, тем не менее, в следующем, 1954 году, в мартовском номере (то есть к первой годовщине смерти Сталина) возглавляемого им журнала «Новый мир» опубликовал новый фрагмент из своей, сочинявшейся с 1950 года, поэмы «За далью даль», в котором, по сути дела, выступил против линии тогдашней верховной власти:

...И все одной причастны славе,
Мы были сердцем с ним в Кремле.
Тут ни убавить, ни прибавить
Так это было на земле.
И пусть тех дней минувших память
Запечатлела нам черты
Его нелегкой временами,
Крутой и властной правоты.
Всего иного, может, боле
Была нам в жизни дорога
Та правота его и воля,
Когда под танками врага
Земля родимая гудела,
Неся огня ревущий вал,
Когда всей жизни нашей дело
Он правым коротко назвал.
Ему, кто вел нас в бой и ведал,
Какими быть грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам.
Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле.

Здесь нельзя не сослаться на С. Г. Кара-Мурзу, глубоко анализирующего два вида цивилизации: «Если сказать коротко, то страна может устроить жизнь своего народа как семью — или как рынок. Что лучше — дело вкуса, спорить бесполезно. Ведь в семье бывает отец-тиран... Какие уж тут права человека. На рынке же все свободны, никто ничем никому не обязан...» Вовсе не утверждая, что «семья» — нечто «лучшее», чем «рынок», Сергей Георгиевич очень убедительно доказывает, что наша страна просто не могла не быть «семьей»...

Следует отметить, что цитированные только что строки Твардовский переиздавал до самой своей кончины (последнее прижизненное издание вышло в 1970 году). Убеждения поэта, конечно, развивались, но не представляли собой легко заменяемую в зависимости от изменения идеологического курса «позицию»...

При Хрущеве же, с начала июня 1954-го, была развернута громкая критическая кампания против Твардовского, и в августе он был снят с поста главного редактора «Нового мира». Правда, публично осуждали Твардовского не за его цитированные строфы, а за появившиеся в редактируемом им журнале «вольнодумные» в том или ином отношении статьи В. Померанцева (декабрьский номер 1953-го), М. Лифшица (февральский 1954-го) и др., подвергавшиеся критике в печати с самого начала 1954 года. Но есть достоверные основания полагать, что «сталинские» стихи поэта сыграли главную роль в его отставке. Дело в том, что «Новый мир» уже подвергался не менее резкой критике ранее, в феврале — марте 1953 года, за публикацию также отмеченных «вольнодумством» романа В. Гроссмана «За правое дело», повести Э. Казакевича «Сердце друга», статей А. Гурвича, В. Огнева и т. п., но вопрос об отставке Твардовского тогда даже не возникал. А «оправдание» Сталина в его стихах затрагивало в тот момент насущнейшие интересы самых верхов

власти, и Твардовский был в начале августа 1954 года отстранен и заменен… Симоновым, который к тому моменту «исправился».

Вдумываясь в эти факты, можно многое понять в тогдашней ситуации. Твардовский и Симонов принадлежали, в общем, к одному поколению, вступившему в литературу в начальный период безраздельной власти Сталина, и являли собой не только литературных деятелей, были причастны идеологии и даже политике (оба они, кстати, побывали в составе ЦК КПСС), то есть являлись в прямом смысле слова деятелями истории страны. Но между ними было коренное различие, которое, правда, не выражалось резко и открыто. Твардовский, в конечном счете, исходил из своих собственных глубоких убеждений, а Симонов — из господствующей в данный момент идеологии; в его сочинениях (а также поступках) выражалось не убеждение, а та или иная позиция, которая менялась в зависимости от изменений в господствующей идеологии.

Автор этого сочинения писал еще в 1966 году о публиковавшейся с 1943-го по 1964 год серии симоновских романов об Отечественной войне, что «каждый новый роман критикует те представления о войне… которые выразились так или иначе в предыдущем романе самого автора… Он изменяется вместе с изменением общественного мнения, и… становится на новую позицию». И я упрекал тогдашнюю литературную критику в том, что она «нередко выдвигает этого рода произведения на первый план, видит в них чуть ли не основу литературы. Правда, лет через десять, а то и через пять, критика зачастую даже и не помнит тех произведений, которые были ее кумирами…».

▲ Твардовский

* * *

Ярким образчиком лакейства интеллигенции может служить фигура Евгения Евтушенко, достигшего чрезвычайной популярности, в силу чего он стал достаточно значительным явлением самой истории 1950–1970 годов (другой вопрос — как оценивать сие явление), хотя никак нельзя причислить сочиненное им к значительным явлениям поэзии.

Недавно был опубликован посвященный Евтушенко раздел из «Книги воспоминаний и размышлений» Станислава Куняева. Он процитировал евтушенковские строки, восхваляющие Сталина и выделившиеся из многоголосого хора своей «задушевностью», благодаря чему их автор был за свою первую же, вышедшую в 1952 году, тонкую книжку немедля принят в члены Союза писателей СССР, минуя тогдашнюю ступень «кандидата в члены СП», и стал, не имея аттестата зрелости (уникальный случай!), студентом Литературного института СП. Стоит привести его прямо-таки «интимные» строчки о Сталине:

…В бессонной ночной тишине
Он думает о стране, о мире,
Он думает обо мне.
Подходит к окну. Любуясь солнцем,
Тепло улыбается он.
А я засыпаю, и мне приснится
Самый хороший сон.

Итак, даже хорошими снами мы обязаны вождю! Ныне Евтушенко «оправдывается»: «Я очень хорошо усвоил: чтобы стихи прошли (то есть могли в 1949–1952 годах попасть в печать. — В. К.), в них должны быть строчки о Сталине». Но это беспардонная ложь; так, истинный поэт Владимир Соколов, начавший печататься почти одновременно с Евтушенко, в 1948-м, о Сталине не писал. И не потому, что был «антисталинистом», а не желая добиваться «успеха» не имеющими отношения к творчеству «достижениями». Позволю себе сослаться и на свой литературный путь: выступая в печати с 1946 года, я при жизни Сталина ни разу не упомянул о нем, и опять-таки не потому, что в те времена «от-

рицал» вождя, но потому, что считал воспевание его чем-то недостойным...

Евтушенко, «задушевно» превознося Сталина, конечно же, сознавал, что это способ добиться громкого «успеха» без подлинного творческого труда... И он сразу же обрел статус «ведущего молодого поэта», начал выступать «в одном ряду» с тогдашними «мэтрами», например, на считавшейся наиважнейшей дискуссии о Маяковском в январе 1953 года, где ему предоставили слово единственному из его поколения, стихи его стали публиковаться в газетах рядом со стихами самых «маститых» (разумеется, с официальной точки зрения) и т. д. В частности, будучи «незаконно» (без аттестата) принят в Литинститут, он не счел нужным в нем учиться, ибо сам уже стал, в сущности, «маститым».

Могут напомнить, что до Евтушенко многие подлинно значительные поэты воспевали Сталина: в 1935 году это сделал (кстати, первым из русских поэтов) Пастернак, в 1945-м — Исаковский, в 1949-м — Твардовский. Но тут есть принципиальное различие, ибо эти поэты уже имели к тому моменту бесспорное признание, достигнутое на пути творчества. Совсем иное дело превознесение вождя автором, еще ровно ничего не сотворившим: такой «дебют» затруднял или вообще преграждал путь к подлинному творчеству...

Выше шла речь о том, что Твардовский и после «разоблачения» Сталина, не опасаясь гонений, воплощал в поэзии свои убеждения, и это обнажает все ничтожество Евтушенко, ибо, когда он позднее стал самым резким образом «разоблачать» Сталина, это было столь же конъюнктурным делом (кстати, тот же Владимир Соколов этим не занимался), как и прежние его восхваления. Вернее, даже более недостойным, ибо Евтушенко теперь добивался нового успеха, отвергая как раз то, что обеспечило ему прежний! Сейчас Евтушенко рассказывает о том, как его «антисталинские» стишки (определение вполне адекватное, ибо с точки зрения художественной ценности они ничтожны) были напечатаны в главном органе ЦК КПСС «Правда» по распоряжению самого Хрущева. Привыкнув к своему «пути», он попросту не отдает себе отчета в том, что хвастаться таким оборотом дела по меньшей мере неприлично. Особенно если учесть, что в своем мемуарном сочинении он с совсем уж наглой лживостью заявляет: «Я написал и чудом пробил сквозь цензуру «Наследников Сталина» (Выделено мною. — В. К.). Ведь это все равно что похвальба зайца, победившего-де лису, ибо на его стороне выступил медведь!

В 1965 году я выступал на дискуссии о современной поэзии, стенограмма которой — правда, к сожалению, сильно урезанная — была опубликована в начале 1966 года. В частности, при публикации выбросили мои слова о том, что Евтушенко, несмотря на ту или иную критику в его адрес, являет собой «официального певца хрущевского режима».

Из зала, в котором я выступал, мне тут же задали вопрос:

— А кто же тогда Николай Грибачев?

— Разумеется, оппозиционный режиму автор, — ответил я.

В опубликованном тексте остался лишь намек (но все же достаточно прозрачный) на это мое суждение:

«История литературы, я уверен, «снимет» с Евтушенко и его соратников надуманное обвинение в том, что в их стихах были некие грубые «ошибки». Они выразили именно то, что нужно было выразить во второй половине пятидесятых — первой половине шестидесятых годов».

Имелось в виду: нужно власти. И Евтушенко был определен в моем опубликованном тексте как представитель «легкой поэзии», коренным образом отличающейся от «серьезной» — то есть истинной поэзии, к которой в евтушенковском поколении я причислил тогда Владимира Соколова, Николая Рубцова, Анатолия Передреева. Подлинная поэзия «рождается, когда слово становится как бы поведением цельной человеческой личности, узнавшей и оберегающей свою цельность».

Возвращаясь к тому, с чего я начал, следует сделать вывод, что Евтушенко не смог или не захотел сберечь в себе «творческое поведение», соблазнившись «легкими» успехами; это в равной мере выразилось и в его восхвалении Сталина, и в позднейших проклятиях в его адрес, причем второе, в сущности, вытекало из первого: добившись один раз легкого успеха, Евтушенко был вполне готов сделать то же самое еще раз. ■

▲ Евтушенко